

ОРК

М 608_и

I-XX

2100844

Милоков П. Н.

История второй
русской революции
т. I.

2100844

9(c)1
M608

П. Н. МИЛЮКОВЪ

ИСТОРИЯ

ВТОРОЙ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

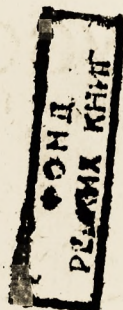
ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

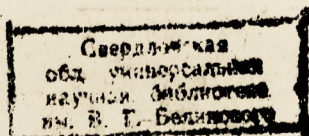
0-398834

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІА — 1923.

9:323.2 (47) „1917”

2100844

1. Второй кризисъ власти.

Керенскій и большевики. Керенскій и „буржуазія“ Безпочвенность коалиціи. Совѣтъ противъ „Директоріи“. Поддержка „демократіи“. Уходъ Некрасова, Чернова, Терещенко. Переговоры съ Кишкинымъ. „Демократія“ противъ к. д. Побѣда большевиковъ въ Петроградскомъ Совѣтѣ. Отставка министровъ — социалистовъ. Отсрочка кризиса. Провозглашеніе Республики. Другія уступки Керенскаго. Побѣда большевиковъ.

Вступивши въ борьбу съ Корниловымъ и съ „корниловщиной“, А. Ф. Керенскій не только пропустилъ послѣдній моментъ и лишилъ страну послѣдняго шанса выйти изъ состоянія распада и возстановить серьезную и сильную революціонную власть. Онъ также, окончательнo и навсегда, подкопалъ ту основу, на которую опиралось его собственное вліяніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше его власть дѣлалась личной, и именно съ ея сохраненіемъ или паденіемъ связывалась та или другая судьба всѣхъ не-утопическихъ „завоеваній революціи“. Между тѣмъ, эта власть держалась на очень сложной и хрупкой системѣ равновѣсія. Чтобы удержать это равновѣсіе, Керенскій постоянно балансировалъ то вправо, то влѣво, и обнаружилъ при этомъ довольно значительную ловкость, гибкость, подь-часъ чисто византійскую. Но именно къ этому балансированію и свелось мало по малу все его государственное искусство. Именно поэтому власть Керенскаго и получила, независимо даже отъ его психологическихъ свойствъ, такой личный и случайный характеръ. Чтобы удержать за собою сколько-нибудь прочно тѣ „соціальныя и политическія группы, на которыя Керенскій опирался, имъ нужно было дать что-нибудь положительное. Большевики, сторонники „солдатской, рабочей и крестьянской совѣтской республики“, если не давали, то обѣщали очень многое: немедленный миръ солдатамъ, всю землю крестьянамъ, всю власть надъ фабриками рабочимъ, а всѣмъ — непосредственное

господство и распоряженіе всѣми средствами государства при помощи организованнаго „сознательнаго“ меньшинства. Это была группа внѣ конкуренціи, благодаря абсолютнымъ лозунгамъ, которыми оперировала, темнотѣ массъ, на которыя дѣйствовали эти лозунги, и безграничной развязности пріемовъ, отъ иноземнаго подкупа до вооруженныхъ захватовъ, которые были въ ея распоряженіи.

Противъ ея анархическаго хулиганства всѣ остальные политическія теченія должны были бы дружно соединиться; въ этомъ собственно и заключалась сущность идеи коалиціи. Но этого не вышло, потому что болѣе умѣренные теченія русскаго социализма сами еще слишкомъ глубоко были проникнуты элементами того же утопизма и той же отвлеченной идеологіей. Они чувствовали себя болѣе тѣсно связанными съ анархо-коммунизмомъ, провозглашеннымъ Ленинымъ, чѣмъ съ социаль-реформаторами „буржуазныхъ“ оттѣнковъ, а тѣмъ болѣе съ самой „буржуазіей“ въ тѣсномъ смыслѣ. И когда приходилось выбирать между головоломнымъ социальнымъ экспериментомъ, грозившимъ въ будущемъ привести къ диктатурѣ и къ реставраціи самодержавія, или опорой на общественныя силы и слои, въ которыхъ подозрѣвали скрытыхъ „контръ-революціонеровъ“, могущихъ вернуть старый режимъ теперь же, немедленно, — то, при всѣхъ колебаніяхъ, симпатіи умѣренныхъ социалистовъ, — если не ихъ активная поддержка, — склонялись въ сторону головоломнаго социального эксперимента. Пусть лучше русская революція скажетъ свое „новое слово“, хотя бы и неудачное, чѣмъ прямо возвращаться къ старому. Если ленинцы говорили: „лучше Вильгельмъ, чѣмъ кадеты“, то умѣренные социалисты говорили: „лучше Ленинъ, чѣмъ Корниловъ . . . и тѣ же кадеты“.

Церетели придумалъ для Керенскаго комбинацію, при которой „демократическая“, а не чисто социалистическая, платформа (въ послѣдней редакціи — платформа 14 августа) поддерживалась „демократическими“, но не только социалистическими, а и „буржуазными“, отказавшимися отъ своей классовой подоплеки, элементами. Именно поэтому Церетели призывалъ „буржуазію“ къ самоотреченію и грозилъ силой лишь тѣмъ, кто, по мѣрѣ углубленія классовыхъ противорѣчій, „отпадетъ отъ революціи“. Однако, вся эта искусственная постройка давно уже дала глубокія трещины влѣво и вправо. Влѣво она не встрѣтила вѣры ни въ солдатскихъ массахъ, ни среди „демократическихъ“ элементовъ въ узкомъ смыслѣ слова. Вправо она вообще не могла имѣть широкой поддержки, ибо ру-

ками „буржуазіи“ здѣсь, все же, дѣлалось дѣло социалистическаго утопизма. Московское совѣщаніе окончательно выяснило, что за платформой 14-го августа „буржуазія“ не пойдетъ и что примиреніе возможно только неискреннее, — практически необходимое для класса, которому приходится слишкомъ много терять. Именно такимъ примиреніемъ съ задними мыслями было знаменитое рукопожатіе Бубликова. Связь элементовъ, кое-какъ спаянныхъ Цетели, была, такимъ образомъ, искусственная и чисто внѣшняя. Она и показала себя такой, когда, въ концѣ концовъ, объединяющимъ звеномъ осталась одна только личность Керенскаго. Обѣимъ сторонамъ Керенскій былъ нуженъ, какъ наименьшее зло, — и это поддерживало его у власти. Но такая поддержка только и могла быть временная. Она длилась только потому, — и до тѣхъ поръ, — пока насущные вопросы, которые должна была рѣшить революція, не рѣшались, а только отсрочивались. Эти отсрочки могли имѣть значеніе и принести пользу при условіи, что власть временнаго правительства сможетъ продержаться до Учредительнаго Собранія. Но что было дѣлать, когда анархо-коммунистическое теченіе, поддерживаемое непоследовательностью социалистовъ и несознательностью массъ, вовсе не хотѣло ждать Учредительнаго Собранія и даже начинало его бояться, внушая эту боязнь всѣмъ социальнымъ элементамъ, которые пользовались сложившимся положеніемъ. Закрѣпить текущій моментъ, не дожидаясь невѣрнаго будущаго, — это значило для нихъ, прежде всего, закрѣпить собственныя завоеванія въ наиболѣе выгодное для себя время. Но это значило также — покончить съ компромиссомъ, на которомъ держался Керенскій.

Съ другой стороны, умѣренные государственные элементы и „буржуазія“ въ широкомъ и въ узкомъ смыслѣ держались за Керенскаго — отчасти держались съ возрастающимъ недовольствомъ и даже отвращеніемъ — только потому, что видѣли въ немъ послѣднюю гарантію спокойнаго и благоразумнаго рѣшенія основныхъ государственныхъ вопросовъ въ томъ же неопредѣленномъ будущемъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше выяснялось, что во многихъ вопросахъ нельзя долѣе ждать, ибо ожиданіе было равносильно предрѣшенію вопроса. Вопросъ о боеспособности арміи, земельная реформа, состояніе промышленности и производительныхъ силъ, устройство окраинъ и національностей, наконецъ, основной вопросъ о будущемъ государственномъ строѣ, — всѣ эти вопросы были уже, въ сущности, предрѣшены, бесплод-

нымъ ожиданіемъ втеченіе долгихъ мѣсцевъ, — и предрѣшены не въ томъ смыслѣ, въ какомъ намѣчалось ихъ рѣшеніе государственными элементами. Въ частности, вопросъ о возстановленіи мощи арміи и по существу нельзя было долѣе откладывать, нужно было приступить къ серьезной работѣ по возстановленію арміи немедленно, въ августѣ, если хотѣли, чтобы къ веснѣ, къ моменту возможнаго новаго наступленія, могли сказаться результаты этой работы. Таково было мнѣніе лучшихъ военныхъ авторитетовъ, какъ ген. Алексѣевъ. Вотъ почему и ген. Корниловъ отвѣтилъ Верховскому, развивавшему передъ нимъ за два дня до возстанія свой планъ оздоровленія арміи, что путь этотъ „слишкомъ медлителенъ, нѣмцы наступаютъ, а потому необходимо испробовать способъ его, Корнилова, какимъ бы рискованнымъ онъ ни показался“.*)

Долѣе отсрочивать было нельзя въ самомъ основномъ вопросѣ текущаго момента, въ вопросѣ о войнѣ, ибо отъ рѣшенія этого вопроса зависѣло и то или другое рѣшеніе другого капитальнаго вопроса — о сильной власти. А послѣ того какъ эти два существенныхъ вопроса были предрѣшены позиціей, занятой Керенскимъ въ дѣлѣ Корнилова, не въ пользу государственнаго рѣшенія, дальнѣйшее ожиданіе стало и вообще бесполезно.

Вотъ почему Керенскій, который давно уже сталъ бесполезнымъ для крайнихъ лѣвыхъ элементовъ, считавшихъ его „продавшимся буржуазіи“, сдѣлался съ этого момента бесполезенъ и для этой, такъ называемой, „буржуазіи“. Для тѣхъ и другихъ онъ пересталъ быть наименьшимъ зломъ: ибо для тѣхъ и для другихъ было вредно дальнѣйшее существованіе фиктивной системы „коалиціи“. Безповоротныя рѣшенія, которыя производились подъ прикрытіемъ „коалиціи“, для однихъ противорѣчили ихъ государственнымъ взглядамъ или классовымъ интересамъ, а для другихъ все еще были недостаточно послѣдовательнымъ выраженіемъ ихъ теорій. Такимъ образомъ, связь рвалась съ обоихъ концовъ. Защищать ее теперь могли только доктринеры чистой формы, лишенной всякаго содержанія, — или личные друзья и сторонники Керенскаго, — тѣ немногіе, которые еще сохранили вѣру въ его личное обаяніе. Продержаться на поверхности такая власть могла лишь до перваго сильнаго толчка. Ни предупредить, ни отразить этого толчка она не была въ силахъ, хотя и отлично знала, откуда придетъ ударъ. Она была безсильна противъ этого удара потому, что, въ концѣ концовъ, на тѣхъ флангахъ, гдѣ была дѣйствительная сила, никто не хотѣлъ ее за-

*) Рѣчь ген. Верховскаго къ офицерамъ Петроградскаго гарнизона 12 сент., въ изложеніи „Р. Слова“ 13 октября.

щищать, а за центромъ, который ее еще вяло поддерживалъ, вмѣсто реальной силы была лишь одна идеологія. Мы прослѣдили въ предыдущихъ главахъ, какъ подъ ударами фактовъ и эта идеологія постепенно теряла вѣру въ себя и превращалась во фразу, въ „условную ложь“. „Буржуазная республика“, защищаемая одними социалистами умѣренныхъ теченій, не находившихъ болѣе опоры въ массахъ, — и даже ими защищаемая *à contre sens*, — и въ тоже время потерявшая послѣднюю поддержку „буржуазіи“, — такая платформа не могла держаться. Все существо ея вывѣтрилось, оставалась внѣшняя шелуха. Подъ другими формами, здѣсь, въ сущности, вновь водворялась та система оффиціального лицемѣрія, отъ которой погибла старая монархія. Судьба этой системы должна была быть такова же, какъ той: обѣ подготовили почву для революціи, и въ день революціи обѣ не нашли себѣ ни одного защитника.

Внутреннее противорѣчіе того новаго положенія, въ которомъ оказался Керенскій послѣ подавленія корниловскаго возстанія, сразу же раскрылось какъ только былъ поставленъ первый вопросъ созданный распаденіемъ кабинета, — вопросъ о переустройствѣ власти.

Большинство членовъ исполнительнаго комитета совѣтовъ только утромъ 27-го августа узнали о вечерней бесѣдѣ Керенскаго съ В. Н. Львовымъ и о ночномъ засѣданіи, въ которомъ министры передали свои полномочія Керенскому.

У Керенскаго уже была готова мысль окружить себя коллегіей изъ четырехъ „директоровъ“, двое изъ которыхъ съ самаго начала революціи принадлежали къ интимному ядру, руководившему всѣми дѣлами (Некрасовъ и Терещенко). Другія два мѣста предполагалось отдать Б. В. Савинкову и Н. М. Кишкину. Къ послѣднему Керенскій питалъ личное довѣріе: въ „директоріи“ онъ долженъ былъ представлять Москву и „буржуазію“.

Этотъ планъ обсуждался въ вечернемъ засѣданіи министровъ и считался какъ-бы окончательно принятымъ. Кишкина Керенскій вытребовалъ немедленно изъ Москвы. Но нужна была еще санкція Совѣта. Бюро исполнительнаго комитета собралось на экстренное засѣданіе днемъ и выслушало докладъ о корниловскомъ дѣлѣ и о предложеніи Керенскаго относительно переустройства власти. Отъ себя бюро выдвинуло другое предложеніе: создать при директоріи постоянное совѣщаніе изъ представителей „революціонной демократіи“. Оба вопроса были переданы на предварительное об-

сужденіе центральныхъ комитетовъ партій, входящихъ въ составъ совѣта. На вечеръ было созвано засѣданіе исполнительнаго комитета съ участіемъ всего комитета, совѣта крестьянскихъ депутатовъ, представителей политическихъ партій, профессиональныхъ союзовъ и кооперативовъ.

Конечно, партійный органъ и совѣтская фракція большевиковъ отнеслись къ обоимъ предложеніямъ отрицательно. Для нихъ всегда, при всѣхъ условіяхъ, существовало только одно рѣшеніе: передать „всю власть совѣту“. Соціалисты-революціонеры, получавшіе двухъ представителей въ директоріи (Керенскаго и Савинкова), отводили Савинкова и требовали вступленія Чернова, для чего прибавляли шестое мѣсто директора. Соціаль-демократы меньшевики также соглашались на директорію, подъ условіемъ введенія въ нее Церетели. Только народные соціалисты и трудовики съ самаго начала высказывались противъ директоріи и за сохраненіе, по мотивамъ цѣлесообразности, прежняго правительства, ибо въ такомъ случаѣ не будетъ оспариваться происхожденіе власти и правительство будетъ сильнѣе. Послѣ совѣщанія отдѣльныхъ фракцій по одиночкѣ, состоялось совмѣстное обсужденіе тѣхъ же вопросовъ представителями всѣхъ партій. При этомъ оказалось, что возраженія трудовиковъ и народниковъ противъ директоріи находятъ поддержку. Большинство склонилось къ тому, чтобы сохранить исполнительную власть за старымъ правительствомъ.

Вопросъ о томъ, чтобы подкрѣпить это правительство постоянно дѣйствующимъ органомъ, въ видѣ совѣщанія представителей, споровъ не возбуждалъ. Всѣ соглашались на созданіе такого совѣщанія, хотя одни предпочитали видѣть въ немъ представителей однѣхъ только демократическихъ организацій, а другіе расширяли его составъ примѣрно до состава московскаго совѣщанія, только безъ членовъ четырехъ Гос. Думъ.

Въ 11 час. вечера, послѣ всѣхъ этихъ совѣщаній, началось закрытое засѣданіе исполнительнаго комитета съ приглашенными. Фракціонные ораторы изложили всѣ отгѣнки партійныхъ мнѣній, начиная отъ безусловной поддержки правительства, предложенной трудовиками, до замѣны его совѣтами, по предложенію большевиковъ. Центральныя партіи согласились на отказъ отъ директоріи и приняли постановленіе оставить правительство въ прежнемъ видѣ, за исключеніемъ членовъ партіи народной свободы, которые должны были бытъ замѣнены „демократическими элементами“. Рѣшено было также созвать въ ближайшемъ будущемъ демократи-

ческій парламентъ изъ представителей всѣхъ тѣхъ организацій, которыя объединились въ Москвѣ на платформѣ 14-го августа. Около 2-хъ часовъ ночи на 28-ое августа президіумъ прервалъ засѣданіе, чтобы сообщить эти рѣшенія Керенскому. Безъ четверти четыре утра президіумъ вернулся изъ Зимняго Дворца и засѣданіе возобновилось. Собранію сообщили, что Керенскій настаиваетъ на директоріи и на передачу ей всей полноты власти, что шестичленный составъ директоріи имъ принять. Начавшіяся затѣмъ продолжительныя пренія были прерваны вызовомъ Церетели и Чернова въ Зимній Дворецъ, гдѣ „присутствіе ихъ необходимо“.

Это было въ тотъ моментъ, когда стадія „недоразумѣнія“ въ Корниловскомъ дѣлѣ кончилась, и начиналась стадія „паники“ (см. 2-й выпускъ, стр. 231—234). Послѣ ген. Алексѣева и Терещенко вызывался Савинковъ, послѣ Савинкоза—Некрасовъ, послѣ Некрасова дошла очередь до Церетели и Чернова. Этотъ порядокъ экстренныхъ ночныхъ вызововъ свидѣлствуетъ о сгущавшемся настроеніи министра-предсѣдателя. Сорвавшееся съ устъ Керенскаго восклицаніе: „очень жаль“, при извѣстіи, что въ четыре утра уже поздно останавливать Некрасовскія сообщенія газетамъ объ „измѣнѣ“ Корнилова, было послѣдней данью примирительному настроенію болѣе умѣренныхъ элементовъ. Послѣ четырехъ часовъ, очевидно, стало несомнѣнно, что Корниловъ подниметъ перчатку, и стало поэтому „необходимо“ присутствіе во Дворцѣ Церетели и Чернова.

Вопросъ о переустройствѣ власти, о директоріи, отходилъ вмѣстѣ съ тѣмъ на второй планъ: надо было думать объ организаціи сопротивленія.

Это и сказалось на настроеніи утренняго засѣданія исполнительнаго комитета, открывшагося въ восемь съ половиной часовъ. Громадное впечатлѣніе на участниковъ, собравшихся въ засѣданіи послѣ безсонной ночи, произвела прочтенная М. И. Скобелевымъ прокламація Корнилова къ народу, въ которой Корниловъ обвинялъ Керенскаго, что онъ провоцировалъ его на выступленіе, а все правительство въ томъ, что оно во власти большевиковъ и способствуетъ пораженію Россіи, имѣя пораженцевъ и предателей въ собственной средѣ*). Всѣмъ этимъ Корниловъ мотивировалъ свое рѣшеніе — не допустить Россію до гибели. Прочтя прокламацію, Скобелевъ прибавилъ, что Корниловъ приказалъ воинскимъ час-

* См. текстъ этого приказа вып. 2-й, стр. 241.

тямъ двинуться на Петроградъ, что положеніе очень серьезно и что въ отвѣтъ на диктатуру Корнилова необходимо создать такую государственную власть, которая бы всю мощь свою употребила на борьбу съ узурпаторомъ. Послѣ этого собраніе уже не имѣло охоты разсуждать о реконструкціи власти. Церетели доложилъ ходъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ Керенскимъ и заявилъ, что правительству необходимо оказать теперь полную и всестороннюю поддержку, не входя ни въ какія пререканія. Большевики, меньшевики-интернаціоналисты, и лѣвые с.—ры одни продолжали возражать, соглашаясь оказать правительству „лишь чисто техническую и военную поддержку“. Подавляющее большинство приняло резолюцію, формулированную Церетели въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: „Предоставляя товарищу Керенскому формированіе правительства, центральной задачей котораго должна являться самая рѣшительная борьба съ заговоромъ и ген. Корниловымъ, ц. и. к. совѣта р. и с. д. общаетъ правительству самую энергичную поддержку въ этой борьбѣ.“

Мы видѣли, что „энергичная поддержка“ была оказана вплоть до „самочинныхъ арестовъ“ и „рѣшительныхъ дѣйствій“ петроградскаго и мѣстныхъ „комитетовъ спасенія революціи“. „Демократическія организаціи“ собирали войска, арестовывали генераловъ, офицеровъ и депутатовъ, захватывали телеграфъ и радіотелеграфъ, останавливали желѣзнодорожное движеніе, — словомъ, проявили большую распорядительность, не стѣсняясь формальными рамками, и дали эффектную пробу своей силы по отношенію ко всему, что носило кличку „контръ-революціи“. Чтобъ сьорганизовать свои элементы противъ Корнилова, исполнительный комитетъ издалъ воззваніе, въ которомъ не скупился на демагогію. Корниловъ хочетъ возстановить старый строй, и лишитъ народъ земли и воли; „Корниловъ готовъ открыть фронтъ германцамъ, готовъ предать родину“ и т. д.

Эти работы совѣта отвлекли его на время отъ вопроса о реорганизаціи власти, но не на долго. Вернувшись къ вопросу, „демократическія организаціи“ приобрѣли за-то тѣмъ большій вѣсъ въ его рѣшеніи.

28-го августа, какъ мы знаемъ, прошло при паническомъ настроеніи правительства, и настроеніе это къ вечеру достигло апогея. Керенскому пришлось впервые изъ устъ товарищей — социалистовъ выслушать крайне неблагоприятную оцѣнку своихъ дѣйствій и сдѣлать предложеніе — покинуть власть по собственному

почину, передавъ ее болѣе сильнымъ. Въ этотъ день подъ „болѣе сильными“ подразумѣвались болѣе умѣренные, какъ единственно способные перекинуть мостъ къ грядущему побѣдителю, какимъ представлялся Корниловъ. За уходъ Керенскаго и за назначеніе на его мѣсто ген. Алексѣева прямо высказалось нѣсколько голосовъ, а изъ молчавшихъ многіе, очевидно, сочувствовали этому (см. выпускъ 2-й, стр. 253—254). 29-го августа положеніе Керенскаго снова укрѣпилось, причемъ политическій маятникъ качнулся въ другую сторону — влѣво.

За ночь Керенскому пришлось сдѣлать выборъ между Некрасовымъ и вождями совѣтовъ. Въ моментъ малодушія Некрасовъ потерялъ то довѣріе Керенскаго, на которомъ основывалась его роль въ „тріумvirатѣ“. Уже со времени засѣданія въ Зимнемъ Дворцѣ (см. 2-й вып., стр. 35) Некрасовъ понималъ, что политическая карта, на которую онъ поставилъ свою карьеру государственнаго дѣятеля, бита. По его словамъ, онъ „два раза уступалъ просьбамъ Керенскаго остаться въ кабинетѣ“ въ ночь на 7-ое іюля и тогда, когда принялъ портфель министра финансовъ (24 іюля). На этотъ разъ Керенскій не только не просилъ, но и не удерживалъ Некрасова. Одно время Керенскій продолжалъ цѣнить въ Некрасовѣ полезнаго посредника въ томъ политическомъ лагерѣ, съ которымъ приходилось считаться, но гдѣ Керенскій не имѣлъ основанія разсчитывать на симпатіи. Разойдясь со своими политическими друзьями, Некрасовъ и въ этомъ отношеніи пересталъ быть полезенъ. Вынужденный для печати мотивировать свой уходъ, Некрасовъ прямо заявилъ, что онъ не только „не опирается ни на какую общественную группу“, но и имѣетъ противъ себя „значительную часть русскаго общества“, а, между тѣмъ, „удары, направленные лично противъ него“, бьютъ по правительству въ виду той „легенды“, впрочемъ, „выросшей изъ крупы истины“, что онъ состоитъ несмѣняемымъ членомъ правительственнаго тріумvirата.

Эти же дни возможнаго торжества Корнилова покончили съ министромъ противоположнаго лагеря, — съ тѣмъ, который на московскомъ совѣщаніи и въ корниловскихъ приказахъ былъ публично отмѣченъ, какъ „предатель“, съ Черновымъ. Черновъ послѣдній, весьма неохотно написалъ свое прошеніе объ отставкѣ, — и тотчасъ же составилъ себѣ планъ—стать замѣстителемъ Керенскаго въ будущемъ кабинетѣ. Онъ открылъ противъ своего товарища по партіи, котораго пытался не пустить въ цен-

тральный комитетъ, ожесточенную и систематическую компанію въ своемъ органѣ, „Дѣлъ Народа“.

Кромѣ окончательно оставившихъ министерство Кокошкина и Юренева, былъ и еще министръ, котораго ходъ корниловской исторіи заставилъ сдѣлать попытку уйти изъ состава кабинета. Это былъ другой членъ „тріумвирата“ Терещенко. Этотъ министръ былъ достаточно уменъ, чтобы понять, что и его карта бита. Изъ попытки согласовать интересы Россіи съ циммервальдскими тенденціями во внѣшней политикѣ ничего не вышло, кромѣ ослабленія нашего вліянія среди союзниковъ. Два раза за время своего управленія Терещенко сдѣлалъ попытку продемонстрировать свою самостоятельность передъ союзниками и передъ „революціонной демократіей“. Но обѣ попытки были довольно неудачны. Протестъ противъ низложенія германофильски настроеннаго греческаго короля Константина очень удовлетворялъ принципу „самоопредѣленія народовъ“, но совершенно не вызывался нашими интересами. А заявленіе, что Стокгольмская конференція есть „частное дѣло“ партій, а не правительства, вызвало цѣлый скандалъ за-границей и дома, лишивъ правительство опредѣленной позиціи у русской „демократіи“, но не давъ ему возможность занять столь же опредѣленную собственную позицію. Въ Россіи первый шагъ прошелъ незамѣченнымъ. Второй, напротивъ, былъ чрезчуръ замѣченъ и вызвалъ необходимость поправокъ и опроверженій. Послѣ того и другого, во всякомъ случаѣ, у министра не могло не остаться осадка горечи. Очевидно, никакіе экстра-туры не могли поправить основной ошибки соглашенія съ циммервальдцами, и приходилось нести ея послѣдствія. Въ дѣлѣ Корнилова Терещенко долженъ былъ особенно тяжело почувствовать это положеніе внѣшней связанности, ибо здѣсь присущее ему чувство любви къ родинѣ слишкомъ рѣзко сталкивалось съ требованіями формальной дисциплины, обязательной для члена кабинета. Потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ убѣдить Керенскаго — стать на точку зрѣнія „недоразумѣнія“, Терещенко лишь противъ воли вынужденъ былъ стать на точку зрѣнія „мятежа“ и тотчасъ же болѣзненно столкнулся съ первой жертвой этой тактики Керенскаго, съ самоубійствомъ Крымова, чистаго и идейнаго офицера, о заслугѣ котораго передъ русской революціей онъ считъ своимъ долгомъ рассказать послѣ его смерти (см. вып. 2-й, стр. 268). Терещенко подалъ прошеніе объ оставкѣ послѣ Некрасова. Но на его мѣсто, какъ и на мѣсто Карташева, оберъ-прокурора синода, не нашлось кандидата. Обомъ пришлось временно остаться.

Какъ бы то ни было, по политическимъ или по человѣческимъ причинамъ, кабинетъ распадался. Для укрѣпленія его Керенскій пока придумалъ только приглашеніе Н. М. Кишкина, участвовавшего, какъ мы видѣли, въ засѣданіи 28-го августа. 30-го августа состоялось послѣднее „частное совѣщаніе“ съ участіемъ уходившихъ министровъ к. д. Не отказываясь дать Керенскому новаго представителя партіи по его выбору и одобливъ вступленіе въ правительство Кишкина, которому предназначалось министерство внутреннихъ дѣлъ, центральный комитетъ партіи народной свободы предъявилъ, однако, въ засѣданіи 30-го августа, черезъ своихъ товарищей, свои условія. Онъ хотѣлъ привлеченія въ составъ правительства авторитетныхъ представителей команднаго состава. Первоначально здѣсь разумѣлся ген. Алексѣевъ. За его назначеніемъ начальникомъ штаба, требованіе было перенесено на должности военнаго и морского министра, и совпало съ желаніемъ Керенскаго удалить Савинкова и назначить Верховскаго и Вердеревскаго, — то и другое въ полномъ контактѣ съ совѣтомъ. Затѣмъ ц. к. партіи народной свободы предложилъ ввести въ кабинетъ представителей торгово-промышленнаго класса, какъ это имѣлось въ виду еще при предыдущихъ переговорахъ въ іюлѣ. Это требованіе тоже было принято Керенскимъ, и онъ уполномочилъ Кишкина на переговоры въ Москвѣ съ торгово-промышленнымъ классомъ. Торгово-промышленная Москва намѣтила Смирнова на должность государственнаго контролера. Самъ Керенскій намѣтилъ себѣ гласнаго Бурышкина, но въ послѣдствіи эта кандидатура отпала, какъ не рекомендованная московскимъ купечествомъ, и замѣнена была другимъ представителемъ торгово-промышленнаго класса, въ лицѣ С. Н. Третьякова. Третье требованіе к. д., вытекавшее изъ печальнаго опыта „тріумвирата“, состояло въ томъ, чтобы не было болѣе правительства въ правительствѣ и чтобы всѣ члены правительства имѣли одинаковое участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Это требованіе совпало съ возраженіями социалистическихъ партій противъ учрежденія „директоріи“. Но „директорія“ оставалась любимой мыслью Керенскаго, привыкшаго дѣйствовать самовластно и окружать себя въ кабинетѣ лишь такими товарищами, которые могли съ этимъ самовластіемъ мириться. Четвертымъ требованіемъ к. д. было то, чтобы корниловское дѣло было ликвидировано безъ ущерба для боеспособности арміи и безъ дальнѣйшаго обостренія гражданской розни

раздѣленіемъ страны на два лагеря, „контръ-революціонеровъ“ и „революціонной демократіи“. Это требованіе, какъ мы знаемъ, вполнѣ соответствовало настроенію тѣхъ дней, когда назначался ген. Алексѣевъ и издавались внушенные имъ приказы по арміи. Но съ назначеніемъ ген. Верховскаго военнымъ министромъ и съ проявленіемъ въ ближайшіе дни хозяйской роли совѣтовъ требованіе это стало совершенно невыполнимымъ для Керенскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, очень скоро обнаружилось, что, приглашая ген. Алексѣева и Кишкина, поручая Кишкину обсудить еще болѣе правыя, уже чисто „буржуазныя“ кандидатуры, Керенскій разсчитывалъ безъ хозяина. Въ исполнительномъ комитетѣ совѣта въ тотъ же день, 30-го августа, появилось самое нетерпѣливое отношеніе къ сохраненію у власти к. д., и выразилъ это настроеніе не кто иной, какъ членъ кабинета, министръ труда М. И. Скобелевъ. Подчеркнувъ заслуги совѣта и комиссіи борьбы съ контръ-революціей, которая только что сдѣлала свой докладъ, въ усмиреніи корниловскаго мятежа, Скобелевъ перешелъ къ вопросу о переустройствѣ власти и прежде всего сообщилъ о назначеніяхъ уже состоявшихся. Имена Верховскаго и Вердеревскаго были привѣтствованы шумными аплодисментами. Напротивъ, при именахъ новаго верховнаго главнокомандующаго Керенскаго и его начальника штаба ген. Алексѣева, зала хранила молчаніе. Это вышло тѣмъ болѣе замѣтно, что неловкій ораторъ сдѣлалъ тутъ большую паузу, дожидаясь выраженій одобренія. Уже насторожившись, аудиторія недовѣрчиво встрѣтила дальнѣйшія слова оратора. Скобелевъ говорилъ, что коалиція должна быть сохранена, ибо она „не есть плодъ кабинетныхъ измышленій“; но что, „конечно, въ кабинетѣ не можетъ быть мѣста тѣмъ, кто такъ или иначе связанъ съ Корниловымъ“. „Нельзя ли болѣе конкретно“, раздались голоса съ мѣстъ. Скобелевъ, идя на встрѣчу собранію, высказался болѣе „конкретно“. „Одна партія, заявившая на столбцахъ своего органа, что Корниловъ — реальная сила, съ которой необходимо считаться, не можетъ разсчитывать на то, чтобы ея представители вошли въ кабинетъ“. Крики съ мѣстъ: „слава Богу, долой к. д.“ пояснили мысль оратора. Впрочемъ, далѣе, въ рѣчи другого министра, Авксентьева, эти указанія были еще „конкретнѣе“. Когда министръ внутреннихъ дѣлъ упрекалъ Корилова, что онъ оставилъ армію „беззащитной противъ натиска непріятеля“, раздались крики: „смерть измѣнникамъ“. Уступая настроенію собранія, ораторъ, при шумныхъ аплодисментахъ, потребовалъ смертной казни для гене-

рала, добившагося возстановленія этого института въ арміи. Далѣе слѣдовало повтореніе невѣрныхъ свѣдѣній о Калединѣ, а о новомъ правительствѣ Авксентьевъ сообщилъ, что „въ составѣ кабинета не могутъ быть тѣ люди, которые открыто не отмежевались отъ сторонниковъ мятежа и которые сваливаютъ всю вину за мятежъ на временное правительство. Не могутъ войти въ правительство и тѣ люди, которые предлагали начать переговоры съ мятежнымъ генераломъ“. При этихъ словахъ раздались крики: „арестовать Милюкова“. Слѣдующимъ ораторомъ былъ Церетели. Далекій отъ того, чтобы возражать обоимъ министрамъ, онъ лишь рѣзче подчеркнул значеніе „оправдавшей себя идеи коалиціи“. Но и онъ не только требовалъ „отсѣченія нѣкоторыхъ частей этой коалиціи“, — утверждая на этотъ разъ, сообразно настроенію аудиторіи, что это не означаетъ „сѣуженія базы революціи“, — но настаивалъ на „разрушеніи тѣхъ центровъ, вокругъ которыхъ собираются темныя силы“ : на чисткѣ ставки, на роспускѣ 4-ой Думы, ибо интересы революціи и страны требуютъ, чтобы государственная власть гарантировала насъ отъ повторенія подобныхъ случаевъ“. Рѣчи большевиковъ и интернаціоналистовъ, Каменева, Стеклова, Лапинскаго, прознесенныя на слѣдующій день, 31-го августа, показали, съ какимъ настроеніемъ должны были считаться приведенныя рѣчи правительственныхъ ораторовъ. Здѣсь уже не только осуждалась идея коалиціи, но и выставлялось требованіе полной смѣны правительства, какъ недостаточно рѣшительнаго. „Мятежъ Корнилова — не его единоличное преступленіе, а преступленіе организованной буржуазіи“, говорилъ Каменевъ. „Только коалиція пролетаріата, крестьянства и солдатъ спасетъ революцію, и только такая коалиція возможна въ настоящій моментъ“. „Коалиція съ буржуазіей“, прибавлялъ Стекловъ, „убиваетъ живыя силы представителей демократіи, которые принуждены при этомъ вести соглашательскую политику и подчиняться саботажу праваго крыла“.

Этой крайней, но вполне послѣдовательной позиціи, умеренная „демократія“ противопоставила свой, какъ обыкновенно, внутренне-противорѣчивый планъ: сохранить коалицію, но безъ участія въ ней членовъ партіи народной свободы.

Прежде чѣмъ принято было по этому поводу окончательное рѣшеніе исполнительнаго комитета совѣта, товарищи по партіи с. р., Гоцъ и Зензиновъ, привезли Керенскому въ Зимній Дворецъ мнѣніе, — „пока еще не ультиматумъ“, — его политическихъ

единомышленниковъ. Включеніе въ кабинетъ к. д. недопустимо. „Но, прибавлялъ Гоцъ, это не исключаетъ возможности вступленія отдѣльныхъ представителей этой партіи“, отгородившихся отъ „милюковцевъ“, какъ это сдѣлали московскіе к. д., принявшіе въ городской думѣ формулу с. р. . . „Съ этой стороны вступленіе Кишкина не вызвало бы особыхъ затрудненій“. Такъ говорилъ журналистамъ Гоцъ еще въ полночь съ 31-го августа на 1-ое сентября. Керенскій сообразно съ этимъ, продолжалъ вести переговоры съ к. д. и съ промышленниками. Вечеромъ 2-го сентября Н. М. Кишкинъ, С. А. Смирновъ и П. А. Бурыйшкінъ выѣхали изъ Москвы въ Петроградъ. Кишкинъ напечаталъ письмо въ газеты, въ которомъ заявлялъ, что „входитъ во временное правительство съ одобренія ц. к. партіи народной свободы“, чтобы противодействовать „борьбѣ классовъ и партій“ и содействовать единенію. Однако же, утромъ 2-го сентября, когда всѣ трое приѣхали въ Петроградъ, положеніе дѣлъ тамъ совершенно измѣнилось.

Перемѣну эту создала позиція, занятая въ вопросѣ о власти петроградскимъ совѣтомъ. Совѣтъ этотъ давно уже проявлялъ склонность къ большевизму, и въ немъ теперь создалось именно на этомъ вопросѣ большевистское большинство. 31-го августа, послѣ описаннаго выше засѣданія исполнительнаго комитета, открылось засѣданіе петроградскаго совѣта. Оно началось съ того доклада Богданова о „самочинной“ дѣятельности комитета борьбы съ революціей, изъ котораго мы приводили выдержки (2-й выпускъ, стр. 269—270). Докладъ кончался сообщеніемъ, что комитетъ уже потребовалъ отъ правительства платы за свои услуги: освобожденія большевиковъ, арестованныхъ по дѣлу 3—5 іюля. Продолженіе засѣданія соответствовало этому началу. Рѣчь Церетели, пытавшагося защищать принципъ коалиціи, такъ часто прерывалась протестами, что, наконецъ, предсѣдательствовавшій Чхеидзе принужденъ былъ напомнить, что у совѣта достаточно силы, чтобы „выставить за двери нарушителей порядка“. Попытка защитить „московскихъ“ к. д., принявшихъ по дѣлу Корнилова с. р.-скую резолюцію, была встрѣчена особенно сильнымъ шумомъ, что вызвало рѣзкую отвѣдь Церетели. „Не переоцѣнивайте своихъ силъ“, говорилъ онъ: „вѣдь, если заговоръ Корнилова не удался, то исключительно потому, что не былъ активно поддержанъ всей буржуазіей: иначе совладать съ нимъ однѣми демократическими силами было бы невозможно“. „Было бы величайшимъ несчастіемъ, если бы власть попала въ руки одного лишь класса“.

Но аргументы не помогали. Настроение аудиторіи уже сложилось, и, въ пику Церетели, она устроила шумную овацію Ю. Стеклову, повторившему свою дневную рѣчь. Всѣ дальнѣйшія выступленія — Каменева, Мартова, Володарскаго, Розанова — были противъ коалиціи. С. Р. Болдыревъ присоединилъ къ этому требованія — чистки ставки, роспуска Г. Совѣта и Думы и отвѣтственности правительства, которое создадутъ совѣты, передъ революціоннымъ парламентомъ изъ демократическихъ организацій, впредь до созыва Учредительнаго Собранія. Напрасно Церетели снова пытался доказать, что передача власти пролетаріату не опирается на дѣйствительное соотношеніе силъ и что обѣщанія большевиковъ не могутъ быть исполнены. Онъ кончилъ свою рѣчь, однако же, пессимистическимъ аккордомъ. „Очевидно, что зная революціи, которое втеченіе шести мѣсяцевъ находилось въ нашихъ рукахъ, переходить въ другія руки. Хотѣлось бы, чтобы въ этихъ рукахъ оно прожило хотя бы половину этого времени. Но я этого момента опасуюсь, такъ какъ перехода власти въ руки совѣта р. и с. д. съ нетерпѣніемъ ждутъ противники революціи, чтобы нанести ей рѣшительное пораженіе“. Церетели, несомнѣнно, сообщилъ здѣсь о настроеніи, въ то время уже довольно распространенномъ; онъ не упомянулъ лишь, что оно было создано именно тактикой умѣреннаго социализма.

Засѣданіе петроградскаго совѣта закончилось, дѣйствительно, пораженіемъ совѣтскаго большинства. Большинствомъ 279-ти противъ 115, при 51 воздержавшемся, была принята резолюція, предложенная большевиками, слѣдующаго содержанія. Всякія колебанія въ дѣлѣ организаціи власти должны быть прекращены. Отъ власти должны быть отстранены не только представители к. д., но и представители ценовыхъ элементовъ вообще. Единственный выходъ—въ созданіи власти изъ представителей революціоннаго пролетаріата и крестьянства. Въ основу дѣятельности новаго правительства должно быть положено: декретированіе демократической республики, немедленная отмѣна частной собственности на помѣщичью землю, объявленіе тайныхъ договоровъ недействительными и немедленное предложеніе всѣмъ народамъ воюющихъ государствъ заключить демократическій миръ. Кромѣ того, необходимо прекращеніе всякихъ репрессій противъ рабочихъ и ихъ организацій, немедленная отмѣна смертной казни на фронтѣ, возстановленіе полной свободы агитаціи въ арміи и конфискація буржуазныхъ газетъ. Резолюція требуетъ еще выборности комис-

саровъ, осуществленіе правъ націй, жирующихъ въ Россіи, на самоопредѣленіе, — въ первую очередь, удовлетворенія требованій Финляндіи и Украины, — и роспуска Г. Совѣта и Г. Думы.

Старое большинство совѣтовъ было, такимъ образомъ, побѣждено. Церетели правильно учелъ психологію собранія. Въ виду своего пораженія, весь президіумъ петроградскаго совѣта сложилъ свои полномочія. Въ этотъ президіумъ входилъ весь цвѣтъ совѣтскихъ вождей: Чхеидзе, Анисимовъ, Гоцъ, Данъ, Скобелевъ, Церетели и Черновъ.

Въ ряды „революціонной демократіи“ это пораженіе совѣтскаго большинства въ петроградскомъ совѣтѣ внесло чрезвычайное смятеніе и растерянность. Въ два часа дня на слѣдующій день (1-го сентября) въ исполнительномъ комитетѣ должны были продолжаться пренія по рѣчамъ Скобелева и Авксентьева. Но нужно было придти въ засѣданіе съ какимъ-нибудь готовымъ рѣшеніемъ. Этого рѣшенія не было. Засѣданіе было отсрочено съ 2-хъ часовъ до 7-ми веч., потомъ съ 7-ми до 11-ти. Наконецъ, нетерпѣніе ждавшихъ цѣлый день членовъ исполнительнаго комитета заставило открыть засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Филипповскаго. Но только въ 2 часа ночи пріѣхали министры — увы, уже бывшіе, — и начались такъ долго ожидавшіяся пренія.

Что же произошло за этотъ день?

Вожди „революціонной демократіи“ цѣлый день переѣзжали изъ центральныхъ комитетовъ партій въ Зимній Дворецъ и обратно. Побѣда большевиковъ въ петроградскомъ совѣтѣ поставило умѣренное большинство социалистическихъ партій передъ необходимостью выбора: или уступить въ вопросѣ о власти, или ждать новаго большевистскаго выступленія въ Петроградѣ. По рукамъ уже ходилъ, на этотъ послѣдній случай, министерскій списокъ съ именами Чернова, въ качествѣ премьера, Рязанова — министра иностранныхъ дѣлъ, Луначарскаго — министра внутреннихъ дѣлъ, Авилова — министра финансовъ. Съ другой стороны, правда, оборонческія группы социалистовъ выступили съ воззваніемъ къ гражданамъ, въ которомъ умоляли „не мѣшать правительству упрочить и расширить общественный фундаментъ его политической власти“. Воззваніе это было напечатано 1-го сентября въ трехъ социалистическихъ газетахъ, с.-р-овской „Волѣ Народа“, плехановскомъ „Единствѣ“ и народническомъ „Народномъ Словѣ“. Но всѣ эти группы, какъ извѣстно, не были вліятельны въ рабочихъ массахъ, настроеніе которыхъ въ эти дни было особенно повыщено. Счи-

таясь съ этимъ настроеніемъ и съ опасностью большевистскаго выступленія, руководители умѣреннаго большинства рѣшились выставить удаленіе членовъ партій к. д. изъ правительства, уже какъ требованіе ультимативное. Центральный Комитетъ с. р. подкрѣпилъ это требованіе угрозой отозвать своихъ представителей изъ правительства, если к. д. останутся: въ этомъ случаѣ даже самъ Керенскій лишался права считать себя представителемъ с. р.

Этотъ ультиматумъ ставилъ Керенскаго въ невозможное положеніе. Возражая противъ к. д., но не возражая прямо противъ коалиціи, лидеры совѣта, въ сущности, дѣлали коалицію невозможной. Керенскій объяснилъ имъ, что ген. Алексѣевъ приглашенъ на условіи широкой коалиціи, и что генералы Рузскій и Драгомировъ уйдутъ, если это условіе будетъ нарушено, а болѣе правые элементы, какъ представители торгово-промышленнаго класса, не войдутъ въ правительство безъ к. д.; что, наконецъ, онъ, Керенскій, уже вошелъ въ переговоры съ кандидатами торгово-промышленниковъ и лично связалъ себя обѣщаніями, данными Кишкину и Алексѣеву. Если ультиматумъ не будетъ взятъ обратно, то останется только уйти и ему самому, Керенскому.

Эти заявленія вновь обсуждались въ центральныхъ комитетахъ, но на этотъ разъ не оказали дѣйствія. Даже уходъ Керенскаго былъ не такъ страшенъ, какъ гнѣвъ большевиковъ. Противъ Керенскаго существовало сильное настроеніе даже въ собственной его партіи: Въ 11 часовъ вечера началось совѣщаніе министровъ въ Зимнемъ Дворцѣ, а вопросъ все еще не былъ рѣшенъ. Въ полночь пріѣхали въ Зимній Дворецъ представители исполнительнаго комитета Церетели, Гоцъ, Данъ, Ракитниковъ и др. съ печальными вѣстями. Они успѣли освѣдомиться о настроеніи исполнительнаго комитета, начавшаго засѣданіе въ Смольномъ. Ничего нельзя подѣлать. „Мы зашли въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода.“ Ни ультиматумъ, ни угроза отозваніемъ министровъ партійныхъ социалистовъ не могутъ быть взяты назадъ. Молча Керенскій выслушалъ эти повторныя заявленія. Делегаты уѣхали въ Смольный. Министры продолжали обсуждать дѣло въ Зимнемъ Дворцѣ. Въ большинствѣ своемъ*) они находили, что не можетъ быть другого рѣшенія, кромѣ сохраненія коалиціи на прежнихъ основаніяхъ. Когда къ

*) Въ совѣщаніяхъ съ 30-го августа участвовалъ „усѣченный“ составъ кабинета безъ Чернова, Кокошкина, Юренева, Ольденбурга, Пѣшехонова, а съ 31-го августа и безъ Некрасова. На лицо были: Керенскій, Авксентьевъ, Скобелевъ, Зарудный, Прокоповичъ, Терещенко, Карташевъ, Ефремовъ.

двумъ часамъ ночи это мнѣніе большинства выяснилось, то М. И. Скобелевъ и Н. Д. Авксентьевъ, считавшіе себя связанными рѣшеніемъ революціонныхъ органовъ демократіи, заявили, что не могутъ долѣе оставаться въ правительствѣ и просятъ считать ихъ выбывшими изъ кабинета. Къ нимъ присоединилъ свою просьбу и Зарудный. Съ какимъ настроеніемъ они это сдѣлали, это видно изъ рѣчей, произнесенныхъ тотчасъ послѣ этого въ Смольномъ обоими пріѣхавшими туда эксъ-министрами.

Отъ задорнаго тона ихъ же рѣчей, два дня назадъ,—теперь не осталось и слѣда. Оба оратора были близки къ полному отчаянію и обнаружили совершенную растерянность. Скобелевъ заявилъ, что уходитъ изъ правительства не потому, что не раздѣляетъ линіи его поведенія, а потому, что этой линіи не раздѣляетъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Самъ онъ преслѣдуетъ одну цѣль: „добиться, чтобы вы перешли къ холодному разсудку. Если мое выступленіе хоть на одинъ градусъ опуститъ ваше настроеніе и ваши мозги будутъ лучше работать, то я буду считать свой долгъ выполненнымъ“. Какъ видимъ, бывшій министръ труда пересталъ церемониться съ „революціонной демократіей“. Чего вы хотите, спрашивалъ онъ слушателей? Если вы согласны, что „россійская революція есть революція буржуазная, то какимъ образомъ вы хотите отбрасывать всѣ буржуазные элементы? Вѣдь, не вся буржуазія была за Корнилова. Если предположить обратное, если вы скажете, что всѣ, кромѣ насъ, контръ-революціонеры, то я скажу, что это—предсмертная агонія революціи. Если вы такъ думаете, то лучше скажите открыто, что и мы и страна обречены на гибель“... „Если такъ, то бросимъ писать резолюціи и скажемъ: мы на заграничные паспорта готовы. Согласны вы провозгласить власть совѣта въ такой моментъ, „когда сѣицество готово броситься куда угодно, лишь бы выйти изъ создавашагося положенія?“ Но вѣдь это будетъ самымъ лучшимъ средствомъ вызвать контръ-революцію. Теперь Корниловскія войска братаются съ нами. но когда солдаты узнаютъ, что въ Зимнемъ Дворцѣ засѣдаетъ правительство совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, то они не придутъ къ намъ брататься. Не забывайте, что Петроградъ не Россія, и, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, имѣйте въ виду настроеніе всей Россіи“. Въ случаѣ если исполнительный комитетъ его не послушаетъ, Скобелевъ заявилъ: „я готовъ итти вмѣстѣ съ вами, но не въ правительство, а въ оппозицію. Здѣсь мы будемъ сидѣть на крайнѣй лѣвой — и будемъ въ меньшинствѣ. От-

вѣтственность должна лежать на васъ. Мы будемъ сидѣть здѣсь и болѣе добросовѣстно и благожелательно критиковать васъ, чѣмъ вы насъ. Но знайте, что это путь къ гибели Россіи“.

Не церемонился съ „демократіей“ и Авксентьевъ. Огромное впечатлѣніе произвело брошенное имъ обвиненіе: „временное правительство имѣетъ точныя свѣдѣнія, что нѣмцы предпринимаютъ десантъ въ Финляндіи, и въ это время военная комиссія центрального исполнительнаго комитета вызвала изъ Финляндіи въ Петроградъ нѣсколько миноносцевъ, войска и подводныя лодки“. Авксентьевъ умолялъ „демократію“ поддержать, а не топить правительство. „Если здѣсь въ Петроградѣ правительство не встрѣтитъ поддержки, Россія погибла. Вѣдь это, товарищи, трагедія. Понимаете ли вы, что мы на краю гибели или уже погибли . . . Придите же правительству на помощь — ради спасенія Россіи. Развѣ вы не видите, что страна уже погибаетъ? . . .“

„Товарищи“, повидимому, начинали понимать и видѣть. Былъ устроенъ перерывъ, и состоялись совѣщанія по фракціямъ. Возобновивъ пренія въ половинѣ пятаго утра, комитетъ отвергъ резолюцію большевиковъ, принятую наканунѣ петроградскимъ совѣтомъ. Убѣжденія Каменева, что „новое правительство есть правительство для Керенскаго, а не для насъ“, на этотъ разъ не подействовали. Церетели отпарировалъ ударъ незѣрной справкой; Керенскій-де самъ обратился къ исполнительному комитету по вопросу о реконструкціи власти, и комитетъ „предоставилъ“ ему образовать правительство, причемъ „найдень лучшій исходъ—власть безъ цензовыхъ элементовъ“. Въ проектѣ предложенной резолюціи впрочемъ, этотъ исходъ былъ смягченъ: „власть должна быть свободна отъ всякихъ компромиссовъ съ контръ-революціонными цензовыми элементами“. Очень искусно резолюція переносила центръ тяжести со спорнаго пункта на другой, въ которомъ всѣ были согласны: на вопросъ о созданіи новой власти особымъ демократическимъ совѣщаніемъ, которое должно собраться не позднѣе 12-го сентября (т. е. всего черезъ 10 дней) въ Петроградѣ. Принятая исполнительнымъ комитетомъ резолюція гласила: „1) немедленно созывается съѣздъ всей организованной демократіи и демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, который долженъ рѣшить вопросъ объ организаціи власти, способной довести страну до Учредительнаго Собранія. 2) До этого съѣзда ц. исполнительный комитетъ предлагаетъ правительству сохранить свой теперешній составъ и . . . призываетъ демократію

оказывать энергичную поддержку правительству въ его работѣ по организации обороны страны и борьбы съ контръ-революціей, въ частности путемъ демократизаціи арміи и рѣшительнаго обновленія высшаго команднаго состава. 3) . . комитеты находятъ необходимымъ, чтобы правительство при принятіи мѣръ по охранѣ порядка дѣйствовало въ тѣсномъ контактѣ съ комитетомъ народной борьбы противъ контръ-революціи при всероссійскомъ центральномъ комитетѣ.“ Рѣшеніе было во всѣхъ отношеніяхъ ловкое. Оно оставляло все въ прежнемъ видѣ, — и ничего не уступало изъ требованій „демократіи“. Главную трудность оно отодвигало въ будущее, достаточно отдаленное, чтобы облегчить рѣшеніе для даннаго момента, но въ то же время достаточно близкое, чтобы не испугать „демократію“.

Что эта отсрочка, въ концѣ концовъ, не только не уменьшала, а напротивъ увеличивала трудность созданія „сильной революціонной власти“, объ этомъ вожди совѣта, если и думали, то во всякомъ случаѣ остерегались говорить. Какъ-нибудь пережить сегодня, какъ-нибудь дожить до завтра, памятуя, что „довлѣетъ дневи злоба его“, — эта тактика давно уже сдѣлалась обычной для Церетели. Онъ обладалъ достаточнымъ искусствомъ обходить дѣйствительныя затрудненія, рѣшить которыя по существу, все равно, было невозможно въ рамкахъ „революціонно-демократической“ тактики. Такимъ образомъ, затрудненія отсрочивались и накапливались, — и трудность ихъ рѣшенія увеличивалась. Но за-то, въ ожиданіи дня, когда жизнь предъявитъ окончательный счетъ, демократія получала возможность жить изо дня въ день—настолько спокойно, насколько это позволяла ей ея неопытность и непредусмотрительность.

Такова же, въ сущности, была теперь и тактика Керенскаго, сводившаяся къ единственной цѣли: какъ-нибудь довести Россію до Учредительнаго Собранія, все равно въ какомъ видѣ. Это намѣреніе Керенскаго вполнѣ удовлетворялось компромиссами Церетели. И рѣшеніе правительства было вынесено той же ночью, какъ только выяснилось настроеніе собранія послѣ рѣчей Авксентьева и Скобелева. Въ исходѣ третьяго часа ночи на 2-ое сентября журналистамъ, дожидавшимся рѣшенія въ Зимнемъ Дворцѣ, была сообщена изъ залы министровъ радостная вѣсть: „Кризисъ разрѣшенъ благополучно . . Временно по вопросамъ управленія и государственной обороны рѣшено сосредоточить власть въ рукахъ совѣта пяти: Керенскаго, Никитина, Терещенко, Верховскаго,

Вердеревскаго". Правительство, такимъ образомъ, тоже ничего не уступало, и ничего не предрѣшало. Керенскій получалъ свою „директорію“, но „временно“, и при этомъ нисколько не отказывался отъ принципа коалиціи, ни даже отъ введенія въ коалицію „цензовыхъ элементовъ“. Пять членовъ директоріи — это были, просто, тѣ наличные члены кабинета, участіе которыхъ въ будущемъ правительствѣ было рѣшено окончательно. Остальные министры считались пока, до окончательнаго выясненія списка, просто управляющими своими вѣдомствами, не раздѣлявшими съ „пятью“ полноту правительственной власти. Такъ какъ это положеніе ихъ было тоже „временное“, то и партія народной свободы не могла считать свое требованіе о равенствѣ всѣхъ членовъ кабинета отвергнутымъ. Временное рѣшеніе министровъ имѣло и то значеніе, что не обязывало немедленно заполнять министерскіе посты, оказавшіеся вакантными. Мѣста ушедшихъ министровъ заняли пока ихъ товарищи. Наконецъ, вопросъ особенно интересовавшій „демократію“ — о правѣ предстоящаго „демократическаго совѣщанія“ самостоятельно создать новую власть — былъ въ первый моментъ намѣренно затушеванъ. „Демократія“ могла считать, что она имѣетъ это право, а правительство продолжало думать, что пополненіе кабинета имъ просто отсрочено „до того момента, когда явится возможность снова вернуться къ сформированію состава временнаго правительства на прежнихъ коалиціонныхъ началахъ“. Въ этомъ смыслѣ Керенскій далъ обѣщаніе и Кишкину, принявъ одного его изъ тѣхъ трехъ кандидатовъ, которые пріѣхали изъ Москвы утромъ 2-го сентября. Министрами они не сдѣлались, но кандидатами быть не перестали.

Сохранивъ, такимъ образомъ, главное, что ему было нужно, Керенскій рѣшился сдѣлать демократіи уступки въ тѣхъ ея требованіяхъ, которыя имѣли для нея принципальное значеніе. Легче всего было удовлетворить желаніе „революціонной демократіи“ о провозглашеніи Россіи демократической республикой. Юридическаго значенія это провозглашеніе, все равно, не имѣло. Иначе, какъ замѣтилъ одинъ изъ близкихъ къ правительству юристовъ, нужно было бы допустить, что какой-нибудь другой составъ правительства можетъ провозгласить Россію монархіей. Это было предрѣшеніемъ голоса высшаго судьи и влестелина: народа въ Учредительномъ Собраніи. Это возраженіе и дѣлалось, обыкновенно, членами правительства, съ тѣхъ поръ какъ вопросъ о провозглашеніи республики впервые былъ поставленъ въ кабинетѣ, въ моментъ ухода кн. Львова.

Но на этотъ разъ въ рукахъ Керенскаго былъ новый аргументъ. Во время московскаго совѣщанія потребовалъ немедленнаго провозглашенія республики маститый эмигрантъ, кн. П. А. Крапоткинъ, и совѣщаніе отвѣтило ему вставаніемъ и оглушительными аплодисментами. Что можно было возразить по существу въ собраніи, гдѣ даже Корниловъ былъ республиканцемъ? Вопросъ о формѣ правленія постепенно терялъ значеніе, — по мѣрѣ того, какъ вообще теряли значеніе акты временнаго правительства. И теперь противъ немедленнаго провозглашенія республики имѣлся, въ сущности, одинъ серьезный аргументъ: несерьезность этого акта и неавторитетность власти, которая его совершала.

Мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, какъ первый ударъ неприкосновенной доселѣ и святой для демократіи идеѣ Учредительнаго Собранія былъ нанесенъ руками демократовъ, употребившихъ вопросъ о срокѣ созыва Учредительнаго Собранія, какъ орудіе въ партійной борьбѣ и назначившихъ явно-неосуществимый срокъ. Подобный же ударъ былъ нанесенъ и другой демократической святынь, — идеѣ республики, провозглашеніемъ ея въ актѣ, подписанномъ 1-го сентября Керенскимъ и Заруднымъ. Идея эта не выиграла отъ того, что ея осуществленіе постановлено было въ формальную связь съ „подавленіемъ мятежа ген. Корнилова“. „Считая нужнымъ положить предѣлъ внѣшней неопредѣленности государственнаго строя, памятуя единодушное и восторженное признаніе республиканской идеи, которое сказалось на московскомъ государственномъ совѣщаніи, временное правительство“, — въ моментъ, когда, въ сущности, оно формально не существовало и вся власть передана была Керенскому, — объявляло, „что государственный порядокъ, которымъ управляется Россійское государство, есть порядокъ республиканскій, и провозглашало Россійскую республику“. Тутъ же правительственный актъ сообщалъ о „передачѣ полноты власти по управленію пяти лицамъ изъ состава временнаго правительства,“ хотя, какъ мы только-что видѣли, передача эта — не правительствомъ, а Керенскимъ, — совершилась только 2-го сентября, послѣ ухода Заруднаго, подписавшагося подъ актомъ. Далѣе правительственный актъ сообщалъ, и новую программу, и дальнѣйшіе планы „директоріи“. „Временное правительство главной своей задачей считаетъ возстановленіе государственнаго порядка и боеспособности арміи.“ Оно „будетъ стремиться къ расширенію своего состава путемъ привлеченія въ свои ряды представителей всѣхъ тѣхъ элементовъ, кто вѣчные и общіе

интересы родины ставить выше временных и частных интересов отдельных партий или классов." При этом временное правительство „не сомнѣвалось, что эта задача имъ будетъ выполнена втеченіе ближайшихъ дней." Какъ видимъ, нѣтъ ни слова о „демократическомъ совѣщаніи". Моралистическая сентенція о „вѣчномъ и общемъ" прикрывала весьма определенное содержаніе, которое выясняется хотя бы изъ повторенія словъ о „партіяхъ и классахъ" въ письмѣ Н. М. Кишкина въ редакцію газетъ. „Демократіи" предоставлялось проглотить все это подъ приправой изъ „демократической республики".

Большѣ серьезной уступкой революціоннымъ органамъ была новая тактика въ вопросахъ о поднятій „боеспособности арміи", уже отмѣченная выше. Здѣсь уже рѣчь шла не о словахъ: мы видѣли съ какой легкостью въ нѣсколько дней правительство пяти отказалось отъ поддержки программы Корнилова и Алексѣева, — этого устарѣлаго „человѣка знаній", — и какъ самоотверженно, въ лицѣ ген. Верховскаго, оно принялось мирить „боеспособность" съ „демократизаціей", которой требовала резолюція исполнительнаго комитета. Чистка ставки и сплошная смѣна команднаго состава—это условіе тоже не вызывало затрудненій. Этимъ въ ближайшіе же дни и занялся А. Ф. Керенскій, какъ только появленіе въ ставкѣ стало для него безопасно (см. вып. 2-й, стр. 287—290).

Третьей уступкой Керенскаго было освобожденіе арестованныхъ за возстаніе 3—5 Іюля большевиковъ. Правительство, конечно, только-что требовало осужденія „мятежа" Корнилова на томъ же основаніи, на какомъ осужденъ былъ „мятежъ" большевиковъ. Но теперь, когда „мятежъ" Корнилова былъ подознень, а большевики могли безнаказанно грозить новымъ возстаніемъ въ Петроградѣ,—теперь слишкомъ строго выдерживать этотъ принципъ равнаго воздаянія не приходилось.

Вожди „революціонной демократіи" уже довольно давно настаивали на пересмотрѣ дѣла о большевикахъ. Подъ вліяніемъ этихъ настояній, А. С. Зарудный уже раньше вытребовалъ слѣдственное дѣло у прокурора палаты Н. С. Каринскаго, задержалъ его у себя больше трехъ недѣль и тѣмъ фактически пріостановилъ ходъ слѣдствія. Хотя Каринскій не соглашался на освобожденіе арестованныхъ лидеровъ, Троцкаго и Луначарскаго, тѣмъ не менѣе Зарудный освободилъ послѣдняго. На другой день „Извѣстія р. и с. д." заявили, что Каринскій долженъ быть уволенъ. Дѣйствительно черезъ два дня министръ юстиціи пригласилъ про-

курора палаты къ себѣ. Онъ началъ со того, что вполнѣ одобрилъ дѣйствія Каринскаго въ дѣлѣ большевиковъ, и оглашеніе имъ матеріаловъ слѣдствія. Но кончилъ — предложеніемъ Каринскому занять высшую должность старшаго предсѣдателя судебной палаты. На заявленіе Каринскаго, что „именно теперь, въ виду требованія совѣта, онъ не хочетъ уступать и не желаетъ повышенія“, Зарудный, послѣ долгихъ уговариваній, наконецъ, напрямикъ сказалъ ему: „какъ трудовикъ, я обязанъ подчиниться партійной дисциплинѣ. Разъ совѣтъ требуетъ отъ меня Вашего ухода, я долженъ это сдѣлать. Для временнаго правительства требованіе совѣта обязательно. Если я не подчинюсь, я долженъ буду покинуть свой постъ“. Тогда Н. С. Каринскій, послѣ размышленія, послалъ Зарудному письмо. „Считаюсь съ тяжелымъ положеніемъ министра юстиціи, соглашаюсь на повышение“.

Все это происходило до корниловскаго возстанія и отчасти до московскаго совѣщанія. 30-го августа назначенъ былъ преемникъ Каринскаго, Карчевскій, и перемѣна отношенія правительства къ дѣлу большевиковъ сказалась немедленно въ томъ, что рѣшено было освободить всѣхъ арестованныхъ, противъ которыхъ не имѣлось уголовныхъ обвиненій. Специально назначенная комиссія по провѣркѣ законности содержанія большевиковъ подъ стражей выяснила къ 1-му сентября, что изъ 87 большевиковъ, заключенныхъ по дѣлу о возстаніи 3—5 Іюля, и 12 другихъ заключенныхъ большевиковъ, нѣтъ ни одного, который заключался бы подъ стражей безъ законныхъ основаній. Однако же, послѣ возобновленнаго исполнительнымъ комитетомъ 2-го сентября требованія объ отпускѣ арестованныхъ большевиковъ, правительство рѣшило съ этимъ не считаться. Карчевскому было рекомендовано излѣчить мѣру пресѣченія, что онъ и исполнилъ. 4-го Сентября былъ освобожденъ подъ залогъ Троцкій. Вмѣстѣ съ нимъ освобождены нѣсколько большевиковъ — солдатъ и матросовъ съ „Авроры“. 5-го сентября освобождено еще нѣсколько матросовъ и солдатъ. 6-го сентября вопросъ объ освобожденіи большевиковъ былъ поставленъ ими и с.эрами въ Пет. оградской Городской Думѣ, и одновременно по городу стали ходить тревожные слухи о предстоящемъ въ этотъ день выступленіи большевиковъ-рабочихъ. 9-го сентября петроградскій совѣтъ принялъ резолюцію, требовавшую дать „товарищамъ Ленину и Зиновьеву (уклонявшимся отъ ареста) возможность открытой дѣятельности въ рядахъ пролетаріата, немедленно освободить на поруки всѣхъ революціо-

неровъ, которымъ предъявлены политическія обвиненія, и назначить немедленно же общественно-авторитетную провѣрку всего слѣдственного производства". Освобожденіе большевиковъ на поруки продолжалось втеченіе всѣхъ этихъ дней.

Изъ другихъ требованій „революціонной демократіи“ легко было исполнить требованіе о роспускѣ Г. Совѣта и Г. Думы. Объ этомъ въ эти первые дни сентября былъ уже заготовленъ указъ. Но еще разъ Керенскій не рѣшился поднять руку на учрежденіе, создавшее его собственную политическую репутацію. Опубликованіе указа было отложено. Въ октябрѣ, все равно, полномочія 4-ой Гос. Думы оканчивались.

Резолюція исполнительнаго комитета требовала отъ правительства сотрудничества съ комитетомъ борьбы съ контръ-революціей. Между тѣмъ „директорія“ тотчасъ послѣ своего сформированія поспѣшила (4-го сентября) объявить закрытыми всѣ отдѣленія „комитетовъ спасенія революціи“ по всей Россіи. Центральный „комитетъ борьбы“ рѣшилъ просто не признавать этого распоряженія и на слѣдующій же день принялъ резолюцію, въ которой, „констатируя съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія энергію и стойкость, проявленныя мѣстными органами революціонной демократіи въ дѣлѣ борьбы съ контръ-революціей, выражалъ увѣренность, что соотвѣтственные мѣстные органы, въ виду продолжающагося тревожнаго состоянія будутъ работать съ прежней энергіей и выдержкой, въ тѣсномъ общеніи съ комитетомъ народной борьбы съ контръ-революціей“. Другими словами, органъ исполнительнаго комитета прямо призывалъ къ неповиновенію правительству, которому исполнительный комитетъ только что повторно обѣщалъ поддержку. Это еще яснѣе было подчеркнуто междурайоннымъ совѣщаніемъ при петроградскомъ совѣтѣ, въ резолюции, принятой 6-го сентября. „Обсудивъ приказъ Керенскаго о роспускѣ революціонныхъ организацій по борьбѣ съ контръ-революціей, междурайонное совѣщаніе констатируетъ, что въ тревожные дни вооруженнаго выступленія буржуазіи противъ революціи, когда временное правительство оказалось безсильнымъ и растеряннымъ, вся тягость борьбы... пала на плечи этихъ организацій, созданныхъ по почину авторитетныхъ демократическихъ учреждений... Не признавая за правительствомъ права роспуска революціонныхъ организацій, созданныхъ авторитетными учрежденіями, совѣщаніе постановляетъ: революціонныхъ организацій по борьбѣ съ контръ-революціей, создан-

ныхъ междурайоннымъ совѣщаніемъ, не распускать, о чемъ и довести до свѣдѣнія центрального исполнительнаго комитета“.

Значеніе, пріобрѣтенное большевиками послѣ корниловскаго возстанія, помимо всѣхъ этихъ требованій, предъявленныхъ правительству, и уступокъ послѣдняго, было еще разъ подчеркнуто провѣркой голосованія, низвергнувшаго президіумъ петроградскаго совѣта въ ночномъ засѣданіи на первое сентября (см. выше стр. 17 — 18). Въ засѣданіи петроградскаго совѣта 9-го сентября, необычайно многолюдномъ, сложившій свои полномочія президіумъ Чхеидзе-Церетели поставилъ вопросъ, было ли голосованіе 1-го сентября случайнымъ результатомъ отсутствія части членовъ, какъ тогда же заявилъ представитель солдатъ, или же принятіе созѣтомъ большевистской резолюціи означаетъ полную перемѣну тактики, которой совѣтъ доселѣ слѣдовалъ. Большевики попробовали-было подмѣнить политическій вопросъ тактическимъ, предложивъ вообще переизбрать президіумъ на началѣ пропорціональнаго представительства и ввести туда большевиковъ и интернаціоналистовъ. Но Церетели рѣшительно возражалъ. „Вы, большевики, говоритъ онъ, объясняете голосованіе, какъ перемѣну настроенія всего петроградскаго пролетаріата. Мы должны знать, такъ это или не такъ, ибо поддерживать и проводить тактику большевиковъ мы не можемъ“. Проектъ резолюціи, предложенной меньшевиками и с. р., гласилъ, что резолюція 1-го сентября принята въ случайномъ составѣ и не соотвѣтствуетъ обще-политической линіи созѣта, что петроградскій совѣтъ „полнѣ довѣряетъ“ прежнему президіуму въ перечисленномъ составѣ. Послѣ инцидента, вызваннаго тѣмъ, что имя члена президіума Керенскаго въ списокъ отсутствовало (чѣмъ ослаблялась позиція противниковъ, но ставился въ двусмысленное положеніе самъ Керенскій), поминное голосованіе констатировало пораженіе Церетели, Чхеидзе, Гоца и прежняго президіума. За резолюцію меньшевиковъ подано было 414 голосовъ, противъ нее — 619, при 67 воздержавшихся. Церетели получилъ отвѣтъ, который самъ провоцировалъ. Прежняя линія совѣта была осуждена. Очередь была теперь за большевиками.

Какъ видимъ, политическое положеніе, при которомъ правительству приходилось доканчивать свое переустройство и изъ „совѣта пяти“ превратиться въ полный кабинетъ, было для него неблагоприятно. Соблюдая внѣшнюю видимость независимости отъ „революціонной демократіи“, которой оно принуждено было фак-

тически дѣлать одну уступку за другой, и поддерживая принципъ неподчиненности власти тому „демократическому совѣщанію“, которое черезъ десять дней должно было собраться, правительство пяти обѣщало пополнить свой составъ „въ ближайшіе дни“. Дѣйствительно, отложивъ пока вопросъ о пополненіи кабинета каде- тами и торгово-промышленниками, Керенскій повелъ немедленно переговоры о пополненіи соціалистической части кабинета. На мѣсто Заруднаго былъ назначенъ П. Н. Малянтовичъ, къ канди- датурѣ котораго совѣтъ, какъ говорили, относился сочувственно. Мѣсто Ольденбурга долженъ былъ занять С. С. Салазкинъ, прі- ятно удивившій „демократію“ на московскомъ совѣщаніи своимъ присоединеніемъ отъ имени земства къ формулѣ 14-го августа. Больше всего совѣты были недовольны назначеніемъ ген. Алек- сѣева и кандидатурой кадета Н. М. Кишкина на важный постъ ми- нистра внутреннихъ дѣлъ. Но ген. Алексѣевъ самъ понялъ не- совмѣстимость своего присутствія во главѣ штаба съ предстоявшей радикальной чисткой ставки и высшаго команднаго состава: онъ печатно заявилъ свой протестъ противъ новаго курса, какъ веду- щаго къ гибели арміи. Министерство же внутреннихъ дѣлъ было предположено отдать министру-соціалисту, не возбуждавшему воз- раженій совѣта, А. М. Никитину, министру почтъ и телеграфовъ.

Указы о назначеніи новыхъ, безспорныхъ съ точки зрѣнія „революціонной демократіи“, министровъ были уже готовы. Опу- бликовать ихъ предполагалось 10-го сентября, не дожидаясь воз- вращенія Керенскаго изъ ставки. Такимъ образомъ, хотя фор- мально, правительство совершало актъ своей перестройки до де- мократического совѣщанія. Но это именно было не по вкусу ис- полнительнаго комитета. Отъ его имени вечеромъ 9-го сентября къ М. И. Терещенко, замѣщавшему Керенскаго, явилась депу- тация съ Чхеидзе во главѣ и заявила, что реконструкція прави- тельства до демократического совѣщанія и на коалиціонныхъ началахъ недопустима; можетъ дѣйствовать временно только совѣтъ пяти. Пришлось отложить опубликованіе новыхъ назначе- ній. Въ этотъ моментъ послѣдній оставшійся въ правительствѣ членъ партіи народной свободы, А. В. Карташевъ, окончательно потерялъ терпѣніе. 10-го сентября утромъ онъ вручилъ М. И. Те- рещенко просьбу, „въ виду ясно опредѣлившагося засилія соці- алистовъ надъ временнымъ правительствомъ и невозможности под- линной коалиціонной структуры кабинета... уволить его отъ зва- нія министра исповѣданія и члена временнаго правительства“.

Къ открытію демократическаго совѣщанія правительство пріобрѣтало, такимъ образомъ, за исключеніемъ М. И. Терещенко, (который, однако, тоже поднялъ вопросъ о своей отставкѣ) вполнѣ соціалистическій составъ. Этимъ не предрѣшался, конечно, окончательный характеръ власти. Но, въ ожиданіи всевозможныхъ нападеній, правительство перекрашивалось въ защитный цвѣтъ.

II. „Демократія“ принципіально отвергаєть коалицію съ „буржуазіей“.

Демократическое совѣщаніе. Протесты „буржуазныхъ“ партій. Распредѣленіе мѣстъ. Задача демократическаго совѣщанія. Керенскій передъ дем. совѣщаніемъ. Кадетскія рѣчи другихъ министровъ. Разбродъ мнѣній „демократіи“. Проваль идеи коалиціи.

На демократическомъ совѣщаніи было теперь сосредоточено общее вниманіе—если не страны (для этого идея совѣщанія появилась слишкомъ случайно и искусственно), то партійной печати и политическихъ круговъ. „Демократическое“ Совѣщаніе, какъ мы видѣли, было по самому своему происхожденію ловкимъ политическимъ маневромъ съ цѣлью оттянуть разрѣшеніе неразрѣшимаго конфликта. Такъ какъ конфликтъ возникъ на этотъ разъ въ средѣ самой „революціонной демократіи“ и такъ какъ совѣщаніе тоже предполагалось изъ состава той же самой „демократіи“, то отъ него никто не могъ ожидать чего либо новаго—въ смыслѣ разрѣшенія встрѣтившихся затрудненій. Здѣсь впервые такой общенациональный вопросъ, какъ устройство власти, объявлялся дѣломъ группы политическихъ партій, которыя сами признавали, что лишь несовершенно и неполно представляютъ ту незначительную часть демократіи, которая, „организована“ и „сознательна“. И учрежденіе, составленное только изъ представителей этихъ группъ населенія, готовились сдѣлать не только выразителемъ мнѣнія „демократіи“, но даже выразителемъ ея суверенной воли.

Такимъ образомъ, демократическое совѣщаніе становилось выше правительства, которое дѣлалось отвѣтственнымъ передъ нимъ. Но вѣдь это какъ разъ и было то самое, къ чему стремились большевики, когда хотѣли передачи „всей власти совѣтамъ“. Затѣмъ Церетели являлась по существу полной капитуляціей передъ планами Ленина и Троцкаго. Конечно, когда печать обоихъ орга-

новъ, и большевистскихъ и „буржуазныхъ“, указывала на этотъ политическій смыслъ назначенія совѣщанія, то меньшевики и с. р.—ы горячо оспаривали это утвержденіе. Они старались доказать, что именно своей уступкой большевизму они освободились отъ его давленія на массы.

Когда, однако, дѣло дошло до выясненія въ своей собственной средѣ, — по-фракціонно, — чего собственно хотѣли устроители демократическаго совѣщанія, если они смотрѣли на него не только какъ на тактическій приѣмъ отсрочки, — то мнѣнія совершенно разошлись даже среди единомышленниковъ, и получилась полная путаница. Правая эсеровская „Воля Народа“ очень ехидно описывала этотъ разбродъ соціалистической мысли. „Фракція соц. революціонеровъ не сумѣла вынести единого рѣшенія: она раскололась, по меньшей мѣрѣ на двѣ части. Фракція меньшевиковъ соц. демократовъ раздѣлилась на четыре подфракціи. Далѣе слѣдовали резолюціи большевиковъ, народныхъ соціалистовъ и поправки всякаго рода — отдѣльныхъ лицъ. Одни стояли за коалицію, другіе — противъ. Одни признавали коалицію всѣхъ живыхъ силъ страны, другіе — всѣхъ, кромѣ кадетъ, третьи—кромѣ ц. к. народной свободы, — кадетъ изъ „Рѣчи“; четвертые стояли за коалицію на основѣ определенной платформы, не опредѣляя конкретно коалирующихъ партій и классовъ. Пятые къ этому прибавляли, что коалиціонная власть должна быть отвѣтственна передъ совѣтами. Шестые замѣняли отвѣтственность передъ совѣтами отвѣтственностью передъ исполнительнымъ органомъ, который выдѣлитъ изъ себя демократическое совѣщаніе. Не было согласія и относительно состава этого исполнительнаго органа: одни говорили, что тамъ должна быть представлена и буржуазія, другіе протестовали противъ такой „разношерстности“. Седьмые защищали тезисъ, что власть не должна быть отвѣтственна ни передъ кѣмъ. Такое же разнорѣчіе обнаружилось и въ средѣ противниковъ коалиціи. Одни говорили, что всю власть должны взять широко-демократическіе слои, а не чисто соціалистическіе, другіе — только соціалисты, третьи — только совѣты, четвертые — только пролетаріатъ и т. д. Газета кончала вопросомъ: „какую же оппозицію встрѣтила бы такая власть въ странѣ, какой протестъ вызвала бы она во всей Россіи.“

Одно было несомнѣнно. Уже одно намѣреніе „революціонной демократіи“ собрать совѣщаніе, которое бы избрало власть по усмотрѣнію однѣхъ только представленныхъ въ ней группъ, вы-

звало немедленные протесты со стороны общественных кругов, стоявших внѣ партійной дисциплины социалистическихъ партій. Партія народной свободы тотчасъ же выступила (6 сентября) съ такимъ протестомъ и запретила своимъ членамъ участвовать въ избраніи делегатовъ на съѣздъ. Она мотивировала свой протестъ тѣмъ, что взгляды широкихъ слоевъ населенія уже высказаны на московскомъ совѣщаніи, что намѣченный съѣздъ, сравнительно съ этимъ совѣщаніемъ, будетъ одностороннимъ, ибо объединить лишь тѣ организаціи, которыя приняли платформу Чхеидзе; что, непригодный при этомъ условіи для освѣдомительной роли, такой съѣздъ уже никоимъ образомъ не можетъ считаться полномочнымъ для роли рѣшающей, и что, вопреки этому, господствующія въ совѣтѣ группы уже приняли рѣшеніе придать съѣзду характеръ постояннаго органа и поставить его задачей организацію власти.

Еще раньше, 4 сентября, собравшійся въ Москвѣ совѣтъ всероссійскихъ кооперативныхъ съѣздовъ, вмѣстѣ съ всероссійскимъ союзомъ потребительныхъ обществъ, московскимъ народнымъ банкомъ, центральнымъ товариществомъ льноводовъ, союзомъ сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей, послали Керенскому, Чхеидзе и совѣту крестьянскихъ депутатовъ слѣдующую телеграмму. „Всероссійское совѣщаніе должно быть общенациональнымъ и должно быть созвано государственной властью; въ немъ должны быть представлены всѣ слои населенія. Г. Совѣщаніе должно быть созвано въ Москвѣ“. Участіе кооперации въ совѣщаніи должно было рѣшиться на съѣздѣ кооперативовъ, созывавшемся въ Москвѣ на 11 сентября. Отъ себя совѣтъ съѣздовъ заранее заявилъ „о своемъ безусловномъ убѣжденіи въ необходимости коалиціоннаго правительства.“ „Мы увѣрены“, говорилъ съѣздъ, „что это мнѣніе всецѣло раздѣляется подавляющимъ большинствомъ кооперативной Россіи. Увлеченіе своими силами и увѣренность въ возможности справиться съ всеобщей разрухой посредствомъ однихъ только организованныхъ совѣтами элементовъ не раздѣляется большинствомъ населенія и поведетъ къ гражданской войнѣ и гибели Россіи.“ Дѣйствительно, на кооперативномъ съѣздѣ послѣ ряда горячихъ и убѣжденныхъ рѣчей въ пользу коалиціи, былъ принятъ слѣдующій „наказъ представителямъ кооперации Прокоповича, Скобелева, Е. Д. Кусковой и другихъ въ демократическомъ совѣщаніи“.... „Считая, что демократическое совѣщаніе является частнымъ совѣщаніемъ организованной демократіи, что оно не

можетъ по своему составу быть выразителемъ воли всей страны и источникомъ власти, коперация... поручаетъ своей делегаціи образовать временный блокъ изъ кооперативныхъ организацій въ соединеніи съ теченіями соціалистическихъ партій, стоящими на государственной точкѣ зрѣнія, и тѣми несоціалистическими группами и партіями русскаго общества, которыя стремились и стремятся къ закрѣпленію завоеваній революціи и соціальнымъ реформамъ. Опираясь на указанный базисъ, должно быть организовано національно-коалиціонное правительство, съ привлеченіемъ въ его составъ различныхъ соціальныхъ группъ какъ соціалистическихъ, такъ и буржуазныхъ, способныхъ свои личные интересы и интересы своего класса подчинить интересамъ государственнымъ и лично не запятнанныхъ въ мятежныхъ выступленіяхъ противъ революціоннаго правительства съ какой бы то ни было стороны. Правительство это должно быть свободно отъ всякой зависимости отъ отдѣльныхъ группъ и организацій, отвѣтственно только передъ всѣмъ народомъ и Учредительнымъ Собраніемъ." Относительно программы правительства кооператоры высказывали два пожеланія, въ которыхъ такъ же осторожно проводили грань между собой и „революціонной демократіей“ совѣтовъ. Во внутренней политикѣ они довольствовались „основными началами“ платформы 14-го августа, подчеркивая, какъ ея главную цѣль, „устройство тяжко-потрясенной жизни страны и укрѣпленіе всѣхъ достигнутыхъ уже революціей завоеваній (а не „творчество“ и дальнѣйшее „углубленіе“.) Во внѣшней политикѣ, соглашаясь съ стремленіемъ къ „миру на началахъ объявленныхъ русскою „революціонной демократіей“, они подчеркивали, что такой миръ можетъ быть достигнутъ лишь „активной обороной страны отъ вражескаго нашествія, ведомой въ единеніи съ союзными намъ передовыми демократіями міра.“ Насколько сильно было въ Москвѣ сказавшееся здѣсь политическое настроеніе, видно изъ подобныхъ же постановленій московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и московскихъ учителей, отказавшихся отъ представительства на „демократическомъ совѣщаніи.“

Выразили свои сомнѣнія и казаки, пославъ 5-го сентября правительству, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о своемъ участіи въ демократическомъ совѣщаніи, запросъ: „по его ли инициативѣ собирается это совѣщаніе, будутъ-ли принимать участіе члены временнаго правительства; придаетъ ли этому совѣщанію правительство госу

дарственное значеніе, и если совѣщаніе созывается при участіи временнаго правительства, то будетъ-ли предоставлено совѣту союза казачьихъ войскъ законное число мѣстъ?" Отвѣтъ правительства былъ уклончивъ: конечно, оно призываетъ „государственное значеніе“ за всякими собраніями вліятельныхъ группъ населенія.

Въ виду разнообразія мнѣній и сильной оппозиціи, шедшей изъ демократическихъ же, но не узкопартийныхъ социалистическихъ круговъ, приобрѣталъ большое значеніе вопросъ о распредѣленіи мѣстъ въ демократическомъ совѣщаніи. Въ своемъ приглашеніи 2-го сентября исполнительные комитеты совѣтовъ установили слѣдующія цифры: 100 представителей отъ совѣта р. и с. д., 100 отъ совѣта крестьянскихъ д., по 50-ти отъ областныхъ комитетовъ каждаго изъ двухъ совѣтовъ, всего, слѣдовательно, 300 представителей „революціонной демократіи“ совѣтовъ. Затѣмъ 150 мѣстъ отдавалось кооператорамъ, настроеніе которыхъ мы только что видѣли. 100 мѣстъ предоставлялось профессиональнымъ союзамъ, зарекомендовавшимъ себя въ Москвѣ болѣе вѣрными союзниками совѣтской демократіи, 84 мѣста военнымъ организаціямъ, 50 земствамъ, 59 національнымъ группамъ, 20-ть желѣзнодорожному союзу, по 10 крестьянскому и телеграфному, 15-ть учительскимъ союзамъ, 3 служащимъ земства, по 2 журналистамъ, инженерамъ, адвокатамъ, врачамъ, фельдшерамъ, служащимъ торгово-промышленнаго комитета, по одному фармацевтамъ и архитекторамъ.

На такое распредѣленіе мѣстъ посыпался рядъ жалобъ. Представители московскаго городского и земскаго самоуправления требовали для земствъ и городовъ „не менѣе половины голосовъ“, и многія земства и города послали требованія отъ увеличеніи представительства. Требования эти пришлось удовлетворить: это вѣдь были уже „демократическія“ думы и земства. Города получили 300 мѣстъ, земства 200. Съ другой стороны фракція большевиковъ исполнительнаго комитета заявила, что намѣченный составъ не обезпечиваетъ ряду организацій, на которыя большевики рассчитывали, надлежащаго вѣса въ совѣщаніи, и потребовали увеличить представительство мѣстныхъ совѣтовъ на 50, армейскихъ организацій—каждой съ трехъ до пяти, профессиональныхъ союзовъ на 25, фабрично-заводскихъ комитетовъ на 22 мѣста. Это предложеніе было исполнительнымъ комитетомъ отклонено, хотя представительство совѣтовъ и увеличено съ 300 до 460. Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе, произведенное заявленіями кооперацій и мѣст-

ныхъ самоуправленій, видимо, измѣнило настроеніе центрального органа въ пользу болѣе умѣренныхъ рѣшеній, требовавшихъ и подбора болѣе умѣренного представительства.

Однако, и болѣе умѣренная позиція организаторовъ совѣщанія продолжала оставаться внутренне-противорѣчивой, какъ это показало пленарное засѣданіе ц. исполнительнаго комитета совѣтовъ 12-го сентября. Церетели, формулировалъ слѣдующія „конкретныя предложенія“, съ которыми „революціонная демократія“ шла на совѣщаніе. „Въ основу будущей дѣятельности мы должны положить демократическую платформу, оглашенную на московскомъ совѣщаніи. Демократическое совѣщаніе должно выдѣлить изъ своей среды органъ, который будетъ функціонировать вплоть до созыва Учредит. Собранія. Власть должна быть отвѣстна передъ этимъ органомъ и сохранять неразрывную связь со всей демократіей. Въ составъ этого органа слѣдуетъ привлечь всѣ тѣ элементы, которые примутъ наши условія организациі власти. Въ противнѣмъ случаѣ надлежитъ создать исключительно демократическое правительство“. То же противорѣчіе проявилось и въ голосованіи. Принципъ коалиціи былъ принятъ 119 голосами противъ 101. Но затѣмъ была принята и поправка меньшинства фракціи меньшевиковъ: „коалиція безъ кадетовъ“, хотя Церетели совершенно правильно заявилъ, что эта поправка уничтожаетъ самый принципъ. Онъ не замѣтилъ только, что принципъ коалиціи уже уничтоженъ въ его собственной формулѣ, поставившей осуществленіе коалиціи въ зависимость отъ принятія условій: „демократической платформы“ и отвѣтственности власти передъ постояннымъ органомъ демократическаго совѣщанія, очевидно, [долженствовавшимъ] стать на мѣсто исполнительнаго комитета совѣтовъ.

Для крайней лѣвой эта компромиссная позиція, пожертвовавшая осуществимостью принципа коалиціи большевистскому принципу — вся власть революціонной демократіи, — все равно, не была пріемлема. Большевики еще разъ демонстрировали свою непримиримость, выбравъ делегатами на демократическое совѣщаніе отъ петроградскаго совѣта скрывшихся отъ суда Ленина и Зиновьева. (Правительство, правда, отвѣтило на этотъ вызовъ возобновленіемъ приказа объ ихъ арестѣ). „Конкретныя требованія“ большевиковъ отъ демократическаго совѣщанія были выставлены Балтійскимъ флотомъ, который 8-го сентября поднялъ боевые красныя флаги, а 9-го пояснилъ смыслъ этой демонстраціи слѣду-

ющей резолюціей. „Флотъ демонстрируетъ свою готовность всѣми силами бороться за переходъ власти въ руки революціонной демократіи, пролетаріата и трудового крестьянства, и настаиваетъ передъ демократическимъ совѣщаніемъ на проведеніи этой мѣры въ жизнь. Долой соглашеніе съ буржуазіей. Мы требуемъ немедленнаго перемирія на всѣхъ фронтахъ для веденія переговоровъ о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ. Мы требуемъ немедленной передачи всей земли въ распоряженіе земельныхъ комитетовъ до Учред. Собранія. Мы требуемъ рабочаго контроля надъ производствомъ. Флаги должны быть спущены въ день созыва демократическаго совѣщанія, въ 8 часовъ утра.“

Демократическое совѣщаніе открылось съ опозданіемъ на два дня, 14-го — сентября, въ 5^{1/2} часовъ вечера, въ зрительной залѣ Александринскаго театра. Общее число допущенныхъ представителей доходило до громадной цифры 1.775. Изъ нихъ около 1.200 присутствовало при открытіи. Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ въ составѣ совѣщанія измѣненій распредѣленіе голосовъ между двумя борющимися мнѣніями — за или противъ коалиціи — оставалось неяснымъ. Эта неизвѣстность придавала извѣстный драматизмъ преніямъ. ¹⁾

Правительство явилось на засѣданіе, въ лицѣ всѣхъ членовъ иректоріи, кромѣ Терещенки. Керенскій, нѣсколько опоздавъ, вошелъ въ бывшую царскую ложу уже во время вступительной рѣчи предсѣдателя Чхеидзе.

Рѣчь Чхеидзе отмѣтила сразу среднюю позицію съѣзда между двумя крайностями. Одна крайность — стремленіе „империалистовъ“

¹⁾ Окончательный составъ демократическаго совѣщанія опредѣлился слѣдующимъ образомъ. Совѣтъ р. и с. д. — 230 членовъ, совѣтъ крестьянскихъ д. — 230, города — 300, земства — 200, почтово-телеграфные служащіе — 201, профессиональные союзы — 100, центральный кооперативъ — 120, рабочіе кооперативы (отдѣлившіеся отъ предыдущаго на кооперативномъ съѣздѣ) — 38, армейскія организаціи — 83, комиссары — 22, казаки — 35, армейскія крестьянскія секціи — 18, офицеры — 4, увѣчные воины — 6, фронтъ — 15, экономическія группы — 33, торгово-промышленные служащіе — 30, продовольственные организаціи и комитеты — 20, крестьянскій союзъ — 10, учителя — 15, фельдшера — 5, союзъ православнаго духовенства и мірянъ — 1, печать — 1, украинская рада — 15, мусульманскій совѣтъ — яяфвр, совѣтъ національно-соціалистическихъ партій — 10, грузинскій междупартійный союзъ — 5, поляки — 2, евреи — 1.

къ Константинополю и къ Св. Софіи. Другая — стремленіе „потушить пожаръ капиталистической войны превращеніемъ революціи въ соціалистическую и міровую“. Полгода революціи показали, что обѣ крайности создаютъ почву для контръ-революціи. „Вмѣсто скачка въ царство свободы былъ сдѣланъ прыжокъ въ царство анархіи.“ Государственная же власть передъ лицомъ двухъ борющихся теченій „оказалось почти парализованной“. „Страна жаждетъ власти“, — конечно, „революціонной“ и „отвѣтственной“, а задача власти — осуществить платформу московскаго совѣщанія.

Неизмѣнный предсѣдатель всѣхъ „демократическихъ“ совѣщаній и органовъ, честный Чхеидзе, не годился бы на болѣе отвѣтственную и сложную роль. Его революціонная репутація далеко превосходила его личные ресурсы. Этотъ „революціонеръ поневолѣ“ давно уже носилъ въ душѣ испугъ передъ революціей и, въ отличіе отъ многихъ, прикрывалъ его условными фразами революціоннаго шаблона лишь постольку, поскольку это безусловно требовалось его положеніемъ. Признать передъ такимъ собраніемъ, что, вмѣсто превращенія въ соціалистическую, революція сдѣлала прыжокъ въ царство анархіи, что власть правительства парализована и что страна жаждетъ власти, значило, пожалуй, даже итти дальше навстрѣчу взглядамъ „цензовыхъ элементовъ“, чѣмъ это допускалъ составъ даннаго собранія.

Послѣ рѣчи Чхеидзе и выбора президіума, слово принадлежало Керенскому. Избѣгая встрѣчъ съ глазу на глазъ съ „революціонной демократіей“, Керенскій рѣдко посѣщалъ ея органы. Онъ приходилъ лишь тогда, когда надъ дружескимъ ему большинствомъ сгущались облака, когда грозовыя тучи собирались надъ его именемъ. Одно его посѣщеніе обыкновенно разсѣивало бурю. На этотъ разъ онъ думалъ достигнуть того же результата. Въ отличіе отъ московскаго совѣщанія, онъ былъ здѣсь среди „демократій“, среди „своихъ“. Онъ хотѣлъ демонстративно сложить передъ „демократіей“ свои доспѣхи и атрибуты власти и сразу вернуть себѣ довѣріе, заговоривъ тономъ душевной исповѣди, какъ человѣкъ и товарищъ.

Пройдя при несмолкаемыхъ рукоплесканіяхъ изъ ложи на эстраду, въ сопровожденіи традиціонныхъ двухъ адъютантовъ, Керенскій смѣло началъ въ этомъ тонѣ. „Передъ собраніемъ демократіи, волей которой и вмѣстѣ съ которой я творилъ революцію, я не могу говорить, прежде чѣмъ не почувствую, что здѣсь нѣтъ никого, кто могъ бы мнѣ лично бросить упреки и кле-

вету, которую я слышалъ въ послѣднее время“. Такія личныя обращенія въ аудиторіи опасны, потому что рассчитаны только на успѣхъ. Керенскій испыталъ это, потому что на этотъ разъ расчетъ не удался. „Есть, есть“, кричали ему со скамей большевиковъ, нарушая торжественность рѣчи.

Да, тутъ были не только друзья. Тутъ были и враги, — и обвинители, на которыхъ нельзя было подѣйствовать обращеніями отъ сердца къ сердцу. И съ этого момента вся остальная рѣчь Керенскаго прошла при сильномъ психологическомъ сопротивленіи значительной части аудиторіи, не хотѣвшей стать на его точку зрѣнія и все время показывавшей это открыто. Ораторъ былъ нервированъ. Подстрекаемый ироническими возгласами и перерывами съ мѣстъ, онъ постоянно отклонялся на опасный для него путь импровизаціи. Деликатной темой, которой онъ не могъ обойти, былъ вопросъ объ его участіи въ Корниловщинѣ.

Исполнительный комитетъ уже внесъ по этому поводу непріятное для него постановленіе о точномъ разслѣдованіи роли правительства. Керенскій долженъ былъ принять вызовъ, но рассчитывалъ побѣдить „демократію“ довѣрительными разоблаченіями объ опасностяхъ, которыя ей угрожали и отъ которыхъ онъ, Керенскій, ее избавилъ. „О готовящемся переворотѣ“ исповѣдался онъ, „мнѣ стало извѣстно задолго до событій. И съ тѣхъ поръ я изо дня въ день принималъ всѣ мѣры“. Въмѣсто выражений благодарности все съ тѣхъ же мѣстъ раздались ядовитыя слова... первый генералъ русской революціи проговорился. Корниловщина... „своевременно и до конца вскрыта мною“, продолжалъ Керенскій. „Совѣтами и деократіей“, поправили большевики. „Да, „подхватывалъ упрямо ораторъ, „демократіей потому, что все, что я дѣлалъ и дѣлаю, я дѣлаю именемъ демократіи.“ И снова Керенскій возвращался къ своимъ заслугамъ передъ революціей. „Я предсказывалъ пришествіе „благаго генерала“. „Еще въ іюнѣ“... здѣсь ораторъ прервалъ на полусловѣ готовое сорваться признаніе, но вскорѣ неудержимо къ нему возвратился. „Я знаю, чего они хотѣли, потому что они, прежде чѣмъ искать Корнилова, приходили ко мнѣ и мнѣ предлагали этотъ путь“.

При этомъ сенсаціонномъ разоблаченіи слѣва кричатъ: „Кто приходилъ? Кто предлагалъ?“. Такъ близко поставивъ себя къ возможнымъ преступникамъ, глава правительства не можетъ поставить тутъ точку, не закрѣпивъ того впечатлѣнія, что онъ „про-

говорился". Керенскій это чувствуетъ; но ему, въ сущности, нечего сказать, ибо изъ частныхъ разговоровъ нельзя сдѣлать заговора. Игнорируя вопросъ, онъ продолжаетъ. „Я говорилъ: не ошибитесь, не думайте, что на моей сторонѣ нѣтъ силъ демократіи... Если вы только устроите нѣчто подобное, то остановится вся жизнь; не пойдутъ войска, не будутъ передаваться ваши депеши". Кто же эти „вы“, которымъ Керенскій въ іюнѣ предсказалъ неудачу корниловскаго заговора? Чувствуя невозможность остановиться на полдорогѣ, разъ вступивъ на путь разоблаченій, болѣе умѣстныхъ въ слѣдственной комиссіи, Керенскій сообщаетъ факты, но какіе? „Я утверждаю, что еще до появленія у меня В. Н. Львова къ одному виднѣйшему общественному дѣятелю въ Москвѣ явился бывший общественный дѣятель и требовалъ по особо важнымъ причинамъ свиданія со мной. *) Уходя онъ заявилъ: пусть Керенскій имѣетъ въ виду, что впредь никакія перемѣны во временномъ правительствѣ безъ согласія ставки недопустимы". Мы видѣли, что такія же точно заявленія дѣлалъ правительству Цетрели отъ имени демократическихъ органовъ. Правительство на это не соглашалось, но не видѣло въ этомъ заговора, а напротивъ, считалось съ этимъ. Но вотъ другое довѣрительное сообщеніе, которое легче провѣрить. „Передъ самымъ московскимъ совѣщаніемъ я былъ поставленъ передъ фактомъ: или немедленно выполнить опредѣленное требованіе, или н а м ъ г р о з и л и срывомъ московскаго совѣщанія. Эти требованія были отвергнуты. Корниловъ доклада во временномъ правительствѣ не получилъ и никто московскаго совѣщанія не сорвалъ". „Срывомъ" московскому совѣщанію никто не грозилъ, и всѣ страхи Керенскаго по этому поводу оказались, какъ мы знаемъ, преувеличенными (вып. 2-ой, стр. 125—126). „Требованія", представленныя Керенскому передъ московскимъ, совѣщаніемъ, вовсе не были „отвергнуты" всецѣло. Докладъ Корнилова не былъ, правда, прочтенъ въ засѣданіи временнаго правительства 10 августа, но онъ тогда же былъ прочтенъ и обсужденъ, въ частномъ совѣщаніи „Тріумвирата". Угроза Кокошкина — выйти въ отставку повела къ обсужденію части записки и во временномъ правительствѣ (11 августа), причѣмъ состоялось соглашеніе членовъ правительства по поводу Корниловскихъ „требованій". (Jbid. 108—110).

Исповѣдь Керенскаго не удалась, и ораторъ сдѣлалъ дви-

*) Это былъ Аладынь, обращавшійся къ кн. Г. Е. Львову. См. вып. II, стр. 185.

женіе къ уходу съ эстрады. Но онъ вспомнилъ, что впереди была главная часть рѣчи,—та, которой онъ хотѣлъ подготовить собраніе къ серьезному пониманію предстоящей ему задачи. Онъ остановился — и произнесъ ее. На этотъ разъ не онъ былъ виноватъ, что и эта половина его рѣчи не встрѣтила надлежащаго сочувствія и даже пониманія. Онъ говорилъ о растущей повсюду анархіи, о необходимости „напрячь всѣ силы и разумъ государства“, упомянулъ, какъ о грозномъ симптомѣ, о новомъ революціонномъ актѣ Финляндіи, о явочномъ открытіи сейма, распущеннаго правительствомъ, и о содѣйствіи этому русскихъ революціонныхъ войскъ. въ тотъ самый моментъ, когда „нѣмецкая эскадра, ознакомленная съ положеніемъ вещей, приближается къ Финскому заливу“. Увы, со скамей большевиковъ раздались при этомъ громкія одобренія . . . поведенію Финляндіи. И напрасно ораторъ старался завоевать симпатіи собранія, то угрожая ему, что „если страна не увидитъ, что здѣсь собрался доподлинный разумъ государства“, то революція потерпитъ крушеніе,—то, напротивъ, лѣстя собранію, „подъ страхомъ прослыть мечтателемъ и фантазеромъ“,—выраженіемъ полной „вѣры въ разумъ націи.“ „Мы чувствуемъ, увѣрялъ Керенскій, что въ моментъ опасности всѣ придутъ и объяснятся“. А въ отвѣтъ ему противники кричали: „а смертная казнь“ и называли его русскимъ Маратомъ. Они знали, какъ больнѣе задѣтъ оратора, который въ Москвѣ грозилъ „погубить свою душу“.

Потерявъ самообладаніе, Керенскій дрожащимъ голосомъ произнесъ слова, недопустимыя въ устахъ главы правительства: „я говорю вамъ, кричащимъ оттуда: подождите сначала, когда хотя бы одинъ смертный приговоръ будетъ подписанъ мной, верховнымъ главнокомандующимъ, и я тогда позволю вамъ проклинать меня.“ Къ чему же было издавать законы, когда главнокомандующій заранѣе обѣщалъ не примѣнять ихъ, чтобы не уронить себя во мнѣніи большевиковъ? Но и этой уступкой Керенскій не добивается подащы. Къ барьеру подходитъ молодой солдатъ и, указывая на главнокомандующаго, громко кричитъ: „вы горе родины“. Эта капля, наконецъ, переполняетъ чашу. Самолюбіе Керенскаго задѣто: онъ вспоминаетъ, наконецъ, что онъ глава арміи и правительства. И свою рѣчь, начатую въ тонѣ товарищеской откровенности, онъ кончаетъ болѣе привычнымъ тономъ угрозы. „Когда я прихожу сюда, я забываю всю условность положенія, то мѣсто, которое я занимаю, и говорю съ вами, какъ человѣкъ. Но человѣка не всѣ здѣсь понимаютъ, и тогда я скажу вамъ то—

номъ власти. Кто осмѣлится покушаться на свободу республики, кто осмѣлится занести ножъ въ спину русской арміи, тотъ узнаетъ власть временнаго правительства, правящаго довѣріемъ всей страны“.

Увы, впечатлѣніе уже сдѣлано. Это то же впечатлѣніе, какъ и въ Москвѣ, но усиленное обстановкой и неудачей пущеннаго въ ходъ ораторскаго приѣма. Неудача эта — знаменательна. Она означала, что, въ результатъ постоянного противорѣчія между словомъ и дѣломъ, власть потеряла оба противоположные способы дѣйствія на массы: довѣріе и страхъ. Точнѣе говоря, потерявъ старый способъ — дѣйствовать страхомъ, она не приобрѣла и новаго средства — дѣйствовать довѣріемъ. Массы ей больше не вѣрили, и ее никто не боялся.

Въ Москвѣ это впечатлѣніе уже было на-лицо. Но тамъ оно было прикрыто внѣшней эффектною выступленія, грозными, хотя и театральными жестами лица, облеченнаго всѣми полномочіями верховной власти. Здѣсь, среди демократической аудиторіи, оратору, хотѣвшему обезоружить слушателей товарищескимъ отказомъ отъ атрибутовъ власти, не удалось получить даже и внѣшняго успѣха. Онъ былъ побѣжденъ въ борьбѣ съ психологіей аудиторіи. Враги воспользовались его довѣреннымъ тономъ, чтобы публично его развѣнчать и унизить. Такимъ образомъ, власть, которая въ этотъ моментъ должна была быть болѣе чѣмъ когда-либо сильной, показала себя болѣе чѣмъ когда-либо слабой. Даже въ своихъ сторонникахъ, вмѣсто уваженія, она вызывала одну только жалость. Слабость этой власти сказала и въ томъ, что правительство, придя на собраніе, не имѣло созванное, не рѣшилось ни однимъ словомъ заикнуться о той главной цѣли, для которой это совѣщаніе собралось: объ устройствѣ власти. Оно предоставило защиту своего тезиса — своимъ единомышленникамъ въ самомъ совѣщаніи.

Поединокъ фракціонныхъ ораторовъ начался послѣ рѣчи военнаго министра Верховскаго, — двумысленной и бесполезной. Черновъ, Каменевъ, даже меньшевикъ Богдановъ — всѣ говорили противъ коалиціи. Первой попыткой защиты коалиціи была рѣчь Церетели, приспособленная къ составу и настроенію собранія. Если въ исполнительномъ комитетѣ, пугая демократію, онъ доказывалъ необходимость коалиціи съ цензовыми элементами слабостью демократіи самой по себѣ, то здѣсь онъ льстилъ демократію — и доказывалъ ту же необходимость — ея силой. „Бур-

жуазные“ элементы коалиціи вѣдь всегда дѣлали въ правительствѣ дѣло демократіи. Именно поэтому представители буржуазіи „бѣжали изъ правительства“ при всякомъ кризисѣ власти. Теперь, послѣ „трагикомическаго выступленія Корнилова“, за которымъ пошли только авантюристическіе элементы“ и котораго „цензовые элементы Россіи не поддержали“, — демократія сильнѣе чѣмъ когда-либо. Вотъ почему она можетъ меньше чѣмъ прежде бояться сотрудничества съ элементами буржуазіи, которые поневолѣ пойдутъ къ ней, „выбирая изъ двухъ золъ меньшее“. Буржуазія и теперь должна будетъ принять полностью, безъ урѣзокъ, старую программу демократіи ту, которая формулирована въ деклараціяхъ правительства 6-мая, 8-го іюля, и 14-го августа“. Здѣсь осторожно умалчивалось, что „старая“ программа, на которую, въ ея первоначальной формулировкѣ 6-го мая, шли „буржуазные элементы“ правительства, успѣла въ двухъ слѣдующихъ формулировкахъ превратиться въ совершенно новую, и во многихъ отношеніяхъ неприемлемую для „буржуазіи“. Одна изъ этихъ послѣднихъ была, (8-го іюля) какъ декларація о республикѣ, составлена и опубликована въ моментъ междуцарствія, между двумя коалиціями. Другая (14-го августа) не была правительственной.

Гораздо, откровеннѣе тѣ же позиціи Церетели развивалъ Черновъ въ своей рѣчи, когда говорилъ, что „коалиція должна строиться по программѣ, а не программа по коалиціи“. Но Черновъ по крайней мѣрѣ былъ послѣдователенъ и отлично понималъ, что коалиція на этихъ условіяхъ означаетъ — отрицаніе коалиціи.

Второй день демократическаго совѣщанія представилъ своеобразный интересъ. Бывшіе министры-соціалисты поняли, что нельзя защищать коалицію, исходя, какъ Церетели, изъ положеній, которыя „революціонная демократія“ привыкла считать безспорными, но которыя и заключали въ себѣ причину ея ошибокъ. Они попытались, опираясь на свой министерскій опытъ, — доказать спорность этихъ исходныхъ положеній и убѣдить „революціонную демократію“, что она оперируетъ заблужденіями и иллюзіями, а вовсе не аксіомами. Вы говорите: „идетъ борьба за власть“, спрашивалъ собраніе А. И. Пѣшихоновъ? „А я, видѣвшій, какъ люди брали власть и какъ они ее бросали, долженъ засвидѣтельствовать, что власть представляется теперь такой вещью, отъ которой всѣ отрещиваются“. Вы утверждаете, что „буржуазія“ въ правительствѣ защищала интересы своего класса? А „я долженъ напомнить, что когда всплывали очень серьез-

ные вопросы, затрагивающіе интересы низшихъ классовъ, то к. д. не противились прохожденію этихъ законовъ. Не забудьте, что хлѣбная монополія, которая наиболѣе жестоко ударяетъ по торговому классу, проведена при министрахъ к. д.; А. И. Шингаревъ провелъ ожесточенное финансовое обложеніе“. Вы говорите далѣе, что к. д. „саботировали“ революціонное законодательство? Въ дѣйствительности же к. д. „противились прохожденію нѣкоторыхъ законовъ не столько съ принципиальной точки зрѣнія, сколько съ технической: эти законопроекты были настолько слабы, что даже мы, министры-соціалисты, не всегда считали возможнымъ ихъ защищать“. Совершенно вѣрно, подтверждалъ и М. И. Скобелевъ: „когда мы приходили съ конкретными мѣропріятіями и ясно формулировали всѣ неотложныя мѣры, необходимыя въ интересахъ трудящихся, намъ всегда удавалось одолѣвать всѣ классовыя сопротивленія цензовыхъ элементовъ.“ Съ другой стороны, вѣдь и однородное соціалистическое правительство не могло бы сдѣлать всего. „Широкія массы-хотя бы отъ самыхъ радикальныхъ мѣропріятій — въ ближайшіе мѣсяцы не получаютъ ощутительныхъ результатовъ. Между тѣмъ довѣріе къ демократіи можетъ скоро быть растрчено, и широкіе слои рабочихъ и крестьянъ проклянутъ и эту власть и окружаютъ ее ненавистью, какъ и всякую другую, не способную дать этимъ массамъ на другой же день послѣ своей организаціи хлѣбъ и миръ“. На опасность программы „групповыхъ и классовыхъ притязаній“, которая „легче всего находитъ себѣ популярность въ широкихъ массахъ“, указалъ и А. И. Пѣшихоновъ. „Эта программа (14-го августа), ради которой мы совершили революцію, таитъ въ себѣ громадную опасность. Выполненіе ея было бы опасно и въ мирное время, а тѣмъ болѣе во время войны, когда удовлетвореніе ея представляетъ для государства неимовѣрныя трудности.“ Пѣшихоновъ подчеркивалъ, что въ данный моментъ „не удовлетвореніе требованій, сколь бы справедливы они ни были, а ограниченія и жертвы необходимо приносить со всѣхъ сторонъ“. И онъ добросовѣстно констатировалъ, что на принесенныя „буржуазіей“ жертвы „демократія пока не отвѣтила такими же жертвами и очень остерегается призывать къ нимъ“. „Я долженъ сказать“, признавался онъ, „что мы, соціалисты, будучи въ правительствѣ и ясно сознавая, что нѣтъ другого спасенія, какъ поставить предѣлъ требованіямъ и притязаніямъ, до сихъ поръ не находимъ въ себѣ силы этотъ предѣлъ поставить.“ То же самое заявилъ и А. С. За-

рудный. „Правительство, которое надлежитъ призвать къ власти должно понять, что намъ некогда говорить о подробностяхъ программы. Развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, въ одинъ мѣсяць провести аграрный вопросъ и контроль надъ капиталомъ? ... Единственный вопросъ, который нужно разрѣшить правительству въ ближайшую недѣлю, — это вопросъ о внѣшней минимальной безопасности нашего государства и о созывѣ Учредительнаго Собранія.“ Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія всѣ три министра находили, что обійтись безъ к. д. — или, что сведется къ тому же, безъ всей „промышленной буржуазіи“, — въ будущемъ правительству нельзя. Что касается обвиненій въ прикосновенности к. д. къ корниловскому заговору, то всѣ трое, и Скобелевъ, и Зарудный, и Пѣшихоновъ въ одинъ голосъ свидѣтельствовали о совершенной нелѣпости этихъ подозрѣній по отношенію къ министрамъ к. д. Единственный недостатокъ прежняго правительства Зарудный усматривалъ въ склонности самого Керенскаго къ „полновластному распоряженію и диктатурѣ“. И онъ очень осуждалъ министровъ, которые, по первому намеку Керенскаго, „взяли листы бумаги и написали свои прошенія объ отставкѣ“. „Я отказался отъ этого“, прибавилъ Зарудный при общихъ рукоплесканіяхъ.

Церетели съ этимъ соглашался, перелагая, однако, отвѣтственность за самовластіе Керенскаго на демократію. „Пусть сама демократія пеняетъ на себя, если на высотѣ у ея представителя закружилась голова.“ Но онъ тотчасъ же проводилъ и извиненіе. Что дѣлать? Уже въ іюлѣ пришлось уступить Керенскому, „считаясь со слабостью революціонныхъ органовъ.“ „Мы, взвѣсивъ положеніе, пришли къ заключенію, что передъ нами стоятъ два исхода: или правительство совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ съ гражданской войной въ перспективѣ, или та несовершенная форма власти, которою созданы персонификація власти и коалиція ... Мы остановились на послѣдней формѣ. Будь революціонная демократія болѣе организована, этого выхода никто бы не предложилъ“.

Оправдавъ, такимъ образомъ, режимъ Керенскаго и коалиціи только какъ наименьшее зло, Церетели возвращалъ пренія въ традиціонную колею, и по ней они пошли дальше. Свободныя отъ условныхъ иллюзій заявленія Скобелева, Пѣшихонова и Заруднаго такъ и остались гласомъ вопіющихъ въ пустынь. Къ этимъ голосамъ, кромѣ заявленія кооператоровъ, точка зрѣнія, которыхъ намъ извѣстна, можно присоединить еще только предостерегаю-

щіє голоса Чхенкели и Минора, въ рѣчахъ которыхъ звучала неподдѣльная боль за страданія и униженіе родины. Чхенкели говорилъ по поводу выступленій делегатовъ разныхъ національностей, что тутъ онъ „почувствовалъ одинъ изъ самыхъ печальныхъ, быть можетъ, актовъ російской трагедіи“. Тутъ не только сталъ вопросъ о сепаратизмѣ инородцевъ, но и вопросъ о русской націи, — вопросъ роковой для всей страны. „Гдѣ она, эта нація, спрашивалъ Чхенкели: „я хотѣлъ бы выслушать и ея представителя“. „У насъ, грузинъ, бьется національное чувство, которое очень трудно отличить отъ государственнаго російскаго чувства: и хотѣлось бы, чтобы русскіе сказали, что ихъ государственное чувство очень мало отличается отъ національнаго чувства грузинъ.“ Но, увы, этого нѣтъ. „Среди толковъ о всевозможныхъ политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ и иныхъ планахъ не чувствуется одного: не чувствуется національной тревоги за судьбу Россіи, перестало ощущаться національное самочувствіе“. „Когда к. д. насъ спрашивали,“ продолжалъ ораторъ, „чѣмъ вы хотите спасти страну, мы всегда отвѣчали: революціей. Но прошло шесть мѣсяцевъ, и у меня начинается вѣра, спасетъ ли революція Россію... Священныя слова деклараціи петроградскаго совѣта 14-го марта ко всѣмъ народамъ міра имѣютъ значеніе и понынѣ. Но дѣла за этими словами не видно. На фронтѣ мы становимся съ каждымъ днемъ слабѣе, въ тылу углубляется разруха, и нашъ вѣсъ въ международномъ концертѣ державъ становится все ничтожнѣе и ничтожнѣе... Передо мною сталъ вопросъ: можемъ ли мы взойти на высоту тѣхъ величайшихъ задачъ, которыя мы себѣ поставили?... Если есть чувство національнаго самосохраненія, если есть тревога, есть энтузіазмъ, — тогда мы можемъ преодолѣть всѣ опасности. Если нѣтъ, то всѣ наши пожеланія не имѣютъ никакого значенія... и остается поставить вопросъ: не слѣдуетъ ли Грузіи сдѣлаться Тавризомъ великой русской революціи?...”

Такая же нота сомнѣнія, близкаго къ отчаянію, звучала въ обращеніи къ съѣзду стараго революціонера и ссыльнаго, Минора. „Гдѣ у васъ исторія, гдѣ ваши собственные взгляды“, спрашивалъ онъ товарищей-соціалистовъ. „Неужели все забыто и, вы полагаете, изъ предѣловъ существующаго можно прямо перескочить къ новымъ формамъ бытія?... Сможетъ ли однородное соціалистическое правительство удовлетворить тѣ нужды, которыя не удовлетворило коалиціонное? Сможетъ ли оно исправить больные паровозы для перевозки хлѣба изъ Сибири въ Москву? Таково

„объективное положеніе вещей, которое, мы, социалисты, во время войны безсильны исправить“ . . . Довольно же „блестящихъ рѣчей, которыя замѣняютъ блестящія мысли“. „Чѣмъ больше лжи мы будемъ говорить, тѣмъ хуже будетъ для революціи“. И Миноръ умолялъ Собраніе вынести однородное рѣшеніе въ пользу коалиціи. Иначе, большинство — все равно какое — должно будетъ заставить меньшинство себя подчиниться. „Если вы не вынесете однороднаго рѣшенія, то, знайте, передъ нами времена великой французской революціи. Знайте это и помните: нечего себя обманывать. Мы будемъ рѣзать“. „Кого“, спрашивали оратора съ мѣста? „Мы будемъ рѣзать другъ друга“, окончилъ Миноръ при гробовомъ молчаніи всего зала. Никто не рѣшился хлопнуть человѣку, который, въ столь неподходящей средѣ людей, старавшихся оглушить себя словами, смѣло взялъ на себя роль Кассандры русской революціи.

„Однородное рѣшеніе?“ Но „Воля Народа“ теперь насчитывала шесть рѣшеній по основному вопросу о реконструкціи власти:

- 1) Вся власть большевикамъ.
- 2) Вся власть совѣтамъ.
- 3) Вся власть однородному социалистическому правительству, отвѣтственному дередъ предпарламентомъ.
- 4) Вся власть коалиціонному правительству безъ к. д. на основѣ платформъ 14-го августа, отвѣтственному передъ предпарламентомъ.

5) Та же формула, но съ включеніемъ к. д.

6) Вся власть коалиціонному министерству со включеніемъ к. д. и отвѣтственному только передъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Конечно, сочувствіе совѣщанія распредѣлялось между этими формулами неравномѣрно. За первое рѣшеніе, собственно, прямо не высказывался никто. И Церетели могъ еще безнаказанно провозгласить большевиковъ, предлагая имъ „захватить власть“ и доказывая, что этого-то именно они и не хотятъ и не могутъ сдѣлать, а желаютъ только критиковать другихъ. За второе мнѣніе стояла сплоченная большевистская группа, очевидно не составлявшая большинства, хотя и находившая поддержку у лѣвыхъ с.-р.-овъ. Третій взглядъ уже находилъ поддержку и у части меньшевиковъ и могъ рассчитывать на побѣду, хотя и сомнительную. Четвертая формула. искусственная и противорѣчивая, ибо безъ к. д. коалиція была неосуществима — и это всѣ понимали, — однако находила наибольшее число приверженцевъ, какъ компромиссная.

За нее могъ стоять и Церетели, и Богдановъ. и Черновъ. Пятая формула — эта та, которую и Церетели, и Черновъ готовы были защищать лично, но за которую коллективно высказывались лишь правыя группы совѣщанія, такъ какъ присутствіе к. д. было несовмѣстимо съ признаніемъ платформы 14 го августа и съ отвѣтственностью передъ предпарламентомъ. Единственная послѣдовательная формула, которую можно было противопоставить двумъ большевистскимъ, была шестая. Но за нее стояли лишь правыя группы с.-р. и с.-д. и болѣе правыя социалистическія партіи (народные социалисты). Только въ этихъ правыхъ группахъ, Аргунова и Брешковской, Плеханова и Потресова, Керенскій находилъ безусловную поддержку. Уже Авксентьевъ колебался между Брешковской и Черновымъ, а Церетели рѣзко отходилъ отъ Потресова къ Богданову.

Однако, когда Троцкій констатировалъ, что въ совѣщаніи „никто не взялъ на себя завидной роли защищать пятерку, директорію и ея представителя Керенскаго“, собраніе сразу почувствовало, что это говоритъ общій врагъ. Недостатокъ энтузіазма къ главѣ правительства былъ восполненъ довольно единодушной и шумной демонстраціей въ честь Керенскаго. Зарудный могъ говорить о „самовластіи“ Керенскаго, и Церетели могъ шутить, что у Керенскаго „закружилась голова“. Это были — свои. Но когда Троцкій сказалъ, что Керенскій своимъ отказомъ отъ подписанія смертныхъ приговоровъ „превращаетъ рѣшеніе о смертной казни въ актъ легкомыслія, который стоитъ за предѣлами преступности“, то это говорилъ чужой. Правда, приходилось молчать, когда съ мѣстъ раздавались при этомъ восклицанія: „правильно.“ Репутація Керенскаго, какъ политика и человѣка, видимо, доживала послѣдніе дни. Но за него здѣсь, въ кругахъ „революціонной демократіи“, еще держались, какъ за послѣднюю точку опоры, могущую удержать народный организмъ на самомъ краю той бездны, какую для большинства присутствовавшихъ представляла побѣда большевизма.

За исключеніемъ этого, скорѣй инстинктивнаго, чѣмъ сознательнаго мотива, ничто не объединяло собравшихся. У демократическаго совѣщанія не было никакого мнѣнія по конкретному вопросу, постановленному на его обсужденіе. Это и сказалось въ его голосованіяхъ, въ заключительномъ засѣданіи совѣщанія 19-го сентября.

Рѣшено было голосовать сперва общій вопросъ: за или про-

тивъ коалиціи. Вторымъ долженъ былъ голосоваться вопросъ, какая именно должна быть коалиція. Противники коалиціи настояли большинствомъ 650.голосовъ противъ 574 на томъ, чтобы голосованіе было поименное, разсчитывая этимъ терроризировать часть сторонниковъ коалиціи. Дальнѣйшее давленіе на собраніе было произведено выступленіемъ, по мотивамъ голосованія, представителя Балтійскаго флота, который вступилъ въ эти дни въ открытый конфликтъ съ правительствомъ. Этотъ представитель грозилъ силой „защищать совѣты р. с. д.“ противъ коалиціи. Голосованіе за и противъ коалиціи дало слѣдующіе результаты:

	За.	Противъ.	Воздерж.
1. Кооперативы	140	23	1
2. Совѣты крест. деп.	102	79	12
3. Города	114	101	8
4. Продовол., зем. комит. эконом. организаціи	31	16	1
5. Военныя организаціи	64	54	7
6. Прочія организ.	84	30	1
7. Совѣты р. и с. д.	83	192	4
8. Професс. раб. союзы	32	139	2
9. Національныя орган.	13	44	2
10. Земства	9	29	2
Итого-	672	698	40

Неслучайнымъ въ этомъ голосованіи надо признать голосованіе кооперативовъ, крестьянъ и связанныхъ съ реальной работой экономическихъ организацій въ пользу коалиціи. Здѣсь сказалась тяга земли. Не случайно, конечно, было и голосованіе пролетарскихъ организацій (совѣтовъ профессиональныхъ и рабочихъ союзовъ) противъ коалиціи. Голосъ дѣйствительности съ фронта сказался въ вотумѣ военныхъ организацій. Характерно также, что, при всемъ преобладаніи радикальныхъ настроеній въ новомъ городскомъ самоуправленіи, голосъ городовъ все же склонился въ сторону благоразумія. Напротивъ, вотумъ демократизированныхъ земствъ, слишкомъ недостаточно представленныхъ численно, нужно считать совершенно случайнымъ. Національныя организаціи, конечно, были представлены искусственно крайними социалистическими элементами; но именно это характерно для всей постановки національнаго вопроса, какъ это и отмѣтилъ Чхенкели. Любопытно, что рѣчь оратора съ кіевскаго сѣзда національностей произвела

впечатлѣніе комическаго элизода. Трагической стороны дѣла, понятной для Чхенкели, демократическое совѣщаніе вовсе не почувствовало.

Не очень значительный перевѣсъ, полученный сторонниками государственности и политическаго благоразумія, поощрилъ противниковъ коалиціи къ дальнѣйшему натиску. Предстояло еще голосованіе слѣдующаго вопроса: какъ понимать коалицію? Вопросъ этотъ голосовали въ формѣ дзухъ „поправокъ“. 1) „За предѣлами коалиціи остаются элементы, какъ партіи к. д., такъ и другихъ партій, причастные къ корниловскому мятежу“ и 2) болѣе рѣшительная: „за предѣлами коалиціи остается партія к. д.“. Л. Троцкій немедленно открылъ дальнѣйшую игру большевиковъ: они будутъ голосовать за обѣ поправки, а затѣмъ, испортивъ посильно этими поправками принятую резолюцію, опять отвергнуть ее въ цѣломъ. Собраніе безъ всякаго сопротивленія дало себя поймать въ эту ловушку. Первая поправка была принята тѣми же голосами, какъ и самая резолюція. 797-ю голосами большинства, принявшаго идею коалиціи, вмѣстѣ съ большевиками, было заявлено (противъ 139 при 196 воздержавшихся), что это большинство понимаетъ эту коалицію, какъ свободную отъ лицъ, непосредственно замѣшанныхъ въ корниловскомъ мятежѣ. Этимъ, въ сущности, устранялась вторая поправка, болѣе радикальная. Однако, она тоже голосовалась, вопреки протесту Церетели, и тоже была принята 595-ю голосами — очевидно противниковъ коалиціи, противъ 493 ея сторонниковъ, при 72 воздержавшихся. У получившейся такимъ образомъ формулы: коалиція безъ к. д. — почти не оказалось — сторонниковъ. Гоцъ заявилъ по мотивамъ голосованія, что „въ виду того, что вторая поправка, принятая совѣщаніемъ, въ корнѣ разрушаетъ самую возможность коалиціи, часть с.-р., сторонниковъ коалиціи, будетъ голосовать противъ формулы въ цѣломъ и снимаетъ съ себя отвѣтственность за создавшееся положеніе“. Беркенгеймъ отъ имени кооператоровъ присоединился къ Гоцу: они тоже будутъ голосовать противъ и будутъ считать, что тѣмъ самымъ голосуютъ противъ власти совѣтовъ. Каменевъ отъ имени большевиковъ и М. Спиридонова отъ лѣвыхъ с.-р.-овъ болѣе послѣдовательно заявили: они будутъ голосовать противъ именно потому, что они — за власть совѣтовъ. И только Мартовъ отъ имени меньшевиковъ-интернаціоналистовъ неожиданно заявилъ, что готовъ принять коалицію безъ к. д., ибо это „большой шагъ впередъ въ сторону освобожденія демократіи отъ [вліянія к. д.]“.

Вполнѣ откровенно, отъ имени меньшевиковъ, голосовавшихъ за коалицію, объяснилъ сложившееся положеніе Данъ. Россійская демократія по основному вопросу момента раскололась до такой степени, что уже не въ состояніи выступить, какъ объединенная сила. Теперь разрозненныя части демократіи будутъ рѣшать вопросъ, каждая за свой страхъ и рискъ, къ величайшему ущербу для всей страны. Отвѣтственность за такой исходъ Данъ перелажалъ на ту часть совѣщанія, которая все время боролась противъ коалиціи; хотя, казалось бы, это крыло только осталось вѣрно само себѣ и знало, чего хочетъ.

Противъ формулы „коалиція безъ кадетъ“ оказалось 813 голосовъ сторонниковъ коалиціи и ея противниковъ, противъ 183 доктринеровъ типа Церетели и сторонниковъ коалиціи во что бы то ни стало. Число воздержавшихся въ этой путаницѣ возросло до 80-ти. По коренному вопросу всей своей программы — созвѣщаніе осталось, такимъ образомъ, безъ мнѣнія и безъ формулы...

Среди смущенія однихъ и торжества другихъ, въ половинѣ 1-го часа ночи, былъ объявленъ перерывъ. Черезъ сорокъ минутъ засѣданіе возобновилось, и Церетели предложилъ выходъ изъ получившагося тупика. „Президіумъ, обсудивъ создавшееся положеніе, единогласно призналъ, что среди организованной демократіи нѣтъ единства воли, которая могла бы быть претворена въ жизнь“. А потому, „принимая это голосованіе, какъ показатель настроенія собранія, президіумъ предлагаетъ совѣщанію и вообще всѣмъ организаціямъ пойти другъ другу навстрѣчу и сдѣлать уступки, чтобы найти ту формулу, въ которой могла бы быть выявлена единая воля демократіи“. Для этого предлагается всѣмъ группамъ и фракціямъ устроить совместно съ президіумомъ особое засѣданіе, пославъ туда по одному человѣку отъ группы, по три отъ партіи и, по желанію, полные составы центральныхъ комитетовъ партій. Утомленное собраніе единогласно рѣшило сложить съ себя рѣшеніе головоломной задачи. Для успокоенія совѣсти оно такъ же единогласно „постановило, что оно не разѣдется, пока не будутъ установлены условія организаціи и функціонированія власти въ приемлемой для демократіи формѣ“.

Бѣдное собраніе! Оно только-что констатировало своими голосованіями, что, исходя изъ своихъ общепринятыхъ заблужденій, оно не можетъ найти приемлемой для себя формы, сколько бы ни сидѣло. Но надо же было какъ-нибудь спасти лицо... И условное лицемѣріе Церетели весьма кстати пришло на выручку...

III. „Демократія“ идетъ на компромиссъ съ „буржуазіей.“

Возобновленіе переговоровъ съ к. д. и промышленниками. Усилія Церетели (словесный компромиссъ). Переговоры „демократіи“ съ „буржуазіей“. Отказъ „демократіи“ отъ принципиальныхъ требованій. „Настроеніе“ цензовыхъ элементовъ. Программы уступки „демократіи“. Организациа „предпарламента“. Окончательная санкція „демократіи“. Окончаніе кризиса. Министры к. д. и Керенскій. Отношеніе социалистовъ къ министерству. Группы поддерживающія правительство.

Временное правительство безъ особой тревоги слѣдило за „муками слова“ демократическаго совѣщанія. 10-го сентября, какъ мы видѣли, оно отказалось отъ сформированія кабинета до рѣшенія собранія. Но уже 13-го, т. е. наканунѣ дѣйствительнаго открытія совѣщанія, А. Ф. Керенскій просилъ москвичей Н. М. Кишкнна, П. Н. Малянтовича, а также представителей торгово-промышленниковъ, А. И. Коновалова, П. А. Бурышкина, С. Н. Третьякова, С. Смирнова и С. М. Четверикова пріѣхать въ Петроградъ для продолженія переговоровъ. Выработавъ предварительно условія для своего вступленія, московскіе дѣятели пріѣхали 14-го и предъявили свои шесть пунктовъ — все тѣ, что и прежде: 1) рѣшительная борьба съ анархіей, 2) обезпеченіе свободы выборовъ въ Учредительное Собраніе, 3) равенство правъ всѣхъ министровъ входящихъ въ правительство, т. е. уничтоженіе „тріумвирата“ и „директоріи, 4) органическаго работа по возсозданію боеспособности арміи, безъ всякихъ уклоненій въ сторону демагогіи, 5) независимость временнаго правительства отъ всякихъ безотвѣтственныхъ партійныхъ и классовыхъ организацій и 6) вхожденіе въ составъ кабинета партіи народной свободы. Керенскій не возражалъ, но и не дѣлалъ опредѣленныхъ предложеній. Онъ выжидалъ рѣшеній совѣщанія. Друзья Керенскаго обнадеживали его, что въ совѣщаніи можетъ создаться благоприятное для правитель-

ства большинство. 15-го сентября утромъ, однако, Керенскій сдѣлалъ шагъ впередъ, указавъ московскимъ кандидатамъ тѣ портфели, на которые они могутъ разсчитывать: призрѣнія, министерства торговли, государственнаго контролера и председателя экономическаго совѣщанія. Москвичи не возражали, но повторили, что для нихъ главное—та программа, которую они выставили, а также и то условіе, чтобы министры-соціалисты не подавляли другихъ своей численностью. Вечеромъ 15-го состоялось совѣщаніе кандидатовъ со всѣми министрами, причемъ было установлено, что между тѣми и другими нѣтъ никакихъ разногласій на почвѣ предъявленной москвичами программы. Тѣмъ же вечеромъ кандидаты выѣхали въ Москву для окончательныхъ переговоровъ съ единомышленниками. Вопросъ о реконструкціи кабинета продолжалъ считаться открытымъ.

Въ ближайшіе дни былъ сдѣланъ, однако, одинъ шагъ, который показывалъ, что Керенскій идетъ къ своей цѣли, не дожидаясь рѣшенія совѣщанія. С. Н. Прокоповичъ былъ переведенъ изъ министерства торговли, которое хотѣли получить представители торгово-промышленнаго класса, и назначенъ министромъ продовольствія на мѣсто окончательно ушедшаго А. В. Пѣшехонова. Указъ объ этомъ былъ опубликованъ въ „Собраніи Узаконеній“ 17-го сентября. Въ вечернемъ засѣданіи 19-го сентября министры послѣдовательно узнали, — сперва, что совѣщаніе приняло большинствомъ принципъ коалиціи, а затѣмъ, что вторымъ вотумомъ оно коалицію отвергло. Такъ какъ, однако, отвергнута была не вообще коалиція, а коалиція безъ кадетовъ, то возможно было считать первый вотумъ совѣщанія сохраняющимъ силу. Въ противномъ случаѣ, получался выводъ, что у совѣщанія вообще нѣтъ никакого мнѣнія о переустройствѣ власти. Въ томъ и другомъ случаѣ, Керенскій считалъ себя вправѣ держаться своей прежней линіи поведенія. Онъ послалъ на слѣдующій день, 30-го сентября, управляющаго дѣлами Гальперна сообщить И. Г. Церетели въ Смольный, что совѣтъ пяти, основываясь на первомъ вотумѣ совѣщанія, уже составилъ кабинетъ съ представителями цензовыхъ элементовъ и завтра предполагаетъ опубликовать полный составъ временнаго правительства. Въ 3 часа того же 20-го сентября Керенскій сообщилъ и С. Н. Третьякову въ Москву, что онъ, Коноваловъ, Кишкинъ и Смирновъ уже назначены на министерскіе посты и что на слѣдующій день, 21-го эти назначенія будутъ опубликованы.

Въ Смольномъ съ половины перваго засѣдалъ президіумъ совѣщанія съ представителями центральныхъ комитетовъ и группъ, представленныхъ на совѣщаніи. Какъ только поставленъ былъ вопросъ о переустройствѣ власти, снова полились безконечныя рѣчи. Каждая партія продолжала стоять на своемъ. Меньшевики не хотѣли коалиціоннаго министерства. Большевики не выражали желанія безусловно поддерживать даже и однородное социалистическое правительство по программѣ 14-го августа. Среди этихъ треній Церетели получилъ приведенное сообщеніе Керенскаго. Онъ просилъ передать ему, что подобный выходъ изъ создавшагося положенія неприемлемъ и не можетъ привести къ желательнымъ результатамъ, ибо такой составъ правительства, какой предположенъ, не встрѣтитъ поддержки „революціонной демократіи“. Получивъ этотъ отвѣтъ, Керенскій выразилъ намѣреніе лично явиться въ 5 часовъ въ засѣданіе президіума. Приходилось спѣшить, чтобы къ приходу главы правительства имѣть хоть какое-нибудь мнѣніе.

Церетели предложилъ тогда оставить пока въ сторонѣ вопросъ о власти, какъ спорный, и остановиться на вопросѣ, въ которомъ всѣ были согласны: — вопросѣ о предпарламентѣ, который долженъ самъ создать власть, передъ собой отвѣтственную. Тотчасъ же выяснилось, однако, что большевики, хотя и создаютъ этотъ „предпарламентъ“ или, какъ они его называли, „конвентъ“ изъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, а для этого предлагаютъ отложить его образованіе на двѣ недѣли, до новаго съѣзда совѣтовъ. Кооператоры и представители самоуправления находили, что такая отсрочка невозможна, ибо власть надо создавать немедленно. Въ 4 часа былъ сдѣланъ перерывъ, сторонники однороднаго правительства устроили совѣщаніе, послѣ котораго было предложено формулировать рѣшеніе. Въ перерывѣ сторонники однороднаго правительства устроили совѣщаніе съ сторонниками коалиціи, Чхенкели, Гоцемъ и др., которыхъ начали склонять на свою сторону. Какъ только объ этомъ стало извѣстно въ кулуарахъ, кооператоры рѣшительно запротестовали, считая, что первый вотумъ демократическаго совѣщанія, о принципѣ коалиціи, не можетъ быть уничтоженъ нелѣпыми прибавками, затемнившими его смыслъ.

Однако, когда по возобновленіи засѣданія, былъ поставленъ на голосованіе вопросъ о коалиціонномъ министерствѣ, за него вотиروали только 50 голосовъ: 60 голосовъ оказались на сторонѣ однороднаго министерства. Каменевъ великодушно согласился не свергать такого правительства... до съѣзда

совѣтовъ. Сторонники коалиціи заявляли, что, подчиняясь голо-
сованію, они, однако, въ такое правительство вступить не могутъ,
ибо считаютъ его гибельнымъ для Россіи. Церетели констатиро-
валъ тогда, что президіумъ не исполнилъ порученной ему задачи,
ибо голоса опять раздѣлились, и однороднаго министерства нельзя
„протащить“ при сопротивленіи цѣлой половины участниковъ
совѣщанія. „Какъ можно говорить теперь объ упраздненіи госу-
дарствомъ силами одной демократіи“, съ отчаяніемъ говорилъ
онъ, „если въ своей небольшой средѣ мы не умѣемъ создать
коалиціи?“ Единственный возможный выходъ Церетели видѣлъ въ
томъ, чтобы снять вопросъ о коалиціи съ обсужденія, „и пусть
выбранный нами органъ рѣшитъ вопросъ о подборѣ тѣхъ или
другихъ лицъ на опредѣленной программѣ“. Другими словами,
органъ, которому демократическое совѣщаніе передовѣрило
рѣшеніе, предлагалъ передовѣрить его дальше, уже въ третью
инстанцію.

Въ началѣ шестого часа пріѣхалъ Керенскій и произнесъ
передъ собраніемъ президіума съ приглашенными большую рѣчь.
Послѣ ея произнесенія онъ немедленно уѣхалъ. Рѣчь Керенскаго
произвела впечатлѣніе — не столько той мрачной картиной поло-
женія страны, которую онъ набросалъ — и которая въ его устахъ
потеряла характеръ новизны, сколько его опредѣленными наме-
ками, что въ случаѣ рѣшенія совѣщанія создать однородное пра-
вительство, онъ въ его образованіи участія не приметъ. Керен-
скій высказалъ также желаніе, чтобы намѣчаемый совѣщаніемъ
„предпарламентъ“ не былъ выбранъ совѣщаніемъ, а назна-
ченъ правительствомъ.

По уходѣ Керенскаго пренія возобновились. Сторонники
коалиціи требовали пересмотра и отмѣны только что состоявшагося
рѣшенія. Противники коалиціи протестовали. Въ разгорѣвшихся
снова преніяхъ выяснилось, что ни Церетели, ни другіе министры-
соціалисты въ однородное правительство не войдутъ. И прези-
діумъ снова очутился въ тупикѣ. Приходилось послѣдовать совѣту
Церетели, т. е., признавъ свою неспособность рѣшить вопросъ,
передать рѣшеніе другому органу, — конечно съ согласія совѣ-
щанія. Собраніе лишь констатировало, что оно согласно въ трехъ
вопросахъ: 1) въ признаніи необходимости отвѣтственности пра-
вительства передъ представительнымъ органомъ, который будетъ
организованъ демократіей, 2) въ признаніи обязательности для
правительства программы 14-го августа, пополненной проектомъ

объ „активномъ веденіи внѣшней политики въ цѣляхъ скорѣйшаго заключенія всеобщаго демократическаго мира“ и 3) въ рѣшеніи избрать особый органъ, которому и поручить на указанныхъ условіяхъ приступить къ организаціи власти, не связывая его никакимъ обязательнымъ постановленіемъ въ смыслѣ приглашенія тѣхъ или иныхъ министровъ. Въ составъ этого органа должны были, по предложенію Церетели, войти всѣ политическія партіи, представленныя на совѣщаніи, а также кооперативы, пропорціонально ихъ численности. Если окажется, что власть нужно будетъ образовать на началѣ коалиціи, тогда въ тотъ же органъ могутъ быть введены и представители цензовыхъ элементовъ—конечно, съ сохраненіемъ перевѣса демократіи. Этотъ послѣдній пунктъ прошелъ 56-ю голосами противъ 48-ми, но только потому, что было 10 воздержавшихся. Ограничительныя поправки, внесенныя сторонниками однороднаго министерства, были на этотъ разъ отвергнуты. На этомъ, наконецъ, засѣданіе президіума было закрыто. Цѣлый день, параллельно съ нимъ, засѣдали и фракціи партій, говорились рѣчи, но никакихъ рѣшеній, въ ожиданіи предложенія президіума, не принималось. Только теперь, уже вечеромъ, фракціи были освѣдомлены о принятыхъ президіумомъ постановленіяхъ. Послѣдовали новыя рѣчи. У меньшевиковъ, послѣ продолжительныхъ обсужденій, предложенія Церетели прошли, при чемъ ихъ обѣщали поддерживать всѣ, отъ Потресова до Мартова. Не такъ гладко пошло дѣло у с. р.—овъ, которые спорили до половины 12-го ночи: группа Чернова принимала предложенія Церетели лишь съ нѣкоторыми поправками.

Въ 11½ час., наконецъ, открыто было засѣданіе демократическаго совѣщанія въ Александринскомъ театрѣ, пятью часами позже назначеннаго срока. Докладъ Церетели уже носилъ окраску официальнаго оптимизма. „Мы нашли общій языкъ“, „мы подняли общее знамя“, „призракъ разрыва, навѣявшій вчера ужасъ на собраніе, сегодня разсѣянъ“; „опасность уничтоженія единства въ рядахъ революціонной демократіи“ устранена. Церетели изложилъ рѣшенія президіума, какъ исполненіе рѣшенія собранія „найти то общее, что объединяетъ всю организованную демократію.“ Платформа 14 го августа, отвѣтственность власти передъ „органами всенародной воли“ и соотвѣтственная перестройка власти на новыхъ началахъ; наконецъ, созданіе такого органа, который бы отражалъ всенародное настроеніе (Церетели намѣренно не сказалъ здѣсь „волю“) втеченіе двухъ мѣсяцевъ, отдѣляющихъ страну отъ Учре-

дительнаго Собранія. Таковы были звенья цѣпи, логически связанныя и очень искусно прикрывшія отъ демократіи тотъ провалъ, который ожидалъ ее при встрѣчѣ этихъ пріемлемыхъ для нея и хорошо звучащихъ предложеній съ дѣйствительнымъ настроеніемъ правительства и послѣдовательныхъ сторонниковъ коалиціи. Для правой части совѣщанія и для самого Церетели, предупрежденнаго Керенскимъ, эта опасность, правда, была ясна. Они пытались устранить ее, — но не по существу и не путемъ открытаго компромисса, а путемъ словесныхъ уловокъ и намѣренныхъ неясностей, рассчитанныхъ на невнимательность большой аудиторіи. Такъ, „постоянный правительственный органъ“, передъ которымъ должно было отвѣчать правительство, въ проектѣ резолюціи уже предполагалось „выдѣлить изъ среды“ съѣзда (п. 2-ой), тогда какъ для переговоровъ съ правительствомъ создавалась особая коллегія пяти, которая и должна была немедленно „предпринять необходимые практическіе шаги для содѣйствія образованію власти на вышеуказанныхъ началахъ“ (п. 4-ый). Третій пунктъ резолюціи гласилъ: „правительство должно быть подотчетно этому органу и отвѣтственно передъ нимъ“. Но, по просьбѣ кооператоровъ и согласно желанію Керенскаго, Церетели здѣсь вставилъ послѣ первыхъ двухъ словъ фразу, противорѣчившую остальному содержанію пункта: „правительство должно санкціонировать этотъ органъ“ и. т. д.

Предсѣдатель совѣщанія предложилъ принять проектъ резолюціи Церетели безъ преній, но это не прошло. Предложеніе правда, было принято единогласно, но фракціонные ораторы получили слово по мотивамъ голосованія. Большинство фракцій въ этотъ моментъ, правда, не воспользовались словомъ для споровъ. Меньшевики объединенные и меньшевики интернаціоналисты, социалисты-революціонеры, народные социалисты и трудовики, умѣренныя кооператоры и крайніе представители рабочихъ коопераций, наконецъ, казаки, скрѣля сердце, съ разными оговорками, согласились голосовать за резолюцію Церетели. Только Троцкій остался неумолимъ. Отъ имени большевиковъ онъ соглашался принять условія, ограничивающія правительство, платформу и отвѣтственность, но былъ несогласенъ принять способъ составленія предпарламента и согласиться на участіе цензовыхъ элементовъ въ немъ и въ правительствѣ. Онъ заранѣе заявилъ, что въ случаѣ принятія этой части резолюціи, большевики будутъ голосовать противъ всей резолюціи въ цѣломъ. Часть собранія, однако

все еще рассчитывала удержать большевиковъ съ собой, и съ мѣстъ слышались наивныя восклицанія: „Троцкій, не торгуйся“.

Началось голосованіе. Платформа, отвѣтственность, „представительное учрежденіе впредь до Учредительнаго Собранія отражающее волю страны“ — словомъ, все содержаніе пункта перваго принято было громаднымъ большинствомъ 1150 противъ 171, при 24 воздержавшихся. Оппозиція болѣе чѣмъ удвоилась при второмъ пунктѣ, содержащемъ положеніе о „цензовыхъ элементахъ“ и о „выдѣленіи“ представительнаго органа „изъ среды“ совѣщанія — положенія, противъ которыхъ возражалъ Троцкій. Второй пунктъ былъ принятъ 774-мя голосами противъ 385, при 84 воздержавшихся. Это былъ максимумъ оппозиціи, и большевики увидали, что они не въ состояніи повліять на исходъ голосованія. Тогда они перешли къ тактикѣ воздержанія. Когда ко второму пункту была внесена поправка, что въ представительномъ органѣ должно быть обезпечено преобладаніе демократіи, то число сторонниковъ пункта поднялось уже до 941, и только 8 голосовали противъ. Но 274 воздержалось. Въ третьемъ пунктѣ вставка Церетели о „санкціи“ представительнаго органа правительствомъ вызвала такое возбужденіе, что передъ голосованіемъ Церетели самъ выбросилъ эти слова. Тогда чистая „подотчетность“ и „отвѣтственность“ была принята центромъ, при участіи большевиковъ противъ правыхъ элементовъ, почти тѣми же цифрами голосовъ, какъ первый пунктъ: 1064 противъ одного, при 123 воздержавшихся. Послѣдній пунктъ резолюціи предлагалъ президіуму „къ завтрашнему дню представить проектъ выборовъ постояннаго учрежденія изъ состава съѣзда“, а также избрать пять представителей изъ своей среды для немедленнаго „содѣйствія“ образованію власти на вышеуказанныхъ началахъ, съ „санкціей — и подъ условіемъ отчета въ своей работѣ вышеупомянутому правительственному учрежденію“. Этотъ пунктъ принятъ былъ 922 голосами противъ 5, при 233 воздержавшихся.

Настроеніе совѣщанія, такимъ образомъ, выяснилось окончательно. Въ немъ былъ сильный центръ, защищавшій бесполезный компромиссъ, непріемлемый для правительства, и два крыла, стоявшія за чистую и послѣдовательную тактику: болѣе сильное крыло за тактику большевиковъ, болѣе слабое — за тактику временнаго правительства. Численно эти части можно выразить цифрами: центръ — около 774, правое крыло (кооператоры, самоуправленіе, деревня) — отъ 123 до 171; лѣвое крыло (большевики

и лѣвые с.-р-ы) — отъ 233 до 274. Последняя группа, замѣтивъ свое безсиліе повліять на совѣщаніе, поспѣшила тотчасъ же отъ него оторваться.

Для конца совѣщанія она спровоцировала скандалъ. Луначарскій передъ голосованіемъ резолюціи въ цѣломъ, заявилъ, что большевики будутъ голѣсовать противъ нея, потому что смыслъ резолюціи оказался значительно измѣненнымъ“ путемъ якобы „стилистическихъ“ поправокъ. Такъ, иронически говорилъ онъ, послѣ „кооперации съ гражданами кооператорами“ появилась „санкція“ правительствомъ представительнаго органа; вмѣсто того, чтобы „творить власть“, проектируемый органъ лишь содѣйствуетъ созданію власти, причемъ степень содѣйствія оказывается неопредѣленной“. Возраженія были справедливы: въ инкриминированныхъ словахъ дѣйствительно заключались не „стилистическія“, а принципиальныя разногласія. Совѣщаніе шло на то, чтобы вскрыть это разногласіе. Но теперь, когда о немъ было громко заявлено, предсѣдатель Лвксентьевъ и Церетели поспѣшили на выручку, готовые пожертвовать обнаруженіемъ принципиальнаго разногласія съ большевиками въ самой резолюціи. Вставка о „санкціи“ уже изъята, констатировалъ предсѣдатель. Вмѣсто слова „содѣйствовать“ Церетели предложилъ сказать — въ сущности такъ же неопредѣленно: — „принять мѣры къ созданію власти“. Но онъ имѣлъ неосторожность прибавить: „съ этихъ поръ, говоря съ товарищами большевиками, я буду брать нотаріуса и двухъ писцовъ“. Въ залѣ поднялся невообразимый шумъ. Большевики требовали призвать Церетели къ порядку и грозили уходомъ. Сторонники Церетели устроили ему овацію. Послѣ перерыва, въ половинѣ четвертаго ночи, Церетели заявилъ, что его замѣчаніе относится только къ двумъ говорившимъ большевикамъ, Луначарскому и Каменеву. Инцидентъ объявленъ былъ исчерпаннымъ.

Въ отсутствіи части большевиковъ вся резолюція въ цѣломъ была поставлена на голосованіе. Голосованіе дало результатъ: 829 (центръ и правое крыло) за резолюцію, 186 (лѣвые) противъ, 69 воздержались.

Слѣдующій день, 21 сентября, прошелъ въ переговорахъ фракцій о числѣ мѣстъ въ „россійскомъ демократическомъ совѣтѣ“. Въ половинѣ седьмого вечера, съ опозданіемъ въ 3¼ часа, при полупустомъ залѣ, Войтинскій прочелъ демократическому совѣщанію докладъ объ этомъ. Затѣмъ начались новыя переговоры съ фракціями и группами. Крестьянскіе депутаты потребовали двухъ

третьей голосовъ, рабочіе—половины. Центръ и лѣвая хотѣли произвести выборы по партіямъ, правая — по группамъ. Въ полночь Войтинскій сдѣлалъ окончательныя предложенія, которыя были приняты безъ преній. Общее число членовъ совѣта будетъ 308. Каждая партія или группа введетъ туда приблизительно 15% своихъ присланныхъ на созѣщаніе членовъ. Такимъ образомъ, съ поправками будетъ: отъ городовъ и земствъ по 45 членовъ, отъ совѣтовъ с. и р. д. и крест. депутатовъ по 38, отъ кооператоровъ 19, рабочей коопераціи — 5, профессиональныхъ союзовъ — 21, отъ національныхъ организацій — 25, отъ дѣйствующей арміи — 26, отъ флота—3, военно-окружныхъ организацій—2, казаковъ—6, торгово-промышленныхъ служащихъ и желѣзнодорожниковъ по 5-ти, земельныхъ комитетовъ—7, экономическихъ организацій — 6, отъ крестьянскаго, учительскаго союзовъ и почтово-телеграфныхъ служащихъ по 2, адвокатуры — 1, прочихъ организацій — 7.

22-го сентября, въ засѣданіи демократическаго совѣщанія оглашень и утверждень былъ списокъ лицъ, выбранныхъ группами и партіями въ „демократическій совѣтъ“. Затѣмъ Войтинскій произнесъ заключительное слово, которое, звучало очень минорно. „Мы увозимъ изъ совѣщанія чувство тревоги, ибо глубокое внутреннее расхожденіе, обезсилившее русскую демократію, не изжито нашей работой... Мы не нашли въ себѣ достаточно силы для разрѣшенія стоявшихъ передъ нами вопросовъ, ... мы не нашли новыхъ путей... Все-таки, мы нашли нѣсколько общихъ положеній, которыя насъ объединяють... Мы увозимъ отсюда глубокое сознаніе, что общій языкъ, общій путь, общая тактика должны быть найдены демократіей“. „Если этого не будетъ, то неминуемо крушеніе всѣхъ нашихъ чаяній и гибель революціи“. Какъ бы въ видѣ иллюстраціи къ этому надгробному слову, послѣднее засѣданіе демократическаго совѣщанія окончилось новымъ конфликтомъ съ большевиками по поводу попытки меньшевиковъ найти „общій языкъ“, хотя бы въ вопросѣ объ „активной внѣшней политикѣ“, и объ ускореніи „демократическаго мира“. Данъ прочиталъ проектъ „воззванія къ демократіи всѣхъ странъ“, — одинъ изъ перепѣтциммервальдскихъ мелодій. Но большевики заявили, что воззваніе меньшевиковъ захватило ихъ врасплохъ: въ сущности, это была попытка отнять у нихъ монополію на циммервальдизмъ. Послѣ продолжительнаго шума и перерыва Рязановъ прочелъ большинству собранія обвинительный актъ. „Отвѣтственные руководители совѣщанія“ вели „закулисную соглашательскую работу“, и хотя

плоды этой работы взяты обратно, но нашедшая въ нихъ отраженіе капитуляція части совѣщанія передъ безотвѣтственными и ценовыми элементами проводятся его сффициальными вождями на дѣлѣ". Составъ предпарламента „подобранъ, какъ и составъ совѣщанія", потому что „задачей организаторовъ предпарламента является не созданіе демократической власти, а попрежнему только оиски соглашенія съ буржуазіей". Въ виду этого, большевики, „съ еще большей силой отстаивая теперь, послѣ опыта демократическаго совѣщанія, необходимость передачи всей власти совѣтамъ р. с. и кр. д., посылають своихъ представителей въ предпарламентъ" только для того, „чтобы въ этой новой крѣпости соглашательства обличать всякія попытки новой коалиціи съ буржуазіей".

Рядомъ съ шатаніями меньшевистскаго центра, это была по крайней мѣрѣ опредѣленная позиція. Люди, которые ее заняли не смущались противодѣйствіемъ и не могли быть смягчены уступками. Они знали, куда идутъ, и шли въ одномъ, разъ принятомъ направленіи, къ цѣли, которая, съ каждымъ новымъ неудачнымъ опытомъ „соглашательства" становилась все ближе. Петроградскій совѣтъ р. и с. д. уже сталъ прочной базой ихъ въ этой борьбѣ. Туда они шли съ рѣзкой критикой „штемпелеванныхъ союзниковъ Корнилова" въ демократическомъ совѣщаніи (такъ называлась „коммерческая демократія" коопераціи), тамъ принимали желательныя имъ резолюціи противъ „соглашателей" и оттуда приносили ихъ на трибуну Александринскаго театра. Петроградскій совѣтъ и петроградскіе рабочіе — это была та галлерейя, для которой они устраивали свои спектакли на „демократическомъ совѣщаніи".

Временное правительство формально шло своимъ путемъ при реконструкціи кабинета. Мы видѣли, что Керенскій уже 20-го сентября считалъ переговоры съ „цензовыми элементами" Москвы законченными и 21-го собирался опубликовать списокъ членовъ новаго правительства. Но ф а к т и ч е с к и ему приходилось выжидать результатовъ совѣщанія, такъ какъ ни Церетели не считалъ допустимымъ формированіе власти такъ демонстративно независимо отъ совѣщанія, ни москвичи не рѣшались вновь ѣхать въ Петроградъ, пока не были устранены по крайней мѣрѣ принципиальныя препятствія къ ихъ вступленію. Къ такимъ препятствіямъ относилась и платформа 14-го августа, и отвѣтственность передъ новымъ представительнымъ органомъ, выбраннымъ совѣщаніемъ. Для А. Ф. Керенскаго непріемлемо было только второе условіе.

Церетели и Чхеидзе приїхали въ Зимній Дворецъ. Въ ихъ толкованіи принятая ночью резолюція ни въ чемъ не противорѣчила намѣреніямъ Керенскаго и оставляла ему полную свободу для продолженія переговоровъ съ москвичами. Они обнадежили Керенскаго, что „отвѣтственность“ передъ „предпарламентомъ“ можетъ быть истолкована не въ политическомъ смыслѣ „парламентарной“ отвѣтственности, а въ болѣе общемъ смыслѣ моральной отвѣтственности и подотчетности только партійной. На почвѣ, такимъ образомъ, расчищенной, уже были мыслимы дальнѣйшіе переговоры. По новому приглашенію Керенскаго москвичи согласились выѣхать въ Петроградъ на 22-е.

Въ пятомъ часу дня въ Малахитовомъ залѣ Зимняго Дворца собрался полный составъ правительства, представители демократическаго совѣщанія въ лицѣ Чхеидзе, Церетели, Гоца, Авксентьева, городскихъ головъ двухъ столицъ, Шрейдера и Руднева, представителя земской группы Душечкина и представителя кооператоровъ Беркенгейма, четверо приглашенныхъ москвичей, кандидатовъ въ министры, и двое членовъ ц. к. партіи народной свободы, Набоковъ и Аджемовъ. Въ своей вступительной рѣчи А. Ф. Керенскій формулировалъ задачи собранія такъ, какъ ихъ понимали и представители „цензовыхъ элементовъ.“ Задачи правительства, лицомъ къ лицу съ возрастающими внѣшними и внутренними затрудненіями,—самыя элементарныя: поднятіе бѣспособности арміи, устраненіе экономическаго распада и борьба съ анархіей. Въ своей дѣятельности правительство руководилось только программами выработанными въ его собственной средѣ, комбинируя интересы всѣхъ элементовъ населенія. Опубликованіе новыхъ пространныхъ декларацій работа тщетная: нужны не деклараціи, а осуществленіе опредѣленныхъ мѣропріятій. Постановленія демократическаго совѣщанія имѣютъ огромное значеніе, какъ показатель настроенія широкихъ общественныхъ слоевъ. Но они такъ же необязательны для правительства, какъ и постановленіе предварительнаго совѣщанія московскихъ общественныхъ дѣятелей. Источникъ власти инъ: онъ въ революціи 27-го февраля и въ традиціонной передачѣ полномочій отъ созданнаго революціей правительства. Власть, какъ и революція ее создавшая, общенациональна, суверенна, ни отъ кого независима. Назначеніе новаго правительства принадлежитъ только ей одной. Въ виду трудности положенія, она сама, по своему почину, рѣшила подкрѣпить себя временнымъ совѣщаніемъ, съ которымъ постарается дѣйствовать солидарно. Но, ко-

нечно, она не можетъ быть отвѣтственна передъ этимъ совѣщаніемъ, которое ею же и организуется изъ представителей разныхъ партій, классовъ и группъ населенія и будетъ имѣть лишь совѣщательное значеніе. Временное правительство полагаетъ, что спасеніе страны возможно лишь при прочномъ и тѣсномъ блокѣ буржуазныхъ и демократическихъ элементовъ,—съ чѣмъ согласно и большинство совѣщанія. Правительство такого состава должно быть организовано сейчасъ же, немедленно, и завтра долженъ быть опубликованъ его составъ.

В. Д. Набокову оставалось только согласиться со всѣмъ тѣмъ, что сказалъ министръ-предсѣдатель. Но соглашаясь, онъ указалъ, однако, что между точкой зрѣнія Керенскаго и взглядами демократическаго совѣщанія продолжаетъ существовать огромная разница. Онъ отмѣтилъ и три основныхъ пункта этого отличія. 1) Источникъ власти, по мнѣнію правительства, есть традиціонная передача власти отъ революціи 27-го февраля, тогда какъ демократическое совѣщаніе себя считаетъ источникомъ власти. 2) Программа 14-го августа, съ точки зрѣнія Керенскаго, есть лишь программа отдѣльныхъ группъ населенія: по мнѣнію совѣщанія она должна быть обязательна для правительства и 3) Предпарламентъ, по мнѣнію министра-предсѣдателя, долженъ быть лишь совѣщательнымъ органомъ, а демократическое совѣщаніе требуетъ отвѣтственности министровъ передъ этимъ органомъ. В. Д. Набоковъ просилъ представителей совѣщанія сообщить, какъ смотритъ „революціонная демократія“ на всѣ эти вопросы.

Отвѣтъ Церетели отличался его обычной изворотливостью. Вопросъ объ источникѣ власти, отвѣчалъ онъ, теперь стоитъ также, какъ и прежде. И прежде, и теперь, власть создавалась соглашеніемъ ценовыхъ и демократическихъ органовъ (это, конечно, юридически невѣрно). Только теперь нужно уже не одно соглашеніе этихъ классовъ, а соглашеніе всей страны, что можетъ быть достигнуто осуществленіемъ „яркой демократической программы“. Это и есть программа 14-го августа, дополненная программой Верховскаго въ вопросѣ о боеспособности арміи и требованіемъ „безотлагательнаго сношенія съ союзниками относительно приближенія мира на основѣ цѣлости и независимости Россіи и въ духѣ идей русской революціи“. О предпарламентѣ тоже нечего спорить: „мы его уже создали“; правительству остается „санкціонировать“ его и дополнить ценовыми элементами. Предпарламенту „должны быть предоставлены функціи контроля

власти, право вопросовъ и выраженія довѣрія или недовѣрія къ правительству“. Главнымъ препятствіемъ къ соглашенію является возможное недовѣріе. Ценовые элементы не вѣрятъ любви демократіи къ родинѣ, а демократія не вѣритъ любви ценовиковъ къ революціи. Стоитъ устранить это, и тогда создать коалицію будетъ нетрудно.

С. Н. Третьяковъ правильно указалъ, что Церетели не далъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросы Набокова. Нужно сперва перекинуть мостъ между пропастью, отдѣляющую взгляды Церетели и Керенскаго, особенно на предпарламентъ: тогда можно говорить о соглашеніи. Послѣдующіе ораторы пытались „перекинуть мостъ“. Аджемовъ, Авксентьевъ, Беркенгеймъ, Прокоповичъ, Никитинъ, Коноваловъ убѣждали собраніе отказаться отъ излишняго формализма, признать разногласія только словесными и искать точекъ соприкосновенія въ духѣ взаимнаго довѣрія. Отвѣтственности признавать не нужно, но вѣдь, конечно, при вотумѣ недовѣрія предпарламента, правительство выйдетъ фактически въ отставку. Нужно ли правительству объявлять, что оно будетъ руководиться программой 14-го августа, или достаточно привести въ деклараціи ея отдѣльные пункты, намекаль Керенскій. Конечно, соглашался далѣе Рудневъ, демократическое совѣщаніе „не имѣетъ права создать власть“, ибо оно есть органъ, выражающій политическое мнѣніе демократіи, а совсѣмъ не всенародную волю. Послѣ часового перерыва Церетели сдѣлалъ уступку Керенскому: дѣло не въ томъ, чтобы въ деклараціи правительства была непремѣнно ссылка на программу 14-го августа: достаточно, чтобы правительство осуществляло перечисленные тамъ мѣры, — мѣры, надо прибавить, на осуществленіе которыхъ понадобились бы не мѣсяцы, а годы. Въ отвѣтъ Аджемову, что предпарламентъ есть „антидемократическій суррогатъ парламента“, Церетели доказывалъ, что предпарламентъ нуженъ для подготовки „психологіи массъ“ къ парламентаризму. Онъ вызвалъ этимъ саркастическое возраженіе Набокова, что врядъ-ли къ парламентаризму можетъ готовить учрежденіе, нарушающее элементарныя начала демократическаго представительства, и, съ этой точки зрѣнія, худшее даже, чѣмъ Булыгинская Дума. В. Д. Набоковъ возстановилъ также чистоту государственной-правовой позиціи, затемненной „соглашательствомъ“ многихъ предыдущихъ ораторовъ. Если бы была признана отвѣтственность правительства передъ предпарламентомъ, это значило бы, что произошелъ новый государственный переворотъ. Прави-

тельство изъ сувереннаго, какимъ оно было до сихъ поръ, превратилось бы въ простой органъ исполнительной власти, уступивъ свои суверенныя права учрежденію, которое никоимъ образомъ не можетъ выражать волю народа, а только мнѣніе отдѣльныхъ группъ населенія.

Послѣ новаго перерыва, съ 2-хъ до 3-хъ часовъ ночи, московскіе дѣятели и гласные ц. к. партіи народной свободы формулировали свои окончательныя требованія въ слѣдующей, совершенно опредѣленной деклараціи. „Дѣятельность коалиціоннаго правительства должна опредѣляться тѣми же очередными задачами, которыя были имъ выставлены на Московскомъ Совѣщаніи и заключаются въ поднятіи боеспособности арміи, въ борьбѣ съ анархіей, въ водвореніи законности на мѣстахъ, въ борьбѣ съ хозяйственной разрухой. Программа временнаго правительства должна быть выработана имъ самимъ на основаніи высказанныхъ общественными организаціями на Московскомъ Совѣщаніи положеній, сообразно съ реальными требованіями момента и осуществимостью этихъ положеній, а также съ краткостью срока, остающегося до Учредительнаго Собранія. Въ виду желательности ближайшаго общенія власти съ широкими слоями населенія, въ цѣляхъ взаимнаго освѣдомленія и оказанія этими слоями содѣйствія правительству въ его работѣ, должно быть признано цѣлесообразнымъ образованіе временнаго, до созыва Учредительнаго Собранія, особаго государственнаго совѣщанія, которое могло бы быть выразителемъ общественнаго мнѣнія. Совѣщаніе это должно быть организовано правительствомъ, которое опредѣлитъ его составъ и компетенцію, установить его регламентъ, сохраняя по отношенію къ нему полную независимость“.

И. Г. Церетели заявилъ на это, что представители „революціонной демократіи“ могутъ дать окончательный отчетъ объ основахъ соглашенія лишь на слѣдующій день, послѣ совѣщанія съ демократическими органами. Съ своей стороны, онъ высказалъ готовность согласиться на то, чтобы предпарламентъ былъ созданъ правительствомъ, которое не несло бы передъ нимъ формальной, въ парламентскомъ смыслѣ, отвѣтственности. Возможность окончательнаго соглашенія, такимъ образомъ, стала очевидной, въ виду готовности представителей демократическаго совѣщанія отказаться отъ всѣхъ своихъ принципиальныхъ позицій. Съ своей стороны, и представители ценовыхъ элементовъ обнаружили максимумъ возможнаго для нихъ примирительнаго настро-

енія. Если примирительное настроеніе лидеровъ „революціонной демократіи“ объяснялось сознаниємъ полной безвыходности положенія, въ которую завели „демократію“ ея внутреннія разногласія, то главнымъ побужденіемъ „цензовыхъ элементовъ“ была необходимость немедленно придти на помощь родинѣ при обстоятельствахъ, тяжесть которыхъ вновь выяснилась изъ сообщеній участниковъ совѣщанія. Представитель новаго демократическаго земства, педагогъ Я. И. Душечкинъ, свидѣтельствовалъ о полномъ паденіи авторитета власти на мѣстахъ, о громадномъ абсентеизмѣ на выборахъ, о равнодушіи населенія къ новымъ реформамъ и о предпочтеніи старымъ волостнымъ старшинамъ передъ новыми демократическими комитетами, о безсиліи новыхъ учреждений обезпечить не только собственность, но и самую жизнь гражданина. Настроеніе болѣе сознательныхъ слоевъ характеризовалось желѣзнодорожной забастовкой, которая грозила уже нѣсколько времени и разразилась, наконецъ, въ ту же ночь, на 23-е сентября. Конфликтъ съ „Центрофлотомъ“, распущеннымъ правительствомъ, едва улаженный, открылся снова. Гомельскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, подъ давленіемъ многотысячной толпы вынужденъ былъ вынести резолюцію о немедленномъ заключеніи мира. М. И. Терещенко указалъ, что, съ разрушеніемъ внутренняго строя арміи и съ углубленіемъ хозяйственной разрухи и анархіи въ странѣ, престижъ нашъ у союзниковъ палъ чрезвычайно, и намъ не съ чѣмъ явиться на конференцію съ союзниками, назначенную на середину октября. Понятно, почему только-что внесенное меньшевиками обращеніе къ демократіи всего міра „говорить языкомъ нищенки“. При этихъ условіяхъ самый строй, завоеванный революціей, подвергается опасности. Въ Костромской, Тобольской и другихъ губерніяхъ, по сообщенію Керенскаго, являются признаки поворота въ пользу монархіи. С. С. Салазкинъ, въ случаѣ неудачи коалиціи, грозилъ собранію пресловутымъ „генераломъ на бѣломъ конѣ“. Другіе правильнѣе указали на гораздо болѣе серьезную и близкую опасность: на захватъ власти большевиками, — опасность, особенно понятную для самихъ лидеровъ „революціонной демократіи“. Передъ возрастающимъ напоромъ съ этой стороны имъ некуда податься. И немудрено, что Чхеидзе, къ полному удивленію собранія, спрашивалъ: а не приняла-бы одна буржуазія власть, если бы демократія обѣщала ей поддержку? В. Д. Набоковъ принялъ этотъ вопросъ за ловушку или, по меньшей мѣрѣ, за иронію и соотвѣтственно отвѣчалъ:

мы здѣсь не уполномочены вести разговоръ о чистомъ буржуазномъ или, о чистомъ социалистическомъ министерствѣ, а только о томъ, какъ лучше устроить коалицію. Но въ устахъ Чхеидзе этотъ вопросъ въ такую минуту имѣлъ серьезный смыслъ и звучалъ больше отчаяніемъ, чѣмъ ироніей или насмѣшкой . . .

Съ своей стороны представители „цензовыхъ“ элементовъ не возлагали болѣе никакихъ надеждъ на коалицію и относились къ налаживавшейся комбинаціи крайне скептически. Они не вѣрили въ ея прочность, не вѣрили и въ значеніе поддержки импровизированнаго представительнаго органа, который, какъ уже заявлялъ офиціозъ „революціонной демократіи“, „Извѣстія совѣта р. с. д.“ создавался для новой „открытой и организованной классової и партійной борьбы на почвѣ дѣлового обсужденія политическихъ вопросовъ“. Больше всего они, какъ и „демократія“, не вѣрили въ Керенскаго и Керенскому. Конечно, Керенскій говорилъ теперь то же — или почти то же, — что и министры к. д.: конечно, онъ искалъ поддержки у стараго своего друга А. И. Коновалова, присоединившагося къ партіи к. д. послѣ своего ухода изъ министерства; конечно, и другой представитель былого триумvirата М. И. Терещенко обнаруживалъ теперь полное разочарованіе демократическими организаціями, нетерпѣливо рвался въ борьбу съ ними и открыто проявлялъ возраставшую въ немъ патріотическую тревогу. Но, тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, воля этихъ людей, и, прежде всего Керенскаго, была уже надломлена событіями; а съ другой — самъ собой ставился роковой вопросъ: не поздно-ли? Не поздно-ли объявлять войну большевикамъ, послѣ того какъ тактика совѣтовъ все сдѣлала для подготовки ихъ побѣды? „Вы забыли“, напоминалъ въ тѣ дни „Рабочій Путь“ всѣмъ кто собирался „изолировать“ большевиковъ и „ликвидировать“ совѣты: „вы забыли, что большевики — это теперь совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Это съ ними вы хотите справиться „желѣзной рукой“.

Увы, изъ социалистовъ имъ даже никто не объявлялъ „боя“. Церетели, спрошенный въ совѣщаніи, правда-ли, что онъ собирался „отсѣчь отъ демократіи большевиковъ“ (это былъ вопросъ Кишкина: „мы отсѣкли своихъ большевиковъ справа; отсѣкли ли вы своихъ большевиковъ слѣва?“) отвѣтилъ 23 сентября такъ же, какъ онъ отвѣчалъ и на юбилейномъ засѣданіи Г. Думы, 27 апрѣля: „демократія будетъ бороться съ ними только политическими средствами, считая недопустимыми иныя“. И напрасно Пле-

хановъ предупреждалъ въ эти же дни Церетели въ своемъ „Единствѣ“ : „сохранивъ единство демократическаго фронта, направленнаго въ сторону захвата власти (вмѣсто открытаго раздѣленія его на сторонниковъ государственности и сторонниковъ большевиковъ и анархіи), Церетели тѣмъ самымъ произнесъ А. Единомышленники Ленина хотятъ, чтобы онъ произнесъ Б. На это онъ врядъ-ли рѣшится. Но ленинцы обойдутся безъ его помощи. Разъ произнесено А, будетъ произнесено и Б: за это ручается объективная логика событій. Но чему же вы-то здѣсь радуетесь, хорошіе господа? Вы, не стоявшіе на точкѣ зрѣнія Ленина? Вѣдь рѣчь идетъ о самомъ большемъ несчастіи, которое только могло случиться съ русскимъ рабочимъ, а, стало быть, и съ Россіей... Нѣтъ, этого они не понимали. Они такъ вѣрили въ Маркса, что опытъ большевистскаго захвата власти просто не входилъ въ ихъ поле зрѣнія, какъ „явно бессмысленный и недопустимый“. Даже „Новая Жизнь“ Горькаго и Суханова считала тогда (мы беремъ номеръ газеты отъ 23 сентября), что „образование правительства пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства было... не выходомъ изъ положенія, а просто проваломъ“, ибо „пролетаріатъ, изолированный не только отъ остальныхъ классовъ страны, но и отъ дѣйствительныхъ живыхъ силъ демократіи, не сможетъ ни технически овладѣть государственнымъ аппаратомъ и привести его въ движеніе въ исключительно сложной обстановкѣ, ни политически не способенъ будетъ противостоять всему тому напору враждебныхъ силъ, который смететъ не только диктатуру пролетаріата, но и въ придачу всю революцію“.

Значили-ли эти, по существу, справедливыя соображенія, что Ленинъ и не рѣшится на явно-безнадежный и опасный экспериментъ? Очень многіе, понимавшіе теоретически неизбежность коалиціи съ „цензовыми элементами“, питали увѣренность, что демократія гарантирована отъ большевистскихъ экспериментовъ ихъ очевидной безнадежностью. Эта увѣренность мѣшала имъ понять всю грозность положенія и необходимость подпереть „буржуазію“ всѣми остающимися силами. Во всякомъ случаѣ, „цензовые элементы“ не только не имѣли подобной увѣренности, но были, наоборотъ, увѣрены въ противоположномъ. „Если послѣ всего случившагося, послѣ того накопленія ненависти, угрозъ, демагогіи, какое дала минувшая недѣля“, говорила „Рѣчь“ отъ 24 сентября, „коалиція все же осуществилась, то, къ великому сожалѣнію, приходится заключить, что положеніе наше уже, быть можетъ, непоправимо. Во

всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что чѣмъ полнѣе нынѣшняя коалиція, тѣмъ яснѣе, что никакія дальнѣйшія комбинаціи, основанныя на преемствѣ власти, рѣшительно невозможны: что это есть послѣдній опытъ, за которымъ, въ случаѣ неудачи, намъ грозитъ каннибальское торжество Лениныхъ на развалинахъ великой Россіи“.

Таково было настроеніе, съ которымъ, на этотъ разъ, „цензовые элементы“ шли въ коалицію. Это и было причиной, почему они не придавали особеннаго значенія частностямъ соглашенія. Во всякомъ случаѣ, они хотѣли продѣлать „послѣдній опытъ“ со всей серьезностью, какая вызывалась положеніемъ. Принимая на себя отвѣтственность въ такой критическій моментъ, они хотѣли имѣть соотвѣтственную свободу дѣйствій, не желая ни связывать себя неосуществимыми обязательствами, ни подчинять себя формальному контролю учрежденія, несостоятельнаго даже съ самой строгой демократической точки зрѣнія. Послѣ того, какъ въ принципѣ представители демократіи отказались требовать формальной отвѣтственности правительства передъ предпарламентомъ, центръ тяжести переносился на другой спорный вопросъ — о программѣ.

Совѣщаніе въ Малахитовой Залѣ 22-го сентября уже показало, что и тутъ вожди демократіи не настаиваютъ на буквальномъ исполненіи „демократическаго“ требованія, соглашаясь на пересмотръ программы 14-го августа и на выдѣленіе изъ нея въ деклараціи правительства лишь наиболѣе очередного и осуществимаго. Съ этой точки зрѣнія и рѣшено было пересмотрѣть программу 14-го августа въ новомъ совѣщаніи 23-го сентября. На этомъ совѣщаніи уже участвовали однѣ лишь спорящія стороны: „революціонная демократія“ и „цензовые элементы“. Правительство отсутствовало, чтобы не мѣшать имъ сговориться. Изъ бывшихъ министровъ присутствовалъ только Карташевъ, отставка котораго формально еще не была принята и который здѣсь былъ не въ роли члена стараго правительства, а въ роли кандидата партіи к. д. въ новый кабинетъ.

Послѣ выдѣленія изъ программы 14-го августа такихъ пунктовъ, которые или уже были покрыты послѣдующими мѣропріятіями правительства и потому потеряли значеніе, или были слишкомъ сложны, чтобы быть проведенными въ два мѣсяца, остающіеся до Учредительнаго Собранія, или, наконецъ, предрѣшали волю послѣдняго, — оказалось немного существенныхъ пунктовъ въ этой программѣ, совершенно непріемлемыхъ. Они были, при-

томъ, неприемлемы не столько даже по ихъ противорѣчію „цензовымъ интересамъ“, сколько по ихъ теоретичности и антигосударственному характеру. Исключенъ былъ изъ экономическаго отдѣла программы пунктъ о государственномъ синдицированіи. Въ финансовой программѣ приняты всѣ тяжелые налоги на „буржуазію“: и на наслѣдство, и на приростъ цѣнностей, и на предметы роскоши, и даже поимущественный (безъ указаній, что онъ долженъ быть единовременнымъ и высокимъ). Но было высказано при этомъ соображеніе, что всякому обложенію имѣется предѣлъ въ возможности взыскать налогъ безъ разрушенія самаго источника обложенія. По земельному вопросу признана принципиально неприемлемой передача всей земли мѣстнымъ земельнымъ комитетамъ. Въ военныхъ вопросахъ программа 14-го августа еще считалась съ программой Корнилова. Теперь торжествовала программа Верховскаго, и спорить противъ того, что ею можетъ быть восстановлена боеспособность арміи, къ несчастію, не приходилось. Важнѣйшій изъ вопросовъ момента былъ, такимъ образомъ, принесенъ въ жертву настроенію „демократіи“. Напротивъ, въ вопросахъ мѣстнаго управленія „цензовые элементы“ провели свою точку зрѣнія, что комиссары должны не избираться на мѣстахъ, а назначаться центральной властью и что полномочія всевозможныхъ общественныхъ организацій и ихъ исполнительныхъ комитетовъ должны прекратиться послѣ выборовъ въ демократическіе органы самоуправления. Въ національномъ вопросѣ право всѣхъ народностей на полное самоопредѣленіе, осуществляемое путемъ соглашенія въ Учредительномъ Собраніи, было признано неприемлемымъ; признано невозможнымъ и немедленное осуществленіе мѣръ по проведенію автономіи народностей. „Революціонная демократія“ удовлетворилась такимъ текстомъ: „признается необходимымъ изданіе деклараціи временнаго правительства о признаніи за всѣми народностями права на самоопредѣленіе на основахъ, которыя будутъ установлены Учредительнымъ Собраніемъ, и образованіе при центральномъ правительствѣ совѣта по національнымъ дѣламъ, съ участіемъ представительства всѣхъ національностей Россіи, въ цѣляхъ подготовки матеріаловъ по національному вопросу для Учредительнаго Собранія“.

Перейдя къ вопросу о предпарламентѣ, обѣ стороны согласились отдать около четверти мѣстъ въ немъ (120-150) цензовымъ элементамъ. При совѣщательномъ характерѣ этого органа отпала необходимость спорить изъ-за численнаго состава предста-

вительства „буржуазіи“, хотя послѣдствія и показали, что результаты голосованія въ предпарламентъ были далеко не безразличны для хода событій. Зато по вопросу объ отвѣтственности цензовые элементы остались тверды и не согласились на признаніе хотя бы даже одной „фактической“ отвѣтственности правительства передъ предпарламентомъ. Не согласились они и на немедленное признаніе предпарламента, — въ составѣ однихъ демократическихъ элементовъ, уже выбранныхъ демократическимъ совѣщаніемъ, — за законно дѣйствующее государственное учрежденіе. Предгари-тельно онъ долженъ былъ быть пополненъ цензовыми элементами, — разумѣется въ скорѣйшемъ времени. Компетенція предпарламента была также опредѣлена согласно желанію цензовыхъ элементовъ: онъ могъ обращаться къ правительству съ „вопросами“ (въ смыслѣ ст. 40-й Учр. о Думѣ), но не съ „запросами“ (на послѣдніе отвѣтъ правительства былъ бы обязателенъ въ опредѣленный срокъ и голосованіе могло бы повести къ послѣдствіямъ, равнымъ выраженію недовѣрія), выработывать законодательныя предположенія, но съ тѣмъ, что для правительства онъ имѣютъ только значеніе матеріала, и обсуждать вопросы, внесенные правительствомъ или постановленные самимъ предпарламентомъ, но только въ совѣщательномъ порядкѣ, безъ вынесенія обязательныхъ для правительства рѣшеній. Предложеніе о роспускѣ Думы цензовые элементы отвергли, какъ практически ненужное, а политически—нецѣлесообразное и демагогическое. Вожди „революціонной демократіи“ предоставили себѣ право возбудить этотъ вопросъ черезъ министровъ-соціалистовъ въ будущемъ временномъ правительствѣ. Наконецъ, требованіе „демократіи“ — имѣть своего собственнаго представителя на конференціи союзниковъ въ Парижѣ 16-го октября (для предложенія „демократическаго мира“) было принято въ измѣненной формѣ: демократія укажетъ своего кандидата, но назначенъ онъ будетъ правительствомъ и представлять на конференціи долженъ только точку зрѣнія всей правительственной делегации.

Втеченіе всего дня 23-го Сентября представители, выбранные демократическимъ совѣщаніемъ засѣдали въ Александровской залѣ городской думы, подъ громкой вывѣской на входныхъ дверяхъ: „входъ въ предпарламентъ.“ Но дальше собственнаго конституированія они пойти не могли и разошлись по фракціямъ въ ожиданіи результата переговоровъ своихъ представителей въ Зимнемъ Дворцѣ. Только въ 8 ч. вечера засѣданіе возобновилось.

Послѣ довольно острыхъ споровъ было принято предложеніе Церетели—выслушать его докладъ въ закрытомъ засѣданіи. По обыкновенію, въ этомъ докладѣ Церетели смягчилъ выраженія и сгладилъ углы, такъ что лѣвый с. р. Карелинъ могъ основательно упрекнуть его, что газеты несравненно полнѣе, чѣмъ онъ, передали происходившее въ Зимнемъ Дворцѣ. Въ преніяхъ по докладу, которыя велись въ открытомъ засѣданіи, докладъ Церетели встрѣтилъ восторженную оцѣнку со стороны одной только „бабушки“ Брешко-Брешковской, которая вмѣстѣ съ другимъ патріархомъ революціи, Н. В. Чайковскимъ, занимала въ этомъ собраніи крайнее правое мѣсто. Троцкій, съ противоположнаго фланга, выступилъ съ обвиненіемъ, что делегаты демократическаго совѣщанія нарушили данныя имъ директивѣ, вступивъ въ переговоры съ кадетами, и что при томъ Керенскій, безотвѣтственную власть котораго совѣщаніе „признало необходимымъ устранить разъ навсегда“, оказался „въ роли суперъ-арбитра“. Меньшевики-интернационалисты и с. р.-ы интернационалисты высказались также противъ коалиціи. И Данъ, внесшій резолюцію съ оговоркой по вопросу объ отвѣтственности, и самъ Церетели въ своемъ заключительномъ словѣ обнаружили „неувѣренность въ томъ, что выдвигаемая ими платформа о коалиціи вполне соответствуетъ настроеніямъ единой сплоченной семьи большинства организованной демократіи“. Но Церетели бралъ на себя отвѣтственность за „соглашательство съ буржуазіей, потому что одна демократія не въ силахъ разрѣшить стоящія передъ революціей задачи“, а „урокъ большевиковъ“, въ случаѣ передачи имъ власти, „можетъ дорого обойтись всей странѣ“. Онъ, Церетели, вмѣстѣ съ своей группой, „не можетъ дѣлать такихъ дорогихъ опытовъ, слѣдуя за Троцкимъ и Мартовымъ“. „Мы не можемъ повторить за Мартовымъ, что революціонная демократія заряжаетъ ружья, ибо кто заряжаетъ ружья, тотъ долженъ имѣть смѣлость ихъ разрядить, а мы этого не хотимъ, находя, что зарядъ попадетъ въ сердце революціи“.

Голосованіе резолюціи Дана затянулось до 6-ти часовъ утра 24-го сентября, такъ какъ большевики и лѣвые с. р. употребили послѣднія усилія, чтобы хоть на ней „сорвать коалицію.“ Троцкій и Каменевъ заявили, что именно для этой цѣли они предлагаютъ рядъ поправокъ. Когда поправки Каменева (отмѣна смертной казни и роспускъ Г. Думы) послѣ беспорядочныхъ и ожесточенныхъ преній провалились, выступили лѣвые с. р. съ еще болѣе коварнымъ предложеніемъ: настаивать на введеніи въ соглашеніе пункта о пе-

редачѣ земель въ вѣдѣніе земельных комитетовъ. Черновъ и его друзья при этомъ заявили, что они будутъ слѣдить, какъ будетъ голосовать председатель совѣта крестьянскихъ депутатовъ Авксентьевъ. Напрасны были всѣ упреки Минора въ „скверной демагогіи“ и всѣ негодующія усовѣщиванія Брешко-Брешковской. Авксентьевъ сперва пытался уйти изъ залы, потомъ взошелъ на трибуну и заявилъ, что его группа будетъ голосовать за поправку, но наряду съ ней они предлагаютъ другую: „если отъ этой поправки будетъ зависѣть судьба коалиціи, то с. р-ы ее снимаютъ.“ Новый невѣроятный шумъ залъ и неодобрительные выкрики по адресу Авксентьева и Гоца. Черновъ съ друзьями все время ходилъ между скамьями с. р-овъ и уличалъ большинство, что оно готово измѣнить своему знамени. Несмотря ни на что, поправка Чернова была отвергнута 100 голосами противъ 75, при 6 воздержавшихся, и принята была слѣдующая резолюція Дана. „Демократическое совѣщаніе, заслушавъ докладъ тов. Церетели, признаетъ образованіе предпарламента, передъ которымъ правительство обязано отчетностью, крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ созданія устойчивости власти и обезпеченія проведенія въ жизнь программы 14-го августа, политики направленной на скорѣйшее достиженіе обще-демократическаго мира и созыва Учредительнаго Собранія въ назначенный срокъ. Демократическій совѣтъ находитъ необходимымъ установить формальную отвѣтственность правительства передъ предпарламентомъ и, признавая въ данныхъ условіяхъ приемлемымъ намѣченное делегаціей соглашеніе, заявляетъ, что власть можетъ принадлежать лишь такому правительству, которое пользуется довѣріемъ предпарламента.“ Эта двусмысленная резолюція, пытающаяся путемъ стилистическихъ оборотовъ спасти лицо „революціонной демократіи“, есть та побѣда, для которой пришлось потратить недѣлю безконечныхъ споровъ, ночныхъ засѣданій, скандальныхъ голосованій, и трижды передовѣрить рѣшеніе основного вопроса, рѣшить который демократія оказалась безсильной, по признанію ея руководителей.

На слѣдующій день, 24-го сентября, въ Малахитовомъ Залѣ Зимняго Дворца представители „цензовыхъ элементовъ“ спросили вождей „революціонной демократіи“, какъ слѣдуетъ понимать согласіе резолюціи совѣщанія на намѣченные условія съ требованіемъ формальной отвѣтственности, которое имъ противорѣчитъ. Разрѣшивъ столько неразрѣшимыхъ трудностей, софисты „демократіи“, конечно, не остановились и передъ этой послѣдней. Смысль

резолуціи въ томъ, заявилъ Церетели, что демократическій совѣтъ признаетъ необходимость борьбы за „формальную отвѣтственность“, для себя, но вовсе не требуетъ признанія ея цензовыми элементами сейчасъ же, немедленно. Онъ просто оставляетъ за собой право добиваться установленія этой отвѣтственности въ самомъ предпарламентѣ. Привыкнувъ, съ своей стороны, къ толкованіямъ, которыя потомъ не оправдывались, представители несоціалистическихъ группъ пожелали лишь, чтобы это толкованіе Церетели было доведено до свѣдѣнія какъ временнаго правительства, такъ и демократическаго совѣта. Съ своей стороны, представители „демократіи“ добились новой стилистической уступки въ вопросѣ, въ которомъ ночью Черновъ хотѣлъ подвести передъ крестьянами Авксентьева. Была принята редакция: „Непосредственное упорядоченіе поземельныхъ отношеній должно быть возложено на мѣстные земельные комитеты, въ вѣдѣніе которыхъ могутъ быть передаваемы на основаніяхъ, устанавливаемыхъ закономъ (а не обязательно, какъ требовала программа 14-го августа) и безъ нарушенія существующихъ формъ землевладѣнія, земли сельско-хозяйственнаго назначенія для наиболѣе полного использования ихъ въ цѣляхъ спасенія народнаго хозяйства отъ окончательной разрухи.“

Уладивъ, такимъ образомъ, между собой послѣднія затрудненія, договорившіяся стороны сообщили правительству въ совмѣстномъ съ нимъ засѣданіи, результаты своихъ переговоровъ. Начавшійся мѣсяцъ тому назадъ кризисъ [правительственной власти] этимъ формально закончился. Но на слѣдующій же день, 25-го сентября, петроградскій совѣтъ, въ которомъ возобладали большевики, отвергъ предложеніе меньшевиковъ и с. р.-въ и принялъ слѣдующую резолюцію, опредѣлившую отношеніе столичной демократіи къ новой власти. „Петроградскій совѣтъ р. и с.д. заявилъ: послѣ опыта корниловщины, обнаружившаго, что вся цензовая Россія занимаетъ контръ-революціонную позицію, всякая попытка коалиціи означаетъ не что иное, какъ полную капитуляцію демократіи передъ корниловщиной. Отраженіемъ этой капитуляціи является составъ формирующагося министерства, въ которомъ рѣшающее мѣсто отводится торгово-промышленникамъ, непримиримымъ врагамъ рабочей, солдатской и крестьянской демократіи. Такъ называемые демократическіе министры, ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не отвѣтственные, неспособны ни нарушить, ни смягчить противонародный характеръ новаго правительства, которой вой-

детъ въ исторію революціи, какъ правительство гражданской войны. Петроградскій совѣтъ заявляетъ: правительству буржуазнаго всевластія и контръ-революціоннаго за- силія мы, рабочіе и гарнизонъ Петрограда, не окажемъ никакой поддержки. Мы выражаемъ свою твердую увѣренность въ томъ, что вѣсть о новой власти встрѣтитъ со стороны всей революціонной демократіи одинъ отвѣтъ: въ отставку. И опираясь на этотъ единодушный голосъ подлинной демократіи, всероссійскій съѣздъ совѣтовъ с. р. и кр. депутатовъ, создастъ истинно революціонную власть". Здѣсь уже намѣчена, какъ видимъ, программа переворота.

26-го сентября были опубликованы указы о назначеніи А. И. Коновалова министромъ торговли и замѣстителемъ министра-предсѣдателя вмѣсто М. И. Терещенко, К. А.—Гвоздева министромъ труда, П. Н. Малянтовича — министромъ юстиціи, А. В. Ливеровскаго—министромъ путей сообщенія, С. М. Смирнова — государственнымъ контролеромъ, Н. М. Кишкина — министромъ государственнаго призрѣнія, М. Б. Бернадскаго — министромъ финансовъ и С. Н. Третьякова—членомъ временнаго правительства и предсѣдателемъ экономическаго совѣта. Незанятымъ остался только постъ министра земледѣлія. На этотъ постъ былъ назначенъ С. Н. Масловъ.

27-го сентября появилась дѣкларація „пополненнаго въ своемъ составѣ временнаго правительства“, какъ офиціально назывался новый кабинетъ. Въ ней были сведены въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя компромиссныя рѣшенія, выработанныя по соглашенію представителей демократическаго совѣщанія съ представителями „цензовыхъ элементовъ“ и партіи народной свободы. Въ области народнаго хозяйства, земельныхъ отношеній, финансовъ, мѣстнаго управленія и національнаго вопроса внесены были всѣ тѣ сокращенія и измѣненія программы 14-го августа, безъ ея упоминанія, которыя отмѣнены были выше, и въ заключеніе упомянуто, что, конечно, „не всѣ эти задачи могутъ быть закончены въ тотъ краткій срокъ, который остается до Учредительнаго Собранія. Но самый приступъ къ проведенію ихъ въ жизнь...дастъ власти прочную опору...для организаціи активной обороны, возстановленія народнаго хозяйства... и борьбы съ... проявленіями контръ-революціи и анархіи“ и „облегчить будущія работы Учредительнаго Собранія. Въ области внѣшней политики и „поднятія боеспособности арміи“ программа принимала взгляды „революціонной демократіи“: она обѣщала „продолжать и неустанно „развивать“ двойственную внѣшнюю политику „въ

духъ демократическихъ началъ, провозглашенныхъ русской революціей, сдѣлавшей эти начала общенациональнымъ достояніемъ". Въ частности, уже на предстоящей въ Парижѣ конференціи она обязалась „стремиться къ соглашенію съ союзниками на почвѣ принциповъ, провозглашенныхъ русской революціей". Она обязалась затѣмъ въ реформѣ арміи „идти демократическимъ путемъ, который одинъ можетъ дать благотворные результаты". Такимъ образомъ, новое правительство подписывалось подъ опаснѣйшими изъ заблужденій „революціонной демократіи" и брало на себя отвѣтственность за дальнѣйшее проведеніе ихъ. Въ этомъ же стилѣ, „глубокая смута царящая въ странѣ", связывалась въ деклараціи специально съ „выступленіемъ ген. Корнилова", и главная опасность для „свободы русскаго народа" усматривалась въ расчетѣ „поднявшихъ голову контръ-революціонныхъ элементовъ" на „усталость, охватившую всю страну". Въ борьбѣ противъ контръ-революціи и анархіи правительство обѣщало „дѣйствовать въ тѣснѣйшемъ сотрудничествѣ съ организаціями народа", не указывая точно, какими именно. Переходя, въ заключеніе, къ обѣщанію „въ ближайшіе дни разработать и опубликовать положеніе о временномъ совѣтѣ республики" (название, предложенное Церетели), декларація заявляла, что, сохраняя по присягѣ своей въ неприкосновенности единство и преемственность государственной власти, временное правительство сочтетъ своей обязанностью учитывать во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ его великое общественное значеніе. „Демократія", такимъ образомъ, возвращала себѣ въ деклараціи часть позицій, утерянныхъ при переговорахъ, а новое правительство не приобрѣтало въ этой деклараціи твердой опорной точки для такого направленія своей дѣятельности, которое единственно могло бы еще оправдать послѣднюю попытку остановить страну на пути къ большевистской побѣдѣ и гражданской войнѣ.

Нельзя сказать, „чтобы новые министры не сознавали своей обязанности испробовать въ послѣдній разъ другой путь и другія средства, чѣмъ тѣ, которыя примѣнялись до сихъ поръ, или во всякомъ случаѣ, испробовать какія-нибудь средства. Новый замѣститель предсѣдателя, котораго уѣхавшій въ ставку Керенскій предоставилъ на первыхъ же порахъ своимъ собственнымъ силамъ, чувствовалъ особенную потребность въ какомъ-нибудь опредѣленномъ планѣ и системѣ. С. Н. Третьяковъ, входившій въ правительство впервые, готовъ былъ вложить въ это исканіе плана свѣжую энергію и вѣру, которыхъ не хватало уже измученному и

противъ воли вернувшемуся къ власти А. И. Коновалову. Н. М. Кишкинъ принадлежалъ къ числу дѣйственныхъ натуръ, которыя по природѣ не могутъ оставаться пассивными. А. В. Карташевъ, религиозный мыслитель, необыкновенно быстро освоившійся съ чуждой ему областью политики, перенесъ въ нее серьезность и честность стремленій, соединенную съ большою наблюдательностью и правильностью пониманія людей и положеній. Тѣсно сблизившійся между собой кружокъ этихъ людей искалъ и нашелъ поддержку въ центральномъ комитетѣ партіи народной свободы, которая делегировала для постоянныхъ сношеній съ этимъ кружкомъ министровъ — своихъ членовъ, Набокова, Аджемова и вернувшихся послѣ отлучки П. Н. Милюкова и М. М. Винавера.*)

Въ добрыхъ желаніяхъ не было недостатка. Но... всѣ добрыя желанія членовъ кабинета неизбежно наталкивались на одно и то же препятствіе: на психологію А. Ф. Керенскаго. Министръ-предсѣдатель перенесъ и въ новый кабинетъ свою привычку самовластныхъ и безконтрольных рѣшеній. Въ лицѣ Коновалова и Кишкина онъ имѣлъ и въ этомъ кабинетѣ личныхъ друзей, которымъ довѣрялъ. Но оба эти министра воспользовались своимъ положеніемъ не для возстановленія триумvirата, съ его атмосфе-

---

*) Объ этихъ ежедневныхъ совѣщаніяхъ, въ шестомъ часу дня, въ квартирѣ А. Г. Хрущева на Адмиралтейской набережной вспоминаетъ В. Д. Набоковъ въ своихъ мемуарахъ (Архивъ Русской Революціи, т. I-й). Онъ сообщаетъ здѣсь о тогдашнемъ настроеніи А. Ф. Керенскаго свѣдѣнія, совершенно совпадающія съ тѣмъ, что ниже говорится въ моемъ текстѣ. Надо имѣть въ виду, что посредникомъ между нашимъ совѣщаніемъ и Керенскимъ, естественно, являлся замѣститель министра-президента, А. И. Коноваловъ. Въ этихъ нашихъ собраніяхъ Коноваловъ имѣлъ всегда крайне подавленный видъ и, казалось, что онъ теряетъ всякую надежду. Въ особенности его угнеталъ Керенскій. Онъ къ тому времени окончательно разочаровался въ Керенскомъ, потерявъ всякое довѣріе къ нему. Главнымъ образомъ, его приводило въ отчаяніе непостоянство Керенскаго, полная невозможность положить на его слова, недоступность его всякому вліянію и давленію извнѣ, иногда самому случайному. „Сплошь и рядомъ, чуть ли не каждый день такъ бываетъ“, говорилъ онъ: „сговоришься обо всемъ: настоишь на тѣхъ или другихъ мѣрахъ, добьешься, наконецъ, согласія. Такъ—такъ, А. Ф., теперь крѣпко, рѣшено окончательно, перемѣны не будетъ“? „Получаешь категорическое завѣреніе. Выходишь изъ его кабинета, — и черезъ нѣсколько часовъ узнаешь о совершенно иномъ рѣшеніи, уже осуществленномъ, или... что неотложная мѣра, которая должна была быть принята именно сейчасъ, именно сегодня, опять откладывается, возникли новыя событія или воскресли старыя, казалось, уже устраненныя. И такъ изо-дня въ день, настоящая сказка про бѣлаго бычка“.

рой закулисныхъ рѣшеній и тайной интриги, а для проведенія общихъ взглядовъ и рѣшеній упомянутаго кружка. Къ нему въ отдѣльныхъ случаяхъ примыкалъ и М. И. Терещенко, внесшій въ борьбу противъ притязаній демократическихъ органовъ всю горечь обманутыхъ надеждъ и перенесенныхъ разочарованій. А. Ф. Керенскій также чувствовалъ себя теперь чуждымъ этой „революціонной демократіи“, которая отъ него отвернулась. Но онъ не нашель въ себѣ мужества пойти навстрѣчу и тѣмъ, кого на языкѣ революціи долженъ былъ считать своими врагами—и многіе изъ которыхъ тоже видѣли въ немъ своего непримиримаго врага со времени корниловской исторіи. Потерявъ подъ собой почву, чѣмъ дальше тѣмъ больше Керенскій обнаруживалъ всѣ признаки того патологическаго состоянія души, которое можно было бы на языкѣ медицины назвать „психической невравстеніей“.

Близкому кругу друзей давно извѣстно было, что отъ моментовъ крайняго упадка энергіи утромъ, Керенскій переходилъ во вторую половину дня въ состояніе крайняго возбужденія подъ вліяніемъ медицинскихъ средствъ, которыя онъ принималъ. Вліяніе Кишкина на Керенскаго, быть можетъ, имѣло однимъ изъ источниковъ умѣлое обращеніе опытнаго и профессиональнаго психіатра съ пациентомъ. Какъ бы то ни было, и это, и другія вліянія оставались теперь внѣшними и до источника не доходили. Въ своей вѣчной нерѣшительности, въ постоянныхъ колебаніяхъ между воздѣйствіями справа и слѣва и въ поискахъ равнодѣйствующей, Керенскій постепенно дошелъ до состоянія, въ которомъ принять опредѣленное рѣшеніе стало для него истиннымъ мученіемъ. Онъ избѣгалъ инстинктивно этихъ мучительныхъ минутъ, какъ только могъ. Между тѣмъ, гипертрофированный инстинктъ и вкусъ къ власти, своеобразное самолюбіе, раздутое исключительнымъ положеніемъ, не допускали и отказа или ухода. Жажда власти приняла, при возраставшей трудности удержать власть, форму желанія какъ-нибудь дотянуть свое пребываніе у власти до открытія Учредительнаго Собранія. Этой цѣли приносились въ жертву всѣ остальные. Для этого избѣгались конфликты, а чтобы избѣжать конфликтовъ и треній, избѣгались вообще опредѣленные рѣшенія. Даже для самыхъ близкихъ друзей Керенскій сталъ неприступенъ. Онъ былъ неуловимъ въ искусствѣ избѣгать необходимости на что-нибудь рѣшиться. Такъ тянулись дни и недѣли—ихъ оставалось уже немного, а самыя неотложныя распоряженія откладывались, самыя спѣшныя мѣры не принимались,

самые насущные вопросы оставались безъ обсужденія... Между главой правительства и его членами словно разомкнулся токъ, и всѣ благія намѣренія послѣднихъ не переходили въ дѣйствіе, останавливаясь на этомъ порогѣ отсутствующей воли къ дѣйствию.

Новое правительство могло бы выдти изъ этого состоянія маразма, если бы настоящее на его созданіи социалистическое умѣренное большинство не ограничилось тѣмъ, что свалило отвѣтственность на чужія плечи, а оказало бы этому послѣднему правительству „буржуазной революціи“ активную и послѣдовательную поддержку. Но та яркая непослѣдовательность, тотъ наглядный отходъ отъ только-что занятыхъ позицій, то жалкое цѣпляніе за словесныя прикрытія при вынужденномъ отступленіи, которое только-что вынуждены были обнаружить вожди „демократіи“, истощили ихъ послѣднія силы. И какъ бы они ни думали о новой коалиціи про себя, — громко и открыто они ее поддерживать не могли. Ихъ непослѣдовательность и робость сказалась уже въ тѣхъ отдѣлахъ программы — военномъ и международномъ, которыя даже Плехановъ заклеилъ въ своемъ „Единствѣ“, какъ возвращеніе къ Циммервальдъ-Кинталю. „Я спрашиваю любого гражданина, не, совсѣмъ беззаботнаго насчетъ судьбы родины и не окончательно порвавшего съ логикой,“ писалъ онъ 28 сентября: „можно ли поднять боеспособность нашей арміи съ помощью того самаго средства, которое понизило ее въ такой ужасающей степени“. Нежеланіе умѣренной „демократіи“ поддерживать власть сказалось и на составѣ социалистической половины кабинета. Керенскій давно уже подбиралъ этотъ составъ изъ людей, которые не могли быть ему соперниками. Самостоятельныя и независимыя политическія величины постепенно устранялись или уходили сами. Теперь уходили и болѣе или менѣе извѣстныя имена. Послѣ Церетели, Чернова, ушли Авксентьевъ и Скобелевъ. Послѣдній оставилъ министромъ труда своего товарища Гвоздева, простого рабочаго, человѣка со здравымъ смысломъ и съ гражданскимъ мужествомъ, но, разумѣется, непригоднаго на роль спасителя Россіи въ критическій моментъ ея существованія. Что касается представителей социаль-демократіи въ новомъ кабинетѣ, „Извѣстія Московскаго совѣта р. и с. д.“ писали: „Социаль-демократическая партія представлена Никитинымъ, Прокоповичемъ, Гвоздевымъ, Малянтовичемъ. Личный вѣсъ этихъ лицъ, конечно, весьма различенъ. Но врядъ ли кому-нибудь придетъ въ голову разсматривать ихъ, какъ авторитетныхъ представителей социаль-демократіи“. И

какъ бы для иллюстраціи этого, центральный комитетъ с. д. въ эти самые дни, подъ давленіемъ большевиковъ, предложилъ Никитину оставить ряды партіи.

Психологія этой уступчивости будетъ понятна, если вспомнимъ результаты только что закончившихся въ послѣдніе дни сентября выборовъ въ Москвѣ въ районныя думы. Вотъ сравнительныя цифры общегородскихъ выборовъ 26-го іюня и этихъ, сентябрьскихъ:

	Іюнь	Сентябрь
Соц. революціонеры	374.885 (58%)	54.374 (14%)
Меньшевики	76.407 (12%)	15.887 (4%)
Большевики	75.409 (11%)	198.320 (51%)
Партія народной свободы . . .	108.781 (17%)	101.106 (26%)

Возрастающій абсентеизмъ разочарованнаго обывателя, и на фонѣ этого равнодушія громаднѣйшій провалъ случайно побѣдившихъ въ іюнь своимъ 3-имъ спискомъ (буква З: „земля“) с.-р.-овъ, полное почти исчезновеніе непонятныхъ никому въ своей колеблющейся тактикѣ меньшевикомъ, рѣшительный уходъ активныхъ элементовъ пролетаріата отъ социалистической интеллигенціи къ демагогамъ, наконецъ, устойчивая позиція сознательной части не-социалистической демократіи („буржуазіи“), неподдержанной несознательнымъ обывателемъ, — такова поучительная картина политическаго настроенія старой столицы. Она подтверждается и относительно Петрограда. „Кто знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ петроградской крупнѣйшей организаціи меньшевиковъ, еще недавно насчитывавшей около 10 тыс. членовъ“, говоритъ „Новая Жизнь“ (29 сентября), „тотъ знаетъ, что она перестала фактически существовать. Районныя собранія происходятъ при ничтожномъ количествѣ 20—25 человекъ, членскіе взносы не поступаютъ, тиражъ „Рабочей Газеты“ катастрофически падаетъ. Послѣдняя общегородская конференція не могла собраться изъ-за отсутствія кворума“. А вотъ что пишетъ большевистскій „Рабочій Путь“ объ с.-р.-ахъ. „Пора, товарищи, понять, что партіи с. р.-овъ нѣтъ больше. Есть только „расплывчатая“ масса, часть которой запуталась въ „савинковщинѣ“, другая осталась въ рядахъ революціонеровъ, а третья бесполезно топчется на мѣстѣ, покрывая на дѣлѣ савинковцевъ“.

Умѣренные вожди социализма были заподозрѣны въ сдачѣ демократическихъ позицій „корниловцамъ“. Церетели такъ и называли — „корниловцемъ“ — на послѣднемъ засѣданіи демокра-

тического совѣщанія. „Новая Жизнь“ называла ихъ тактику „жалкимъ плодомъ трусости и оппортунизма . . . вѣрнаго рыцаря . . . и комиссара временнаго правительства въ демократическихъ организаціяхъ“ Церетели. Довольно естественно, что социалистическая масса отвернулась отъ этого результата своей же работы или, во всякомъ случаѣ, стала къ нему въ оборонительную позу. Центральный комитетъ с. д. постановилъ: „признавая основы соглашения, заключеннаго между демократіей и цензовыми элементами, не выполнѣ удовлетворительными, и находя необходимымъ стремиться къ измѣненію этихъ основъ, какъ въ смыслѣ установленія формальной отвѣтственности правительства передъ предпарламентомъ, такъ и въ смыслѣ болѣе послѣдовательнаго демократическаго осуществленія отдѣльныхъ пунктовъ программы, ц. к. . . . считаетъ, что соглашеніе . . . единственный выходъ изъ создававшегося положенія“. Въ то же время, ц. к., учитывая роль с. д. въ рядахъ объединенной демократіи въ настоящій моментъ“ и разрѣшая членамъ партіи, „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“, оставаться въ составѣ правительства, „оставляетъ за собой право отзывать членовъ партіи изъ правительства, когда ц. к. признаетъ пребываніе ихъ въ правительствѣ несомѣстимымъ съ интересами пролетаріата“. Такъ же кисло и съ оговорками одобрилъ ц. к. социалистовъ-революціонеровъ заключенное его членами соглашеніе. „Полагая, что революціонная власть должна быть построена на основѣ программы 14-го августа и на отвѣтственности власти передъ демократическимъ совѣтомъ, при чемъ въ составъ министерства могутъ войти отдѣльные представители какъ революціонной демократіи, такъ и цензовыхъ элементовъ, ц. к. признаетъ, что намѣченныя основы соглашения, хотя и представляютъ нѣкоторыя отступленія отъ указанныхъ принциповъ сформированія власти, тѣмъ не менѣе, при данныхъ политическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ и международномъ положеніи страны, они должны быть пріемлемы для партіи с. р.“ Какъ видимъ, въ деклараціяхъ центральныхъ комитетовъ обѣихъ господствующихъ партій нѣтъ никакого энтузіазма къ новой комбинаціи.

Какая разница между этими деклараціями и воинственной фанфарой большевиковъ, провозгласившихъ устами Петроградскаго совѣта новое правительство — „правительствомъ гражданской войны“ и прямо потребовавшихъ отъ него: „въ отставку“, не дожидаясь даже его сформированія и его деклараціи (см. выше стр. 75)! Вотъ позиціи, на которыхъ идетъ настоящій бой. Срав-

нительно съ ними, позиціи умѣреннаго большинства, становящагося меньшинствомъ, являлись уже позиціями глубокаго тыла. На другой день послѣ соглашенія „Новая Жизнь“ Горькаго уже зоветъ оттуда въ первую линію окоповъ, призываетъ къ сближенію съ „здоровымъ теченіемъ въ большевизмъ“ и настаиваетъ на „возстановленіи единства, если не всего, то возможно большей части демократическаго фронта“, для созданія „диктатуры демократіи“, какъ „единственнаго средства спасти революцію“. „Внѣ этой тактики нѣтъ спасенія“. И мы уже теперь можемъ предчувствовать, въ какую сторону обратятся взоры шатающагося социалистическаго центра въ будущемъ „совѣтъ республики“, если въ одинъ прекрасный день, не имъ указанный, ему придется сдѣлать рѣшительный выборъ. *)

*) Въ мемуарахъ В. Д. Набокова, напечатанныхъ въ 1 т. „Архива Русской Революціи“, изд. І. В. Гессеномъ (Берлинъ, „Слово“), я нахожу авторитетное подтвержденіе этой характеристики, написанной, какъ и весь основной текстъ моей „Истории“, въ концѣ 1917 и началѣ 1918 года. В. Д. Набоковъ во время моего мѣсячнаго отсутствія „фактически стоялъ во главѣ Центрального комитета“ и велъ переговоры о сформированіи коалиціи третьяго состава. Церетели, „игравшій въ переговорахъ наиболѣе видную роль“, уѣзжалъ на Кавказъ и указалъ Набокову, для веденія дальнѣйшихъ переговоровъ, на Ф. Дана (Гурвича.) „Когда закончена была работа по намѣченію будущихъ членовъ совѣта республики“, говоритъ В. Д. Набоковъ, „я и Аджемовъ сговорились съ Гоцомъ, Даномъ и Скобелевымъ и условились встрѣтиться (на квартирѣ Аджемова), чтобы выяснить дальнѣйшій планъ дѣйствій и установить тактическій планъ. Если не ошибаюсь, мы два раза собирались у Аджемова и я живо вспоминаю то чувство безнадежности и раздраженія, которое постепенно овладѣвало мною во время этихъ разговоровъ. . . . Отношеніе Дана къ создававшемуся положенію вещей — имѣло очень мало общаго съ отношеніемъ Церетели. На наше (съ Аджемовымъ) определенное заявленіе, что главнѣйшей задачей вновь учрежденнаго Совѣта мы считаемъ созданіе атмосферы общественнаго довѣрія вокругъ временнаго правительства и поддержки его въ борьбѣ съ большевиками, Данъ отвѣтилъ, что онъ и его друзья не склонны напередъ обѣщать свое довѣріе и свою поддержку, что все будетъ зависѣть отъ образа дѣйствія правительства и что въ частности они не видятъ возможности встать на точку зрѣнія борьбы съ большевиками прежде всего и во что бы то ни стало. . . . „Но, вѣдь въ этомъ то и заключалась вся цѣль нашего соглашенія“, возражали мы, „а Ваше теперешнее отношеніе есть опять таки прежнее двусмысленное, невѣрное, колеблющееся довѣріе „постольку, поскольку“, которое ничуть не помогаетъ правительству и не облегчаетъ его задачи“. Данъ вилялъ, мямлилъ, велъ какую-то талмудическую полемику. . . . Мы разошлись съ тяжелымъ чувствомъ, съ сознаніемъ, что начинается опять старая капитель, что наши „лѣвые друзья“ неисправимы, и что всѣ затра-

Сравнительно съ этими вліательными группами, отношеніе которыхъ къ новой коалиціи являлось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, уже мало имѣло значенія политическое настроеніе менѣе организованныхъ группъ, которыя могли бы оказать поддержку. Къ такимъ нужно отнести, какъ показало демократическое совѣщаніе, прежде всего, деревню и кооперацію. Совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ вовсе не представлялъ истиннаго настроенія крестьянства. Но онъ долженъ былъ съ этимъ настроеніемъ считаться — и это сказалося въ содержаніи платформы совѣта, выработанной его исполнительнымъ комитетомъ въ началѣ октября. Комитетъ призывалъ всѣхъ крестьянскихъ депутатовъ „къ энергичной поддержкѣ признаннаго революціонной демократіей временнаго правительства, которое одно только можетъ довести страну до Учредительнаго Собранія“. Эта цѣль—подготовка Учредительнаго Собранія—вмѣстѣ съ обороной страны, представлялась комитету единственной очередной, и „тотъ, кто отвлекаетъ народъ“ отъ этой подготовки „или не считаетъ Учредительнаго Собранія великимъ, рѣшающимъ событіемъ въ дѣлѣ народа“, признавался „идушимъ, умысленно или неумысленно противъ народныхъ интересовъ“. Съ этой точки зрѣнія комитетъ считалъ и съѣздъ совѣтовъ р. и с. д., назначенный на 10-е октября въ Петроградѣ, „несвоевременнымъ и опаснымъ,“ могущимъ „отдалить срокъ созыва Учр. Собранія и въ гражданской войнѣ погубить всѣ завоеванія революціи“. Онъ предлагалъ поэтому своимъ членамъ въ арміи и въ тылу „отказаться отъ посылки делегатовъ на предполагаемый съѣздъ.“ Въ рѣзкую противоположность „революціонной демократіи“ и даже правительственной деклараціи, платформа крестьянскихъ депутатовъ признавала, что хотя „миръ — завѣтная мечта крестьянства, но миръ крестьянство получить только тогда, когда армія наша будетъ боеспособной и защититъ русскую землю отъ гонимаго раздѣла“. Поэтому исполнительный комитетъ „считаетъ предателями тѣхъ, кто бросаетъ фронтъ и оставляетъ русскую армію беззащитной передъ врагомъ. Онъ призываетъ солдатъ

ченныя нами усилія, направленные къ тому, чтобы добиться соглашенія и поддержки власти въ ея борьбѣ съ анархіей и бунтарствомъ, едва ли не пропали даромъ“. Пессимизмъ Набокова былъ, какъ видно, отчасти вызванъ чрезмѣрными надеждами, возлагавшимися имъ на соглашеніе съ Церетели, роль котораго мы видѣли выше. Однако, въ результатѣ переговоровъ, Набоковъ и Аджемовъ заняли примирительную позицію, о которой см. ниже.

„крѣпко стоять передъ врагомъ и не дать погибнуть отъ вражескаго нашествія крестьянскимъ надеждамъ на лучшую жизнь“.

На тотъ же путь рѣшительно вступила и русская кооперація, пославшая, какъ мы видѣли, съ своего сентябрьскаго съѣзда декларацію съ особымъ наказомъ на демократическое совѣщаніе (см. выше, стр. 33—34). 4-го октября открылся чрезвычайный съѣздъ кооператоровъ въ Москвѣ, и докладывая объ исполненномъ порученіи, Беркенгеймъ имѣлъ полное право сказать, что „безъ коопераціи картина демократическаго совѣщанія была бы иная“ и что, именно, кооперація „дала перевѣсъ голосовъ за созданіе коалиціонной власти“. Это приводило кооператоровъ къ логическому заключенію, что и на выборахъ въ Учредительное Собраніе кооперація не можетъ отказаться отъ политической роли, вообще ей несвойственной, — что она обязана выступить, какъ отдѣльная политическая группа. „Общее впечатлѣніе, сложившееся у насъ на демократическомъ совѣщаніи“, говоритъ Беркенгеймъ, „такое: въ странѣ идетъ быстрая и стихійная организація рабочихъ и крестьянскихъ массъ. Она питаетъ демагогію, а разныя политическія теченія плетутся теперь въ хвостъ этой анархизаціи... Но я убѣжденъ, что не вся еще Россія превратилась въ сумасшедшій домъ, что пока — обезумѣло, главнымъ образомъ, населеніе большихъ городовъ“.

Наблюденіе Беркенгейма было, несомнѣнно, правильно. Оно вполне подтверждается результатами выборовъ въ городское демократическое самоуправленіе. Къ 2-ому сентября выборы состоялись въ 643 городахъ изъ 779 и, по даннымъ минист. внутр. дѣлъ, дали слѣдующіе результаты:

	Губернск. города. (43)	Прочіе. (407)
Избрано гласныхъ	3,689	13,246
Въ томъ числѣ (въ %):		
Большевиковъ	7	2
Меньшевиковъ	6	4
Соц. революціонеровъ	16	9
Соціалист. блокъ	36	21
Національныя группы	8	7
Партіи народной свободы	13	5
Внѣпартійные	14	50

Какъ видимъ, кучка, требовавшая себѣ отъ имени Россіи „всей власти“ въ большихъ городахъ получила всего 7 $\frac{1}{2}$ %, а въ

остальныхъ городахъ только 2% гласныхъ. Половина всѣхъ гласныхъ въ малыхъ городахъ, быть которыхъ является переходнымъ къ сельскому, оказалась безпартійна: т. е. политическія партіи вообще еще не проникли въ эту среду. Поскольку онѣ проникли, обыватель отдалъ преимущество несоціалистическимъ элементамъ передъ соціалистическими, которые, всѣ вмѣстѣ взятые, представляли въ малыхъ городахъ только треть гласныхъ (36%). Примѣняясь къ распредѣленію голосовъ городской группы въ демократическомъ совѣщаніи, это значило, по расчету Б. Веселовскаго*), что за коалиціонную власть высказалось въ городахъ 9. 100 буржуазныхъ гласныхъ (безпартійныхъ к. д. и національныя группы) и 60% соціалистическихъ, т. е. 4,700; всего 13,800 изъ 16,935. Несомнѣнно, не вся Россія „превратилась въ Бедламъ“ Но, къ сожалѣнію, группы болѣе близкія къ центру и къ государственному рулю, составляя ничтожное меньшинство въ странѣ, были въ столицѣ близки къ дѣйствительному захвату власти.

Кооператоры были правы, что при разногласіяхъ и при шатаніяхъ соціалистическихъ партій, при очевидной неспособности деревни разобратъ въ ихъ аргументахъ, при возраставшей роли демагогіи среди темной, непривычной къ политической жизни крестьянской массы, выборы въ Учредительное Собраніе должны дать самый случайный и, быть можетъ, пагубный результатъ. Роль „десяти милліоновъ кооператоровъ“, близкихъ къ массамъ и заслужившихъ ихъ довѣріе, была при этомъ совершенно незамѣнима. Телеграммы на кооперативный съѣздъ съ мѣстъ показали, что, собственно, сама жизнь рѣшила уже споръ объ участіи кооперации на выборахъ. Изъ 66 оглашенныхъ телеграммъ 54 стояли за самостоятельное участіе кооперации, и только 12 дали отрицательный отвѣтъ: очевидно, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя руководили противниками участія (въ томъ числѣ рабочей группой) на съѣздѣ: изъ боязни, что кооперация повредитъ успѣху соціализма. Резолюція съѣзда, принятая послѣ горячихъ преній, 81 голосомъ противъ 17, при 7 воздержавшихся, гласила, „что — въ Учредительное Собраніе должны быть избраны преданные російской республикѣ люди дѣла, способные подчинить групповые, классовые и партійные интересы неотложнымъ нуждамъ защиты отечества на фронтѣ и въ тылу и закрѣпить завоеванія революціи.“ Стоя на этой платформѣ, „кооперативныя органи-

*) „Р. Слово“ 18-го Октября.

зації должны стремиться къ объединенію всѣхъ демократическихъ теченій, стоящихъ за энергичную и напряженную оборону страны и свободы, за водвореніе законности и порядка въ странѣ силами самой государственно-мыслящей демократіи и за недопустимость избранія въ Учредительное Собраніе представителей пораженчества и анархизма.“ „Съ этой цѣлью“, казалось бы, дѣйствительно, могли быть объединены всѣ „демократическія теченія, стояція на государственной точкѣ зрѣнія, включая и партію народной свободы, платформу которой резолюція цѣликомъ повторяла. Но здѣсь и сказалась роковая слабость русской прогрессивной общественности. Подъ „демократическими“ хотѣли разумѣть только социалистическія партіи. Резолюція кооператоровъ прямо приглашала, гдѣ можно, содѣйствовать образованію блоковъ съ социалистическими партіями и фракціями, стоящими на государственной точкѣ зрѣнія“; гдѣ нельзя, вступать въ соглашеніе съ отдѣльными (тоже социалистическими) партіями и фракціями“, а гдѣ ни то, ни другое не удастся, тамъ выставить самостоятельные списки“. Такое устраненіе всей несоциалистической демократіи, при крайней слабости „социалистическихъ партій, стоящихъ на государственной точкѣ зрѣнія“, стояло въ полномъ противорѣчій съ основной задачей — объединить людей, „способныхъ подчинить классовые интересы неотложнымъ нуждамъ защиты отечества.“ Позиція большинства социалистическихъ партій, даже и умѣренныхъ, была вѣдь, прежде всего, классовая. Это и оказалось подводнымъ камнемъ, о который суждено было разбиться русской революціи. Чтобы какъ—нибудь выйти изъ этого противорѣчія между классовой и государственной политикой, кооператоры прибѣгли къ излюбленному средству русскаго обывателя. Они противоположили „дѣятелей политическихъ партій“, связанныхъ „партійной догмой“, — „людямъ дѣла хорошо знакомымъ съ самыми разнообразными сторонами и особенностями хозяйственной и бытовой жизни страны“. Эти послѣдніе должны придти въ Учредительное Собраніе „не съ готовымъ рѣшеніемъ“, а „лишь въ углубленной, долгой работѣ надъ каждымъ большимъ вопросомъ... составить свое свободное сужденіе на основаніи своихъ общихъ, отвѣчающихъ интересамъ трудового народа идей и принциповъ“. Эта попытка кооператоровъ — уйти отъ партій — лучше всего объясняется тѣмъ, что наличныя социалистическія партіи имъ не подходили, а наличныя партіи, защищавшія ихъ программу, не называли себя социалистическими.

Такъ, даже „люди дѣла“, ожесточенно отрицавшіе фразы, сами, въ концѣ концовъ, оказались во власти фразы, загипнотизировавшей русскую „демократію“ и лишившей ее всякой точки опоры на томъ опасномъ скатѣ, по которому она скользила къ гибели революціи.

Среди социалистическихъ партій, кромѣ Плехановской, была, правда, и еще одна, которая, казалось, была бы способна встать на требуемую кооператорами государственную точку зрѣнія. Мы разумѣемъ небольшую интеллигентскую группу „народныхъ социалистовъ“, — старыхъ народниковъ „Русскаго Богатства“, соединившихся съ той безформенной и неясной въ политическомъ отношеніи группой, которую со времени первой Думы окрестили именемъ „трудовиковъ“, замѣнявшимъ ей программу. Русское народничество по традиціи было менѣе связано социалистической догмой, чѣмъ правовѣрный социаль-демократизмъ. Оно всегда обнаруживало болѣе способности и желанія ближе всмотрѣться въ „особенности хозяйственной и бытовой жизни страны“. Именно это теченіе попыталось поэтому создать самостоятельную теорію русскаго аграрнаго социализма. Правда, зато это теченіе было тѣснѣе связано съ культурными и идейными традиціями русскаго интеллигентства, — и за это особенно подвергалось нападкамъ „научныхъ“ марксистовъ. Какъ бы то ни было, около этого стараго знамени, Михайловскаго и Анненскаго, собралась группа людей, талантливыхъ, знающихъ, любящихъ родину и кристально-честныхъ. Въ русской политической жизни они занимали своеобразную позицію обитателей „культурнаго скита“, добровольныхъ анахоретовъ, свято хранившихъ неугасимый огонь на старомъ алтарѣ. Но теперь русская жизнь и ихъ вызвала наружу. Они могли оказаться нужнѣе многихъ другихъ въ этомъ процессѣ превращенія фанатиковъ отвлеченнаго социализма въ трезвыхъ политическихъ дѣятелей, — процессъ, съ которымъ русская жизнь такъ печально запоздала. Ихъ политическое настроеніе извѣстно намъ изъ рѣчи А. В. Пѣшихонова, одного изъ „лидеровъ“ группы, на демократическомъ совѣщаніи“ (см. выше, стр. 43—44)

Второй Съѣздъ „трудовой народно-социалистической партіи“ (такъ называла себя группа послѣ сліянія съ трудовиками) для опредѣленія предвыборной платформы въ Учредительное Собраніе, собрался въ Москвѣ 26-го сентября. Онъ не былъ многочисленнымъ, Провинція часто впервые приходила тутъ въ соприкосновеніе съ своимъ центромъ. Съѣхалось около 70 членовъ партіи. Председа-

телемъ былъ избранъ Пѣшехоновъ; докладчикомъ отъ ц. к. выступилъ В. А. Мякотинъ. Значительная часть трго, что онъ сказалъ, могла быть сказана „кадетомъ“. Онъ отмѣтилъ крушеніе многихъ надеждъ со времени перваго съѣзда. Власти нѣтъ. Нѣтъ и много-властія. Есть анархія. Боялись „контръ-революціи“, которой не было. Теперь она есть, „взрожденная ошибками революціи“. Этимъ ошибкамъ партія недостаточно противодѣйствовала. Она не протестовала противъ нарушенія всѣхъ гражданскихъ свободъ демократическими учрежденіями и противъ попытокъ ихъ стать рядомъ съ властью государственной. Въ совѣтахъ она была „подголоскомъ иныхъ партій, меньшевиковъ и с. р. — овъ.“ Между тѣмъ у партіи есть свой лозунгъ. „Сейчасъ онъ непопуляренъ, ибо требуетъ жертвъ отъ массъ: но мы никогда не искали т о л ь к о популярности“. Этотъ лозунгъ, такой необходимый для даннаго момента, — „общенародность“, служеніе общенароднымъ интересамъ, — старый лозунгъ партіи. Въ національномъ вопросѣ „мы — федералисты, но и сторонники російскаго государства“. Что касается отношеній къ другимъ партіямъ, „раньше всего мы отгораживаемся отъ большевиковъ, ибо у нихъ одинъ методъ — насиліе, ибо они — по существу не социалисты.“ Изъ трехъ группъ, на которыя раздѣлились с. р.-ы, партія народныхъ социалистовъ ближе къ „Во-лѣ Народа“ и къ Авксентьеву, т. е. къ правому крылу и къ центру: „черновцы“ — тѣ же большевики. Но всѣ три теченія „организаціонно-связаны“, и потому партія не можетъ на выборахъ идти ни съ однимъ. Отъ „Единства“ и отъ меньшевиковъ партію отдѣляетъ аграрный вопросъ. Но „какъ быть съ партіей к. д.?“ Они — не социалисты и въ рядѣ вопросовъ — противники. Но они вовсе не „правые“, ихъ программа вовсе не „программа помѣщиковъ“. „У насъ есть съ ними общіе пути:“ „задачи политическаго устройства страны, воспитанія правового сознанія народа.“

Этотъ не банальный докладъ вызвалъ ожесточенныя возраженія со стороны типичнаго представителя трудовиковъ, члена 1-ой Думы, Брамсона. Нельзя отказываться отъ соглашенія съ социалистическими партіями: иначе мы себя „изолируемъ“. Нельзя подходить съ упрощенной точкой зрѣнія къ большевикамъ: они слиты съ массой, живутъ въ ней, и съ ними партіи трудовых классовъ придется „конкуррировать“. Напротивъ, отъ к. д. надо „рѣшительно отмежеваться“. Они, конечно, „старый капиталъ, накопленный народомъ“, „партія культурная“, „не корниловцы“. Но... „У нихъ никогда не было гражданского мужества.“ Кадеты, воз-

ражалъ откровеннѣ Сталь, хотятъ остаться на позиціяхъ 1-го марта. Но революція — явленіе соціальное, а не только политическое. И нельзя поэтому „идти къ народу съ проповѣдью одного только самоограниченія: этого народъ, чувствующій себя побѣдителемъ, не пойметъ“. Нужно заставить народъ „возненавидѣть монархію“, а для этого надо вынуть изъ портфеля обвинительный актъ противъ августѣйшихъ особъ. Въ виду этихъ возраженій новыхъ союзниковъ, А. В. Пѣшехоновъ попытался занять примирительную позицію, и при этомъ пожертвовалъ к. д. Мы стремимся, говорилъ онъ, стихійную борьбу классовъ ввести въ формы государственныя. Единственныя партіи, рѣзко опредѣлившія свою политическую позицію, к. д. и большевики, напротивъ, разъединяють эти два момента. Большевики признають лишь стихійную борьбу классовъ, а у к. д. „другая крайность: они также упрямо хотять знать лишь чистыя государственныя формы“. Коалицію съ к. д. (какъ съ интеллигентами-государственниками) онъ „понимаетъ и допускаетъ“. Но за к. д. стоитъ еще и торгово-промышленный классъ; и вотъ идеи „коалиціи съ буржуазіей“ онъ не понимаетъ. Собственную цѣль партіи слѣдуетъ высказать ясно, не смущаясь несоотвѣтствіемъ ея силъ — ея цѣлямъ. Силы притекутъ сами, „если мы будемъ ярче, полнѣе и сильнѣе выявляться“.

Въ результатъ преній, съѣздъ принялъ резолюцію, все содержаніе которой воспроизводитъ докладъ Мякотина, а практическіе выводы взяты у его оппонентовъ. Цѣль усилій настоящаго момента — защита родины отъ внѣшняго врага и утвержденіе демократической государственности, опирающейся на неотъемлемыя права гражданъ и на свободно выраженную волю народа; борьба со всѣмъ, что этому препятствуетъ: съ посягательствомъ на неприкосновенность личности и на свободы, съ анархіей, съ раздробленіемъ государственной власти и расхищеніемъ ея классовыми и иными организаціями, не могущими выразить воли всего населенія; такая организація государственной власти, при которой она имѣла бы не классовый, а общенародный характеръ; противодѣйствіе самосудамъ и попытка разрѣшить соціальныя и политическіе вопросы на почвѣ права, признаннаго и охраняемаго государственной властью, а не путемъ насилія; сохраненіе государственнаго единства Россіи отъ максимализма нѣкоторыхъ окраинъ и національных партій, и энергичная борьба съ тѣми максималистическими требованіями, которыя грозятъ привести государство къ распаду; подчиненіе классовыхъ и групповыхъ интересовъ общенароднымъ...

Все это есть прекрасное резюме всего того, къ чему партія народной свободы стремилась в течение всѣхъ семи мѣсяцевъ революціи и о чемъ она, какъ видно изъ этой книги, многократно заявляла въ постановленіяхъ своихъ съѣздовъ и въ заявленіяхъ своихъ министровъ, въ противоположность стремленіямъ социалистическихъ партій и „демократическихъ“ организацій къ „углубленію“ революціи и къ „революціонному правотворчеству“. Какъ же рекомендуетъ „трудовая народно-социалистическая партія“ достигать этихъ цѣлей? Такъ, какъ этого требуютъ противники В. А. Мякотина! Партія — тоже социалистическая, а потому „соглашеніе на почвѣ выборовъ съ несоциалистическими партіями — невозможно“.

Здѣсь, какъ видимъ, — грань, черезъ которую „революціонная демократія“, включая и „трудовыхъ народно-социалистовъ“ оказалась неспособной или безсильной перешагнуть. Напротивъ, вопреки всему, что дѣлали социалистическія партіи совѣтскаго большинства — и что такъ рѣзко противорѣчило только что изложенной программѣ, — „съѣздъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать“ и съ с. р.-ами, „поскольку они отошли отъ максималистскаго крыла“, и съ меньшевиками. На то обстоятельство, что они не только „организаціонно“, но, въ концѣ концовъ, и идейно связаны съ „максималистскимъ крыломъ“, съѣздъ предпочелъ закрыть глаза. Достаточно, если максимализмъ не бросается прямо въ глаза въ выставленныхъ лозунгахъ или личностяхъ кандидатовъ. Съѣздъ согласенъ даже идти съ „вне-партійными организаціями, если онѣ не стоятъ въ противорѣчій съ программой народныхъ социалистовъ“: только бы эти организаціи не носили названія одной изъ „буржуазныхъ“ партій.

Таковъ предѣлъ государственнаго благоразумія и тактической сдержанности благоразумнѣйшей изъ социалистическихъ партій. Чтобы спасти революцію отъ послѣдствій „максимализма“, этотъ предѣлъ былъ совершенно недостаточенъ. И неспособность перейти его составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, неудачи всего революціоннаго движенія. Это же обстоятельство лучше всего объясняетъ, почему, во всѣхъ практическихъ шагахъ, „революціонная демократія“ вынуждена была предоставлять инициативу той самой несоциалистической партіи, отъ формальнаго соглашенія съ которой она такъ тщательно отгораживалась. Сохранивъ чистоту партійной вывѣски, вожди совѣтовъ предоставляли затѣмъ „интеллигентамъ-государственникамъ“ руководить ходомъ дѣйствительной государственной жизни. Для этого имъ такъ и необходимо была коалиція съ „буржуазными“ элементами у власти.

IV. Сила и слабость третьей коалиции.

Частичные успѣхи правительства въ Финляндіи. На Украинѣ. Анархі въ странѣ. Побѣда „Викжеля“. Побѣда „Центрофлота“.

Благодаря окончанію затянувшагося на цѣлый мѣсяцъ кризиса власти и обновленію состава коалиціи, временное правительство въ концѣ сентября и въ началѣ октября переживало одинъ изъ своихъ *lucida intervalla*: періодъ ясности государственнаго мышленія. Эти періоды, какъ мы знаемъ, всегда сопровождались усиленіемъ власти. И въ эти моменты усиленія власти всегда приходилось сводить запутанные и просроченные вслѣдствіе кризисовъ счеты съ „максималистическими“ захватами окраинныхъ народностей и русскихъ политическихъ партій. Едва государственная мысль правительства получила возможность спокойно сосредоточиться, какъ уже заявляли о своемъ правѣ на его вниманіе длительные окраинные конфликты въ Финляндіи и въ Украинѣ.

Мы оставили Финляндію въ моментъ роспуска временнымъ правительствомъ финляндскаго сейма за его попытку самочиннаго законодательствованія по основному вопросу о взаимоотношеніи Россіи и Финляндіи. Соціалъ-демократическое большинство распущеннаго сейма не захотѣло подчиниться указу о роспускѣ, не огласило его въ засѣданіи сейма и попыталось 16-го августа самочинно собраться вновь. Попытка эта была пресѣчена энергичными мѣрами временнаго правительства, по распоряженію котораго ген.-губернаторъ Стаховичъ занялъ помѣщеніе сейма гусарами. Хотя депутаты послѣ того и собрались въ залѣ четырехъ сословій, но правительство могло разсматривать это собраніе, какъ собраніе частныхъ лицъ, бывшихъ депутатовъ, въ частномъ помѣщеніи, и не придавать собранію никакого юридическаго значенія. Черезъ мѣсяцъ, за три дня до выборовъ, финскіе соціалъ-демократы рѣшили повторить опытъ и разослали всѣмъ политическимъ фракціямъ сейма повѣстки на засѣданіе 15-го сентября. Вновь назначенный замѣстителемъ М. А. Стаховича, Н. В. Некрасовъ, по распоряженію правительства, спѣшно выѣхалъ въ Гельсингфорсъ и засталъ тамъ иную картину, чѣмъ было мѣсяцъ назадъ. Гельсингфорскій совѣтъ р. и. с. д. на этотъ разъ отказалъ въ поддержкѣ войскъ для не-

допущенія засѣданій самочиннаго сейма. Временное правительство получило телеграмму, прочтенную Керенскимъ въ демократическомъ совѣщаніи, что „мѣстныя революціонныя силы не позволяютъ никому, въ особенности временному правительству, помѣшать явочному открытію сейма“. Спѣшно посланные делегаты центрального исполнит. комитета совѣта р. и. с. д. не были допущены на суда для переговоровъ съ матросами. При этихъ условіяхъ Н. В. Некрасову пришлось ограничиться символическимъ дѣйствіемъ и объявить, что онъ „приказалъ наложить печати на двери сейма, дабы всѣмъ ясна была незаконность назначеннаго на 15 сентября собранія“. Представители всѣхъ другихъ партій заранее заявили, что не примутъ участія въ явочномъ засѣданіи: у нихъ не было интереса это дѣлать, такъ какъ въ предстоящихъ выборахъ они рассчитывали на побѣду буржуазныхъ партій надъ социалистами. Безъ четверти въ часъ дня 15-го сентября въ засѣданіе сейма явился тальманъ распущеннаго сейма, Маннеръ, въ сопровожденіи 80 депутатовъ, составляющихъ 40^{0/0} всего состава сейма, распорядился снять печати, открылъ двери и объявилъ засѣданіе открытымъ. Въ 20 минутъ былъ рассмотрѣнъ въ трехъ чтеніяхъ и принятъ законопроектъ 5 (18) Іюля о верховныхъ правахъ Финляндіи (см. вып. второй, стр. 73-75). Передъ голосованіемъ депутатъ Айрола высказалъ точку зрѣнія собравшихся. Сеймъ распущенъ незаконно. Настоящее собраніе должно считаться законно состоявшимся, ибо сеймовый уставъ не предусматриваетъ кворума. Если буржуазные депутаты отсутствуютъ, то тѣмъ хуже для нихъ: они ничего не хотятъ сдѣлать для достиженія самостоятельности Финляндіи, пользуясь благопріятными обстоятельствами, которыя не повторяются. Что касается выборовъ въ новый сеймъ, то сеймъ можетъ и признать ихъ незаконными, и согласиться на нихъ, — если они дадутъ благопріятные результаты. Такъ какъ два сейма существовать не могутъ, то нынѣшній сеймъ можетъ объявить свою сесію законченной, и самъ назначить, когда новые депутаты должны собраться, ибо постановленіе русскаго правительства о созывѣ сейма на 1-е ноября для Финляндіи не обязательно. Затѣмъ, уже на основаніи принятаго закона были единогласно утверждены, для введенія въ дѣйствіе, законопроектъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, о коммунальныхъ выборахъ, о правахъ русскихъ гражданъ, о еврейскомъ равноправіи и другіе, принятые сеймомъ въ разное время. Послѣ этого засѣданіе, продолжавшееся 35 минутъ, было закрыто тальманомъ.

Правительство реагировало на все это составленіем акта, направленного въ судебный департаментъ сената для судебного преслѣдованія противъ нарушителей общественнаго порядка.

На слѣдующій день, 16-го, социаль-демократическіе депутаты собрались на второе засѣданіе, но оно очень скоро было закрыто Маннеромъ. Некрасовъ объясняетъ это (въ бесѣдѣ съ журналистами) тѣмъ, что „собравшіеся депутаты узнали, что объединенное совѣщаніе демократическихъ организацій относится къ ихъ выступленію отрицательно.“ Нужно тогда предположить, что символическая побѣда надъ Россіей измѣнила настроеніе этихъ депутатовъ послѣ ихъ телеграммы Керенскому. Какъ бы то ни было, очевидно, что больше того, что уже они сдѣлали, с. д. депутаты и не могли сдѣлать. Они демонстрировали свою позицію на выборахъ, начинавшихся 18-го сентября и испробовали новаго генераль губернатора, отъ котораго русская лѣвая и финляндская печать ожидали „политики уступчивости, взамѣнъ политики строгой законности“, которую проводилъ Стаховичъ.

Выборы, однако, показали, что тактика социалистическаго большинства распущеннаго сейма не одобряется страной. Избиратели явились въ исключительно большемъ количествѣ къ избирательнымъ ящикамъ и дали побѣду буржуазнымъ партіямъ. По сравненію съ прежнимъ сеймомъ составъ новаго сейма измѣнился слѣдующимъ образомъ :

Социаль-демократы	103	. . .	91
Блокъ финскихъ буржуазныхъ партій. . .	57	. . .	61
Аграріи	18	. . .	26
Шведская констит. партія	21	. . .	21
Крестьянскіе рабочіе.	1	. . .	„
Представитель Лапландіи *).	„	. . .	1
	<hr/>		
	200		200

Такимъ образомъ, ни самочинное объявленіе независимости Финляндіи, ни обѣщанія самыхъ радикальныхъ социальныхъ реформъ не подѣйствовали. Это не значило, конечно, что финляндцы отказывались отъ самостоятельности. Но они хотѣли идти къ ней болѣе надежнымъ путемъ. Сеймъ былъ въ рукахъ группъ, при-

*) Представитель Лапландіи символизировалъ требованіе, выставленное финляндцами довольно давно — объ уступкѣ Финляндіи полосы земли отъ села Кюре до замка Петсало и побережья Ледовитаго Океана отъ Норвежской границы до Рыбачьго Полуострова.

выкшихъ дѣйствовать не революціонными, а конституціонными методами. Грамотой временнаго правительства отъ 30-го сентября созывъ законнаго сейма былъ назначенъ на 19 октября (1-го ноября). Къ этому времени нужно было выработать давно желанную новую „форму правленія“. Разумѣется, эта „форма правленія“ представлялась теперь, въ революціонное время, молодому поколѣнію финляндскихъ политиковъ совершенно иначе, чѣмъ она рисовалась старому Мехелину и его сподвижникамъ. 22-го сентября, т. е. какъ только выяснилась побѣда буржуазныхъ партій на выборахъ, въ финляндскихъ газетахъ были опубликованы проекты законовъ объ установленіи республиканской формы правленія и о взаимоотношеніяхъ между Финляндіей и Россіей. Проекты эти, составленные финляндскими юристами, находились на разсмотрѣніи юридической коллегіи сената, но разсмотрѣны еще не были. Проектъ новой формы правленія предполагалось внести, съ согласія временнаго правительства, въ сеймъ, а проектъ о взаимоотношеніяхъ двухъ странъ провести параллельно черезъ сеймъ и черезъ русское Учредительное Собраніе. Согласно обоимъ проектамъ, Финляндія объявлялась республикой, соединенной съ Россіей, но имѣющей собственную конституцію и правительство, независимое отъ законодательной и правительственной власти въ Россіи. Законодательная власть принадлежала сейму вмѣстѣ съ президентомъ республики, выбиравшимся прямымъ и общимъ голосованіемъ на 6 лѣтъ и получавшимъ право созывать и распускать сеймъ, назначать выборы, назначать членовъ совѣта министровъ. Президентъ же являлся главнокомандующимъ финляндскихъ войскъ въ мирное время и объявлялъ, въ согласіи съ совѣтомъ министровъ, мобилизацію. Вопросъ о войнѣ и мирѣ являлся вопросомъ общегосударственнымъ, который рѣшался согласно основному закону Россіи для обѣихъ странъ. Русское же правительство заключало договоры съ иностранными державами, если только оно не делегировало этого права правительству Финляндіи. Русскія войска, впредь до сформированія финляндской арміи, оставались въ крѣпостяхъ и фортахъ Финляндіи, пользуясь одинаковыми правами съ финскими по расквартированію, перевозкѣ и реквизиціи при содѣйствіи финляндскихъ властей. Послѣ сформированія финляндской арміи, она одна находилась въ странѣ, имѣя цѣлью защиту родины и этимъ оказывая содѣйствіе защитѣ русскаго государства. Каждый гражданинъ являлся военнобязаннымъ, и финляндское правительство обязывалось держать такое количество войскъ, чтобы рас-

ходы на нихъ въ мирное время были не менѣе 10-ти марокъ на жителя. Россійское правительство имѣло право инспектировать эти войска и требовать переведенія ихъ на военное положеніе. Въ военное время Россія могла вводить въ Финляндію потребное количество войскъ, и тогда командованіе переходило къ русскимъ. Для устройства новыхъ крѣпостей и фортовъ требовалось согласіе русскаго правительства. Для дѣлъ православной церкви, телеграфа, денежныхъ расчетовъ, торговли и судоходства Россія могла имѣть въ Финляндіи свои учрежденія, чиновниковъ и агентовъ. Предусматривалась взаимная выдача уголовныхъ преступниковъ. Сношенія двухъ правительствъ происходили черезъ высшаго представителя Россіи въ Финляндіи (или Финляндіи въ Россіи) или черезъ статсъ-секретаря. Примѣненіе закона о взаимоотношеніяхъ могло производиться лишь одинаковыми постановленіями законодательныхъ органовъ двухъ странъ, въ порядкѣ, установленномъ для основныхъ законовъ. Въ случаѣ разногласія въ толкованіи закона, спорный вопросъ передавался въ согласительную комиссію изъ трехъ членовъ отъ каждой страны, а въ случаѣ ихъ несогласія — на рѣшеніе международнаго третейскаго суда въ Гаагѣ, если онъ признаетъ это относящимся къ своей компетенціи.

Отношеніе финляндскихъ партій и печати къ этимъ проектамъ было различное. оціалисты относились къ нимъ, конечно, совершенно отрицательно. Но и шведская конституціонная „Столичная Газета“ (Hufvudstadsbladet) находила, что это рѣшеніе уже не можетъ удовлетворить большинства финскаго народа. Напротивъ, старофинскія „Гельсингфорскія Новости“ (Helsingin Sanomat) утверждали, что на этихъ проектахъ могутъ объединиться всѣ партіи и что этотъ проектъ формы правленія „удовлетворитъ наиболѣе крайнія требованія“.

26 и 28 сентября проектъ о взаимоотношеніяхъ Финляндіи и Россіи обсуждался юридической комиссіей при временномъ правительствѣ. Докладчикъ Б. Э. Нольдэ сразу обратилъ вниманіе на ту главную особенность проекта, что онъ радикально измѣняетъ права Россіи относительно внутренняго законодательства Финляндіи и такимъ образомъ существенно умаляетъ суверенитетъ Россіи. Конечно, принципъ внутренней самостоятельности Финляндіи въ ея мѣстныхъ дѣлахъ никакихъ сомнѣній не вызывалъ. 1-го октября комисія юридическаго совѣщанія (Б. Э. Нольдэ, Н. И. Лазаревскій, Д. Д. Гриммъ, М. С. Аджемовъ и А. Я. Гальпернъ) выѣхала въ Гельсингфорсъ и въ двухъ совмѣстныхъ засѣданіяхъ съ комиссіей

основныхъ законовъ финляндскаго сената обсудила проектъ. Б. Э. Нольдэ, по возвращеніи (5-го октября), сообщилъ журналистамъ, что съ обѣихъ сторонъ проявлено несомнѣнное желаніе столкнуться, и соглашеніе уже намѣчено. Русскіе члены согласились, что право самоопредѣленія въ области чисто-внутреннихъ дѣлъ должно быть въ полной мѣрѣ признано за Финляндіей. Финляндскіе члены согласились на то, чтобы не только взаимоотношенія Россіи и Финляндіи, но и образъ правленія не могъ измѣняться безъ согласія Россіи. Положеніе президента, къ которому переходили всѣ права русскаго монарха, плохо мирилось съ суверенитетомъ Россіи. Но необходимость лица, которое бы санкціонировало распоряженія правительства и являлось бы его главой, вполне признавалась. Русскіе члены предпочитали только, чтобы это лицо называлось „вице-президентомъ“. Два существенные вопроса, однако, вызвали непримиримыя разногласія и остались нерѣшенными: это вопросъ о правѣ держать въ Финляндіи русскія войска въ мирное время и о передачѣ спорныхъ вопросовъ на рѣшеніе гаагскаго трибунала. И по стратегическимъ, и по международнымъ соображеніямъ Россія не могла отказаться отъ права держать свои войска въ Финляндіи во всякое время, — не только во время войны. А обращеніе къ гаагскому трибуналу возможно было бы лишь въ случаѣ полной независимости Финляндіи, — въ каковомъ случаѣ исчезли бы и самые спорные вопросы, вытекавшіе изъ ея связи съ Россіей. Подобные вопросы, конечно, не входили въ нормальную компетенцію нормальнаго третейскаго суда, и Финляндія не значилась въ числѣ 40 суверенныхъ государствъ, подписавшихъ гаагскую конвенцію и могущихъ заключить между собой договоры объ арбитражѣ. Конечно, именно этимъ, — т. е. косвеннымъ выводомъ о полной независимости Финляндіи и дорожили финляндскіе юристы не соглашавшіеся уступить въ этихъ вопросахъ.

Черезъ двѣ недѣли, 19-го октября, открылся новый сеймъ. Тальманомъ избранъ былъ младофиннъ (Лундсонъ), вице-тальманами старофиннъ (Ингманъ) и членъ аграрной партіи (Алькіо). Въ предвидѣніи возбужденія вопроса о взаимоотношеніяхъ двухъ странъ, генераль-губернаторъ получилъ указанія, что всѣ рѣшенія въ этомъ вопросѣ должны приниматься въ порядкѣ, обезпечивающемъ ихъ юридическую силу, т. е. не односторонне, а на основѣ свободнаго соглашенія, связывающаго обѣ стороны, — сеймъ и временное правительство, отвѣтственное передъ Учредительнымъ Собраніемъ. По существу, правительство соглашалось на передачу дѣлъ вну-

твеннаго законодательства и управленія чисто-финляндскимъ органамъ и настаивало на сохраненіи, во имя непрерывности російскаго и финляндскаго права, status quo въ отношеніи общихъ для Финляндіи и Россіи дѣлъ, впредь до окончательнаго ихъ регулированія указаннымъ порядкомъ. 23-го октября оба обсуждавшихся ранѣе законопроекта были въ окончательномъ видѣ привезены изъ Гельсингфорса Некрасовымъ и статсъ-секретаремъ по дѣламъ Финляндіи Энкелемъ и утверждены въ засѣданіи временнаго правительства. Финляндія, сохраняя связь съ Россіей, получала собственное законодательство и правительство. Государственный строй Финляндіи опредѣлялся, какъ республика, въ которой высшая исполнительная власть принадлежитъ „правителю“. Вопросы войны и мира и заключеніе договоровъ оставались въ компетенціи Россіи. Такимъ образомъ, передъ самымъ выступленіемъ и окончательной побѣдой большевиковъ давнишній споръ между Финляндіей и Россіей обѣщаль разрѣшиться къ взаимному удовольствію и съ соблюденіемъ обоюдныхъ интересовъ. Судьба рѣшила иное...

На Украинѣ, какъ и въ Финляндіи, продолжало укореняться и развиваться стремленіе къ самостоятельности, и, въ конечномъ счетѣ, независимости. Но здѣсь процессъ шелъ болѣе бурно, какъ въ виду темперамента населенія, такъ и въ виду отсутствія „непрерывности“ права, въ виду полной невозможности опираться на правовую традицію, доказываемую практикой учреждений и основными актами государственнаго права. Новое государственное право, которое только-что начало создаваться подъ давленіемъ захватовъ украинскихъ политиковъ, было полно недомолвокъ и пробѣловъ, которые каждая сторона толковала по своему. Самое учрежденіе „генеральнаго секретаріата“ было признано 4-го іюля не въ видѣ законодательнаго акта, а въ видѣ „деклараци“, сообщавшей о правительственномъ „рѣшеніи“. Конечно, это было сдѣлано не случайно. Основанная на „деклараци“ 4-го іюля „инструкція генеральному секретаріату“ юридически висѣла въ воздухѣ, и сенатъ на этомъ основаніи даже отказался опубликовать ее (2-го октября), какъ „утвержденную безъ одновременнаго утвержденія органическаго закона о самомъ секретаріатѣ, какъ новомъ государственномъ установленіи“. Далѣе, сама инструкція въ дальнѣйшей своей части, — той, которая опредѣляла административныя полномочія генеральнаго секретаріата, оставалась актомъ незаконченнымъ. По ст. 5-ой „инструкціи“ кругъ дѣлъ „мѣстнаго управленія“, по которымъ врем. правительство будетъ осуществлять свои полномочія при по-

средствъ генеральныхъ секретарей, признанныхъ въ статьѣ 3-ей, долженъ былъ быть опредѣленъ въ „особомъ приложеніи“. Это приложеніе не было издано, и, слѣдовательно, административная компетенція комиссаріата осталась юридически неопредѣленной. Это не только не препятствовало, но даже помогало украинскимъ политикамъ расширить компетенцію секретарей явочнымъ порядкомъ на всю область управленія. Не говоримъ уже о томъ, что секретаріатъ, признанный въ „инструкціи“ „органомъ временнаго правительства“, въ дѣйствительности функционировалъ въ роли парламентарнаго министерства Украины, существованіе и составъ котораго зависѣли отъ „довѣрія“ учрежденія, которое уже вовсе не было оформлено юридически и оставалось вполнѣ самочиннымъ, „генеральной рады“, своеобразнаго украинскаго предпарламента.

Изъ этихъ узкихъ и тѣсныхъ рамокъ деклараціи 4 іюля украинцы рвались на полную свободу подъ несомнѣннымъ давленіемъ „самостійниковъ“, начинавшихъ понемногу приобрѣтать почву.

„Кромѣ наивныхъ людей“, говоритъ въ своей книгѣ Винниченко, „никто не смотрѣлъ на инструкціи серьезно. Всѣ знали, что это не миръ, а только временное перемиріе, что борьба будетъ и должна быть. Оба лагеря, пользуясь перемиріемъ, собирали свои силы, подсчитывали ихъ, организовались..... И ни одна сторона этого не скрывала.“*) Если это свидѣтельство не доказательно для временнаго правительства, къ намѣреніямъ котораго украинскіе вожди относились съ чрезмѣрной подозрительностью, то оно вполнѣ доказательно для того лагеря, къ которому принадлежалъ самъ авторъ книги. Винниченко признаетъ, что сторонники украинской самостоятельности извлекли, прежде всего, выгоды и изъ той самой „инструкціи“, которая имъ не нравилась: „Инструкція имѣла для насъ“, говоритъ онъ, „много положительныхъ элементовъ. Это была, прежде всего, первая опора нашей „законной“, юридически-правовой государственности; а эта „законность“ имѣла громадное психологическое значеніе для широкихъ круговъ малоосвѣдомленнаго, забитаго, привыкшаго ко всякой — „законности“ обывателя... Инструкція сыграла громадную агитаціонную, пропагандистскую роль“. Ея отрицательныя стороны — и, особенно, ограниченіе территоріи Украйны — по утверженію Винниченко дали толчекъ „національной активности“, развивавшейся теперъ

---

*) Видродження нації ч. II. Київ—Видень, 1920.

подъ лозунгомъ „единой, нераздѣльной Украины“. И Генеральный Совѣтъ „только въ одномъ направленіи считалъ свою дѣятельность продуктивной: какъ можно скорѣе развязать себѣ руки“. Онъ „рѣшительно сталъ на путь расширенія, какъ своей компетенціи, такъ и объединенія всѣхъ отрѣзанныхъ губерній со всей Украиной“.

Мы говорили о связи „Союза вызволенія Украины“, съ за-границей (вып. первый, 149—154). Заграничное вліяніе продолжаетъ чувствоваться и въ этотъ періодъ. Издававшаяся въ Лозаннѣ украинская газета „L'Ukraine“ открыто высказывала очередные политическіе лозунги. Свобода Украины соединялась здѣсь съ освобожденіемъ отъ ленинцевъ и съ энергической защитой славянъ отъ германизма, отъ которой, подъ вліяніемъ „ленинского гипноза“, отказывалась „Московія“. Газета отмѣчала, что Ленинъ имѣетъ вліяніе только у великороссовъ, тогда какъ у другихъ народовъ Россіи: поляковъ, украинцевъ, латышей, армянъ, евреевъ, его идеи встрѣчаютъ патріотическій отпоръ. „Если только Московія не одумается“, грозила „L'Ukraine“, и не возьметъ снова въ свои руки защиту славянъ противъ Германской Имперіи, то не можетъ быть болѣе вопроса о правѣ великороссовъ представлять славянскіе народы и играть среди нихъ первенствующую роль. Эта роль, естественно, выпадаетъ на долю самаго крѣпкаго ядра въ группѣ государствъ, которыя должны будутъ образовать федерацію. Если великороссы будутъ продолжать обнаруживать неисправимость, то да будетъ позволено украинцамъ требовать больше, чѣмъ автономію, и стремиться къ возвеличенію скипетра великихъ князей Кіевскихъ, выскользнувшего изъ рукъ царей московскихъ и петроградскихъ“.

Характернымъ шагомъ къ закрѣпленію этой идеологіи, несомнѣнно навѣянной заграничной агитаціей, былъ созывъ въ Кіевѣ представителей народовъ и областей Россіи, помогающихъ федеративнаго строя. Находясь съ одной стороны, въ преемственной связи съ пропагандой „автономистовъ-федералистовъ“ временъ первой Гос. Думы, съѣздъ народностей въ Кіевѣ, съ другой стороны, являлся несомнѣннымъ продолженіемъ такихъ же попытокъ, дѣлавшихся во время войны за-границей при участіи и денежной поддержкѣ Германіи. Въ частности, непосредственнымъ предшественникомъ съѣзда народностей въ Кіевѣ былъ конгрессъ народностей въ Лозаннѣ, лѣтомъ 1916 г., на которомъ направляющая рука германцевъ была очень замѣтна.

На Кіевскій сѣздъ 10—15 сентября сѣхалось около 100 делегатовъ (ихъ нѣхъ голоса 86-ти были признаны дѣйствительными) отъ эстонцевъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, евреевъ, бѣло-русовъ, украинцевъ, молдаванъ, грузинъ, крымскихъ татаръ, закавказскихъ тюрокъ, бурятъ, киргизъ; были представители нѣсколькихъ мусульманскихъ военныхъ комитетовъ; были и представители союза 12 казачьихъ войскъ. Армяне, якуты, башкиры, калмыки, горные народы Кавказа и Дагестана прислали привѣтствія и заранѣе присоединялись къ рѣшенію сѣзда. Само собой разумѣется, что представлены были лишь опредѣленные политическія теченія среди всѣхъ этихъ народностей, и представлены зачастую довольно случайно. Характерно, что правительство, или, лучше сказать, Керенскій (это было при „директоріи“), — отнесся къ сѣзду положительно и послалъ на него своего делегата, М. А. Славинскаго, — тогда еще умѣреннаго украинца и сотрудника „Вѣстника Европы“. Славинскій передалъ сѣзду, что правительство считается съ „сильными и мощными ростками“ автономіи на Кавказѣ, въ Сибири, Эстоніи, Латвіи, а также и среди казаковъ, но не считаетъ себя вправѣ до Учредительнаго Собранія провозглашать федеративный строй, „не препятствуя, однако, работать на мѣстахъ для созданія этого строя“. Оно уже создало особое совѣщаніе по выработкѣ областного самоуправленія подъ предсѣдательствомъ самого Славинскаго; послѣдній сообщилъ, что это особое совѣщаніе „считаетъ своей задачей войти въ контактъ со всѣми народностями и областями Россіи, чтобы учесть всѣ ихъ автономно-федералистическія стремленія“ и внести соотвѣтственный законопроектъ въ Учредительное Собраніе. Избранный почетнымъ предсѣдателемъ проф. Грушевскій въ своемъ вступительномъ словѣ связалъ автономно-федеративную идею съ Кіевомъ, какъ „очагомъ“ этой идеи, и указалъ, что среди украинцевъ федеративная идея никогда не умирала. Петлюра, предсѣдатель украинскаго войскового комитета („военный министр“) остановился на необходимости созданія украинскаго національнаго войска, какъ „для защиты своей земли“, такъ и для того, чтобы голосъ украинцевъ былъ услышанъ въ Учредительномъ Собраніи. Въ полномъ согласіи съ приведенной статьей L'Ukraine, Петлюра заявилъ, въ заключеніе, что Россія на краю пропасти и спасти ее можетъ только обращеніе къ живымъ источникамъ бодрой силы отдѣльныхъ народностей. Въ принятыхъ сѣздомъ резолюціяхъ признавалась необходимость переустройства Россіи на федеративныхъ основа-

ніяхъ съ раздѣленіемъ ея на автономно-федеративные штаты съ обще-федеральнымъ органомъ, въ задачи котораго входитъ не только внѣшнее, но и внутреннее объединеніе. Для осуществленія этого переустройства сѣздъ указалъ два пути: внутренняя работа народовъ и рѣшенія мѣстныхъ Учредительныхъ Собраній, съ одной стороны, и объединенная работа, въ сотрудничествѣ съ органами временнаго правительства, съ участіемъ въ послѣднихъ представителей народовъ, съ другой.

Дальше этой черты рѣшенія сѣзда не шли. И грузину Бараташвили, который объявилъ было, что Грузія уже не можетъ удовлетвориться республиканско-федеративнымъ строемъ Россіи и скоро скажетъ свое слово о самостоятельности, пришлось взять свои слова назадъ. Вотъ характерный эпизодъ того же рода. „Кіевская Мысль“ перепечатала изъ „Вѣстника Союза Освобожденія Украины“ привѣтственную телеграмму австрійскому генералу Пухало по поводу его „блестящихъ побѣдъ на родной землѣ украинскаго князя Любарта и борца за независимость Украины великаго князя Свидригайла“, съ пожеланіемъ „дальнѣйшаго побѣднаго напора славной австро-венгерской арміи на самое сердце Украйны, Кіевъ, во славу его величества императора Франца-Іосифа“. Телеграмма была подписана Владимиромъ Дорошенко „за президіумъ союза освобожденной Украины“. Наши украинцы поспѣшили пояснить по этому поводу, что этотъ Дорошенко не имѣетъ ничего общаго съ Д. Дорошенко, правительственнымъ комиссаромъ. Такимъ образомъ, о ф ф и ц и а л ь н о — самостійніческія заявленія не допускались. Но въ частныхъ откровенныхъ заявленіяхъ украинскихъ дѣятелей часто признавалось, что федерація есть для нихъ только этапъ къ полной независимости.

Какъ бы то ни было, украинская дѣйствительность далека была даже и до федераціи, и украинцы воспользовались демократическимъ совѣщаніемъ, чтобы официально и публично предъявить свои ближайшія требованія. Въ концѣ засѣданія 17-го сентября, при пустынномъ залѣ и среди ироническихъ восклицаній присутствовавшихъ, делегатъ украинской рады Поршъ прочелъ свой наказъ. Онъ жаловался, что правительство ничего не сдѣлало по вопросамъ національнымъ. Онъ заявилъ, что національности больше не желаютъ ждать своего раскрѣпощенія и готовы „вступить на путь активной борьбы“, что онѣ требуютъ отъ правительства теперь же, не дожидаясь Учредительнаго Собранія, признанія за всѣми націями права „ничѣмъ не ограниченнаго самоопредѣленія“.

и созыва мѣстныхъ учредительныхъ собраній, а по отношенію къ Украинѣ — пересмотра инструкции генеральнаго секретаріата въ смыслѣ расширенія территоріи, признаваемой за украинскую, и расширенія административной компетенціи секретарей. *)

Если на Украинѣ вообще не ждали рѣшенія русскаго правительства, чтобы перейти къ „активной борьбѣ“, то послѣ недружелюбной встрѣчи на демократическомъ совѣщаніи эта тенденція еще усилилась. Еще 1-го Сентября правительство утвердило, по представленію рады, тѣхъ генеральныхъ комиссаровъ, которые были признаны „инструкціей“: финансовъ (Винниченко), національныхъ дѣлъ (А. Шульгинъ), ген. контролера (Зарубинъ), просвѣщенія (Стешенко), ген. писаря (Лотоцкій), земледѣлія (Савченко-Бѣльскій) и комиссара по дѣламъ Украины при врем. правительствѣ (Стебницькій). Но вопросъ о передачѣ генеральному секретаріату вѣдомствъ, имѣвшихъ общегосударственный характеръ, остался открытымъ. Комиссары по продовольственному дѣлу, путямъ сообщенія, почтѣ и телеграфовъ, судебному и военному дѣлу остались неутвержденными. Послѣднее было особенно непріятно украинцамъ. „Украинскій войсковой комитетъ“ признавался правительствомъ — и его представителемъ въ Кіевѣ, командующимъ войсками округа К. М. Оберучевымъ — за учрежденіе частное. Между тѣмъ этотъ комитетъ уже давно приступилъ къ явочнымъ дѣйствіямъ, — къ укомплектованію первыхъ украинскихъ войсковыхъ частей. Оберучевъ противился этому, находя, что это было бы „явнымъ узаконеніемъ скопленія дезертировъ и самовольно отлучившихся солдатъ“. Войсковой комитетъ задерживалъ въ Кіевѣ эшелоны, предназначенные для укомплектованія юго-западнаго фронта и Оберучевъ официально заявлялъ, что вслѣдствіе произведенной комитетомъ путаницы онъ не имѣлъ возможности посылать фронту подкрѣпленія во время іюньскихъ и іюльскихъ боевъ. А. Ф. Керенскій запретилъ украинизацію войскъ, но это не помѣшало генеральному комитету, дѣйствуя мимо Оберучева, добиваться непо-

*) Другіе пункты наказа выставляли требованіе однороднаго социалистическаго министерства, „отвѣтственнаго передъ демократіей всѣхъ народовъ Россіи“, Государственного и областного контроля надъ производствомъ и распределеніемъ, уничтоженія тайныхъ договоровъ и открытія мирныхъ переговоровъ не дожидаясь союзниковъ и т. д. Пунктъ о власти мѣстныхъ органовъ былъ выраженъ въ наказѣ, повидимому, рѣзче, чѣмъ онъ былъ изложенъ Поршемъ въ засѣданіи. Требовалась передача всей власти на Украинѣ въ руки Рады и секретаріата на основѣ статута, отвергнутаго временнымъ правительствомъ при составленіи „инструкціи“.

средственно отъ Керенскаго ряда частичныхъ разрѣшеній и указовъ, которые вели къ тому же. Противъ Оберучева, какъ противника украинизаціи, началась систематическая кампанія. Дѣло дошло до того, что 20-го Октября командиръ 2-го батальона 1-го украинскаго запаснаго полка отказался подчиниться приказу начальника военнаго округа о переводѣ въ другое мѣсто, сославшись на постановленіе батальоннаго комитета, что этотъ переводъ (въ Черниговъ) свидѣтельствуешь о враждебномъ отношеніи Оберучева къ украинскимъ войскамъ. Тогда Оберучевъ, не допуская подобнаго двоевластія, подалъ въ отставку. Правда, въ отвѣтъ Керенскій выразилъ ему довѣріе и просилъ остаться. Но это не измѣнило положенія. Послѣ повторной просьбы объ отставкѣ Оберучевъ былъ замѣненъ 17-го Октября боевымъ генераломъ Квицинскимъ.

Вслѣдъ за арміею была сдѣлана попытка „украинизировать“ флотъ. Здѣсь также непослѣдовательное поведеніе Керенскаго оказало услугу украинцамъ. 12-го сентября въ Севастополѣ былъ объявленъ приказъ Керенскаго объ „украинизаціи“ „Свѣтланы“. Тогда, подъ вліяніемъ слуховъ о благосклонномъ отношеніи верховнаго главнокомандующаго къ вопросу объ украинизаціи, украинскій воинскій комитетъ рѣшилъ украинизировать весь Черноморскій флотъ. И весь флотъ украсился украинскими флагами и выбросилъ сигналъ: „Хай живе вільна Україна“. Черноморская украинская рада постановила (15-го сентября) считать весь черноморскій флотъ украинскимъ и пополнять его въ будущемъ только жителями Украины.

Такъ шло дѣло до демократическаго совѣщанія и до собранія третьяго коалиціоннаго кабинета, при „директоріи“. Когда съ новой коалиціей правительство окрѣпло, сразу же почувствовалась въ отношеніи къ украинскимъ претензіямъ новая нота. И украинцы ее сейчасъ же замѣтили. Въ Кіевѣ уже готовились опубликовать „третій универсалъ“. Теперь рѣшено было (27-го сентября), что право изданія универсаловъ надо предоставить общему съѣзду рады, а пока ограничиться воззваніемъ и оглашеніемъ деклараціи отъ секретаріата. Въ обоихъ этихъ документахъ, опубликованныхъ 30-го сентября, секретаріатъ пошелъ гораздо дальше всего, что было правительствомъ до сихъ поръ уступлено. Въ воззваніи секретаріатъ объявлялъ себя „высшимъ органомъ власти края“, „избраннымъ и поставленнымъ волей и словомъ революціоннаго парламента украинскаго народа и украинской центральной рады, въ полномъ согласіи съ правительствомъ революціоннаго всероссій-

скаго народа“. „Мы, секретаріатъ Украины, говорилось далѣе, руководясь этимъ неписаннымъ закономъ всѣхъ демократій Украины, готовимъ край нашъ къ автономной жизни и къ федераціи республики російской“. Въ „декларациі“, излагавшей программу украинскаго правительства, Украина объявлялась „равноправнымъ государственнымъ тѣломъ съ единой, федеративной російской республикой.“ Но изъ дальнѣйшаго выяснилось, что Украина требуетъ больше, чѣмъ просто быть „равноправнымъ членомъ федераціи“, вродѣ штата Сѣв. Америки. „Декларациа“ обѣщала выхлопотать Украинѣ отдѣльное представительство на мирной конференціи, т. е. надѣлать Украину правами сувереннаго государства, не связаннаго никакимъ союзомъ. Далѣе, проектировалось созданіе украинскаго учредительнаго собранія, т. е. создавался другой признакъ суверенности. Подъ предлогомъ „борьбы съ безчинствующими и разбойничающими элементами“ санкціонировалось украинское „вольное казачество“, уже возникшее „силой самой жизни“, какъ средство самообороны органовъ мѣстнаго самоуправленія. Въ социальномъ отношеніи секретаріатъ обѣщаль „пересозданіе социальнаго устройства народовъ Россіи“ въ „крестьянской и пролетарской федеративной республикѣ“. Украина получала собственный бюджетъ и новые финансовые ресурсы въ „повышеніи обложенія имущихъ классовъ населенія“. „Національный украинскій банкъ“ становился на мѣсто отдѣлений Государственнаго Банка. Конечно, территорія Украины расширялась за предѣлы пяти губерній, условленныхъ съ временнымъ правительствомъ, и административная власть въ полномъ составѣ и по всѣмъ вѣдомствамъ переходила къ секретаріату. Въ частности, по военнымъ дѣламъ къ Украинѣ переходила вся власть надъ арміей, включая назначенія и отставку военныхъ чиновъ на территоріи Украины въ украинскихъ войсковыхъ частяхъ. Центральная („малая“) рада всѣми 24 голосами противъ одного голоса к. д. одобрила декларацію и потребовала отъ секретаріата немедленнаго непоколебимаго проведенія въ жизнь означеннаго въ деклараціи минимума поставленныхъ передъ Украиной ходомъ революціи задачъ переходнаго характера, при одновременномъ расширеніи и углубленіи ихъ до выполненія всѣхъ задачъ революціи въ полномъ объемѣ“. Яснѣе нельзя было сказать, что теперь уже вся рада считаетъ „максимумомъ“, выполненія котораго надо добиваться, пользуясь революціей и опираясь на собственную армію и на вольное казачество, — идеаль украинской „самостійности“. Въ воз-

званіяхъ „союза украинской государственности“, возникшаго по примѣру польскаго, эта цѣль вовсе и не скрывалась. На 29 Октября намѣчена была пленарная сессія центральной рады, которая и должна была рѣшить всѣ основные вопросы — о мирѣ, объ Учредительномъ Собраніи и о присоединеніи внѣавтономныхъ частей Украины.

Такой размахъ дѣятельности секретаріата, въ связи съ самостоятельными распоряженіями въ военныхъ вопросахъ и съ новой попыткой поднять украинскій флагъ на судахъ черноморскаго флота, обратилъ, наконецъ, вниманіе возстановленнаго правительства третьей коалиціи на Украину. По докладу А. И. Коновалова (16-го октября) рѣшено было принять необходимыя мѣры. Министръ юстиціи П. Н. Малянтовичъ предложилъ прокурору кievской судебной палаты немедленно произвести строжайшее разслѣдованіе о дѣйствіяхъ рады и секретаріата, какъ органа государственной власти, члены котораго назначаются временнымъ правительствомъ. Морской министръ Вердеревскій тогда же послалъ центральной радѣ телеграмму, въ которой заявлялъ, что „поднятіе другого флага, кромѣ военнаго, на судахъ черноморскаго флота, который является флотомъ россійской республики и содержится на средства государственнаго казначейства, является недостойнымъ актомъ сепаратизма“. 17-го сентября правительство пригласило телеграммой Винниченко, Стешенко и Зарубина прибыть въ Петроградъ для выясненія позиціи рады въ вопросѣ объ Учредительномъ Собраніи. Ихъ приѣздъ ожидался 19-го. Въ то же время предположено было до выясненія вопроса не посылать секретаріату очереднаго кредита въ 300.000 р.

Нѣсколькими днями раньше кievскій комитетъ партіи с. р. осудилъ „самостійныя“ стремленія рады и отозвалъ своего министра Зарубина изъ комиссаріата. Еще раньше, по той же причинѣ, ушли изъ рады к. д., и 10-ый партійный съѣздъ одобрилъ этотъ шагъ своего областного комитета. Печать также относилась къ вождельніямъ рады и секретаріата неодобрительно.

Все это произвело впечатлѣніе на украинцевъ, и ихъ вожди забили отбоя. *) Винниченко напечаталъ въ мѣстныхъ газетахъ

*) Какъ видно изъ книги Винниченка (Видр. нацїл, II. 59), украинскіе вожди ожидали болѣе крутыхъ мѣръ со стороны правительства. Они были увѣрены, что ихъ вызываютъ въ Петроградъ, чтобы тамъ арестовать, а въ Кіевѣ разогнать центральную раду быстрымъ и рѣшительнымъ нападеніемъ. Винниченко прибавляетъ: „ни ц. рада, ни ген. секретаріатъ, про эти планы

письмо, въ которомъ доказывалъ, что „суверенность учредительнаго собранія вовсе не предрѣшаетъ проявленія воли украинской демократіи въ сторону отдѣленія отъ Россіи и независимости“. Въ засѣданіи комитета рады 18-го и 19-го октября Винниченко предъявилъ это письмо, подчеркнул признаваемое деклараціей „единство російской федеративной республики“ и заявилъ, что законопроектъ о созывѣ украинскаго учредительнаго собранія будетъ представленъ на утвержденіе временнаго правительства. Вопросъ о суверенности былъ предметомъ бурныхъ преній и раскололъ собраніе. Въ концѣ концовъ, „малая“ рада приняла по этому вопросу голосами всѣхъ украинскихъ фракцій компромиссную формулу, которая все же не удовлетворила представителей російской демократіи въ комитетѣ. „Вновь подчеркивая необходимость единства федеративной російской республики“, малая рада признавала, что воля народовъ на Украинѣ къ самоопредѣленію можетъ быть выражена только черезъ Учредительное Собраніе Украины и что, такимъ образомъ выраженная, воля народовъ Украины будетъ согласована съ волей всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, выраженной черезъ Всероссійское Учредительное Собраніе“.

Этимъ и ограничились уступки. Винниченко, согласно постановленію рады, отказался ѣхать въ Петроградъ по вызову правительства. Самочинные шаги къ украинизаціи гражданскаго и военнаго управленія продолжались энергичнѣе прежняго. 21-го Октября въ Кіевѣ открылся третій всеукраинскій съѣздъ, члены котораго начали съ манифестаціи передъ памятникомъ Хмѣльницкаго. Рада протестовала противъ назначенія Квицинскаго и запретила войсковымъ частямъ исполнять его приказы. Настроеніе украинскихъ націоналистовъ было совершенно большевистское. На съѣздѣ, избравшемъ украинскій комитетъ западнаго фронта, было постановлено требовать отъ правительства немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ и заключить на всѣхъ фронтахъ перемиріе. При этомъ, такъ какъ „грозный часъ не ждетъ“, центральная рада должна была, не ожидая отвѣта правительства,

---

не знали. Впослѣдствіи только выяснилось (?), что въ Петроградской тюрьмѣ были уже и камеры приготовлены для генеральныхъ секретарей“. Скорѣ всего, эти опасенія свидѣлствуютъ о настроеніи делегатовъ, въ особенности самаго Винниченка, не поѣхавшаго вмѣстѣ съ делегатами. Пріѣхала делегация „въ тотъ день, когда большевики уже обстрѣливали Зимній Дворецъ“.

взять въ свои руки дѣло окончанія войны противъ „затягивающей эту бойню буржуазіи“. Правительственный комиссаръ докладывалъ, что въ этомъ постановленіи заключается прямой призывъ къ измѣнѣ. Онъ предлагалъ не утверждать фронтового комитета и не ассигновать ему средствъ. Не была утверждена правительствомъ и фронтовая украинская рада на юго-западномъ фронтѣ. Словомъ, ко времени выступленія большевиковъ (они готовились къ выступленію и въ Кіевѣ) Украина, несмотря на внѣшнія уступки, находилась въ открытомъ конфликтѣ съ временнымъ правительствомъ. Благополучно разрѣшился лишь конфликтъ съ черноморскимъ флотомъ, откуда комисаръ Шрейдеръ телеграфировалъ, что все дѣло сводится къ „недоразумѣнію“, ибо поднятіе украинскихъ флаговъ было приказано лишь на одинъ день, въ ознаменованіе торжества украинизаціи крейсера „Свѣтлана“.

Перечень затрудненій, съ которыми пришлось встрѣтиться третьей и послѣдней коалиціи, былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули здѣсь еще и о тѣхъ осложненіяхъ, которыя являлись послѣдствіями постоянно растущей требовательности въ социальныхъ вопросахъ и растущаго распада управленія. *) Передъ самымъ сформированіемъ третьей коалиціи вотъ что пишутъ объ анархіи въ странѣ „Русскія Вѣдомости“ въ номерѣ от 20-го Сентября. „По всей Россіи разлилась широкая волна безпорядковъ. Кіевъ, Бахмутъ, Орелъ, Тамбовъ, Козловъ, Ташкентъ, западъ и востокъ, центръ и окраины попеременно или одновременно становятся ареной погромовъ и разнаго рода безпорядковъ. Въ однихъ мѣстахъ безпорядки возникаютъ на почвѣ продовольственныхъ затрудненій, въ другихъ толчокъ къ нимъ даетъ разгромъ солдатской толпой виннаго склада, въ третьихъ просто никто не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, отчего возникли безпорядки. Городъ жилъ, казалось, мирной жизнью, но неожиданно толпа выходитъ на улицу и начинаетъ разбивать лавки, творить насилія надъ отдѣльными лицами, подвергать самосуду представителей администраціи, хотя бы эта администрація и была выборной. Стихійность и бессмысленность погромовъ ярче всего бросаются въ глаза, и эти особенности безпорядковъ больше всего затрудняютъ борьбу съ ними. Убѣждать, обращаться къ разуму и совѣсти? Но именно разумъ-то тутъ и отсутствуетъ, а совѣсть заснула крѣпкимъ

*) Подробнѣе мы вернемся къ внутреннему положенію Россіи въ четвертомъ выпускѣ „Исторіи“.

сномъ. Прибѣгать къ мѣрамъ репрессіи, къ содѣйствию вооруженной силы? Но именно эта вооруженная сила, въ лицѣ солдатъ мѣстныхъ гарнизоновъ, играетъ главную роль въ погромахъ... Всего двѣ недѣли назадъ военный министръ очень успокоительно говорилъ о положеніи дѣлъ въ Московскомъ военномъ округѣ, (восхваляя свои „демократическіе“ методы управленія имъ. П. М.), а за эти двѣ недѣли пришлось уже снаряжать спеціальныя военныя экспедиціи изъ Москвы для подавленія солдатскихъ безпорядковъ въ Орлѣ, Тамбовѣ, Козловѣ. Толпа въ худшемъ смыслѣ этого слова все болѣе выходитъ на улицу и начинаетъ чувствовать себя господиномъ положенія, не признавая надъ собой никакой власти. Иногда эта толпа выкидываетъ тѣ или иные большевистскіе лозунги, но по существу ее нельзя назвать даже большевистской или анархической. Просто толпа, какъ толпа: темная, глубоко невѣжественная, не признающая ничего, кромѣ грубо личныхъ интересовъ“.

Черезъ нѣсколько дней вновь сформированное правительство принялось за работу, и первое, съ чѣмъ оно столкнулось, это—тотъ же вопросъ объ анархіи въ странѣ. Въ засѣданіи 27-го сентября министръ внутреннихъ дѣлъ Никитинъ доложилъ, что, по сообщеніямъ съ мѣстъ, анархія, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ, продолжаетъ расти. Онъ также отмѣтилъ стихійный характеръ движенія, особенно опасный въ деревняхъ. Аграрные безпорядки, по его сообщенію, принимали въ большинствѣ случаевъ характеръ бессмысленнаго буйства, выражавшагося въ уничтоженіи усадебъ, запасовъ скота и т. д. Дѣйствительно, въ тѣ же дни оффиціозъ с. р.-овъ черновскаго оттѣнка, „Дѣло Народа“, напечаталъ сообщеніе партійной дѣятельницы, г-жи Слетовой, объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Козловскомъ уѣздѣ, представляющее яркую иллюстрацію къ сообщенію Никитина. Въ уѣздѣ къ 18-му сентября было сожжено болѣе 30 имѣній, причемъ въ наиболѣе культурныхъ не оставлено камня на камнѣ. „Жгутъ и громятъ не только помѣщиковъ, но и крестьянъ, особенно хуторянъ и отрубниковъ. Одно село идетъ на другое или изъ за дѣлежки, или изъ-за отказа идти громить“. Крестьяне умоляютъ прислать имъ помощь, защитить ихъ. Понемножку присылаютъ солдатъ, которые присоединяются къ погромщикамъ . . . . . Теперь присланы казаки въ Козловъ. Ихъ появленіе даже самыми крайними встрѣчено съ радостью“. Но противъ нихъ, продолжаетъ Слетова, „кѣмъ то ведется агитація среди солдатъ. Жалко и скверно видѣть, какъ

при одномъ приближеніи казаковъ все пригнулось, а теперь противъ нихъ страшная злоба, хотя они только разѣзжали, никого не трогая". Что же дѣлають партійные работники противъ этой агитаціи? „Горсточка мѣстныхъ партійныхъ работниковъ, не демагоговъ", — отвѣчаетъ Слетова, „выбивается изъ силъ, но ихъ до смѣшного мало . . . Необходимо поѣхать на мѣста вліятельнымъ представителямъ партіи и исп. комитета . . . Но . . . попробовала я, было, поговорить кое-съ-къмъ, просила дать мнѣ внѣ очереди сдѣлать заявленіе на засѣданіи. Подождите, отмахнулись отъ меня, — у насъ важный вопросъ: требуютъ два новыхъ мѣста въ президіумъ; надо сперва съ этимъ покончить". И такъ, въ Козловѣ, — какъ въ Петроградѣ и какъ повсюду, — партійные споры за преобладаніе мѣшаютъ примѣненію власти, и средство превращается въ цѣль саму по себѣ.

Очень яркимъ примѣромъ, какъ эксплуатировали сами „демократическія организаціи" возраставшее безсиліе правительства, является исторія съ желѣзнодорожной забастовкой и съ требованіями „Центрофлота". Тотъ и другой конфликтъ не случайно совпали съ днями кризиса правительственной власти. Они закончились послѣ возстановленія кабинета, — но закончились вынужденными компромиссами, на которые правительство принуждено было пойти въ ущербъ интересамъ государственнаго казначейства и собственному авторитету.

Общая желѣзнодорожная забастовка грозила давно, начиная съ Мая. Къ угрозѣ этой забастовкой желѣзнодорожники прибѣгали не разъ, требуя увеличенія своихъ складовъ. Прибавки, намѣченные такъ наз. комиссіей Плеханова, считались съ соображеніями государственной экономіи. Желѣзнодорожниковъ эти прибавки не удовлетворили, тѣмъ болѣе, что дороговизна продовольствія продолжала расти. Всероссійскій желѣзнодорожный съѣздъ, закончившійся 25-го августа, вошелъ въ новые переговоры съ министерствомъ путей сообщенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снова нависла угроза забастовки. П. П. Юреневу съ большими трудностями удалось отсрочить забастовку, когда началось Корниловское движеніе. Въ борьбѣ съ этимъ движеніемъ, при замѣстителѣ Юренева, А. В. Ливеровскомъ, желѣзнодорожникамъ удалось сыграть большую политическую роль. Не даромъ Корниловъ считалъ нужнымъ заслужить ихъ благоволеніе, пославъ имъ незадолго до возстанія сочувственную телеграмму, въ которой признавалъ ихъ заслуги и право на увеличеніе матеріальнаго вознагражденія. Не допустивъ

Корниловскіе эшелоны доѣхать во время до Петрограда, желѣзнодорожники разстроили весь планъ Корнилова и существенно содѣйствовали его поражению. Это, несомнѣнно, очень повысило политическое самочувствіе ихъ центральной организаціи. Знаменитый отнынѣ „Викжель“ (всероссійскій исполнительный комитетъ желѣзнодорожнаго союза) выдвигается впередъ въ ряду тѣхъ главныхъ „демократическихъ организацій“, съ которыми правительство принуждено было считаться, какъ съ вліятельными факторами внутренней политики. И тотчасъ же послѣ ликвидаціи Корниловскаго выступленія „Викжель“ рѣшаетъ заставить правительство почувствовать и признать свою силу.

Въ ночь на 7-е сентября исполнительный комитетъ союза въ полномъ составѣ выѣхалъ въ Петроградъ для предъявленія правительству требованій, санкціонированныхъ угрозой забастовки. Онъ засталъ въ Петроградѣ новую комиссію по вопросу о пересмотрѣ нормъ оплаты желѣзнодорожнаго труда, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ труда Гвоздева. Не удовлетворившись слишкомъ, по его мнѣнію, обширной и неопредѣленной задачей этой комиссіи, „Викжель“, „считая желѣзнодорожный союзъ организаціей демократической“, вступилъ въ прямые сношенія съ исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д. и получилъ тамъ признаніе. Его ввели, вмѣстѣ съ представителями бюро исп. комитета совѣта и всероссійскаго совѣта профессиональнаго союза, въ составъ совѣщанія, которое въ три дня должно было разрѣшить вопросъ о „тяжеломъ матеріальномъ положеніи и голодномъ существованіи желѣзнодорожниковъ“. Бюро гарантировало при этомъ „Викжелю“ всемѣрную поддержку передъ временнымъ правительствомъ рѣшеній этой комиссіи. Произведя нѣкоторыя уменьшенія ставокъ, комиссія передала свои рѣшенія въ правительственную комиссію Гвоздева, на окончательное рѣшеніе въ семидневный срокъ. Отъ правительства „Викжель“ ожидалъ простаго утвержденія результатовъ работъ Гвоздевской комиссіи. Но правительство, обсудивъ вопросъ 19-го сентября (т. е. въ моментъ своего распада), рѣшило сообразить предварительно новый расходъ, падавшій на казну въ случаѣ принятія прибавокъ, съ изысканіемъ новаго источника дохода путемъ увеличенія пассажирскихъ и грузовыхъ тарифовъ, а также съ возможностью облегчить расходъ, организовавъ продовольствіе желѣзнодорожниковъ натурой. Эти вопросы должны были быть рассмотрѣны въ новой комиссіи министровъ подъ предсѣдательствомъ Ливеровскаго. „Такая

передача уже рѣшеннаго вопроса въ новую комиссію“, констатируетъ „Викжель“, „вызвала естественный взрывъ негодованія среди желѣзнодорожниковъ на мѣстахъ“. Судя по разноргласіямъ „на мѣстахъ“, обнаружившимся позднѣе, это было не совсѣмъ такъ. Но центральный комитетъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ воспользоваться телеграммами съ мѣстъ, „что голодные желѣзнодорожники не могутъ больше ждать“, и сдѣлать рѣшительный шагъ. Предоставимъ здѣсь слово самому „Викжелю“.

„Побуждаемый массаи и ясно сознавая, что забастовки на отдѣльных дорогахъ, предоставленныя сами себѣ, приведутъ къ полному разстройству транспорта и внесутъ полный хаосъ въ экономическую жизнь страны, прекратятъ подвозъ продовольствія въ города и на фронты, породятъ голодные бунты и приведутъ къ полной гибели страну и революцію, ц. и. к. в. ж. союза, повинуюсь велѣнію долга, вынужденъ былъ взять въ свои руки руководство желѣзнодорожной забастовкой въ цѣляхъ внесенія въ ея теченіе планомѣрности, для того, чтобы отъ этой борьбы не пострадало населеніе страны и народная армія“. Впослѣдствіи, объявляя окончаніе забастовки, Викжель, правда, выставилъ менѣе возвышенные мотивы. „Наша задача сводилась къ тому, чтобы добиться наиболѣе полного удовлетворенія выставленныхъ нами требованій съ наименьшими для страны и арміи жертвами“. Онъ признавалъ и то, что такъ рискованно постановленная задача не вызывала общаго сочувствія „демократіи“. „Затягивать забастовку въ настоящій—исключительно тяжелый для страны—моментъ“, заявлялъ Викжель 26-го сентября, „крайне опасно для революціи и всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза. Желѣзнодорожники рискуютъ остаться въ одиночествѣ безъ поддержки всей остальной демократіи“. Итакъ, Викжель отлично зналъ, чѣмъ рисковалъ самъ и чему подвергалъ страну: но уступилъ онъ лишь передъ дальнѣйшимъ рискомъ для самого себя, а не для страны. Во всякомъ случаѣ, онъ рассчиталъ вѣрно и точно: правительство, „въ исключительно тяжелый для страны моментъ“, не могло сопротивляться. Оно уступило какъ разъ тогда, когда дальнѣйшее сопротивленіе становилось „крайне опасно“—для самого Викжеля.

Здѣсь впервые выступила „демократическая организація“, откинувшая привычки россійской интеллигенціи и научившаяся дѣйствовать въ практическихъ вопросахъ практически, безъ промаха — по американски. Для исторіи слѣдуетъ сберечь имена этихъ

иниціаторовъ новаго періода русской политической тактики, тѣмъ болѣе, что ни въ какомъ другомъ отношеніи имена эти неизвѣстны русской общественности. Это были: предсѣдатель стачечнаго комитета Викжеля А. Чаръ, товарищъ предсѣдателя Федотовъ, секретарь Афанасьевъ и члены Баканчиковъ, Ильичевъ, Добытинъ, Кравецъ, Шехановъ и Магитскій.

Правительство сдалось не сразу. Забастовка была объявлена — съ полуночи на 24-го Сентября для поѣздовъ прямого сообщенія, съ полуночи на 27-е для мѣстнаго сообщенія и съ полуночи на 29-е — полная за исключеніемъ санитарныхъ и воинскихъ поѣздовъ, продовольственныхъ и воинскихъ грузовъ. Керенскій 21-го сентября объявилъ, что правительство „втеченіе ближайшихъ дней установитъ новыя нормы заработной платы“, хотя и считаетъ своимъ долгомъ предварить, что осуществленіе этихъ нормъ возможно лишь при немедленномъ повышеніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ, за полной невозможностью отнести этотъ новый расходъ на средства казны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ министр-предсѣдатель заявлялъ также, что „никакихъ колебаній, никакихъ потрясеній правильной работы желѣзныхъ дорогъ врем. правительство допустить не можетъ, такъ какъ это грозитъ неисчислимыми бѣдствіями для арміи и населенія большихъ городовъ и явится тяжкимъ преступленіемъ противъ родины и арміи“. Поэтому Керенскій „выражалъ надежду, что временному правительству не придется принимать тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя, по закону, полагаются за неисполненіе во время войны распоряженій желѣзнодорожныхъ властей“, ибо онъ „увѣренъ, что желѣзнодорожники въ эти дни тяжелыхъ испытаній не измѣнятъ родинѣ“. Еще болѣе рѣшительнымъ тономъ написана телеграмма министра почтъ и телеграфа Никитина от 22-го сентября: „Призывъ къ пріостановленію желѣзнодорожнаго движенія“, напоминалъ и онъ, „есть наказуемое по закону преступленіе, равное измѣнѣ родинѣ. Всѣ граждане призываются къ защитѣ родины отъ новаго удара, подобнаго Корниловскому заговору. Предписываю задерживать всѣ телеграммы явно преступнаго содержанія и сообщать о нихъ мнѣ.

Увы, несмотря на эти предупрежденія, забастовка была все-таки объявлена на 24-е. Керенскій получилъ за подписью Магитскаго гнѣвный и строгій отвѣтъ: „желѣзнодорожники никогда не были и не будутъ измѣнниками родинѣ и революціи, и вамъ, товарищъ Керенскій, это извѣстно лучше, чѣмъ кому либо другому (намекъ на услуги во время корниловскаго движенія)“.

Но „безумная игра министерства путей сообщенія привела желѣзнодорожниковъ въ состояніе взбаламученнаго моря. . . Инициатива идетъ не отъ насъ, а отъ широкихъ массъ. Товарищъ Керенскій, мы исчерпали всѣ мѣры. Слово за временнымъ правительствомъ... Отвѣтственность за грозныя событія не на насъ, а на тѣхъ, кто шесть мѣсяцевъ игралъ терпѣніемъ голодныхъ желѣзнодорожниковъ“. Съ Никитинымъ у почтово-телеграфнаго союза произошелъ открытый конфликтъ, такъ какъ исполнительный комитетъ союза, вопреки телеграммѣ министра, призналъ мотивы Викжеля „серьезными и вполнѣ справедливыми“ и распорядился „телеграммы органовъ желѣзнодорожнаго союза передавать безпрепятственно“. Никитинъ отвѣтилъ на это распоряженіемъ — телеграмму и. к. почтово-телеграфнаго союза задержать, а самый и. к. „считать присоединившимся къ противогосударственному движенію“, и грозилъ „порвать съ союзомъ всякія отношенія“. Въ отвѣтъ на это ц. к. и собраніе служащихъ министерства почтъ „разъяснили“, что забастовку они считаютъ „несвоевременной“, но, тѣмъ не менѣе, „не могутъ допустить, чтобы члены почтово-телеграфнаго союза служили оружіемъ, направленнымъ противъ родственной имъ профессиональной организаціи“. „Категорически протѣстуютъ противъ сравненія экономической забастовки съ корниловщиной“, члены союза признали „единственно-пріемлемой — строго нейтральную позицію“ и осудили одинаково, какъ „провокаторскіе слухи о возможности почтово-телеграфной забастовки“, такъ и „попытки помѣшать сношеніямъ желѣзнодорожныхъ организацій и нарушить плановѣрность забастовки“ Викжеля. Съ своей стороны, Викжель внушительно напоминалъ Никитину, — въ этомъ собственно и заключалась политическая сущность пробы силъ, начатой отъ имени „голодающихъ желѣзнодорожниковъ“, — что его телеграмма „есть призывъ къ разгрому демократическихъ организацій, ибо армія желѣзнодорожныхъ тружениковъ есть часть общей демократіи, и ц. к. ж. союза въ этой забастовкѣ пользуется поддержкой московскихъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“. „Впрочемъ, пренебрежительно прибавлялъ Викжель, ваше отношеніе къ выдвинувшимъ васъ и поставившимъ въ ряды правительства совѣтамъ всѣмъ извѣстно, . . . а потому мы рассматриваемъ вашу телеграмму, какъ произведеніе провокаціонной литературы и даемъ вамъ отвѣтъ исключительно для освѣщенія вопроса въ глазахъ демократіи и всего населенія“.

Правительство немедленно пошло на уступки. Въ засѣданіяхъ

24 и 25 сентября былъ выработанъ и немедленно переданъ по прямому проводу въ ц. к. желѣзнодорожнаго союза въ Москву правительственный декретъ, которымъ нормы оплаты устанавливались вдвое выше Плехановскихъ, хотя и нѣсколько ниже Гвоздевскихъ. За то желѣзнодорожники получали исключительныя льготы въ дѣлѣ продовольствія. Ихъ продовольственные комитеты получали независимость отъ губернскихъ, въ случаѣ неполученія ими втеченіе трехъ недѣль продуктовъ получали право производить собственныя закупки и перевозить ихъ въ первую очередь; наконецъ, въ случаѣ необходимости, они получали продовольствіе изъ интендантскихъ складовъ. Новая денежная жертва, возложенная на казну правительствомъ, равнялась 760 милліонамъ въ годъ, и на конецъ 1917 г. было немедленно ассигновано 235 милліоновъ.

Викжель все-таки былъ недоволенъ. По откровенному заявленію А. Я. Чара, онъ обращался къ правительству не только съ экономическими, но также и съ чисто-правовыми требованіями, касавшимися признанія правъ самого Викжеля; а о нихъ декретъ не упоминалъ ни однимъ словомъ. Викжель требовалъ признанія желѣзнодорожнаго союза правомочнымъ органомъ при окончательной выработкѣ условій соглашенія съ правительствомъ, немедленнаго распоряженія министерства объ установленіи 8-ми часового рабочаго дня повсемѣстно, наконецъ, „хотя бы принципіальнаго согласія“ на „демократизацію состава Центрального Управленія“. Экономическія уступки тоже признавались недостаточными. Но тутъ Викжель соглашался ждать рѣшенія новаго, экстренно созданнаго, желѣзнодорожнаго съѣзда. Выѣхавшая изъ Петрограда еще наканунѣ делегація Викжеля получила соответственныя инструкціи.

Послѣдовали новые переговоры, на этотъ разъ при особомъ участіи военнаго министра Верховскаго, къ которому делегація была послана непосредственно. Къ правительству въ Зимній Дворецъ явились представители совѣта р. и с. д., Чхеидзе, Гоцъ и Крупинскій, представитель профессиональных союзовъ, большевикъ Рязановъ, вмѣстѣ съ делегаціей Викжеля, и предложили правительству немедленно издать дополненія къ декрету, текстъ которыхъ былъ предварительно ими выработанъ на засѣданіи въ Смольномъ. Министръ Ливеровскій категорически заявилъ, что денегъ правительство больше дать не можетъ, но призналъ неупоминаніе о правахъ Викжеля результатомъ простой поспѣшности и обѣщалъ образовать специальную комиссію для точной норми-

ровки рабочего дня при равномъ участіи Викжеля и министерства. Съ этими объясненіями правительство приняло дополненія къ декрету и опубликовало ихъ. Викжель получилъ формальное признаніе. Правительство обязалось привлекать его къ участию „во всѣхъ пунктахъ, гдѣ требуется соглашеніе съ другими вѣдомствами или разработка инструкцій“. Послѣ этого онъ могъ объявить по союзу: „намъ удалось достигнуть болѣе или менѣе значительныхъ результатовъ... Желѣзнодорожники въ своей борьбѣ проявили максимумъ государственной мудрости и наивысшее напряженіе силъ... Для выработки формъ дальнѣйшей борьбы мы рѣшили созвать на 15 октября чрезвычайный съѣздъ“. Теперь же, „опасаясь, чтобы только что народившійся желѣзнодорожный союзъ въ этой тяжелой, гигантской борьбѣ не былъ разрушенъ навсегда и не оказался въ полномъ одиночествѣ, ц. и. к. в. ж. союза призналъ необходимымъ всероссійскую забастовку прекратить“. Это и было сдѣлано телеграммами по всей сѣти желѣзныхъ дорогъ: съ полуночи на 27-го сентября желѣзнодорожное движеніе возобновилось въ полномъ объемѣ. Новая „демократическая организація“ получила свое политическое крещеніе и ознаменовала свое равноправіе съ другими принятіемъ сокращеннаго имени „Викжеля“.

Инцидентъ съ другой „демократической организаціей“, съ ц. к. всероссійскаго военнаго флота при ц. и. к. с. р. и с. д., или какъ сокращенно звучало это длинное названіе, съ „Центрофлотомъ“, производитъ еще болѣе гнетущее впечатлѣніе. Конфликтъ возникъ здѣсь изъ-за совершеннаго пустяка, но „демократическая организація“ проявила при этомъ такое гипертрофированное чувство собственнаго достоинства и такое неумѣніе охранить достоинство національнаго, „революціоннаго“ и „республиканскаго“ правительства, что мелкій самъ по себѣ фактъ явился грознымъ симптомомъ и еще болѣе грознымъ предвѣстникомъ грядущихъ испытаній. „Центрофлотъ“ поднялъ вопросъ о расширеніи занимаемаго имъ помѣщенія въ зданіи адмиралтейства. Морской министръ Вердеревскій, осмотрѣвъ помѣщеніе, нашель это желаніе основательнымъ и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Но „Центрофлоту“ рѣшеніе министра не понравилось, и онъ предпочель дѣйствовать явочнымъ порядкомъ. 14-го сентября Вердеревскій получилъ отъ предсѣдателя „Центрофлота“, большевика Абрамова, слѣдующее короткое заявленіе: „Г. морской министръ, постановленіемъ „Центрофлота“ рѣшено занять для работъ и пленарныхъ засѣданій помѣщенія, назначенныя для начальника штаба Егорьева

О вышеизложенномъ для свѣдѣнія увѣдомляется“. Адмираль Вердеревскій положилъ на этомъ документѣ резолюцію: „изъ формы и факта обращенія ко мнѣ усматриваю, что „Центрофлотъ“ предполагаетъ нужнымъ и возможнымъ въ рѣшеніи вопросовъ, до сего времени подлежавшихъ рѣшенію министра, замѣнять такового. Не считая такой постановки вопроса полезной и законной, я не усматриваю возможнымъ плодотворно работать въ создавшейся обстановкѣ, о чемъ и заявлю министру-предсѣдателю“. Керенскій, однако, не принялъ отставки морского министра, и „директорія“ рѣшила не уступать „Центрофлоту“. Тогда Абрамовъ послалъ министру новую телеграмму: „Центрофлотъ“, „въ виду встрѣтившагося препятствія... отъ занятія квартиры Егорьева отказывается, но, при томъ положеніи, въ которое поставленъ „Центрофлотъ“, будетъ считать себя лишеннымъ возможности продолжать свою работу и слагаетъ съ себя свои обязанности, вплоть до отъѣзда членовъ къ мѣсту своей службы“. Министръ апеллировалъ своей отставкой къ правительству, „Центрофлотъ“ апеллировалъ своимъ „сложеніемъ обязанностей“ къ совѣту с. и р. д.

Послѣдовала попытка уладить дѣло длинными переговорами. Морской министръ предложилъ „Центрофлоту“ обширное помѣщеніе въ 12 комнатъ и самый большой залъ Адмиралтейства, бібліотеку, для пленарныхъ засѣданій. Если и это не понравится, министръ предлагалъ деньги для найма въ городѣ помѣщенія какое „Центрофлотъ“ найдетъ подходящимъ. Но „демократическая организація“ хотѣла непременно имѣть квартиру Егорьева и 17-го сентября отправила министру новую ноту. „Считая ненормальнымъ такое положеніе, когда морское министерство не идетъ на компромиссъ, „Центрофлотъ“ рѣшилъ занять пустующую квартиру начальника штаба, о чемъ доводитъ до вашего свѣдѣнія и свѣдѣнія министра-предсѣдателя“. Итакъ, „Центрофлотъ“ начиналъ военныя дѣйствія. Морской министръ принялъ съ своей стороны оборонительныя мѣры и опечаталъ квартиру. Тогда послѣдовалъ 18-го сентября ультиматумъ: „Центрофлотъ“ требовалъ у временнаго правительства удаленія отъ должностей Егорьева и завѣдующаго телеграфомъ морского штаба Романова, оставленія „спорной квартиры“ „по праву“ за „Центрофлотомъ“ и назначенія на постъ перваго помощника морского министра капитана Вейнера, начальника штаба Кронштадской крѣпости. Всѣ эти требованія должны быть удовлетворены въ 24 часа; въ противномъ случаѣ „Центрофлотъ“ грозилъ считать „права высшей морской демократической

организаціи нарушенными и дальнѣйшее отношеніе съ морскимъ министерствомъ прерваннымъ". Это было уже слишкомъ — даже для „директоріи". И правительство Керенскаго рѣшило: „Центрофлотъ" немедленно распустить и назначить новые выборы, „считать за измѣну всякую попытку возбудить волненіе среди командъ, принимая во вниманіе угрожающее положеніе на Балтійскомъ морѣ", и „въ случаѣ возникновенія на этой почвѣ волненій, привлечь нѣстоящій составъ „Центрофлота" въ качествѣ подстрекателей". Во исполненіе постановленія о роспускѣ, 19-го сентября „Центрофлоту" было предъявлено требованіе къ 3-мъ часамъ дня очистить всѣ занимаемыя квартиры. Адмиралтейство было окружено отрядомъ юнкеровъ, помѣщенія „Центрофлота" и аппаратъ Юза охранялись часовыми. Телеграммой комитетамъ флота въ Гельсингфорсѣ и въ Севастополѣ морской министръ сообщалъ, что на флотъ могутъ быть направлены „провокаціонныя попытки" и что одновременно съ ультиматумомъ „Центрофлота" правительство „получило еще рядъ указаній на готовящійся со стороны нѣмцевъ ударъ по Балтійскому морю въ связи съ непрекращающимися во флотѣ волненіями командъ". „Въ виду безусловной необходимости не прерывать начатой реальной работы „Центрофлота", министръ просилъ ускорить выборы новаго состава его.

Собраніе представителей судовыхъ командъ, собравшееся въ часъ дня въ Гельсингфорсѣ, носило, какъ сообщилъ по аппарату Юза командующій Балтійскимъ флотомъ адмиралъ Развозовъ, „хотя и тревожный, но выжидательный характеръ, — въ виду довѣрія и уваженія, которыя связываютъ флотъ съ морскимъ министромъ". Но, все же, ц. к. флота призналъ „ропускъ „Центрофлота" въ столь тяжелое время невозможнымъ" и настаивалъ на отмѣнѣ приказа. Общее собраніе съ судовыми командами уже запросило адмирала Развозова, „какія мѣры принимать противъ роспуска". Вердеревскій, на сообщеніе объ этомъ Развозова, отвѣтилъ, что мнѣніе правительства о роспускѣ было единогласное и что никакое правительство не можетъ допустить „предъявленія отдѣльными организаціями ничѣмъ не мотивированныхъ требованій", ибо въ такомъ случаѣ всякое требованіе любой группы лицъ изъ населенія должно правительствомъ безапелляціонно исполняться, и правительство фактически передаетъ власть въ руки лишенной организаціи массы". Онъ „обращался къ уму и сердцу командъ", и просилъ ихъ „не пойти вновь по пути распада на биду у врага, стоящаго прямо у порога".

Три часа наступили, а „Центрофлотъ“ и не думалъ очищать помѣщеній. Онъ засѣдалъ подѣ председательствомъ Абрамова и „принялъ рѣшенія чрезвычайной важности, которыя могутъ быть опубликованы лишь по приведеніи ихъ въ исполненіе“. Адмиралъ Вердеревскій, вѣроятно, подѣ вліяніемъ разговоровъ съ Гельсингфорсомъ, предложилъ тогда новыя условія. Онъ не будетъ настаивать на очищеніи помѣщеній и на переизбраніи состава „Центрофлота“, если послѣдній „въ письменной формѣ, категорически и ясно, откажется отъ своихъ ультимативныхъ требованій втеченіе текущаго 19-го сентября.

Этотъ компромиссъ оказался пріемлемымъ для исп. комитета совѣта р. и с. д., который и провелъ его, въ присутствіи президіума „Центрофлота“, въ ночномъ засѣданіи на 20-е. Днемъ 20-го сентября члены исп. комитета Гоцъ и Авксентьевъ осмотрѣли помѣщеніе, которое морской министръ предлагалъ для „Центрофлота“, и нашли его вполне подходящимъ. Послѣ этого упорствовать больше не приходилось. Днемъ того же числа члены „Центрофлота“ постановили послать во всѣ части флота сообщеніе о причинахъ конфликта и о намѣтившемся благопріятномъ исходѣ его. Основываясь на документѣ подписанномъ членами исполнительнаго комитета и заявлявшемъ, что „Центрофлотъ“ отказывается отъ всѣхъ своихъ требованій, правительство отмѣнило указъ о роспускѣ „Центрофлота“.

По такое рѣшеніе не удовлетворило самолюбія „демократической организаци“. Ночью на 23-е „Центрофлотъ“, пользуясь моментомъ переговоровъ Керенскаго съ представителями совѣта о составленіи новаго кабинета, вынесъ новое рѣшеніе: ни въ какіе переговоры и соглашенія съ директоріей больше не вступать, требованія свои и рѣшенія подтвердить и оставить въ силѣ, и ждать разрѣшенія конфликта „не отъ нынѣшней директоріи, а отъ ц. и. к. совѣта р. и с. д. и отъ образующейся новой власти, отвѣтственной передъ представительствомъ организованной демократіи“. Морское министерство ссылалось на исполнительный комитетъ въ доказательство того, что тутъ „недоразумѣніе“ и что „Центрофлотъ“ отказывался не отъ одной только ультимативной формы своихъ требованій, а и отъ самыхъ требованій по существу. Но „Центрофлотъ“ успѣлъ уже вступить въ борьбу и съ самимъ исполнительнымъ комитетомъ, въ лицѣ его „морского отдѣла“, который онъ постановилъ „упразднить, а лицъ, входящихъ въ него, не признавать выразителями воли и нужды флота“, въ виду ихъ

„контръ-революціонности“ и „двусмысленнаго поведенія“. Большевистская тактика „Центрофлота“, такимъ образомъ, развертывалась во всю, въ полной гармоніи съ настроеніемъ Балтійскаго флота.

Разсчетъ на возбужденіе смуты при составленіи новаго кабинета на этотъ разъ не оправдался. Правительство сформировалось, — и это не было правительство отвѣтственное передъ организованной демократіей. Тѣмъ не менѣе „Центрофлоту“ удалось настоять на выполненіи первоначально заявленныхъ имъ требованій. Въ новомъ засѣданіи исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д. 25-го сентября, ультиматумъ „Центрофлота“ былъ рассмотренъ, и рѣшено образовать комиссію изъ членовъ исп. комитета „Центрофлота“ и морского министерства для . . . осмотра спорной квартиры. Морской министръ заявилъ, что онъ заранѣе подчиняется ея рѣшенію. А комиссія рѣшила квартиру начальника штаба присудить „Центрофлоту“! Самъ начальникъ штаба Егорьевъ, отставки котораго требовалъ „Центрофлотъ“, долженъ былъ покинуть свой постъ. Это была полная капитуляція правительства передъ случайнымъ капризомъ „демократической“ организаціи.

Послѣдній шансъ послѣдней коалиціи.

Совѣтъ республики. Открытіе совѣта республики. Объявленіе войны правительству большевиками. Позиція партіи народной свободы. Серьезность военнаго положенія и разложеніе арміи. Пренія о боеспособности арміи въ Совѣтъ республики. Отношеніе социалистовъ къ военному вопросу. Отрицательный прогнозъ сѣзда партіи народной свободы. Совѣтъ республики—безъ большинства и безъ формулы.

Было ясно, что при сложившихся условіяхъ, при болѣе чѣмъ сдержанномъ отношеніи умѣренныхъ социалистическихъ партій къ новой власти и при агрессивномъ настроеніи крайнихъ, при наступившей, наконецъ, въ результатъ семи мѣсяцевъ безвластія, анархіи въ городѣ и въ деревнѣ, при полномъ игнорированіи государственныхъ нуждъ и цѣлей „демократическими организаціями“, которыя росли, какъ грибы, и плотнымъ кольцомъ отрѣзывали правительство отъ всякой возможности вліянія на массы, третье коалиціонное правительство не можетъ рассчитывать на успѣхъ. Конечно, созданіе каждаго коалиціоннаго правительства послѣ кризисовъ власти, становившихся все болѣе и болѣе длительными, сопровождалось временнымъ усиленіемъ власти. Но съ каждымъ разомъ усиленіе это становилось все менѣе и менѣе значительнымъ. Политическій барометръ четырехъ революціонныхъ правительствъ, изъ которыхъ три были коалиціонныя, представлялъ изъ себя кривую съ цѣлымъ рядомъ понижающихся вершинъ, съ круто падающими нижними точками и съ возрастающей амплитудой колебаній. „Исторія болѣзни“ временнаго правительства можетъ быть графически изображена этой кривой.

Была, однако, одна новая черта въ положеніи, создавшемся въ началѣ октября. Впервые за время революціи въ одномъ и томъ же представительномъ собраніи должны были сойтись двѣ группы, становившіяся все болѣе враждебными другъ другу: „революціонная демократія“ такъ называемыхъ „демократическихъ организацій“ и такъ называемые „цензовые элементы“, къ которымъ причисля-

лась также вся несоціалистическая и вся непартійная демократія. Оба борющихся элемента были весьма несовершенно связаны съ народными низами. Но преимущество демагогіи, преимущество громкихъ лозунговъ „классовой борьбы“ было на сторонѣ „революціонной демократіи“, причемъ въ ея рядахъ это преимущество уже успѣло перейти къ крайнему лѣвому флангу.

Какова будетъ встрѣча обоихъ конкурентовъ на представительство народной воли? Въ какой степени при взаимной личной встрѣчѣ окажется возможнымъ разрушить ходячія чудовищныя легенды, и установить сколько-нибудь мирныя отношенія? Удастся ли, наконецъ, ввести тѣ реальныя разногласія, которыя затѣмъ останутся, въ рамки чисто парламентарной борьбы? Будетъ ли понято, что выше этой борьбы стоятъ общенациональныя задачи, отъ разрѣшенія которыхъ зависить дальнѣйшее существованіе демократической и республиканской Россіи? Въ какой степени это пониманіе окажется выше партійныхъ и классовыхъ стремленій? Проявить ли собраніе, рядомъ съ пониманіемъ общенациональныхъ вопросовъ, также и достаточную дисциплину для того, чтобы подкрѣпить правительство въ общей народной борьбѣ за ихъ благополучное разрѣшеніе? Въ частности, окажется ли собраніе на высотѣ пониманія двухъ важнѣйшихъ проблемъ, отъ рѣшенія которыхъ зависѣло уже не только существованіе демократической и республиканской Россіи, но дальнѣйшее существованіе Россіи вообще: проблемы военной и проблемы международной? На всѣ вопросы, конечно, отвѣтъ уже былъ на лицо — въ матеріалѣ накопленномъ семимѣсячнымъ опытомъ, — и это былъ отвѣтъ отрицательный. Но, все же, нужно было подождать исхода послѣдней попытки. Привыкшіе къ отвѣтственной работѣ политическіе дѣятели качали головами, но не складывали оружія. За использование послѣдняго шанса они взялись съ такой же серьезностью, какъ если бы вѣрили въ окончательный успѣхъ.

„Положеніе о временномъ Совѣтѣ Россійской Республики“, на основаніяхъ условленныхъ между вождями совѣта и „цензовыми элементами“, было опубликовано 3-го октября, вмѣстѣ съ постановленіемъ правительства о созывѣ Совѣта республики на 7-е октября и о прекращеніи его сессіи, за недѣлю до открытія занятій Учредительнаго Собранія (то есть 20-го ноября). Такимъ образомъ сессія Совѣта должна была продолжаться всего шесть недѣль. Въ первыхъ числахъ октября Керенскій поднялъ въ правительствѣ вопросъ, обсуждавшійся „демократіей“, о переходѣ

правительства въ Москву и о созывѣ тамъ Совѣта. Въ виду германскихъ побѣдъ въ Рижскомъ заливѣ, вновь былъ поднятъ вопросъ объ эвакуаціи Петрограда, и правительство уже рѣшило перевести съ Москву, въ первую очередь, тѣ части министерствъ, которыя тѣсно связаны съ центральнымъ управленіемъ и должны находиться при правительствѣ. Н. М. Кишкинъ уже приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія — приготовить для правительства, министерствъ и Совѣта помѣщеніе въ старой столицѣ. Но когда извѣстіе о намѣреніяхъ Керенскаго появилось въ газетахъ, „революціонная демократія“, и въ особенности ея лѣвое крыло, — забили тревогу. Здѣсь не сомнѣвались, что Керенскій хочетъ такимъ образомъ отдѣлаться отъ совѣтовъ. Несомнѣнно, затѣмъ, что этимъ же предпрѣшался спорный вопросъ о мѣстѣ созыва Учредительнаго Собранія въ смыслѣ желаній умѣренныхъ элементовъ и противъ опредѣленнаго рѣшенія совѣта. Одинъ изъ совѣтскихъ лидеров заявилъ члену правительства, что переѣздъ въ Москву есть „ножъ въ спину революціи“. На это онъ получилъ характерный для настроенія момента отвѣтъ, что зато оставленіе въ Петроградѣ есть „ударъ въ грудь нѣмецкаго штыка“. Большевики уже обсуждали въ своемъ ц. к. возможность устройства коммуны въ Петроградѣ, въ случаѣ отъѣзда правительства. Членъ исполнительнаго комитета Богдановъ (лѣвый меньшевикъ) предсказывалъ, что „если правительство Керенскаго будетъ засѣдать въ Москвѣ, то въ Петроградѣ образуется новое правительство“.

Всѣ эти толки остановили правительство. Рѣшено было вопросъ объ эвакуаціи столицы передать на рѣшеніе Совѣта республики, который долженъ былъ открыть свою сессію въ Петроградѣ. Для этого была спѣшно приспособлена зала Маріинскаго Дворца, оказавшаяся достаточно просторной для помѣщенія 550 членовъ Совѣта. Понадобилось лишь замѣнить мягкія кресла, въ которыхъ мирно возсѣдали сановники стараго Государственнаго Совѣта, демократическими стульями, болѣе подходившими къ составу новаго собранія. Конечно, были устранены изъ залы всѣ воспоминанія о старой власти: завѣшенъ гербъ, висѣвшій надъ предсѣдательской трибуной, и закрыта полотномъ знаменитая картина Рѣпина, представлявшая государственныхъ мужей стараго Совѣта въ юбилейномъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Николая Второго.

Составъ Совѣта Республики опредѣлился слѣдующимъ образомъ:

I. По списку демократическихъ организацій (соціалистическая демократія):

Партіи.

1. Соціалисты-революціонеры	63
2. Меньшевики-оборонцы	62
3. Большевики	53
4. Интернаціоналисты с. д. (объед.)	3
5. Народные соціалисты	3
6. Группа „Единство“ (Плеханова)	1
7. Украинскіе с. д.	1

Организаціи.

1. Исп. совѣтъ крестьянск. деп.	38
2. Земская группа	37
3. Представители фронта	25
4. Кооперація	18
5. Рабочія коопераціи	5
6. Экономическія организаціи	6
7. Земельные комитеты	5
8. Казачье самоуправленіе	5
9. Казаки	3
10. Желѣзнодорожный союзъ	4
11. Почтово-телеграфный союзъ	2
12. Флотъ	3
13. Учительскій союзъ	2
14. Крестьянскій союзъ	2
15. Бюро совѣщанія совѣтовъ прис. пов.	1
16. Военно-окружные комитеты	2
17. Губерн. исполнит. комитеты	4
18. Земскіе работники	1
19. Женскія организаціи	1
20. Увѣчные воины	1
21. Демократическое духовенство	1
22. Мелк. демокр. группы	15

Итого: 367

II. По списку „цензовыхъ группъ“ (не соціалистическая демократія и „буржуазія“)

1. Партія народной свободы	56
2. Представители торговли и промышлен.	34
3. Совѣтъ моск. совѣщ. обществ. дѣят.	15
4. Совѣтъ земельныхъ собственниковъ	7

5. Казачество	22
6. Академическій союзъ	3
7. Радик. демократическая партія	2
8. Всероссийское общество редакторовъ	2
9. Лига равноправія женщинъ	2
10. Главн. комитетъ женскаго союза	1
11. Старообрядцы	2
12. Духовная академія	1
13. Всеросс. совѣтъ духов. и мірянъ	1
14. Всеросс. совѣтъ педагоговъ дух. школъ	1
15. Центральн. военно-промышл. комитетъ	1
16. Ц. бюро всер. совѣта инженеровъ	1
17. Отдѣльныя національности	5
Итого	156

III. (Соціалистическое) представительство національностей.

1. Евреи	4
2. Мусульмане	4
3. Украинцы	2
4. Бѣлоруссы	2
5. Поляки	2
6. Литовцы	2
7. Латыши	1
8. ?	1
9. Эстонцы	1
10. Армяне	2
11. Грузины	2
12. Совѣтъ горцевъ	1
13. Приволжскія народности	1
14. Буряты	1
15. Совѣтъ нац. социал. партіи	1
Итого	27
Всего	550

Послѣ ухода большевиковъ (53) осталось 497 членовъ Совѣта республики, и въ этомъ числѣ 314 членовъ по списку „демократическихъ“ организацій и ровно вдвое меньше по списку „цензовыхъ элементовъ“ (156). Если, однако, вспомнить политическую позицію кооператоровъ и крестьянъ, а отчасти земской группы и экономическихъ организацій на демократическомъ совѣщаніи, то

увидимъ, что большинство у „революціонной демократіи“ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ момента было въ Совѣтѣ далеко не безспорное. При переходѣ кооператоровъ и крестьянскихъ депутатовъ вмѣстѣ съ Плехановцами и съ народными социалистами на сторону несоціалистической части Совѣта (67 голосовъ) приведенныя цифры вмѣсто $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ превращались уже въ 247 и 223. Голоса земской группы, экономическихъ организацій и земельных комитетовъ (48) уже давали при такомъ распредѣленіи перевѣсъ „цензовымъ“ элементамъ, даже если бы на сторонѣ социалистическихъ партій Совѣта оказались всѣ представители народностей (226 и 271 голосовъ). Разумѣется все это могло проявиться лишь на вопросахъ общенациональных. Но вѣдь на этихъ послѣднихъ и сосредоточивалась вся партійная борьба текущаго момента. И отъ позиціи названныхъ группъ, отъ которыхъ можно было ждать умѣренности и свободы отъ подчиненія партійной дисциплинѣ социалистическихъ партій, зависѣло теперь, сыиграетъ ли Совѣтъ республики ту роль опоры правительства, которая вытекала изъ самой идеи коалиціонной власти, или же, наоборотъ, онъ нанесетъ этой идеѣ, а вмѣстѣ съ ней и революціонному правительству вообще, послѣдній coup de grace.

Когда члены Совѣта республики собрались на первое засѣданіе, за часъ до его открытія, къ четыремъ часамъ 7-го октября, у многихъ скептиковъ нѣсколько отлегло отъ сердца. Въ этой залѣ сошлись всѣ сколько-нибудь видные дѣятели, выдвинутые революціей. Многіе изъ нихъ, бывшіе новичками въ началѣ революціи, теперь уже прошли черезъ рядъ тяжелыхъ испытаній, до нѣкоторой степени замѣнившихъ имъ государственную опытность. Намъ невольно приходило сравненіе этого состава, намѣченнаго центральными комитетами партій и организацій, почти лишеннаго обычнаго балласта большихъ собраній, съ тѣмъ, пока загадочнымъ, лицомъ грядущаго „хозяина земли русской“, какое откроется черезъ полтора мѣсяца въ Таврическомъ Дворцѣ, какъ итогъ перваго опыта всеобщаго избирательнаго права въ обстановкѣ русской темноты и политической неподготовленности. Члены Совѣта говорили другъ другу, осматриваясь по сторонамъ: хорошо, если Учредительное Собраніе будетъ не хуже этого!

Члены Совѣта разсѣлись на стульяхъ разнаго фасона въ такомъ порядкѣ. На крайней правой оказались торгово-промышленники; дальше, на мѣстахъ „нейдгартцевъ“ Гос. Совѣта, фракція народной свободы, сразу возросшая до 75 членовъ. Потомъ, непо-

средственно рядомъ, во второй трети залы, помѣстились народные социалисты, земская группа, меньшевики и правые с. р.-ы. Рядомъ съ В. Д. Набоковымъ сидѣла Е. К. Брешковская; за ней Вѣра Фигнеръ. Крайняя лѣвая треть оставалась почти пустой, такъ какъ фракція большевиковъ отсутствовала. Засѣданіе открылось безъ нея. — Она совѣщалась въ Смольномъ монастырѣ о внѣшней обстановкѣ своего, уже рѣшеннаго, ухода. Зала, вообще, была полупуста, такъ какъ многіе депутаты еще не съѣхались, и общее настроеніе было далеко отъ обычной торжественности первыхъ засѣданій. Сюда пришли люди, привыкшіе встрѣчаться другъ съ другомъ, пришли случайно и на короткое время, какъ-будто по дорогѣ. Скоро они опять уйдутъ — и опять встрѣтятся тамъ, въ Таврическомъ Дворцѣ. Здѣсь они точно присѣли для минутнаго роздыха. Въ Россіи такъ мрачно, — и такъ мало оставалось надежды на то, что даже коллективному уму революціонной Россіи, здѣсь собранному, удастся, наконецъ, найти надлежащую дорогу. Словомъ, тутъ было не мѣсто и не время для фразъ и пышныхъ рѣчей: настроеніе складывалось скорѣе будничное и дѣловое, и даже шумные засѣдатели Смольнаго здѣсь, среди тихой обстановки верхней палаты, лицомъ къ лицу съ „цензовыми элементами“, какъ-будто нѣсколько оробѣли и притихли. Другая среда, другіе нравы — и даже другіе костюмы . . .

Вступительныя рѣчи Керенскаго и избраннаго председателемъ Совѣта Н. Д. Авксентьева на этотъ разъ вполне отвѣчали важности момента и серьезности положенія. Ораторскія неудачи научили обоихъ быть осторожными. Керенскій на этотъ разъ говорилъ безъ экспромтовъ и почти безъ отступленій отъ основныхъ положеній рѣчи, одобренныхъ правительствомъ. Авксентьевъ прочелъ свою благодарственную рѣчь по бумажкѣ. Темы той и другой рѣчи были почти одинаковы: общенародныя задачи текущаго момента. Оба оратора считали такими задачами — восстановленіе боеспособности арміи и энергичную борьбу съ непріателемъ, введеніе порядка и организациі въ хозяйственно-экономическую жизнь страны и настойчивую борьбу съ анархіей. Расписавшись въ почтеніи къ „идеѣ“ „скорѣйшаго заключенія демократическаго мира“, и Керенскій и Авксентьевъ сосредоточили весь центръ тяжести своихъ рѣчей на апофеозѣ арміи и флота. Оба призывали къ дальнѣйшей борьбѣ, которая дала бы нашимъ союзникамъ возможность и дальше „смѣло разсчитывать на наше сотрудничество и помощь“, а враговъ заставила бы „считать насъ въ ряду

людей, съ которыми нѣтъ другихъ словъ, какъ слова равныхъ съ равными“, съ которыми возможенъ лишь „почетный миръ“, вмѣстѣ съ „великими союзными народами“, но у которыхъ, „каковы бы ни были испытанія, никогда насиліемъ не будетъ сломлена воля къ торжеству права и справедливости“. Керенскій еще продолжалъ временами дѣлать авансы „революціонной демократіи“, обѣщая ей, напримѣръ, что правительство впредь, какъ и раньше, „не будетъ прибѣгать къ мѣрамъ, которыя оскорбили бы идею свободы, равенства и братства“. Рѣчь Авксентьева была насквозь искренна и честна, и не дѣлала никакихъ уступокъ ходячей революціонной фразеологіи.

Этотъ тонъ и это содержаніе рѣчей были, однако, оцѣнены далеко не всей аудиторіей. Большая часть апплодисментовъ слышалась справа и изъ центра. Весь залъ аплодировалъ лишь привѣтствіямъ, обращеннымъ къ арміи. А крайняя лѣвая, большевики и интернаціоналисты, угрюмо молчали и не встали съ мѣстъ даже тогда, когда все собраніе устроило овацію дипломатическимъ представителямъ союзниковъ.

Тотчасъ за рѣчью Авксентьева Троцкій попросилъ слова для первой и единственной деклараціи большевиковъ, мотивировавшей ихъ формальный разрывъ „съ этимъ правительствомъ народной измѣны и съ этимъ Совѣтомъ“. По обычаю большевиковъ, декларация вся была посвящена демагогическимъ разоблаченіямъ. Совѣтъ республики — это новыя „кулисы“, за которыми будетъ совершаться „убійственная для народа работа“. Демократическое совѣщаніе должно было — это была его „официальная цѣль“ — „замѣнить безответственный личный режимъ подотчетной властью, способной ликвидировать войну и обезпечить созывъ Учредительнаго Собранія въ назначенный срокъ. Между тѣмъ, за спиной демократическаго совѣщанія, путемъ закулисныхъ интригъ Керенскаго, кадетъ и вождей с. р. и меньшевиковъ, достигнуты результаты противоположные: созданіе власти, въ которой и вокругъ которой явные и тайные корниловцы играютъ роковую роль“. „Буржуазные классы“, направляющіе политику временнаго правительства, поставили себѣ цѣлью сорвать Учредительное Собраніе“. „Цензовые классы провоцируютъ крестьянское возстаніе и гражданскую войну“. Они „открыто держатъ курсъ на костлявую руку голода (выраженіе Рябушинскаго на 1-омъ съѣздѣ общественныхъ дѣятелей въ Москвѣ), которая должна задушить революцію и въ первую очередь Учредительное Собраніе. Не менѣе преступна и

внѣшняя политика... Мысль о сдачѣ революціонной столицы нѣмецкимъ войскамъ не вызываетъ возбужденія въ буржуазныхъ классахъ, и, наоборотъ, приѣмлется какъ естественное звено общей политики, которая должна облегчить ихъ контръ-революціонные замыслы". „Вмѣсто открытаго предложенія немедленнаго мира черезъ головы всѣхъ имперіалистическихъ правительствъ и дипломатическихъ канцелярій", чтобы „сдѣлать такимъ образомъ фактически-невозможнымъ веденіе войны, временное правительство, по указанію кадетскихъ контръ-революціонеровъ и союзныхъ имперіалистовъ, ... обрекло на безцѣльную гибель многія сотни тысячъ матросовъ и солдатъ и подготовило сдачу Петрограда и крушеніе революціи". „Руководящія партіи Совѣта служатъ для этой политики добровольнымъ прикрытіемъ". Но „мы, фракція с. д. большевиковъ, не имѣемъ съ ними ничего общаго и не хотимъ ни одного дня, ни прямо, ни косвенно, прикрывать ихъ". „Покидая Совѣтъ, мы взываемъ къ бдительности рабочихъ, солдатъ и крестьянъ всей Россіи; . . . . только самъ народъ можетъ спасти себя, и мы обращаемся къ народу: да здравствуетъ немедленный честный демократическій миръ, вся власть совѣтамъ, вся земля народу, да здравствуетъ Учредительное Собраніе".

Рѣчь Троцкаго неоднократно прерывалась криками негодованія, и Авксентьеву приходилось неоднократно упрашивать собраніе дослушать оратора до конца. Но перерывы и крики съ мѣстъ слышались, опять таки, лишь справа и изъ центра. Лѣвая оставалась безмолвной свидѣтельницей этого состязанія, не рѣшившись даже въ эту, критическую для себя, минуту открыто осудить тактику, яркимъ проявленіемъ которой явилось выступленіе Троцкаго.

Уходя изъ Маріинскаго Дворца, большевики тѣмъ самымъ показывали, что парламентской борьбы они не признаютъ и что дальнѣйшую борьбу прогивъ правительства и противъ „руководящихъ партій" Совѣта они будутъ продолжать внѣ этой залы, на улицѣ. Они говорили и дѣйствовали, какъ люди, чувствующие за собой силу, знающіе, что завтрашній день принадлежитъ имъ. На этотъ вызовъ тѣ, отъ кого еще могло зависѣть измѣнить дальнѣйшій ходъ событій, отвѣтили двусмысленнымъ молчаніемъ. Такъ первый день сессіи Совѣта уже бросилъ лучъ свѣта на ожидавшую его судьбу. „Когда сопоставишь начало и финалъ торжественнаго дня" замѣчала на другой день одна газета, „то невольно приходишь къ выводу, что и новый Совѣтъ республики, и стремящееся опереться на него правительство только тогда сѣумѣютъ вывести страну

изъ настоящаго, состоянія все возрастающей анархіи, когда у министровъ будетъ столько же рѣшимости и воли къ дѣйствию, сколько ея у товарища Троцкаго, а Совѣтъ республики будетъ единственнымъ совѣтомъ, выражающимъ волю и государственный разумъ страны“.

Но, увы, этого то и не видно, прибавляла газета. Власть не только не обнаруживаетъ сама той „напряженности“ въ борьбѣ съ анархіей, которой Керенскій требовалъ въ своей рѣчи отъ общества, но и продолжаетъ попустительствовать ея проявленіямъ и, между прочимъ, даже въ этой самой рѣчи. Слово продолжаетъ по прежнему расходиться съ дѣломъ, а „власть при однихъ словахъ — не власть“.

Нѣсколько дней спустя (14 октября) на съѣздѣ партіи народной свободы министръ призрѣнія Н. М. Кишкинъ съ полной откровенностью далъ совершенно такую же характеристику строенія правительства и очень прозрачно указалъ на основную причину, почему „дерзаніе“ не переходитъ въ „дѣло“. „Основное зло въ томъ“, говорилъ Кишкинъ, „что у революціоннаго правительства нѣтъ революціоннаго дерзанія. Второе зло — во всевластіи словъ, которыя все покрываютъ густымъ слоємъ. И третье зло: на знамени, которое теперь развивается надъ страной, написано: „безднаказанность. Какъ же бороться противъ этого тройнаго зла? Есть-ли у правительства для этого силы и физическій аппаратъ? Кишкинъ отвѣчаетъ: „наблюденія, сдѣланныя имъ за недолгое пребываніе его въ кабинетѣ, даютъ основаніе сказать, что слабость правительства въ значительной мѣрѣ есть продуктъ самогипноза. Онъ лично будетъ призывать правительство къ тому, чтобы оно себя отъ этого гипноза слабости освободило, — призывать къ „дерзанію“. Но вотъ бѣда, прибавляетъ далѣе ораторъ, — „среди самого правительства теперь еще можно сговориться, — что было такъ трудно, почти невозможно при прежнихъ коалиціонныхъ правительствахъ. Но нѣтъ увѣренности, что то, о чемъ сговорились, будетъ приведено въ исполненіе. — И новая задача — заботиться о томъ, чтобы за сговоромъ слѣдовало исполненіе“.

Нарисованная здѣсь психологическая характеристика полностью соотвѣствуетъ тому, что изложено выше (стр. 78—79). При большомъ единодушіи министровъ, было чрезвычайно трудно толкнуть главу правительства на путь дерзанія. Въ первые же дни новаго кабинета онъ уѣхалъ въ ставку, сваливъ всѣ дѣла на своего за-

мѣстителя, и въ ставкѣ пробылъ до начала октября. Только что открывъ Совѣтъ республики, онъ уже задумалъ новую поѣздку — въ ставку и оттуда на Волгу и дальше по Россіи. Только самыя энергичныя настоянія Д. И. Коновалова заставили А. Ф. Керенскаго отсрочить свое рѣшеніе о долгой поѣздкѣ и ограничиться поѣздкой въ ставку, куда онъ выѣхалъ 14-го. Но и находясь въ Петроградѣ, онъ проявлялъ ту роковую пассивность, которая, быть можетъ, вытекала изъ пониманія безнадежности положенія, но, во всякомъ случаѣ, окончательно эту безнадежность закрѣпляла.

Совѣтъ республики долженъ былъ теперь перейти къ обсужденію основныхъ вопросовъ, военныхъ и международныхъ, и плоды этого обсужденія должны были показать, чего онъ стоитъ.

Положеніе, при которомъ на этотъ разъ приходилось обсуждать вопросъ о боеспособности арміи, было серьезнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ первый разъ за время войны почувствовалась реальная возможность приближенія непріятеля къ столицѣ, по крайчайшему пути — побережье финскаго залива. Въ концѣ сентября непріятель произвелъ удачный десантъ на островахъ Эзеля и Даго. Въ первыхъ числахъ октября онъ проникъ въ Рижскій заливъ и попытался отрѣзать выходъ нашей флотиліи къ Финскому заливу, загородивъ съ сѣвера проливъ между о. Моономъ и берегомъ Эстляндіи. Флоту пришлось уйти, пожертвовавъ миноносцемъ „Громъ“ и старымъ линейнымъ кораблемъ „Слава“. Тогда германцы произвели высадку на полуостровъ Вердеръ противъ о-ва Моона въ самой Эстляндіи, закрѣпивъ за собой такимъ образомъ обѣ стороны Моонзунда, и грозя движеніемъ къ Гапсалу и къ Ревелю. Большіе германскіе цеппелины съ этихъ поръ получили возможность прогуляться до самого Петрограда.

Несмотря на всѣ совѣщанія верховнаго главнокомандующаго и новаго военнаго министра съ новымъ начальникомъ штаба (Духонинъ) въ ставкѣ и въ столицѣ о способахъ усиленія боеспособности арміи, военное дѣло не улучшалось. Легко было разогнать высшій командный составъ, но привить арміи „революціонную дисциплину“ методами Верховскаго и Керенскаго оказывалось невозможнымъ. Донесенія военныхъ комиссаровъ и штабовъ военному министерству продолжали рисовать картину полной анархіи и разрухи. То тутъ, то тамъ солдаты отказывались идти на фронтъ, предпочитая заниматься торговыми операціями въ городахъ и захватывая насильно подъ купленное у крестьянъ зерно пассажирскіе вагоны. Фронтковыя части требовали прекращенія войны во

что бы то ни стало, хотя бы путем позорнаго или — какъ выразилась делегація солдатъ передъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта р. и с. д. — „похабнаго“ мира. Они требовали отвода ихъ съ фронта въ тылъ и замѣны резервами. Разстройство транспорта начавшееся проявляться въ недостаткѣ продовольствія и снаряженія арміи, усиливало нервное раздраженіе въ войскахъ. Вливавшіяся во фронтъ запасныя части приносили съ собою распущенный духъ столицы и готовые лозунги классовой борьбы. Если однѣ части фронта, сохранившія дисциплину, отказывались принимать подобныя комплектованія и просили не посылать ихъ больше, то другія, напротивъ, поддавались ихъ вліянію и, то тамъ, то сямъ, начинали принимать большевистскія резолюціи. Съ 1-го по 9-го октября военный министръ насчиталъ среди тыловыхъ частей арміи, размѣщенныхъ внутри страны, 16 погромовъ, 8 пьяныхъ погромовъ, 24 самоличныхъ выступленія, 16 случаевъ примѣненія вооруженной силы для подавленія анархическихъ вспышекъ. Сказался этотъ развалъ и при послѣднихъ боевыхъ операціяхъ. Комиссаръ Вишне-вскій, попавшій было въ плѣнъ на островѣ Моонъ, но потомъ спасшійся бѣгствомъ, рассказывалъ въ „Центрофлотѣ“, что во время наступленія противника на о-въ Моонъ и Эзелъ царила полная дезорганизація и разстройство. Многіе солдаты отказывались идти въ бой, заявляя, что предпочитаютъ быть разстрѣляными своими товарищами. Освѣдомленность противника о всѣхъ деталяхъ нашей обороны была поразительна. На одномъ изъ сбитыхъ аэроплановъ была найдена карта съ точнымъ расположеніемъ всѣхъ нашихъ штабовъ и батарей. Большая часть гарнизона панически бѣжала. Были случаи, когда полки шли сдаваться съ плѣнемъ пѣсенъ. Части командъ Верендскихъ батарей (на южной оконечности Эзеля) по заязленію Вердеревскаго въ Совѣтъ республики, „опозорили себя на вѣки вѣчныя“. Въ исп. комитетѣ совѣта р. и с. д. Вердеревскій рассказалъ этотъ случай подробнѣе; прислуга и команда нѣкоторыхъ береговыхъ батарей, при приближеніи противника, бросала свои посты и бѣжала; прислуга другихъ орудій, чтобы заставить бѣжавшихъ вернуться, обратила орудія противъ нихъ, — и въ рѣшительную минуту входъ въ Рижскій заливъ оказался совершенно незащищеннымъ.

Какъ отразилось все это въ сознаніи арміи, сбитой съ толку своей и непріятельской агитаціей, видно изъ телеграммы посланной „Центрофлоту“ совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ 12 арміи. Лицомъ къ лицу съ врагомъ, эта армія понимаетъ, что „нѣтъ немедленнаго

выхода изъ войны, что на насъ идутъ войска Вильгельма, и, не теряя ни минуты, мы должны защищаться". Но, „идя на смерть“, „она имѣетъ право требовать“ — и требуетъ — проведенія въ жизнь „особенно дорогихъ для народа требованій революціонной программы внутри страны“, а именно: передачи земли земельнымъ комитетамъ, скорѣйшаго достиженія международнаго демократическаго мира и только потомъ уже „немедленнаго пресѣченія огромныхъ движеній въ странѣ, снабженія арміи хлѣбомъ, фуражемъ, теплой одеждой и сапогами, а для этого — борьбы съ „преступниками“, тормозящими работу транспорта и снабженія, и наконецъ, немедленной отправки въ армію другихъ „преступниковъ“, „бездѣйствующихъ, сытыхъ, гуляющихъ солдатъ запасныхъ частей“, но съ условіемъ, чтобы это были „пополненія обученныя“: „не нужно намъ подлыхъ трусовъ, жалкаго сброда, которыми даритъ насъ тыль“... Тыль даетъ, что имѣетъ; больная армія — больной тыль; это заколдованный кругъ, отвѣчалъ имъ въ Совѣтъ республики ген. Алексѣевъ.

Мы сейчасъ увидимъ, что требованія солдатъ, переданныя черезъ „Центрофлотъ“, — законъ для начальства. Программа 12 арміи есть программа публичныхъ выступленій Верховскаго и Вердеревскаго. Что бы они ни думали и какъ бы они ни понимали дѣло сами, — а они не могутъ не думать, какъ спеціалисты военного дѣла, и не могутъ не понимать, въ чемъ корень зла, — все равно. Публично и открыто они будутъ говорить то, что отъ нихъ требуютъ. Но неужели Совѣтъ республики не услышитъ голоса независимыхъ людей и партій, не связанныхъ велѣніями „демократическихъ организацій“? Неужели былъ правъ тотъ членъ Совѣта республики, который на упоминаніе о противникахъ „демократическаго“ строя арміи, отвѣтилъ восклицаніемъ съ мѣста: „ихъ здѣсь нѣтъ“!

Конечно, они тамъ были. Фракція народной свободы, обсудивъ вопросъ 9 октября, рѣшила, что ничто не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она приняла программу оздоровленія арміи, получившую названіе „корниловской“, но раздѣлявшуюся всѣмъ прежнимъ составомъ высшаго командованія, съ ген. Алексѣевымъ во главѣ. Она подтвердила свое мнѣніе, что и теперь возстановленіе боеспособности арміи возможно лишь при условіи возвращенія дисциплинарной власти командному составу и ограниченія дѣятельности армейскихъ „демократическихъ“ организацій хозяйственными и просвѣтительными функціями. Собравшійся въ эти же

дни въ Москвѣ второй съѣздъ общественныхъ дѣятелей, представлявшій, наряду съ к. д., болѣе правые элементы русской общественности и Совѣта республики, выслушалъ двухъ бывшихъ главнокомандующихъ, А. А. Брусилова и Н. В. Рузскаго, которые оба горько оплакивали разрушительныя послѣдствія внесенія политики въ армію. Затѣмъ ген. Зайончковскій, бывший командующій арміями румынскаго фронта, категорически отрицалъ, чтобы программа Верховскаго раздѣлялась кѣмъ-либо изъ военныхъ авторитетовъ, русскихъ или иностранныхъ. А морской офицеръ С. В. Лукомскій опровергалъ утвержденіе Вердеревскаго, что дисциплина на новыхъ началахъ можетъ дать побѣду. Послѣ того совѣщаніе приняло 14 октября очень обстоятельную резолюцію по военнымъ вопросамъ, внесенную военной группой. Резолюція требовала, чтобы армія стояла „внѣ партій и партійныхъ вліяній“, чтобы назначенія на должности зависѣли отъ „боевыхъ и служебныхъ качествъ“, а не отъ результатовъ „политическаго контроля и розыска, осуществляемаго въ настоящее время войсковыми комиссарами и организаціями“; чтобы списки офицерскихъ чиновъ, „уволенныхъ подъ вліяніемъ безотвѣтственныхъ и самочинныхъ организацій“, были пересмотрѣны; чтобы возстановлено было отданіе чести и дисциплинарная власть начальниковъ всѣхъ степеней, — конечно съ гарантіей противъ превышенія власти; „чтобы вѣдѣнію арчейскихъ комитетовъ подлежали только культурно-просвѣтительные, хозяйственные и продовольственные вопросы, съ утвержденія начальника и съ правомъ роспуска даннаго состава комитета въ случаѣ превышенія имъ своихъ правъ“; наконецъ, чтобы „пропаганда противогосударственныхъ и противонаціональныхъ идей, а равно и ученій, отрицающихъ необходимость существованія самой арміи и воинской дисциплины“, не допускалась въ арміи и рѣшительно преслѣдовалась“.

Въ Совѣтѣ республики всѣ эти опредѣленные рѣшенія должны были встрѣтиться съ стремленіемъ смягчить острые углы, и найти почву для примирительныхъ формулъ, способныхъ сблизить разные взгляды, хотя бы по существу и несогласимые. Стремленіе это было естественно въ средѣ лицъ, только что одержавшихъ блестящую побѣду надъ „революціонной демократіей“. Вѣдь только путемъ соглашенія они заставили ея вождей отказаться отъ формально принятыхъ рѣшеній, осуществили, вопреки имъ, коалицію съ „буржуазіей“ и съ „кадетами“ и завершили свою побѣду изданіемъ компромиссной деклараціи, замѣнившей „демократическую“

платформу 14 августа, и созданиѣмъ, въ лицѣ Совѣта республики, совѣщательнаго органа съ составомъ членовъ, назначенныхъ правительствомъ. Въ составѣ фракціи народной свободы это примирительное теченіе было представлено В. Д. Набоковымъ и М. С. Аджемовымъ, къ которымъ присоединился возвратившійся послѣ отдыха М. М. Винаверъ. Напомнимъ, что именно военный и международный отдѣлъ въ деклараціи новой коалиціи представляли наибольшія и наиболѣе опасныя уступки „революціонной демократіи“, — и именно съ этихъ двухъ важнѣйшихъ отдѣловъ началась работа Совѣта республики. Фракція по военному вопросу поручила выступить въ Совѣтѣ республики не только что вернувшемуся А. И. Шингареву, специально знакомому съ вопросами обороны по комиссіи 4-ой Г. Думы, председателемъ которой онъ былъ, и по дѣятельному участию въ особомъ совѣщаніи по оборонѣ, а М. С. Аджемову, участнику совѣщаній, приведшихъ къ третьей коалиціи, и автору проекта учрежденія Совѣта республики, послужившаго основой того, которое было утверждено правительствомъ.

10 октября въ Совѣтѣ республики открылись пренія по вопросу о поднятіи боеспособности арміи. По внѣшности, въ залѣ Маріинскаго Дворца, было сѣро и буднично. Члены собирались медленно, и засѣданіе было открыто съ большимъ опозданіемъ, что даже заставило председателя Авксентьева обратиться къ собранію съ необычной для русскаго представительства просьбой быть аккуратнѣе, „въ настоящій тяжелый моментъ, когда каждая минута дорога“. Всѣ какъ-будто чувствовали, что политическая жизнь уже идетъ мимо этой залы, и что за ея предѣлами принимаются важнѣйшія рѣшенія. Чувствовалось это и въ заявленіяхъ военного и морского министровъ, слишкомъ очевидно для всѣхъ считавшихся въ своихъ рѣчахъ не съ тѣмъ, чего требовало существо дѣла, а съ тѣмъ, что подумаютъ объ этихъ выступленіяхъ въ тѣхъ „демократическихъ организаціяхъ“, передъ которыми они чувствовали реальную отвѣтственность.

Военный министръ Верховскій началъ съ того, что отрицалъ самую проблему, подлежащую разсмотрѣнію. „Люди, говорящіе, будто русская армія не существуетъ, не понимаютъ того, что говорятъ. Нѣмцы держатъ на нашемъ фронтѣ 130 дивизій — вотъ во что они оцѣниваютъ русскую армію... Приходится слышать вздорныя рѣчи, будто съ наступленіемъ холодовъ армія уйдетъ изъ окоповъ и не исполнитъ своего долга. Это — „явный вздоръ“, провозгласилъ Верховскій при апплодисментахъ слѣва. Это былъ

вообще первый министр пожавшій рукоплесканія не отъ „правой и части центра“, какъ другіе, а отъ „лѣвой и части центра“. И было за что. „Военная программа правительства, доложенная мною на демократическомъ совѣщаніи три недѣли тому назадъ“, сообщалъ военный министръ, „проводится въ жизнь самымъ энергичнымъ темпомъ. Всѣ лица команднаго состава, такъ или иначе причастныя къ корниловскому движенію, отстранены совершенно. Ихъ мѣста заняты другими, которые понимаютъ современную обстановку“. Увы, нѣсколькими фразами дальше, военному министру пришлось прибавить: „и при старомъ режимѣ были люди, которые шли, куда вѣтеръ дуетъ, и сейчасъ при новомъ режимѣ появились генералы, — и даже въ очень высокихъ чинахъ, — которые опредѣленно поняли, куда вѣтеръ дуетъ и куда нужно вести свою линію“. Ораторъ оппозиціи замѣтилъ потомъ, что „это можно примѣнить и къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кто сидитъ на скамьяхъ временнаго правительства“.

Это, во всякомъ случаѣ, можно было примѣнить къ выступленію Верховскаго. Военный министръ не могъ совершенно умолчать о такихъ отрицательныхъ явленіяхъ, какъ „анархическое движеніе на фронтѣ и въ тылу“ и разлагающія пополненія, которыя приходятъ изъ тыла необученными и недисциплинированными, въ полномъ безпорядкѣ“. Но онъ очень ловко вставилъ это признаніе между упоминаніемъ о „трагической исторіи Корнилова“, „въ результатъ“ которой и произошелъ тотъ или иной „неисчислимый вредъ“, и прямымъ заявленіемъ: „одна изъ причинъ этого — непониманіе войсками цѣлей войны. Задача современнаго правительства и Совѣта республики сдѣлать для каждого человека совершенно яснымъ и опредѣленнымъ то, что мы не воюемъ ради захватовъ, своихъ или чужихъ“. Очень искусно Верховскій выдалъ также „созданіе частей украинскихъ, эстонскихъ, грузинскихъ татарскихъ“ и т. д. за мѣру, „которая должна поднять боеспособность арміи“, ... ибо это есть „постепенный переходъ къ территориальной системѣ комплектованія войскъ“. Снабженіе арміи плохо, — но это потому, что „въ началѣ революціи думали, что въ арміи все можно сразу сломать и переустроить“ ... и „замѣнили интенданство цѣлымъ рядомъ организацій“, о которыхъ министръ могъ говорить и требовать ихъ „сокращенія“ ... совершенно безопасно. Это были организаціи не „демократическія“, а земскія и городскія, которыя притомъ же попали въ немилость къ солдатамъ, какъ содѣйствующія укрыванію отъ строевой службы въ тылу. Нако-

нецъ, „самый важный вопросъ“ — о дисциплинѣ. Можно ли возстановить порядокъ „насиліемъ одной группы надъ другой“ или „привлеченіемъ карающей власти со стороны“, „усмиреніемъ и покореніемъ“, спрашивалъ министръ. И онъ отвѣчалъ, продолжая свое жонглированіе между реализмомъ и политиканствомъ: вѣдь „такая извнѣ стоящая сила, которая будетъ умирять и покорять, только одна: сила германскихъ штыковъ“. И затѣмъ, вмѣсто того, чтобы отбросить съ негодованіемъ эту единственную „внѣшнюю силу“, министръ оказался непрочь поугаать ею. „Если мы сами въ себѣ не найдемъ силы и возможности устроить порядокъ внутри страны, то этотъ порядокъ будетъ у насъ установленъ германскими штыками“. А далѣе выяснялась и цѣль угрозы. До сихъ поръ порядокъ возстанавливается военными организаціями, но для примѣненія оружія съ цѣлью подчиненія народа внутри страны нужно, чтобы Совѣтъ республики сказалъ, что онъ этого хочетъ“.

Это неожиданное обращеніе было направлено къ правому большинству. Слѣва были увѣрены, что это—ловушка и провокація въ ихъ стилѣ и потому кричали: „правильно“. Между тѣмъ, этой туманной фразой министръ, не теряя довѣрія лѣвыхъ, въ сущности ставилъ передъ правыми свою кандидатуру на постъ военного диктатора и наслѣдника Корнилова. Чтобы не было недоразумѣнія, онъ еще вернулся къ этой темѣ въ концѣ рѣчи. „Я твердо и опредѣленно поставлю Совѣту республики: угодно ли ему, чтобы въ странѣ продолжались погромы, пьяныя безчинства, выступленія и т. д? Или ему угодно, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда выступаетъ анархическая толпа, къ этой толпѣ примѣнялось оружіе? . . . Возстановить порядокъ пытался и Корниловъ своей властью. Попытка Корнилова сорвалась и не могла не сорваться. Но оставить анархію, передъ которой мы стоимъ такъ, какъ она есть, есть преступленіе передъ государствомъ, передъ цѣлой страной. Поэтому, пускай представители всего русскаго народа, скажутъ, что они считаютъ нужнымъ водворить порядокъ для спасенія родины“.

Этотъ молодой человѣкъ, видимо, не хотѣлъ въ своей головокруглительной карьерѣ остановиться на портфель военнаго министра и уже искалъ себѣ точки опоры, чтобы подняться выше. Но онъ слишкомъ спѣшилъ и потому слишкомъ выдавалъ себя. Все въ немъ: и не успѣвшая стать солидной тоненькая фигура, и голосъ, срывавшійся на фальцетъ въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, и черезчуръ смѣлые, рискованные, не взвѣшенные и

выскакивавшіе какъ-то неожиданно для самого оратора обороты фразъ и, наконецъ, самый выборъ мѣста для конфиденціальныхъ предложеній,—все это отзывало чѣмъ-то недодѣланнымъ и недозрѣлымъ. Въ смѣлости и въ честолюбіи, видимо, въ Верховскомъ не было недостатка; онъ не былъ лишенъ и ясности пониманія. Но неразборчивость въ выборѣ средствъ и безпринципность черезчуръ гибкой аргументаціи слишкомъ бросалась въ глаза, чтобы онъ могъ не „сорваться“ въ свою очередь. Передъ однородной аудиторіей исполнительнаго комитета, быть можетъ, его ловкость и могла сойти за серьезность и силу убѣжденія. Здѣсь, въ этой смѣшанной и взыскательной аудиторіи, при необходимости аргументировать сразу на два фронта, экзамень оказался слишкомъ трудень.

Проще и непосредственнѣе выступилъ морской министръ Вердеревскій. Онъ тоже, по слову стараго Горація, „видѣлъ и одобрялъ лучший путь, но слѣдовалъ худшему“. Онъ прикрылъ это противорѣчіе тѣмъ, что выбиралъ болѣе благодарныя темы, обходилъ болѣе трудныя и въ самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ прикрывался авторитетомъ демократическихъ органовъ. Во всѣхъ флотахъ дѣло обстоитъ недурно. Если въ Балтійскомъ флотѣ, въ моментъ, когда ему приходится рѣшать труднѣйшую задачу обороны, дѣло стоитъ иначе, если производительность заводовъ крайне понизилась, если отношеніе рабочихъ къ своимъ обязанностямъ самое отвратительное, то, во-первыхъ, „виноваты не одни рабочіе и ихъ организаціи“; заводамъ не хватаетъ угля и металла. А, во-вторыхъ, появленіе нѣмецкихъ силъ въблизи нашего берега объяснить рабочимъ массамъ и организаціямъ, что отъ нихъ зависитъ поднять боеспособность флота съ точки зрѣнія матерьяльной, что промедленіе каждаго часа въ этой работѣ является явленіемъ грознымъ“. Что касается центрального вопроса, личнаго состава флота, Вердеревскій прежде всего рассказалъ, какъ хорошо было съ самаго начала революціи въ Ревелѣ, гдѣ „не было ни одного эксцесса“. Въ Гельсингфорсѣ дѣло шло иначе; но . . . тутъ виновата „обычная для насъ дѣятелей, прошедшихъ всю военную службу при старомъ режимѣ, — привычка скрывать отъ массъ правду“. „Комиссары изъ Гельсингфорса свидѣтельствуютъ, что со стороны никакихъ контръ-революціонныхъ стремленій нѣтъ“. На днѣ пропасти между матросами и офицерами лишь — „зря пролитая кровь“. Министръ „глубоко убѣжденъ, что заслуженное наказаніе“ за эту кровь виновные „понесутъ подъ гнетомъ обви-

ненія собственной среды.“ А затѣмъ онъ надѣется на „выводы послѣ пережитой морской операціи“, свидѣтельствующіе „объ отсутствіи дисциплины“. Проникновеніе этихъ выводовъ „въ массу матросовъ“ есть „единственный путь для возрожденія нормальныхъ отношеній во флотѣ“. Это значитъ для понимающаго дѣло, что нѣтъ никакого пути и что положеніе безнадежно. Но . . . морской министръ „вчера бесѣдовалъ съ представителями матросовъ“, и когда онъ упомянулъ, что даже въ американской арміи обращается вниманіе на внѣшнюю подтянутость и пунктуальность въ отданіи чести и что дисциплина тамъ „принимается всѣми сознательно и добровольно“, то „это слово: добровольно“ вызвало чрезвычайное волненіе“ среди его собесѣдниковъ.

Они мнѣ заявили, что, конечно, истинная дисциплина должна быть, добровольна: это дѣйствительно единственный путь. Это былъ, конечно, не тотъ выводъ, къ которому хотѣлъ привести ихъ министръ. Но онъ охотно подчиняется обстоятельствамъ и переноситъ этотъ выводъ о „добровольной дисциплинѣ“, какъ гласъ народа на трибуну Совѣта республики. Маленькія оговорки, вроде той, что „отдѣльныя нарушенія дисциплины и порядка, разумѣется, и въ условіяхъ добровольной дисциплины не могутъ проходить безнаказанно“, или „что судить начальника подчиненному не подлежитъ“, „въ виду особой обстановки флота“, а потому „офицеры будутъ безусловно подчинены только единоличной власти начальника“, — эти и т. п. упоминанія вскользь суть уже подробности и мелочи: онѣ внесены въ законопроекты, какъ и ограниченіе дисциплинарныхъ судовъ въ войскахъ, согласно проекту Верховскаго, 48 часовымъ срокомъ или установленіемъ имъ же своеобразнаго „института штрафныхъ полковъ“. Въ главномъ морской министръ разсчитываетъ, что „путемъ личныхъ воздѣйствій на мѣстѣ, въ Гельсингфорсѣ, ему удастся найти отликъ въ широкихъ кругахъ, и разумное, честное, сознательное отношеніе матросовъ къ своему долгу будетъ достигнуто“.

Послѣ всѣхъ этихъ словесныхъ ухищреній и утѣшеній, послѣ всѣхъ условностей официальнаго оптимизма и лицемѣрія, проявленныхъ излюбленными „революціонной демократіей“ вождями арміи и флота, прямая и честная рѣчь бывшаго верховнаго главнокомандующаго ген. Алексѣева производила особенно сильное впечатлѣніе. Алексѣевъ не скрывалъ и не преуменьшалъ зла, все называлъ своими именами, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не впадалъ въ пессимизмъ и въ отчаяніе. И теперь еще не поздно, если за-

хотятъ взглянуть положенію прямо въ глаза и проявятъ настоящую рѣшимость: таковъ смыслъ его рѣчи. Все зло въ томъ, что мы сами себя убѣдили, что войны вести не можемъ и что намъ нуженъ миръ во что бы то ни стало. Но подумайте серьезно, убѣждалъ ген. Алексѣевъ: возможенъ ли миръ? „Безпристрастная оцѣнка положенія скажетъ“, пророчески утверждалъ старый вождь, что немедленное заключеніе мира явится гибелью Россіи, физическимъ ея разложеніемъ, неизбежнымъ раздробленіемъ ея достоянія и уничтоженіемъ работы всѣхъ поколѣній трехъ предшествовавшихъ вѣковъ. Но даже и такой тяжелой цѣной купленный миръ не улучшитъ нашего экономическаго положенія, не возстановитъ нашего разстроеннаго хозяйства, а, главное, не дастъ намъ ни хлѣба, ни угля, и надолго не облегчитъ намъ тяжесть личнаго существованія. Мы станемъ тогда въ полной мѣрѣ рабами и данниками болѣе сильныхъ народовъ, а въ конечномъ результатѣ миръ немедленный и скорый разрушитъ Россію, какъ государство, выведетъ ее изъ сонма великихъ державъ и погубитъ остатокъ нашего народа и въ духовномъ и въ экономическомъ отношеніи“.

Такъ ли уже, однако, безнадежно положеніе? Германія вѣдь тоже истощена, однако, она держится „силой своего народнаго духа, народной дисциплиной и своей системой“. „Россія можетъ, если захочетъ, пережить дни своей слабости; она получитъ помощь отъ своихъ союзниковъ; только нужно воскресить духъ народный“. А для этого, прежде всего не надо лстить народу. Нужно, наоборотъ, „смѣло и открыто посмотреть дѣйствительности въ глаза“. Да, армія больна, тяжело больна. „Массы, вкусившія сладость неповиновенія и неисполненія оперативныхъ приказовъ, полной праздности, погрязшія въ стремленіяхъ къ скорѣйшему заключенію мира, который, яко-бы придетъ самъ собой, массы, стремящіяся, въ лицѣ каждаго почти борца, лишь къ сохраненію собственной жизни, — это положеніе опасное“, и не слѣдуетъ „успокаиваться на томъ, что у насъ, дѣйствительно, стоитъ на фронтѣ надежная опора для защиты родины“. Разсчетъ на то, что „недостатокъ дисциплины будетъ восполненъ энтузіазмомъ и порывомъ впередъ“, — разсчетъ, на которомъ было построено наступленіе 18-го іюня, — оказался ошибочнымъ. „Энтузіазма и порыва нѣтъ“. Конечно, допускаетъ Алексѣевъ, вся армія не покинетъ окопы и не уйдетъ въ тылъ; но нельзя не признать, что въ массѣ уснуло понятіе о чести, о долгѣ и о самой элементарной человѣческой справедливости“. Этимъ объясняется, что въ по-

слѣднихъ бояхъ армія „не показала той устойчивости, на которую она была способна всегда, не исключая и самыхъ тяжелыхъ 1915 и 1916 г. г.“ Говорятъ: оздоровите тылъ, тогда и армія воскреснетъ. „Но возможно-ли тылъ привести въ порядокъ безъ прочной вооруженной силы, при помощи войскъ, зависящихъ отъ мѣстныхъ органовъ, и безъ рѣшимости въ случаѣ надобности примѣнить эту силу? . . . Слѣдовательно, армія не можетъ ждать спасенія отъ оздоровленія тыла, а сама должна приступить къ энергичной, рѣшительной работѣ въ собственныхъ нѣдрахъ“. Ген. Алексѣевъ указываетъ цѣль этой работы въ осуществленіи программы, не разъ обсуждавшейся, начиная съ іюля, при его же участіи, но никогда не приводившейся въ исполненіе. Отголоски той же программы онъ хочетъ слышать еще и въ заявленіяхъ новаго военнаго министра. Но по обѣщаннымъ Верховскимъ заголовкамъ законопроектвъ нельзя судить объ ихъ содержаніи, особенно при господствующемъ настроеніи.

Собственно, этими тремя рѣчами вопросъ объ оборонѣ былъ по существу исчерпанъ. Дальше пошла уже „политика“. Все основное содержаніе рѣчи интернаціоналиста Мартова сводилось къ извращенному толкованію словъ Алексѣева, что съ нездоровой арміей нельзя оздоровить тыла. Отсюда Мартовъ сдѣлалъ нужный для него выводъ, что боеспособность арміи нужна Алексѣеву для „подавленія народныхъ движеній“. Въ своихъ „классовыхъ интересахъ“ буржуазія противилась и введенію „демократическаго строя“ въ армію, хотя „каждый политическій дѣятель долженъ былъ понимать въ февральскіе дни, что не можетъ быть политическаго переворота въ странѣ, который бы не расшаталъ организаціи арміи вообще и ея старой организаціи“, вмѣсто которой нужно было „быстро поставить организацію, проникнутую началомъ противоположнымъ“. Такимъ образомъ, въ разложеніи арміи повинна буржуазія и царизмъ, ибо разложеніе арміи началось уже при царизмѣ. Притомъ же, — это былъ аргументъ по существу, — „русское общество не могло бы провести революціи, если бы съ самаго начала не прибѣгло къ возстанію солдатской массы противъ команднаго состава, стоявшаго тогда на сторонѣ царизма“. Формула перехода, внесенная Мартовымъ, предлагала признать необходимость реальной чистки команднаго состава, предоставленія армейскимъ организаціямъ спорнаго права отвода и аттестаціи лицъ команднаго состава, предоставленія центральному органу „революціонной демократіи“ контроля надъ

дѣятельностью комиссаровъ, отмѣны смертной казни и освобожденія всѣхъ заключенныхъ, нарушившихъ дисциплину „по идейнымъ мотивамъ“, немедленнаго предложенія всѣмъ воюющимъ сторонамъ общаго мира, съ немедленнымъ же заключеніемъ перемирія на всѣхъ фронтахъ.

Послѣ рѣчи Мартова для Керенскаго явилась возможность занять выгодную позицію посрединѣ между двумя крайностями. И онъ ею воспользовался. Онъ защитилъ здравый смыслъ отъ Мартова и „честь русской арміи“ . . . . отъ Алексѣева. Армія не будетъ защищать, говорилъ онъ, ни классовыхъ интересовъ буржуазіи, ни партійныхъ стремленій интернаціонализма. Правительство всегда боролось противъ насилія меньшинства надъ большинствомъ, все равно, шла ли рѣчь о 27 августѣ или о 3—5 іюля, и называлось ли это меньшинство корниловскимъ или большевистскимъ. Въ неудачѣ наступленія 18-го іюля виноватъ не ошибочный расчетъ на энтузіазмъ арміи, ибо энтузіазмъ дѣйствительно былъ на лицо, — а агитація „бессознательныхъ фанатиковъ съ небольшою прибавкой сознательныхъ предателей отечества“, которая „уничтожила плоды колоссальной, напряженной работы всей русской демократіи“. Заявленіе Мартова, будто успѣхъ революціи объясняется тѣмъ, что солдаты возстали противъ команднаго состава, — заявленіе вѣрное относительно крайняго теченія революціи, — дало возможность Керенскому въ этомъ вопросѣ перегнуть свою тщательно сбалансированную рѣчь немного вправо и отдать справедливость русскому офицерству. „Блестящее (и быстрое завершеніе борьбы со старымъ режимомъ и безкровная гибель въ нѣсколько дней династіи была результатомъ именно того, что въ цѣломъ, за небольшими исключеніями, старая власть не нашла себѣ поддержки и въ командномъ составѣ . . . . Армія въ ея цѣломъ, и въ командномъ составѣ, и въ составѣ солдатской массы, рѣшительно и навсегда перешла на сторону свободнаго народа и служить государству демократическому“. Но, конечно, эта похвала не относилась къ тѣмъ 10,000 отставнымъ офицерамъ, о которыхъ говорилъ Алексѣевъ, какъ о „драгоценномъ матеріалѣ, которымъ пренебрегаютъ только потому, что ихъ почему-то считаютъ приверженцами стараго режима“, хотя „они сердцемъ и душой являются вполнѣ надежными сынами своей страны“. Все то, что противодѣйствуетъ „общественной“ организаціи въ арміи „не по недоразумѣнію, а по неумѣнію понять и по злой волѣ, должно быть рѣшительно отмечено“, заявилъ Ке-

ренскій, подчеркнувъ, что въ этомъ онъ согласенъ съ Верховскимъ, съ которымъ согласенъ Мартовъ. „Ни на іоту никакихъ уступокъ не было сдѣлано программѣ такъ называемой корниловщины“, — за исключеніемъ того, что было сдѣлано въ первое время подъ вліяніемъ общаго страха, „въ моментъ величайшихъ погромовъ въ Галиціи, по требованію не только команднаго состава, но и по требованію мѣстныхъ армейскихъ организацій“ (военно-революціонные суды и смертная казнь). Что даже въ программѣ Верховскаго есть дальнѣйшія уступки „Корниловщинѣ“, одобренныя и Алексѣевымъ, — объ этомъ Керенскій, конечно, не упомянулъ.

Рѣчь Керенскаго имѣла успѣхъ на всѣхъ скамьяхъ, за исключеніемъ меньшевиковъ-интернаціоналистовъ. Эта небольшая группа въ 25 человекъ послѣ ухода большевиковъ въ предыдущемъ засѣданіи почувствовала себя въ ихъ положеніи. Она рѣшила публично оправдаться въ томъ, что не ушла вмѣстѣ съ большевиками, а осталась сидѣть въ Совѣтѣ республики. Передъ закрытіемъ засѣданія эта отколовшаяся отъ меньшевиковъ часть фракціи прочла свою декларацію, во всемъ сходную съ большевистской. Тутъ былъ и „саботажъ“ корниловцевъ, и „капитуляція большинства организованной демократіи“, и „ублюдочный законсовѣщательный предпарламентъ“, которому „значительная часть рабочаго класса, возмущенная топтаніемъ на одномъ мѣстѣ, повернула спину“. Но сверхъ всего этого было заявлено, что меньшевики-интернаціоналисты „остаются въ Совѣтѣ, видя въ немъ одну изъ аренъ классовой борьбы“, и будутъ съ трибуны разоблачать „контръ-революціонный характеръ коалиціи“ и ждать того времени, когда „временный упадокъ революціи . . . . неизбежно смѣнится новымъ подъемомъ“.

Каковъ же былъ результатъ перваго засѣданія, посвященнаго вопросамъ обороны? Была ли здѣсь, помимо дипломатіи и стилистики Керенскаго, общая почва, на которой можно было бы столкнуться всѣмъ партіямъ? Дальнѣйшая работа въ комиссіи должна была вскрыть затушеванныя разногласія. Но уже и по общимъ преніямъ было видно, что между разными частями собранія есть глубокія различія, — все тѣ же, что и прежде, и что новыя неудачи и угрозы врага на фронтѣ отнюдь не смогли пробить брони революціоннаго доктринерства. Второе засѣданіе 12 октября еще рѣзче раскрыло расхожденіе этихъ теченій даже и въ общихъ преніяхъ. Представитель лѣвыхъ с. р-овъ Штейнбергъ-Карелинъ

прямо заявилъ: „основная трагедія русской революціи заключается въ томъ, что, начавшись подъ общими лозунгами, она скоро разошлась въ разныя стороны. Если для ценовыхъ элементовъ революція была нужна, чтобы разчистить дорогу для нашихъ военныхъ успѣховъ, то для демократіи революція была первымъ шагомъ къ тому, чтобы войну прикончить. И такъ какъ эти задачи были діаметрально противоположны, то объединенія не могло произойти“. „При такихъ условіяхъ ясно, что разговоры объ оборонѣ государства бесплодны, ибо мы стоимъ на разныхъ точкахъ зрѣнія“. Хуже было, что на „разную точку зрѣнія“ сталъ и меньшевикъ — оборонецъ, Гольдманъ-Либеръ, всю рѣчь посвятившій рѣзкимъ до хрипоты нападкамъ на „кадетовъ“, которые „допускали годами то, что теперь пожинается“, которые хотятъ „исполнять обязательства, заключенныя старымъ режимомъ“, и требуютъ войны „до побѣднаго конца“, вмѣсто того, чтобы „сказать арміи, что русская армія не будетъ вести оборонительной войны для, чтобы помогать наступленію союзниковъ“. Формула меньшевиковъ-оборонцевъ, прочтенная Либеромъ, перечисляла „глубокіе корни“ упадка боеспособности арміи: затяжка войны и экономическое разстройство, недоувѣренность солдатъ къ командному составу, эксцессы солдатъ, „руководимыхъ политически незрѣлыми элементами и анархической организаціей“. Далѣе перечислялись положительныя требованія: создать въ арміи ясное пониманіе цѣлей войны соотвѣстной внѣшней политикой, „стремящейся всѣми средствами къ скорѣйшему достиженію всеобщаго демократическаго мира“; обезпечить успѣшное снабженіе арміи энергичной экономической политикой, „подчиняющей интересъ частныхъ группъ общегосударственнымъ началамъ“, поднять организованность и дисциплинированность арміи „согласованными дѣствіями команднаго состава, комиссаровъ, войсковыхъ организацій“; отмѣнить смертную казнь, „не оправдывающую себя съ точки зрѣнія возстановленія дисциплины“, и „безпощадно бороться, съ контръ-революціей, съ самосудами, съ насиліями и погромами. Только послѣднія слова резолюціи: „безъ энергической и усиленной обороны невозможно и скорое заключеніе мира“—должны были показать, что ораторъ и его партія понимаютъ гораздо больше, чѣмъ осмѣливаются сказать передъ лицомъ своихъ обличителей слѣва. Только Н. В. Чайковскій отъ имени трудової народно-соціалистической группы имѣлъ эту смѣлость: взять альтернативу Штейнберга-Карелина (война или немедленныя

соціалистическія преобразованія) и выбрать въ ней первую часть, войну. „Я съ самаго начала войны утверждалъ“, говорилъ Чайковский, „что проведеніе соціально-революціонныхъ преобразованій во всемъ ихъ объемѣ во время войны есть преступленіе, и мы это преступленіе совершаемъ“. На грубый перерывъ слѣва семидесятилѣтній старикъ, одинъ изъ патріарховъ русскаго соціализма, имѣлъ право гордо отвѣтить: „пустъ тѣ, кто мнѣ не вѣрять, докажутъ своей жизнью то, что говорятъ“.

Единственными голосами изъ рядовъ другихъ соціалистическихъ группъ, отважившимися открыто и послѣдовательно присоединиться къ этому голосу опыта и здраваго смысла, были голоса двухъ женщинъ-соціалистокъ, изъ которыхъ одна, Е. Д. Кускова, говорила отъ имени кооперации, а другая, Л. Б. Аксельродъ-Ортодоксъ, отъ имени группы „Единство“. Обѣ рѣчи произвели то впечатлѣніе, которое всегда производитъ правдивое и смѣлое слово въ средѣ, привыкшей къ условному лицемѣрію. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что это былъ первый дебютъ женщины въ русскомъ представительномъ учрежденіи. Конечно, обѣ делегатки говорили не какъ спеціалистки въ военныхъ вопросахъ. Но обѣ говорили о тѣхъ элементарныхъ предпосылкахъ, безъ которыхъ не можетъ быть никакого порядка и никакой обороны. Кускова требовала отъ правительства не словъ, а дѣйствій: „тѣхъ, кого не научило все то, что мы пережили, не научать никакія убѣжденія словами“. У предпарламента она „не просила, а молила“ — „оставить деклараціи, принять въ расчетъ „несознательность и неорганизованность массъ“, которыя „безумно устали отъ того, что дѣлаемъ мы, ихъ интеллигентные вожди“, спрятать „ученическія тетради общественной дѣятельности“ и „намѣтить тѣ точки единенія, которыя дѣйствительно обезпечивали бы оборону страны и вверженное сейчасъ въ разруху государство“. Она кончила призывомъ: изъ предпарламента „сдѣлать исключительно оборонческій союзъ для обороны родины“.

Это была совершенно правильная постановка основной задачи, и правиленъ былъ призывъ, „если у насъ эти точки единенія есть, выявить ихъ въ ближайшіе дни и часы“. Самое меньшее, что для этого было нужно, это — объединить, если не весь предпарламентъ, что было очевидно невозможно, то, по крайней мѣрѣ, большинство въ немъ, на общей формулѣ перехода. Починъ для этого сдѣлала фракція народной свободы, составивъ свой проектъ формулы и передавъ его кооператорамъ. Такъ какъ кооператоры

въ этомъ собраніи являлись болѣе естественнымъ центромъ, то фракція народной свободы и уступила инициативу внесенія общей формулы имъ. Для кооператоровъ формула оказалась пріемлемой. Но когда они отъ себя вошли въ переговоры съ болѣе лѣвыми группами, то оказалось, что необходимо сдѣлать измѣненія и дополненія, одно затушевать, другое выдвинуть впередъ. Переговоры затянулись. Общаго проекта формулы не было, а въ ожиданіи пока группы сговорятся, нельзя было остановить преній. Такимъ образомъ, еще одно засѣданіе, 13-го октября, было посвящено рѣчамъ и обсужденію вопроса объ эвакуаціи Петрограда. По поводу вопроса объ эвакуаціи Керенскій протестовалъ противъ обвиненій, которыми усердно пользовалась въ эти дни большевистская демагогія, — будто правительство хочетъ сдать Петроградъ нѣмцамъ, а само собирается „бѣжать въ Москву“. Керенскій просто снялъ вопросъ съ очереди, заявивъ, что „съ того времени, когда правительство впервые его обсуждало въ своей средѣ, обстановка значительно измѣнилась къ лучшему, и въ настоящее время оно не считаетъ нужнымъ настаивать на обсужденіи вопроса объ эвакуаціи Петрограда въ порядкѣ неотложной срочности“.

Въ промежуткѣ между засѣданіями Совѣта республики состоялся, 14-го и 15-го октября, въ Москвѣ, 10-ый всероссійскій съѣздъ партіи народной свободы. Развернувшіяся на немъ пренія имѣли ближайшее отношеніе къ вопросу о политической роли предпарламента. Какъ было уже указано, мнѣнія во фракціи разошлись. В. Д. Набоковъ, М. С. Аджемовъ и М. М. Винаверъ считали необходимымъ дальнѣйшее развитіе той же тактики соглашенія, которая привела къ созданію, при дѣятельномъ участіи двухъ первыхъ, третьей коалиціи и Совѣта республики. Путемъ переговоровъ и уступокъ болѣе лѣвымъ группамъ они разсчитывали создать въ Совѣтѣ „здоровое большинство, опирающееся на государственную точку зрѣнія“. Соглашеніе въ предпарламентѣ они разсматривали, какъ преддверіе къ выборамъ въ Учредительное Собраніе. Напротивъ, П. Н. Милюковъ, къ которому присоединился А. И. Шингаревъ, полагали, что здоровыхъ элементовъ для составленія прочнаго большинства въ Совѣтѣ республики не найдется, ибо даже умѣренныя социалистическія партіи не рискнутъ открыто войти въ соглашеніе съ „цензовыми элементами“ и не откажутся отъ идеологіи и фразеологіи, которыя отдають ихъ въ жертву крайнимъ лѣвымъ элементамъ*). Если они и теперь ищутъ

*) Ср. приведенную выше цитату изъ мемуаровъ В. Д. Набокова.

опоры въ „цензовыхъ элементахъ“, то это потому, что они отброшены отъ своего соціального и политическаго базиса на аукціонѣ, гдѣ крайніе лѣвые надбавили цѣну“. При этихъ условіяхъ они — союзники безсильные, а слѣдовательно, и бесполезные, и нѣтъ основанія жертвовать этому сомнительному и непрочному союзу ясностью программы к. д., постепенно принимаемой все болѣе широкими общественными кругами. Предпарламентъ надо разсматривать, не какъ арену для соглашенія, которое, вѣроятно, не состоится, а какъ средство дальнѣйшей агитаціи передъ выборами въ Учредительное Собраніе. На выборахъ нужно не соглашеніе, а борьба. Выборы — нашъ послѣдній шансъ, ибо, „если составъ Учредительнаго Собранія будетъ такой же, какъ и Совѣта, то для Россіи это означало бы гибель. Теперь происходитъ процессъ разочарованія въ лозунгахъ, выдвинутыхъ крайними партіями, и мы должны этотъ процессъ ускорить“. А это можно сдѣлать только исполнѣ опредѣленной постановкой всѣхъ основныхъ государственныхъ вопросовъ.

Центральный комитетъ и фракція были на этотъ разъ, въ большинствѣ на сторонѣ соглашенія. Но съѣздъ въ огромномъ своемъ большинствѣ высказался за тактику П. Н. Милюкова — и готовъ былъ идти еще дальше его. Страстное и рѣзкое нападеніе М. С. Аджемова встрѣтило рѣзкій же отпоръ со стороны П. И. Новгородцева. П. Н. Милюковъ предложилъ съѣзду не обострять разногласій и принять примирительную формулу, въ ожиданіи, пока ближайшіе дни оправдаютъ фактически тотъ или другой изъ борющихся взглядовъ. Въ принятой формулѣ, дѣйствительно, „стремленіе къ образованію въ Совѣтѣ руководящаго центра государственной мысли, объединяющаго здоровые политическіе элементы, дающаго временному правительству возможность опереться на нихъ и направляющаго правительство по пути неуклоннаго осуществленія неотложныхъ государственныхъ задачъ“, было принято, какъ, „ближайшая задача партіи въ Совѣтѣ“. Но, рядомъ съ этимъ, было категорически признано, что этой задачѣ не слѣдуетъ жертвовать другой задачей — сохраненія связи со всей предыдущей дѣятельностью партіи во время революціи, — дѣятельностью, цѣль которой была „закрѣпить въ сознаніи массъ твердый и опредѣленный взглядъ на пути спасенія родины“. Партія уже давно выдвинула для этой цѣли минимальную государственную программу, „не оспариваемую нигдѣ, кромѣ Россіи“, но здѣсь находящую свое признаніе въ цѣломъ рядѣ „разнообразныхъ и все увеличивающихся въ числѣ общественныхъ группъ“.

Ближайшія же засѣданія Совѣта республики оправдали всѣ опасенія П. Н. Милюкова. Два дня передъ засѣданіемъ 16-го октября прошли въ поискахъ общей формулы. Попыткамъ кооператоровъ — составить правое большинство съ к. д. — социаль-демократы противопоставили свою попытку составить новое большинство съ с. р.-ми. Но и эта попытка не привела ни къ чему. Пришлось это засѣданіе тоже посвятить продолженію преній. Послѣ чрезчуръ затянувшагося перерыва рѣшено было, въ ожиданіи результатовъ дальнѣйшихъ переговоровъ о формулѣ, выслушать рѣчь М. И. Терещенко о внѣйшей политикѣ. Наступило, наконецъ, слѣдующее засѣданіе 18-го октября, а общей формулы все еще не было. Пришлось предоставить рѣшеніе случайнымъ шансамъ голосованія. Передъ голосованіемъ, отъ имени объединившихся группъ кооператоровъ, народно-соціалистической, „Единства“, крестьянскаго союза, партіи народной свободы, радикально-демократической, казачьей, торгово-промышленной и нѣкоторыхъ національныхъ группъ, Н. В. Чайковскій огласилъ проектъ общей формулы. Изъ этой формулы было исключено все, сколько-нибудь спорное и конкретное. Отношеніе Совѣта къ программѣ оздоровленія арміи, т. е. выборъ между Алексѣевымъ и Верховскимъ, былъ оставленъ открытымъ „до представленія правительствомъ и комиссіями детально разработанныхъ мѣръ“. Формула, однако, признавала, что задачи „широкихъ соціальныхъ реформъ и обезпеченія землей трудового крестьянства „должны быть подчинены первоочередной задачѣ — отраженія врага и защиты цѣлости и независимости родины“. Она утверждала, что „силы страны [нельзя считать истощенными] и что надо лишь „водворить въ странѣ и арміи демократическій порядок“ для устраненія разстройства хозяйственной жизни. Въ области военныхъ распоряжковъ формула лишь требовала опредѣленія закономъ точныхъ правъ и обязанностей комитетовъ и комиссаровъ, — чтобы „этимъ прекратить дальнѣйшее присвоеніе государственной власти не уполномоченными на то лицами и группами“, — энергичной борьбы съ самоуправствомъ и подчиненія интересовъ всѣхъ классовъ общегосударственнымъ задачамъ. Отъ арміи и флота резолюція ожидала, что, „при содѣйствіи государственной власти, они справятся съ разлагающими ихъ силами“. Всѣ вообще граждане призывались къ неустанному труду, самоограниченію и жертвамъ“.

Эта компромиссная формула, уклонившаяся отъ отвѣта на основной вопросъ, подлежащій рѣшенію Совѣта, не удовлетво-

рила ни правыхъ, ни лѣвыхъ. П. Б. Струве сдѣлалъ оговорку объ этомъ отъ имени совѣщанія общественныхъ дѣятелей, казакъ Анисимовъ тоже былъ недоволенъ „общими фразами“. А. Б. Пѣшехоновъ подробно объяснилъ, почему трудовая народно-соціалистическая партія соглашается не вносить въ формулу лѣвыхъ элементовъ. Въ концѣ концовъ, всѣ эти группы соглашались на компромиссъ. И формула при первомъ голосованіи была принята ничтожнымъ большинствомъ 5-ти голосовъ, 141 противъ 136, при 6 воздержавшихся. Но при провѣркѣ голосованія путемъ выхода въ двери это большинство растаяло. Формула была отвергнута 139 голосами противъ 139, при одномъ воздержавшемся. Всѣ другія формулы не собрали даже и этого меньшинства. Формула-с. р. получила только 95 голосовъ противъ 127, при 50 воздержавшихся (крайнихъ лѣвыхъ). Формула меньшевиковъ получила только 39, лѣвыхъ с. р. только 38, меньшевиковъ-интернаціоналистовъ и лѣвыхъ с. р. только 42 голоса. Такъ, по первому, важнѣйшему вопросу, поставленному на рѣшеніе Совѣта, Совѣтъ оказался безъ формулы и безъ общаго мнѣнія.

„Въ залѣ общее движеніе и смущеніе“, отмѣчаетъ хроникеръ „Р. Вѣдомостей“.

VI. „Національная политика“ или „похаб- ный мирь“.

„Политика парадоксовъ“ во всѣхъ отношеніяхъ или „національная политика“. Вмѣшательство Совѣта въ дипломатію. „Наказъ“ Скобелеву и манифестъ стокгольмскаго комитета. Выступленіе М. И. Терещенко. П. Н. Милюковъ критикуетъ не Терещенко, а сдціалистовъ. Передѣлка „Наказа“ крестьянскими депутатами Конфликтъ Терещенко съ „демократіей“ и съ Верховскимъ. Верховскій ставитъ кабинетный вопросъ. Конецъ преній по внѣшней политикѣ.

Затѣмъ Совѣтъ республики долженъ былъ перейти ко второму капитальнѣйшему вопросу государственной политики, тѣсно связанному съ первымъ: къ вопросу объ основахъ нашихъ международныхъ отношеній. Въ этой области, какъ и въ области военныхъ вопросовъ, правительство безнадежно запуталось въ противорѣчіяхъ между признанной имъ идеологіей „революціонной демократіи“ и реальными интересами Россіи, безъ обезпеченія которыхъ невозможно было даже осуществленіе и этой „демократической“ идеологіи. Разница тутъ была лишь въ томъ, что тогда какъ ошибки въ военной программѣ тотчасъ же отзывались пониженіемъ нашей боеспособности и тяжелыми уроками пораженій, заставлявшихъ, хотя бы частично, хотя бы въ видѣ отдѣльныхъ попытокъ, подумать о немедленномъ возвращеніи на старую дорогу, здѣсь — въ области дипломатіи, потеря нашего международного вѣса не сознавалась такъ быстро и непосредственно, отчасти благодаря традиціонной условности дипломатическаго языка, отчасти въ виду необходимости считаться хотя бы и съ слабѣющимъ союзникомъ. О Россіи продолжали говорить, какъ о „великой державѣ“. Но ненормальность создавагося положенія прекрасно понималась, какъ и ея истинныя причины, официальнымъ руководителемъ иностраннаго вѣдомства. Мы уже отмѣтили возраставшее раздраженіе М. И. Терещенко противъ

органовъ „революціонной демократіи“, когда ему не удалось поладить съ ними одной видимостью сдѣланныхъ уступокъ. Въ послѣднюю коалицію онъ вступалъ съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ покончить съ этой политикой уступчивости. Онъ не выступилъ передъ демократическимъ совѣщаніемъ, но въ самый день его открытія, 14 сентября въ газетахъ появилась его бесѣда, свидѣтельствовавшая о сознательномъ отношеніи министра къ тому внутреннему противорѣчію, которое мы отмѣтили и жертвой котораго онъ сдѣлался. „Говоря о будущемъ“, онъ „выразилъ надежду, что впредь общая русская политика не будетъ больше политикой парадоксовъ, которая намъ такъ дорого стоила втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ“. „Въ самомъ дѣлѣ“, пояснялъ министръ иностранныхъ дѣлъ, „мы выступили во имя мира, но на дѣлѣ создали условія, вслѣдствіе которыхъ затянулась война. Мы стремились къ сокращенію жертвъ, но въ результатѣ только увеличили кровопролитіе. Мы работали въ пользу демократическаго мира, но вмѣсто него приблизили торжество германскаго имперіализма. Такія недоразумѣнія недопустимы. Для завершенія войны, согласно принципамъ, заявленнымъ временнымъ правительствомъ, необходимо, чтобы внутри страны всѣ живыя силы объединились и дали возможность правительству вести настоящую національную политику“. Бывшій товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, Б. Э. Нольде, былъ правъ, когда указалъ въ газетѣ „Рѣчь“ (16 сентября), что эта жестокая критика „политики парадоксовъ“ есть критика политики самого М. И. Терещенко. Онъ указалъ и на то, что не слѣдовало бы легкомысленно относиться къ германскимъ предложеніямъ мира (бесѣда была по поводу германскаго отвѣта на мирное предложеніе папы Бенедикта XV), ибо при ослабленіи Россіи и при физическомъ отказѣ ея отъ продолженія войны, эти предложенія могутъ быть сдѣланы и сепаратно, за счетъ Россіи, ея союзникамъ. На самомъ дѣлѣ Терещенко имѣлъ основаніе сказать, что новый отвѣтъ Германіи такъ же лицемѣренъ и такъ же мало даетъ, какъ и прежніе. Но онъ могъ прибавить, что когда Германіей велись предварительные переговоры съ папскимъ престоломъ объ опубликованіи папской ноты, то Германія имѣла въ виду дать на нее болѣе опредѣленный и готовый къ уступкамъ отвѣтъ. Если же эти намѣренія были взяты потомъ назадъ и отвѣтъ получился по-прежнему неопредѣленный, то не надо забывать, что въ промежуткѣ произошло занятіе Риги, которое очень повысило на-

строение германскихъ патріотовъ, и открыло передъ ними новыя перспективы.

Въ числѣ уступокъ „революціонной демократіи“, грозившей и въ будущемъ держать нашу внѣшнюю политику въ области „недопустимыхъ недоразумѣній“ и „дорого стоящихъ парадоксовъ“, не дающихъ правительству „возможности вести настоящую національную политику“, имѣлась одна, особенно чреватая дурными послѣдствіями. Еще въ деклараціи 8-го іюля, опубликованной въ промежутокъ между уходомъ министровъ к. д. и созданіемъ второй коалиціи съ ихъ участіемъ, „революціонной демократіи“ было обѣщано своеобразное право непосредственнаго веденія международныхъ переговоровъ, параллельно съ официальными дипломатами. Къ этому сводилось обязательство, что на предстоящей союзнической конференціи, — которая предполагалась въ августѣ, но именно въ виду этой трудности была отсрочена, — представители „демократіи“ примутъ непосредственное участіе въ пересмотрѣ переговоровъ, наряду съ специалистами вѣдомства иностранныхъ дѣлъ. При переговорахъ объ образованіи третьей коалиціи „демократія“ вспомнила объ этомъ обязательствѣ и потребовала его выполнения. Мы видѣли, что именно въ это время на Совѣтъ было произведено особенно сильное давленіе слѣва въ смыслѣ требованія немедленныхъ переговоровъ съ союзниками о заключеніи „демократическаго мира“ и одновременнаго перемирія на всѣхъ фронтахъ. Представители партіи народной свободы, конечно, не могли подписаться подъ политически безграмотнымъ обѣщаніемъ деклараціи 8 іюля. Но, ведя переговоры въ духѣ соглашенія, они не могли и отказаться вовсе отъ сдѣланной разъ уступки. Они выбрали среднюю линію: они согласились, чтобы „лицо, облеченное особымъ довѣріемъ демократическихъ организацій“ вошло въ составъ официальной русской делегаціи. Но они поставили условіемъ, что въ делегацію это лицо будетъ назначено правительствомъ, будетъ считаться его представителемъ и будетъ выступать совместно и солидарно съ другими представителями дипломатическаго вѣдомства. Это было написано чернымъ по бѣлому въ правительственной деклараціи 27 сентября. Это же повторилъ и А. Ф. Керенскій въ своей рѣчи при открытіи Совѣта республики.

Однако же, „революціонная демократія“ вовсе не желала признавать такого ограниченія, ибо такъ поставленное представительство теряло для „демократіи“ всякую цѣну. И въ то время, когда М. И. Терещенко совѣщался въ ставкѣ и въ Петроградѣ съ ген.

Алексѣевымъ и съ вновь назначеннымъ посломъ въ Парижъ, В. А. Маклаковымъ, съ которымъ собирався ѣхать и самъ на Парижскую конференцію, окончательно назначенную на вторую половину октября, — центральный исполнительный комитетъ совѣта р. и с. д. поручилъ своему бюро выработать особый „наказъ“, которымъ долженъ былъ руководствоваться на конференціи специальный делегатъ „революціонной демократіи“ М. И. Скобелевъ. „Наказъ“ этотъ былъ опубликованъ 7-го октября. Содержаніе его оказалось таково, что о посылкѣ представителя „демократіи“ наряду съ представителями правительства на союзническую конференцію не могло быть и рѣчи.

Какъ нарочно, для иллюстраціи особенностей этого „Наказа“, за два дня раньше былъ опубликованъ манифестъ организаціоннаго комитета стокгольмской конференціи. Делегация социалистовъ нейтральныхъ странъ обращалась съ этимъ манифестомъ къ партіямъ, примыкающимъ къ интернаціоналу во всѣхъ странахъ. Матеріалъ для манифеста былъ заимствованъ изъ подробныхъ опросовъ социалистическихъ делегацій разныхъ національностей, посѣтившихъ Стокгольмъ еще въ маѣ и въ іюнѣ.

Созывъ стокгольмской конференціи, какъ извѣстно, неоднократно откладывался, вслѣдствіе внутреннихъ разногласій между социалистическими теченіями, — разногласій, усилившихся послѣ того, какъ обнаружилась слабость русской революціи. *)

Наконецъ, организаціонный комитетъ рѣшилъ использовать собранный матеріалъ, чтобы формулировать вполнѣ конкретныя условія того, что въ Германіи получило названіе „согласительнаго мира“.

Согласно общей тенденціи Стокгольмскаго комитета, его условія мира, разумѣется, были формулированы такъ, чтобы, безъ проявленія очевидной пристрастности, все-таки быть пріемлемыми для Германіи. Конечно, всѣ основные тезисы интернаціональнаго движенія въ пользу мира были здѣсь включены полностью: обязательный арбитражъ, всеобщее разоруженіе, миръ „безъ принужденія побѣдителемъ побѣжденнаго“, „безъ аннексій и контрибуцій“, съ „свободой національнаго самоопредѣленія“. Но центр тяжести манифеста лежалъ не въ этихъ пацифистскихъ, а въ специальныхъ условіяхъ. Эти послѣднія условія отражали очень прозрачно мнѣнія социалистическихъ делегацій враждебныхъ намъ

*) См. объ этомъ подробнѣе — четвертый выпускъ „Исторіи“.

странъ. Бельгія должна была быть возстановлена „экономически“, (о политической и военной независимости не говорилось) и раздѣлена, согласно только что опубликованному требованію Германіи, въ ея дополнительномъ отвѣтѣ намъ, на Фландрію и Валлонію, которыя получали „культурную автономію“. Русская Польша получала независимость, но польскія области Австріи и Германіи получали лишь „наибольшую возможную автономію“, въ полномъ противорѣчій съ началомъ „самоопредѣленія народностей“. Такъ же бережно обращался манифестъ и съ итальянскими областями Австріи, которыя не будутъ уступлены Италіи. Имъ „предоставлялась культурная автономія“, а чешскій народъ только „объединялся“, безъ упоминаній не только о независимости, но и объ автономіи. За то щедрой рукой манифестъ создавалъ „независимость Финляндіи и Ирландіи“ и давалъ „территориальную автономію національностямъ Россіи въ рамкахъ федеративной республики“, подчеркивая этимъ связь русскихъ національных организацій и „сѣзда народностей“ въ Кіевѣ съ международными связями и вліяніями, скрещивавшимися въ Стокгольмѣ. Балканскіе вопросы трактовались въ смыслѣ внѣшней справедливости. „Независимая Сербія, объединенная съ Черногоріей“ возстановливалась „политически и экономически“, и получала отъ Болгаріи и Греціи Македонію на западъ отъ Вардара, „который останется коммуникаціонной линіей Сербіи — а черезъ нее и австрійской торговли — „съ моремъ“, съ правомъ пользоваться свободнымъ доступомъ къ Салоникскому округу и порту“. Безусловно справедливо и безпристрастно было требованіе „независимости и территориальнаго возстановленія турецкой Арменіи“. Наконецъ, еврейскій вопросъ признавался международнымъ и разрѣшался въ смыслѣ „личной автономіи“ евреевъ (въ Россіи, Австріи, Румыніи и Польшѣ (подразумѣвается, очевидно, внѣтерриториальная національная автономія) и „содѣйствія колонизаціи евреями Палестины“.

„Наказъ“ М. И. Скобелеву далеко выходилъ за предѣлы этихъ, болѣе или менѣе ставшихъ ходячими, тезисовъ международного социалистическаго пацифизма. Перечитывая его текстъ параллельно съ Стокгольмскимъ манифестомъ, невозможно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что тутъ работали двѣ руки: рука неопытнаго пацифиста-утописта, внесшаго въ текстъ специфически-русскія пацифистскія иллюзіи, и другая, очень опытная рука, знакомая съ такими деталями спорныхъ вопросовъ, которыя вообще

были неизвѣстны непосвященнымъ. Эта рука наклоняла рѣшенія въ пользу Германіи гораздо полнѣе и откровеннѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ документѣ старавшагося держаться нейтрально голландско-скандинавскаго комитета.

Къ первой категоріи пацифистскихъ требованій слѣдуетъ отнести требованія объ отмѣнѣ тайныхъ договоровъ, объ утвержденіи условій мира парламентами, о заключеніи мира на конференціи „черезъ уполномоченныхъ, выбранныхъ органами народнаго представительства“, объ участіи въ „лигѣ мира“ „всѣхъ государствъ съ равными правами, при демократизаціи внѣшней политики“. Всѣ эти положенія естественно вытекаютъ изъ скрытой здѣсь предпосылки, что миръ и будущія международныя отношенія будутъ устанавливаться не „грабительскими имперіалистскими правительствами“, а „революціонной демократіей“ всѣхъ странъ, свергнувшей эти правительства по примѣру Россіи. Во всякомъ случаѣ, эта большевистско-циммервальдская идея, не умѣстившаяся въ рамкахъ стокгольмскаго манифеста, прекрасно укладывается въ рамкахъ „Наказа“ Скобелеву.

Другая категорія измѣненій, внесенныхъ въ „Наказъ“, — продуктъ ревизіи свѣдущаго германофила, — проходитъ красной нитью черезъ всѣ конкретныя условія мира. Нѣмецкія войска, конечно, „выводятся изъ занятыхъ областей Россіи“. Но... „Россія предоставляетъ полное самоопредѣленіе Польшѣ, Литвѣ, и Латвіи“: другими словами, на мѣстѣ оккупированныхъ провинцій создаются „государства буфера“, согласно давней мечтѣ германскихъ націоналистовъ*). При этомъ о германской и австрійской частяхъ Польши „Наказъ“ просто молчитъ. Эльзась-Лотарингскій вопросъ разрѣшается, какъ и въ стокгольмскомъ манифестѣ, — но не „въ опредѣленный послѣ заключенія мира срокъ“, какъ принялъ этотъ манифестъ, согласно желанію французскихъ социалистовъ, а „послѣ вывода войскъ обѣихъ коалицій, причемъ „мѣстное самоуправленіе организуетъ опросъ населенія при условіи полной свободы голосованія“: т. е. администрація, созданная при господствѣ Германіи привлекаетъ съ участіемъ въ голосованіи пришлый германскій элементъ, тогда какъ не успѣвшіе вернуться на родину французскіе изгнан-

---

*) Какъ извѣстно, недѣлю спустя послѣ побѣды большевиковъ Ленинъ опубликовалъ декретъ 15 ноября о правѣ самоопредѣленія народностей „вплоть до отдѣленія“, а 29 ноября германскій канцлеръ Гертлингъ заявилъ въ Рейхстагѣ, что онъ „уважаетъ право Польши, Курляндіи и Литвы на самостоятельное рѣшеніе своей судьбы“.

ники уstraняются отъ рѣшенія ея судьбы. Бельгіи только возвращаются прежнія границы, и о независимости (даже „экономической“) ничего не упоминается. Ея убытки покрываются „изъ международнаго фонда“, тогда какъ даже само германское правительство соглашалось вернуть Бельгіи часть взятыхъ съ нея „контрибуцій“. Союзникамъ Германіи „Наказъ“ тоже даетъ преимущества, Сербія получаетъ лишь „доступъ къ Адріатическому морю“, на что австрійцы соглашались даже въ 1909 году; но Боснія и Герцеговина получаютъ только „автономію“. Этимъ же, но съ „послѣдующимъ плебисцитомъ“, ограничивается дѣло въ „итальянскихъ областяхъ Австріи“. „Уступка Италіи хотя бы части ихъ, предусмотрѣнная стокгольмскимъ манифестомъ, вовсе не предполагается. Румынія даетъ Добруджѣ, какъ Россія Польшѣ, Литвѣ и Латвіи „полное самоопредѣленіе“: это значить, что Добруджа переходитъ къ Болгаріи, которая получаетъ и всю Македонію — не только восточную по р. Вардаръ, какъ предполагалъ стокгольмскій манифестъ, вовсе не упоминавшій о Добруджѣ. Особо упоминалось въ „Наказѣ“ о возвращеніи Германскихъ колоній, поставленномъ въ манифестѣ въ зависимость отъ возвращенія всѣхъ оккупированныхъ территорій вообще. Далѣе говорилось о „возстановленіи“ Греціи и Персіи, понятномъ только въ смыслѣ „возстановленія германскаго вліянія въ первой и утратѣ русскаго и англійскаго вліянія во второй. Вѣроятно, въ этомъ же смыслѣ, т. е. въ смыслѣ установленія какихъ-нибудь спеціальныхъ германскихъ правъ и устраненія англійскихъ и американскихъ, говорилось о „нейтрализаціи“ Суэзскаго и Панамскаго каналовъ давнѣе нейтрализованныхъ. Далѣе развиваются обычные германскія требованія, „свободы морей“, отказа отъ экономической блокады послѣ войны и свободы торговой политики. Въ послѣднемъ отношеніи каждая получаетъ „автономность“, но безъ права „заключать сепаратные таможенные союзы“ (очевидно, новые) и безъ права „наиболѣе благопріятствуемой націи“, которое должно быть распространено на „всѣ государства безъ различія“.

Опубликованіе „Наказа“ произвело впечатлѣніе скандала даже въ „демократическихъ“ кругахъ. Разобравшись нѣсколько въ томъ, что они приняли, органы „демократіи“ стали утверждать, что не все въ этомъ „Наказѣ“ нужно считать одинаково обязательнымъ, и что вообще „Наказъ“ можно пересмотрѣть. Но недостатки „Наказа“ были, какъ мы видѣли, не наносными, случайными чертами въ немъ, а такъ сказать, самымъ его существомъ. И сговориться правительству съ „революціонной демократіей“ на почвѣ этого „На-

каза", такъ ясно покровительствовавшего врагамъ и предававшего друзей и союзниковъ, было, очевидно, невозможно. М. И. Терещенко далъ понять "демократіи", что связать себя „Наказомъ“ онъ не можетъ и на конференцію вмѣстѣ съ М.И. Скобелевымъ не поѣдетъ.

Таково было положеніе, когда въ Совѣтѣ республики очередь дошла до обсужденія внѣшней политики. Копромиссная позиція по вопросу о мирѣ была для правительства возможна. Оно уже на нее стало и принципиально; оно готово было лишь искать какого-нибудь минимума, при которомъ „демократическая“ формула мира могла бы быть примирена съ національнымъ интересомъ Россіи. Но такого минимума, какой придумалъ Верховскій въ военномъ вопросѣ, тутъ не было на лицо, да его бы и не приняла „демократія“. А становится на точку зрѣнія „Наказа“ было совершенно невозможно для сколько-нибудь уважающаго себя правительства. Такимъ образомъ, въ области внѣшней политики правительство осталось безъ компромисса и безъ возможности предложить его съ какимъ-нибудь расчетомъ на успѣхъ. М. И. Терещенко не имѣлъ и такой точки опоры для своего выступленія, какую имѣлъ Керенскій, Верховскій и Вердеревскій въ преніяхъ о боеспособности арміи.

Можетъ быть при такомъ положеніи слѣдовало бы заговорить открыто о „настоящей національной политикѣ?“ М. И. Терещенко не былъ лишенъ пониманія, въ чемъ она заключалась. Но, боясь рассориться съ „демократіей“, онъ могъ говорить только вполголоса. И такой половинчатой, хромающей на обѣ ноги и никого не способной удовлетворить, явно-неискренней и не отвѣчающей достоинству руководителя русской внѣшней политики, оказалась его рѣчь передъ Совѣтомъ республики.

Связь внѣшней политики съ обороной давала министру первую тему, развивая которую онъ могъ бы вернуться къ своей мысли о „парадоксахъ“, такъ „дорого стоившихъ“ Россіи и отнынѣ „недопустимыхъ“. Развивала же даже лѣвая печать ту мысль, что шансы „демократическаго мира“ быстро падаютъ по мѣрѣ успѣха демократическихъ утопій. Но такое развитіе темы передъ аудиторіей Совѣта республики было бы небезопасно... И министръ ограничился двумя чертами сравненія. Во-первыхъ, и обѣ оборонѣ, и о внѣшней политикѣ... нельзя всего говорить открыто. Во-вторыхъ, и оборона, и внѣшняя политика должны основываться на „одномъ и томъ же чувствѣ любви къ родинѣ и желаніи сохра-

нить ея интересы“. Однако, Терещенко тотчасъ же испугался этого второго сравненія. Развѣ можно было здѣсь говорить о любви къ родинѣ, о ея интересахъ, какъ о чемъ-то объективно-обязательномъ и общепринятомъ? И поймавъ себя на этой неосторожности, М. И. Терещенко тотчасъ же оговорился: онъ „хотѣлъ бы говорить здѣсь совершенно сухо и конкретно, не вводя вопросовъ государственной чести и достоинства, а только государственной цѣлесообразности“. И исключительно изъ соображеній „цѣлесообразности“ онъ вывелъ, „что нельзя Россіи оставаться одинокой и что та группировка силъ, которая въ настоящее время создалась, оставляя въ сторонѣ вопросы обязательства и чести, для нея цѣлесообразна“.

Вѣроятно это былъ единственный министръ иностранныхъ дѣлъ и единственная въ мірѣ аудиторія, передъ которой въ такую минуту нельзя было говорить объ „обязательствахъ чести и достоинства“ родины, не извиняясь за эти слова, и не устраняя ихъ изъ доказательства, какъ спорныя! Какая разница, какая пропасть отдѣляетъ этотъ моментъ отъ того, когда въ палатѣ общинъ, передъ рѣшеніемъ Англіи оказать поддержку Франціи и Россіи, сэръ Эдвардъ Грей говорилъ: вы свободны отъ обязательствъ, никакіе союзы васъ не связываютъ, но помните о чести и достоинствѣ Англіи! Даже эта аудиторія почувствовала неловкость и выдѣлила шумными аплодисментами выраженіе въ запретной области „достоинства и чести“, которое проскользнуло у министра, когда онъ хотѣлъ провести подъ флагомъ „цѣлесообразности“ и другую контрабандную въ этой аудиторіи идею: „въ Россіи никто не допуститъ мира, который былъ бы унизителенъ для Россіи и нарушалъ бы ея государственные интересы“. Интернаціонализмъ лѣвой части аудиторіи позволилъ кончить эту мысль аргументомъ, болѣе употребительнымъ въ союзныхъ парламентахъ — и одинаково пріемлемымъ для Мартова и Милюкова: такой миръ на долгіе годы, „десятилѣтія, если не столѣтія“, отложилъ бы торжество во всемъ мірѣ „демократическаго начала“.

Во всякомъ случаѣ проведя еретическія мысли о пользѣ единенія съ союзниками и о вредѣ для Россіи мира во что бы то ни стало, нужно было разорвать традиціонную связь этихъ мыслей съ прошлымъ русской политики и прочно привязать ихъ къ новому репертуару идей о „демократической“ внѣшней политикѣ. М. И. Терещенко пошелъ и на это и попытался сдѣлать это путемъ рискованной исторической справки. Впрочемъ, онъ бросилъ ее на

полдорогѣ, дойдя до самага труднаго момента. Оказывалось, чот „унизительный“ миръ грозилъ Россіи, не какъ послѣдствіе „демократической“ политики „парадоксовъ“, а именно раньше, чѣмъ эта политика была усвоена и именно потому, что ее не хотѣли усвоить предшественники Терещенки и его бывшіе товарищи въ первомъ коалиціонномъ кабинетѣ. Мы знаемъ, впрочемъ, что именно такъ и было понято дѣло нѣкоторыми французскими и англійскими соціалистами. „Будущіе историки“, говорилъ Терещенко, переворачивая вверхъ дномъ всю исторію революціи, „съ изумленіемъ увидятъ“, что „Россія ближе всего стояла къ позорному сепаратному миру“ именно въ первые мѣсяцы революціи, когда патріотъ Гучковъ началъ портить русскую армію; а „великодержавный политикъ“ Милюковъ велъ русскую внѣшнюю политику. Къ тому времени М. И. Терещенко отнесъ „то стихійное движеніе стихійную волну, которая, вразрѣзъ съ истинными интересами и задачами родины, влекла ее совершенно въ непредвидѣнныя дали“. Тогда именно „установившееся на нашемъ фронтѣ перемиріе грозило кончить войну подъ вліяніемъ стихійной силы, простымъ угасаніемъ военныхъ дѣйствій на фронтѣ“. Спасли Россію отъ этой опасности „непредвидѣнныхъ далей“ Терещенко и Керенскій, усвоивъ начала демократической политики. Той самой, которая открывала „непредвидѣнныя дали“ Циммервальдизма и санкціонировала подписью Керенскаго тотъ „вредъ“, который принесли арміи „документы, подписанные Гучковымъ!“ Мимо этого подводнаго камня Терещенко удалось перескочить глухой и общей ссылкой на „тѣ задачи“, которыя правительство „твердо поставило себѣ“ въ началѣ мая и которыхъ оно съ тѣхъ поръ „держалось и держится“. Но тотчасъ же онъ наткнулся на другое, гораздо болѣе серьезное препятствіе. Вѣдь энтузіазмъ, который временное правительство пыталось путемъ чрезвычайныхъ „усилій и трудовъ“ вдохнуть въ русскую армію, при помощи идей демократической внѣшней политики и „революціонной дисциплины“, оказался непрочнымъ? Вѣдь тѣ признаки „страха передъ русской революціей“, которые министръ отмѣтилъ въ Австріи и Германіи послѣ „успѣха, окрылившаго нашу армію“ въ концѣ іюня и началѣ іюля, также быстро уступили мѣсто впечатлѣнію, которое констатировали въ Европѣ члены делегаціи совѣта р. и с. д. — и которое съ ихъ словъ привелъ самъ Терещенко: впечатлѣнію „смущенія и разочарованія“. Значить, „русская революція, которая такъ громко, въ мартѣ еще, призывала всѣ народы къ братскому

миру (въ „непредвидѣнные дали“), своему народу дала не силу, а ослабила его?“

Этого подводного камня министр обойти не могъ — и, пожалуй, не хотѣлъ, ибо его историческая справка составлена была вовсе не для „будущаго историка“, а для спеціальной психологіи той аудиторіи, которую онъ пытался усовѣстить и убѣдить ея собственными аргументами. Вѣдь говорятъ же вамъ ваши собственные товарищи, посланные совѣтомъ за границу и вернушіеся оттуда: „Необходимо, чтобы Россія хоть гдѣ-нибудь да побѣдила.“ Если вы хотите доказать, что ваши „заявленія отказа отъ завоевательныхъ стремленій исходятъ не отъ слабости и не отъ невозможности занять ту или иную территорію, а отъ того, что такова воля русской демократіи и ея идеалы“, если вы хотите, словомъ, „чтобы голосъ русской демократіи былъ силенъ“, то поднимите же боеспособность арміи! Онъ, министр, конечно, никого не винить“ на этотъ разъ въ крахъ демократической политики; „это не его область“.

Далѣе, М. И. Терещенко попытался осторожно и деликатно проредактировать „идеалы русской демократіи“, принятыя имъ въ маѣ, какъ „опредѣленные задачи нашей иностранной политики“. Отказъ отъ аннексій и контрибуцій: это хорошо; но нужно, чтобы это уже былъ „отказъ и отъ того, чтобы на насъ налагали всѣ эти кары и отъ насъ не отнимались наши земли“. Это означаетъ, слѣдовательно, на языкѣ государственныхъ интересовъ Россіи, „неприкосновенность ея территоріи“. Далѣе, почему же „демократія“ обнаруживаетъ тенденцію забывать о второй половинѣ своего лозунга: самоопредѣленіе народностей, — „особенно въ заявленіяхъ, которыя связаны съ центральными державами?“ „Отъ обѣихъ частей этого лозунга, отрицательной и положительной, правительство считаетъ одинаково невозможнымъ отказаться“. „Право націи на самоопредѣленіе столь же существенно, какъ и отказъ отъ завоевательныхъ мыслей“. А если признать это право, то какъ же одобрить стремленіе Германіи къ сохраненію у себя польскихъ земель и къ захвату Литвы и Курляндіи, планъ заселенія которой германскими переселенцами уже вполне готовъ? Согласитесь съ этимъ, — и М. И. Терещенко изъ „демократическаго лозунга“ выведетъ свое патріотическое заявленіе: „Тутъ Россія должна совершенно твердо сказать: лишиться того, что являлось стремленіемъ всѣхъ русскихъ людей и существеннымъ государственнымъ интересомъ, — выхода къ незамерзающему Сѣверному морю, — этого

Россія не можетъ допустить“. Она должна бороться и съ планомъ созданія буферныхъ государствъ на ея западной границѣ. Эта борьба, прежде всего, не такъ уже безнадежна, ибо Германія тоже истощена и тоже жаждетъ мира. Уже послѣ того, какъ она заявила, что послѣ своего отвѣта на папскую ноту она больше не протянетъ руки, — она все же эту руку протянула. Затѣмъ, борьба противъ „дезаннексіи“ на западной границѣ также важна, — и армія должна понять это: иначе грозитъ экономическое завоеваніе Россіи Германіей, и „будущая судьба русскаго народа будетъ ужасна“. Наконецъ, даже военныя неудачи въ борьбѣ не такъ страшны, пока мы не одиноки, и пока союзники, какъ они это категорически заявляютъ, будутъ разсматривать „всѣ плюсы и минусы“ всей коалиціи, „какъ одно цѣлое“.

На этой почвѣ М. И. Терещенко снова сталкивается съ требованіемъ „демократіи“ — разговаривать съ союзниками только на предметъ заключенія демократическаго мира, — и разговаривать немедленно, какъ только борящіяся стороны изъявляютъ готовность отказаться отъ захватовъ, не дожидаясь опредѣленнаго заявленія ихъ о конкретныхъ цѣляхъ войны (т. е. того заявленія, отъ котораго настойчиво отказывалась Германія). Такъ гласилъ одинъ изъ пунктовъ „Наказа“ Скобелеву, особенно неуклюже изложенный лицомъ, явно мыслившимъ по-нѣмецки. Мы видѣли, что ни для союзниковъ, ни для русскаго министра принять этотъ „Наказъ“ не только къ руководству, но даже и къ обсужденію, представлялось совершенно невозможнымъ. Такъ или иначе, это надо было сказать: этотъ „Наказъ“ пройти молчаніемъ было невозможно. М. И. Терещенко заговорилъ, но сдѣлалъ это такъ осторожно, какъ только могъ.

Цѣль конференціи „опредѣлена Ллойдъ-Джорджемъ“, и русскому министру „мало что остается присоединить къ его заявленію“. На конференціи, какъ и въ преніяхъ Совѣта республики, отъ военно-стратегическихъ вопросовъ перейдутъ къ задачамъ международной политики: одно обусловитъ другое, и вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, будутъ установлены и тѣ точки зрѣнія, которыя, какъ сказалъ Ллойдъ-Джорджъ, опредѣлятъ и конецъ этого ужаснаго кровопролитія“. Это будетъ „въ первый разъ съ самаго начала войны“. Но при этомъ, „чтобы не было недоразумѣній ни съ чьей стороны“, министръ предупреждаетъ, что Россія на конференціи „представляетъ собой одно цѣлое“. „Взгляды, которые будутъ тамъ представлены, должны быть едиными“. И

онъ спѣшитъ смягчить и успокоить: вѣдь это же—простая и ясная коалиція, всегда достижимая, если люди говорятъ правдиво и искренно, если основная база ихъ одна — интересы родины и если они согласны въ опредѣленіи задачъ“.

Да, но согласны ли они и какъ понимать „интересы родины?“ На порогѣ къ этому согласному пониманію стоитъ „Наказъ“ Скобелеву, — и министръ не можетъ, при всей своей мягкости, сказать, что онъ съ нимъ согласенъ. М. И. Терещенко отмѣтилъ, что даже программа скандинавско-голландской группы, „къ которой съ недоувѣріемъ отнеслись представители союзной демократіи, изъ опасенія, что эта группа выдвигаетъ на первый планъ интересы центральныхъ доржавъ“, — даже эта программа все же не идетъ такъ далеко въ направленіи интересовъ Германіи, какъ „Наказъ“ Скобелеву. „Возьмите п. 2-ой, котораго нѣтъ въ скандинавскомъ Наказѣ: полное самоопредѣленіе Польши, Литвы и Латвіи“, — т. е. независимость этихъ областей. Вѣдь „Россія безъ незамерзающей гавани Балтійскаго моря вернется къ временамъ до-петровскимъ... Съ этимъ пунктомъ делегатамъ на конференціи выступить нельзя будетъ: ихъ осудитъ Россія“, заявилъ министръ при бурныхъ аплодисментахъ справа и въ центрѣ. Далѣе, нейтрализація проливовъ, при неосуществленіи полного всеобщаго разоруженія, есть тоже „вопіющее нарушеніе интересовъ Россіи, возвращеніе къ положенію несравненно болѣе худшему, чѣмъ было до войны“ (снова бурные аплодисменты справа и въ центрѣ). Изъ этихъ двухъ примѣровъ М. И. Терещенко сдѣлалъ выводъ, что „опытъ конкретизаціи требуетъ, быть можетъ, еще большаго знакомства съ фактами и еще большей любви къ интересамъ, которые защищаютъ“.

Этотъ выводъ, наконецъ, раскололъ аудиторію. Справа кричали: „вѣрно“, слѣва: „сильно сказано“. А оратору еще оставалось сказать, что нельзя, какъ дѣлаетъ „Наказъ“, совершенно умалчивать объ обязательствахъ, падающихъ на нашихъ противниковъ, и добиваться жертвъ отъ нашихъ союзниковъ, вродѣ уступки Добруджи Румыніей. Благоволеніе — или нейтральность — лѣвой части аудиторіи были уже исчерпаны. И министръ буквально въ двухъ словахъ, какъ-то вскользь, упомянулъ о томъ, что онъ считалъ положительной задачей русскихъ делегатовъ на конференціи: требованіе, чтобы неприкосновенна была территорія Россіи и чтобы условія, которыя, дали бы возможность ея съверу и югу экономически развиваться, были право-

вымъ образомъ обезпечены“. Въ концѣ послѣдней фразы были тщательно упрятаны русскіе интересы на Черномъ морѣ, включая сюда и вопросъ о проливахъ... Министръ уже спѣшилъ въ заключительныхъ словахъ увѣрить „демократію“, что временное правительство „не отказывается отъ тѣхъ лозунговъ, которые на себя приняло — и которые считаетъ реально отвѣчающими интересамъ Россіи“, но не отказывается отъ нихъ „ни въ одной части, ни въ той, ни въ другой“, и будетъ считаться въ проведеніи ихъ „съ нашими военными неудачами и съ тяжелой обстановкой внутри страны“. А „чтобы слово представителей было твердо“, М. И. Терещенко приглашалъ гражданъ помнить, что „каждый изъ нихъ, а не одно правительство отвѣчаетъ за историческія судьбы Россіи“; всѣ должны быть „служителями великаго идеала и достойными дѣтьми великаго государства“.

Министръ кончилъ при рукоплесканіяхъ только справа и изъ центра. Лѣвые были рѣшительно недовольны. Ихъ отзывы въ печати сводились къ тому, что Терещенко отдѣлался общими мѣстами, своего отношенія къ требованіямъ „демократіи“ опредѣленно не высказалъ и не объяснилъ, „почему армія должна переносить нечеловѣческія страданія“ (Данъ, Гоцъ, Скобелевъ). Въ переговорахъ съ Керенскимъ они шли еще дальше и заявили, что Терещенко вообще не можетъ представлять на конференціи взглядовъ „революціонной демократіи“. Это было вѣрно: Терещенко пользовался лозунгами демократіи въ собственномъ толкованіи, переводя ихъ, по возможности, на языкъ государственности, а если это было невозможно, то просто не дѣлая изъ нихъ никакихъ практическихъ выводовъ. Въ свою очередь, и Терещенко заявлялъ, что, въ случаѣ разногласія съ нимъ „демократіи“, онъ предпочтетъ уйти и на конференцію не поѣдетъ. Окончательное рѣшеніе зависѣло теперь отъ того, какъ отнесется большинство Совѣта республики и его комиссіи иностранныхъ дѣлъ къ конфликту „революціонной демократіи“ съ министромъ.

Первымъ ораторомъ въ открывшихся преніяхъ былъ предшественникъ Терещенко въ министерствѣ, П. Н. Милюковъ. Чтобы сохранить благосклонность „демократіи“, министру выгодно было имѣть его своимъ противникомъ, чѣмъ союзникомъ. Но такого метода поддержки министра П. Н. Милюковъ, очевидно, примѣнить не могъ. Онъ, напротивъ, раскрылъ недоговоренное въ рѣчи Тере-

щенко, чтобы показать, что, въ сущности, министр не отказался ни отъ чего существеннаго въ прежнемъ взглядѣ на задачи войны Россіи и ея союзниковъ и сопоставилъ его взгляды съ послѣдними заявленіями Асквита въ Лидсѣ. Онъ только отвелъ личный выпадъ министра, поставивъ ему вопросъ: „когда Россія была ближе къ сепаратному миру; тогда ли, когда депутаціи отъ арміи приходили къ первому временному правительству и предлагали защитить его отъ совѣтовъ и большевиковъ, или теперь, когда тѣ же делегаты направляются въ Петроградскій совѣтъ р. и с. д. и предлагаютъ большевикамъ арестовать правительство и передать всю власть революціонной демократіи для заключенія того, что они сами называютъ „пахабнымъ“ миромъ? Онъ сообщилъ также, къ свѣдѣнію министра, что всегда боролся противъ „великодержавной“ политики, если разумѣть подъ ней „имперіалистическую“. Главнымъ содержаніемъ своей рѣчи П. Н. Милюковъ сдѣлалъ критику того, „своеобразнаго, истинно-русскаго взгляда на задачи внѣшней политики, который выдаетъ себя за интернаціональный“. Правда, „формально этотъ взглядъ привезенъ къ намъ изъ—за границы и претендуетъ на связь съ интернаціоналомъ. Но за—границу онъ привезенъ изъ Россіи и является специфическимъ продуктомъ перепрѣтой атмосферы нашихъ эмигрантскихъ круговъ“. Онъ взрощенъ въ сферѣ отвлеченной мысли, и именно русской, доктринерской интеллигентской мысли. Дворянинъ Ленинъ только повторяетъ дворянина Кирѣевскаго, когда утверждаетъ, что изъ Россіи придетъ новое слово, которое возродитъ обветшавшій западъ и поставитъ на мѣсто стараго знамени „научнаго“ социализма новое знамя прямого, внѣпарламентарнаго дѣйствія голодающихъ массъ, которыя физической силой заставятъ человѣчество взломать двери социалистическаго рая. Только съ точки зрѣнія этой новой всемірно-исторической иллюзіи можно понять смыслъ безсознательнаго предательства, призывающаго солдатъ въ разгаръ войны покинуть окопы и замѣнить внѣшнюю войну однихъ „имперіалистическихъ“ правительствъ съ другими — внутренней, гражданской войной интернаціональнаго пролетаріата противъ капиталистовъ и помѣщиковъ всѣхъ странъ. На вопросъ слѣва: кто говоритъ это, Милюковъ прочелъ съ трибуны основныя положенія Кинтальскаго доклада Мартова — и этимъ вызвалъ заявленіе послѣдняго, что къ уходу изъ окоповъ во время войны онъ не призываетъ. П. Н. Милюковъ указалъ затѣмъ на связь, продолжающую существовать между чистой циммервальдской доктриной крайнихъ и

взглядами умѣренныхъ социалистовъ, между взглядами этихъ послѣднихъ и правительственной программой внѣшней политики, — указавъ при этомъ, что въ своемъ урѣзанномъ видѣ, безъ призывовъ къ силѣ и къ немедленному всемірному социальному перевороту, Циммервальдская доктрина теряетъ и тотъ послѣдній смыслъ, который она еще имѣетъ въ своемъ первоначальномъ, „чистомъ“ видѣ. Смыслъ этотъ въ томъ, чтобы убѣдить аргументами ничтожнаго циммервальдскаго меньшинства европейское большинство социалистовъ-патріотовъ, а черезъ нихъ принудить морально буржуазныя правительства стать на точку зрѣнія интернаціонала. Очевидно, это не есть кратчайшимъ путемъ получить „демократическій“ миръ, требуемый русской „революціонной демократіей“. Делегаты Совѣта должны были а posteriori убѣдиться за-границей, что „реальной обстановки для интернаціональной конференціи, о которой они мечтаютъ, въ Европѣ не существуетъ“. Однако же, они продолжаютъ хранить личину „официальнаго лицемѣрія“, что доказываетъ „Наказъ“ Скобелеву“. Чтобы выяснитъ окончательно, почему опубликованіе „Наказа“ дѣлаетъ посылку лица, призваннаго его защищать, недопустимой въ интересахъ чести и достоинства Россіи“, П. Н. Милуковъ подвергъ этотъ странный документъ внимательному анализу. Онъ раздѣлилъ содержаніе его на три концентрическихъ круга мыслей: 1) мысли обще-пацифистскія (объ арбитражѣ, разоруженіи, парламентскомъ контролѣ надъ внѣшней политикой, самоопредѣленіи народностей въ извѣстномъ смыслѣ): съ ними онъ согласенъ, какъ пацифистъ и противникъ настоящей войны. 2) Мысли специфически-стокгольмскія или голландско-скандинавскія (отвѣтственность за войну всѣхъ правительствъ, миръ въ ничью, самоопредѣленіе народностей въ одностороннемъ германскомъ толкованіи и отказъ отъ экономической борьбы, въ томъ же тенденціозномъ смыслѣ): съ ними онъ не согласенъ, также какъ и союзные социалисты. Наконецъ, 3) мысли специфически-совѣтскія, смѣшныя въ той части, въ которой они составляютъ „карикатуру“ пацифистскихъ идей, но вызывающія „чувство негодованія и жгучаго стыда“ въ той части, которая является воспроизведеніемъ германскихъ стремленій. Тутъ говорится, въ самомъ дѣлѣ, о созданіи, „въ худшемъ случаѣ“, государствъ буферовъ на нашей западной окраинѣ, „а если работа надъ разложеніемъ нашей арміи будетъ продолжаться тѣмъ же темпомъ, какъ до сихъ поръ, то и о „прямомъ отобраніи всей этой полосы, какъ“ компенсаціи за

уступки нашимъ союзникамъ на западѣ Германіи“. П. Н. Милюковъ указалъ далѣе и на всѣ тѣ жертвы, которыя „Наказъ“ Скобелеву возлагалъ на нашихъ союзниковъ въ интересахъ Германіи. Лѣвая часть аудиторіи, которая послѣ первыхъ упоминаній о „германскихъ интересахъ“ въ „Наказѣ“ громко шумѣла, прерывала оратора и требовала призвать его къ порядку, — послѣ приведенія всѣхъ этихъ объективныхъ фактовъ молчала при выводѣ: „къ Наказу, очевидно, твердо прикрѣплена германская марка“. Ораторъ закончилъ призывомъ: не кичиться мнимымъ демократическимъ превосходствомъ передъ союзниками, а преклониться передъ передовыми демократіями міра, „давно прошедшими значительную часть пути, на который мы только что вступаемъ нетвердыми и невѣрными шагами“; преклониться и извлечь урокъ изъ ихъ умѣнья сочетать реальную военную мощь съ преслѣдованіемъ дѣйствительно осуществимыхъ демократическихъ задачъ, а не пролетарскихъ утопій.

Продолженіе преній по вѣтшной политикѣ было отложено до 20 октября. Въ промежуткѣ вожди революціонной демократіи проявили весьма энергическую дѣятельность для того, чтобы выяснитъ предѣлы конфликта, неожиданно открывшагося между министеромъ иностранныхъ дѣлъ и „демократическими органами“, и принять мѣры къ тому или другому его разрѣшенію. Всего неудобнѣе для „демократіи“ было бы, если бы конфликтъ развернулся на „Наказѣ“ Скобелеву, незащитимость котораго послѣ критики его въ Совѣтѣ республики стала совершенно безспорной. Въ этомъ пунктѣ приходилось уступить. Для того, чтобы спасти лицо, на помощь исполнительному комитету совѣта р. и с. д. выступилъ тогда исполнительный комитетъ крестьянскихъ депутатовъ. Ко дню возобновленія преній бюро исп. комитета спѣшно выработало другой „Наказъ“ Скобелеву, въ которомъ устранены были всѣ специфическія особенности „Наказа“ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, дѣлавшія его безусловно неприемлемымъ и бросавшія тѣнь на выпустившій его органъ. Въ крестьянскомъ „Наказѣ“ Скобелеву первый пунктъ восстанавливалъ, какъ того требовалъ Терещенко, обѣ части русской демократической формулы міра („безъ аннексій“ и „самоопредѣленіе“). Второй пунктъ выдѣлялъ тѣ общепацифистскія основы, которыя и П. Н. Милюковъ призналъ вполне приемлемыми, и формулировалъ ихъ съ достаточной осторожностью. Третій пунктъ напоминалъ объ обязательствахъ союзниковъ не вести сепаратныхъ переговоровъ о мирѣ и не заключать сепаратнаго мира. Четвертый сочеталъ отказъ отъ экономической

блокады, желательный для Германіи, съ полной свободой торговой политики для каждой страны. Вторая часть „Наказа“, посвященная конкретнымъ условіямъ мира, также брала назадъ не только тѣ уступки германцамъ, которыя были сдѣланы „Наказомъ“ солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, но и тѣ, которыя дѣлалъ голландско-скандинавскій манифестъ. Первый пунктъ этой части требовалъ очищенія оккупированныхъ территорій, второй подтверждалъ основной принципъ неприкосновенности русской территоріи, причемъ право самоопредѣленія русскихъ народностей опредѣленно ограничивалось „окончательнымъ рѣшеніемъ Учредительнаго Собранія“. Третій пунктъ, подтверждая независимость Польши ссылкой на русскій правительственный актъ отъ 13 марта 1917 года, предоставлялъ Польскимъ областямъ Германіи и Австріи „право на самоопредѣленіе при условіи международной гарантіи“. Четвертый пунктъ обязывалъ Германію возмѣстить, по крайней мѣрѣ ту часть убытковъ Бельгіи, которая нанесена нарушеніями правилъ войны гаагской конвенціи. Пятый пунктъ ставилъ въ такое же положеніе Сербію и Черногорію. Шестой требовалъ „возстановленія“ Румыніи безъ отдѣленія отъ нея Добруджи. Седьмой обставлялъ плебисцитъ Эльзасъ-Лотарингіи условіемъ, что въ немъ не примутъ участія „лица, находящіеся на германской государственной службѣ, и не являющіеся уроженцами Эльзаса, а также ихъ семьи“. Восьмой обезпечивалъ „полную автономію Арменіи“ „международной гарантіей“ и предоставлялъ ея окончательное устройство „армянскому народному собранію при той же гарантіи“. Наконецъ, девятый пунктъ оговаривалъ „реальную гарантію свободнаго голосованія“ при окончательномъ рѣшеніи „всѣхъ національно-территориальныхъ вопросовъ, вызванныхъ настоящей войной или стоящихъ въ связи съ ней, какъ-то, югославянскаго, трансильванскаго, чешскаго и итальянскаго въ Австріи“. Это было полное отступление по всей линіи и прямое признаніе того, что критика перваго „Наказа“ Скобелеву была вполнѣ основательна. Такимъ образомъ, главный поводъ къ конфликту — содержаніе „Наказа“, враждебнаго интересамъ Россіи — былъ устраненъ.

Но это еще не значило, что разрѣшенъ былъ и самый конфликтъ. Напротивъ, онъ былъ перенесенъ на болѣе защитимые пункты: на отношеніе министерства къ демократической делегаціи вообще, на отношеніе его къ стокгольмскому конгрессу, въ особенности же на основной и главный пунктъ разногласія: переговоры съ союзниками о немедленномъ мирѣ. Вопросъ о томъ, воевать

или мириться, готовиться къ продолженію обороны или къ перемирію на всѣхъ фронтахъ, продолжалъ стоять такъ же уродливо и неправильно, какъ раньше, и острота его послѣ открытаго обмѣна мнѣній въ Совѣтѣ республики только усилилась. Сторонники того или другого рѣшенія одинаково признавали, что рѣшеніе вопроса международной политики должно быть связано съ рѣшеніемъ вопроса военнаго. Но по военному вопросу „демократія“ имѣла свое рѣшеніе: это было рѣшеніе Верховскаго, принятое Керенскимъ. По вопросу же внѣшней политики мнѣніе Терещенко не могло быть принято „демократіей“. И самъ собой, конфликтъ между двумя сторонами вопроса превратился въ конфликтъ двухъ лицъ, защищавшихъ несовмѣстимыя рѣшенія: Верховскаго и Терещенко.

Верховскій за эти дни обнаружилъ вполнѣ сознательное отношеніе къ этой своей роли и хотѣлъ воспользоваться положеніемъ, которое для него такъ выгодно складывалось. Въ своихъ сношеніяхъ съ органами демократіи, которыя становились все болѣе частыми и систематическими, онъ опредѣленно проводилъ то мнѣніе, что изъ неразрывной связи войны съ внѣшней политикой надо сдѣлать именно тотъ выводъ, который предлагалъ онъ, а не Терещенко: не усиленіе средствъ борьбы, а немедленный миръ. „Новая Жизнь“ Горькаго рѣшительно взяла Верховскаго въ эти дни подъ свою защиту и указывала, что въ лицѣ Верховскаго и Терещенко „столкнулись два міросозерцанія“: одно — пріемлемое для демократіи, другое — непріемлемое. „Для ген. Верховскаго ясно“, писала газета, стоявшая на границѣ большевизма, „что для успѣшной обороны и для предотвращенія дальнѣйшей разрухи арміи солдатская масса должна опредѣленно знать преслѣдуемыя Россіей цѣли. Всякое затемненіе этихъ цѣлей, всякое оттягиваніе мирныхъ переговоровъ неминуемо учитываются арміей, какъ предательство и обманъ. Разсѣять такія подозрѣнія можетъ только поелѣдовательная и твердая политика мира... Къ такому взгляду военный министръ пришелъ не подъ вліяніемъ теоретическихъ соображеній, а вслѣдствіе горькихъ уроковъ самой дѣйствительности... Какъ военный, онъ не могъ утаить ту правду, о которой единогласно сообщаютъ всѣ пріѣзжающіе съ фронта люди, а именно, что безъ ускоренія мирныхъ переговоровъ немыслимо не только поднять дисциплину въ арміи, но и удержать ее на позиціяхъ“. Выводъ „Новой Жизни“ выражалъ взглядъ лѣваго крыла революціонной демократіи: „несмотря ни на какія запугива-

нія, демократія должна поддержать ген. Верховскаго противъ Терещенко“.

При такомъ настроеніи возобновились 20 октября пренія по иностранной политикѣ въ Совѣтъ республики. М. И. Терещенко выѣхавшій въ ставку передъ рѣчью П. Н. Милюкова, вернулся въ Маріинскій Дворецъ лишь во второй половинѣ засѣданія 20 октября. Слѣдовательно, онъ не могъ участвовать въ переговорахъ этихъ дней. Это и отразилось на характерѣ лѣвыхъ выступленій — меньшевика Гурвича-Дана, интернаціоналиста Лапинскаго, наконецъ, Чернова, говорившихъ въ этомъ засѣданіи. Вялое отношеніе къ преніямъ, выражавшееся въ позднемъ открытіи засѣданій при полупустой залѣ, продолжалось втеченіе всего этого засѣданія и слѣдующаго, 23 октября.

Данъ и Лапинскій развивали приблизительно одни и тѣ же тезисы „революціонной демократіи“, конечно, съ гораздо большей опредѣленностью, чѣмъ это сдѣлалъ бы Церетели, теперь совершенно стушевавшійся. Разложеніе арміи не есть вина „революціонной демократіи“, а продуктъ войны, непонятной народу и даже не „империалистической“. „Наше участіе въ этой войнѣ было преступленіемъ царизма, искавшаго себѣ спасенія отъ надвигавшейся на него революціи“. Это трафаретное представленіе включало, конечно, и отвѣтъ на вопросъ объ отвѣтственности за войну — конечно, отвѣтъ въ германскомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ нашихъ союзниковъ. „Революція для широкихъ массъ и для арміи была революціей противъ войны, революціей скорѣйшаго достиженія мира“. Понимать ее, какъ „революцію за лучшее веденіе войны“ есть „глубокое заблужденіе многихъ въ Россіи и на Западѣ“. Именно это заблужденіе, „въ частности политика Милюкова“, на немъ основаная и продолжавшая внѣшнюю политику царизма, „больше, чѣмъ что-либо способствовало развитію анархіи внутри страны и разложенію арміи“. Если армія еще существуетъ, „если законное стремленіе къ миру не разложило ее окончательно, то заслуга въ этомъ принадлежитъ единственно революціонной демократіи, которая только одна работала надъ организаціей нашей арміи“. Коалиціонное правительство, при Терещенко, въ маѣ обѣщало ей помочь, „направивъ свою активную внѣшнюю политику на скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира“ на основѣ демократической формулы. Но оно „приложило слишкомъ мало усилій для проведенія этой политики въ жизнь“. Въ рѣчи Терещенко нѣтъ „ни демократическихъ, ни революціонныхъ эле-

ментовъ, которые одни только могли бы дать опору сильной и твердой внѣшней политикѣ“. Россія при немъ ведетъ себя какой-то „бѣдной родственницей“ своихъ союзниковъ и рассчитываетъ на ихъ „плюсы“ для покрытія своихъ „минусовъ“, тогда какъ революція сама по себѣ есть „колоссальный плюсъ“. „Достоинство Россіи не было достаточно ограждено въ происходившихъ здѣсь преніяхъ“ : у насъ есть силы двинуть впередъ дѣло демократическаго мира, и всѣ и каждый должны считаться съ этимъ основнымъ требованіемъ русской демократіи — приступить немедленно къ мирнымъ переговорамъ“. Лапинскій также находилъ, что правительство коалиціи не умѣетъ говорить съ союзниками рѣшительнымъ языкомъ и не руководится демократическими лозунгами. „Насталъ моментъ, когда революціонная Россія должна открыто сказать союзникамъ, что дальше воевать она не можетъ и что затягивать войну безъ опредѣленной цѣли — бессмысленно. Надо потребовать отъ союзниковъ немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ на основаніяхъ, провозглашенныхъ русской революціей“. Данъ выражался осторожнѣе: „нашъ делегатъ и вся делегація должны поставить на очередь вопросъ о декларированіи всѣми союзными державами готовности немедленно приступить къ перемирію, какъ только всѣ страны согласятся отказаться отъ насильственныхъ захватовъ“ : это есть самое главное требованіе „Наказа“, о которомъ министръ умолчалъ. Еще сдержаннѣе высказывался Черновъ, понимавшій, повидимому, что отъ русской дипломатіи требуютъ лишь платонической демонстраціи. „Сейчасъ не ставится вопросъ о принятіи полныхъ условій мира“. На конференціи „могутъ быть выработаны лишь принципы и первыя попытки примѣненія ихъ къ конкретнымъ вопросамъ. Опубликованіе принциповъ уже будетъ громаднымъ приближеніемъ къ ликвидаціи войны. Заблуждаются утверждающіе, будто бы они обладаютъ магическими средствами окончить войну, провозгласивъ моментально перемиріе на всѣхъ фронтахъ. Перемиріе явится естественнымъ слѣдствіемъ гласности результатовъ будущей союзной конференціи“. Въ этой связи, — „пока еще не созрѣли обстоятельства для мира на всѣхъ фронтахъ“, — получилъ больше значенія вопросъ объ „ускореніи ихъ созрѣванія“ путемъ созыва „предконгресса мира“, Стокгольмской конференціи. Приобрѣтало смыслъ и требованіе, выставленное Даномъ, — чтобы русское правительство не ограничивалось признаніемъ Стокгольмской конференціи „частнымъ“ дѣломъ,

на чемъ настаивалъ Терещенко, а считала бы ее дѣломъ своимъ, „неотдѣлимымъ“ отъ признанной имъ демократической внѣшней политики.

Рѣчь П. Б. Струве еще разъ подчеркнула глубокую разницу между этимъ пониманіемъ и тѣмъ, которое раздѣляла правая часть Совѣта. Вѣрно, что стремленіе Россіи къ миру не дало до сихъ поръ никакихъ результатовъ. Но это произошло не потому, что была ошибочна политика Терещенко, который, все же, далъ хоть „минимумъ того, чего могли требовать здравое національное чувство и истинные интересы Россіи“. Это объясняется тѣмъ, что съ самаго начала революціи пропаганда мира была построена на утопическихъ предположеніяхъ. Германскіе социаль-демократы, на дѣятельности которыхъ построенъ весь расчетъ, суть „прежде всего, нѣмцы и добрые буржуа. Какъ нѣмцы, они не будутъ бунтовать въ время войны, а какъ добрые буржуа, они вообще неспособны дѣлать революцію. Самые смирные русскіе кадеты — гораздо болѣе революціонеры, чѣмъ самый свирѣпый германскій социаль-демократъ“. Вотъ почему „демократическая формула“ лишь разожгла аппетиты германскаго имперіализма на прибалтійскій край и повела къ затяжкѣ войны.“ Безсмысленно объясняютъ солдатамъ, за что ведется война, „когда врагъ почти вплотную подходитъ въ столицѣ и идутъ разговоры объ эвакуаціи Петрограда“. Далѣе, пропагандисты немедленнаго мира „вводятъ русскій народъ въ заблужденіе, обѣщая, что при немедленной ликвидаціи войны, народу станетъ легче. Напротивъ, подобное катастрофическое прекращеніе войны, не могущее произойти въ условіяхъ упорядоченной международной и хозяйственной обстановки, будетъ означать внезапное катастрофическое ухудшеніе положенія рабочихъ массъ вообще и широкихъ слоевъ городского населенія въ частности. Революціонная ликвидація войны ввергнетъ массы непосредственно же въ испытанія болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, которыя налагаетъ война“.

Афоризмы одного изъ основателей русскаго марксизма больно били его бывшихъ единомышленниковъ. „Вы потому плохіе социалисты“, бросилъ онъ имъ одинъ изъ своихъ глубокихъ парадоксовъ, „что вы не получили хорошаго буржуазнаго воспитанія“. „Бонапартъ“, кричалъ съ мѣста Мартовъ. Другіе напоминали Струве про Корнилова. Послѣднее напоминаніе вызвало со стороны оратора гнѣвную реплику. „Корниловъ бѣжалъ изъ германскаго плѣна послѣ смертельныхъ ранъ, и имя его мы всѣ здѣсь

признаемъ честнымъ“. На лѣвой это вызвало бурные протесты, а правая отвѣчала на нихъ, вставши съ мѣсть и устроивъ въ честь арестованнаго „государственнаго измѣнника“, какъ его тутъ же назвалъ Черновъ, импровизированную овацію.

Было ясно, что при такомъ расхожденіи взглядовъ, почти при двухъ міросозерцаніяхъ, общая формула перехода была еще невозможнѣе, чѣмъ это оказалось при обсужденія военныхъ вопросовъ. Попытки составить такую формулу, однако, дѣлались и слѣва, и справа, социаль-демократами и партіей народной свободы. Но переговоры о ней съ другими группами не приводили ни къ чему. И опять пришлось отсрочить окончаніе дебатовъ до слѣдующаго засѣданія, 23-го октября.

Политическая обстановка къ этому засѣданію, однако же, снова значительно измѣнилась. Вернувшійся изъ ставки Терещенко снова завелъ переговоры съ представителями „демократіи“ на почвѣ уже сдѣланныхъ ею уступокъ въ вопросѣ о „Наказѣ“. Однако, и Верховскій не хотѣлъ отказаться отъ роли истиннаго представителя демократическаго міровоззрѣнія. Переговоривъ съ лѣвыми группами, онъ повидимому, окончательно рѣшилъ, что его часъ насталъ. Во временномъ правительствѣ сношенія Верховскаго съ лѣвымъ крыломъ „демократіи“, не исключая и большевиковъ, какъ разъ въ это время вызвали сомнѣнія, слѣдуетъ ли ему оставаться членомъ правительства въ виду грозившаго движенія большевиковъ. Верховскій рѣшился пойти навстрѣчу этимъ толкамъ, и самъ поставилъ вопросъ о своей отставкѣ, но уже на вопросѣ принципиальномъ — о всей политикѣ правительства или, точнѣе говоря, именно объ основномъ вопросѣ всей политики: о связи войны съ внѣшней политикой. Вечеромъ 20 октября засѣдала созванная Совѣтомъ республики комиссія обороны. Выслушивались обстоятельные доклады начальниковъ отдѣловъ по разнымъ частямъ снабженія арміи. Въ серединѣ этихъ докладовъ, поздно вечеромъ, явился въ засѣданіе министръ Верховскій и, взявъ слово безъ всякаго отношенія къ обсуждаемымъ вопросамъ, заявилъ, что все это мелочи и детали и что необходимо обсудить главный вопросъ о томъ, можемъ ли мы вообще продолжать войну. Такое странное вмѣшательство въ пренія вызвало недоумѣніе и смущеніе. Члены комиссіи изъ фракціи народной свободы предложили предсѣдателю Знаменскому возстановить порядокъ преній, прерванный министромъ. Вмѣшательство Верховскаго было такъ очевидно неумѣстно, что

предсѣдателью только и оставалось удовлетворить это требованіе, что онъ и сдѣлалъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ.

На слѣдующій вечеръ, 21 октября, Верховскій повторилъ свою попытку уже обдуманно. Въ связи съ преніями въ Совѣтъ было назначено специальное совмѣстное засѣданіе двухъ комиссій — обороны и иностранныхъ дѣлъ, гдѣ должны были выступить одинъ за другимъ оба министра, Верховскій и Терещенко. Если первый доказалъ бы, что Россія не можетъ воевать, то второму оставалось бы только сдѣлать изъ этого соотвѣтствующіе выводы для нашей дипломатіи. Въ этой послѣдовательности выступленій, повидимому, и состоялъ планъ Верховскаго и его сторонниковъ въ комиссіи. Верховскій предварительно рѣшилъ подготовить фракціи къ своему выступленію и, въ числѣ другихъ, просилъ и получилъ свиданіе съ нѣсколькими отвѣтственными представителями фракціи народной свободы. Онъ говорилъ имъ, что не считаетъ возможнымъ удержать армію отъ распадѣнія иначе, какъ путемъ обѣщанія близкаго мира. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ разсчитываетъ поднять энтузіазмъ въ войскахъ и повести ихъ къ побѣдамъ. Переломъ настроенія въ войскахъ нуженъ и для внутренней политики. Одинъ разъ ему удалось предовратить выступленіе большевиковъ. Но въ другой разъ это можетъ и не удался. . . Онъ спрашивалъ членовъ фракціи, считаютъ ли они возможнымъ поднять вопросъ о мирѣ съ союзниками на конференціи, куда ему предлагали ѣхать въ качествѣ представителя демократіи. Верховскій получилъ отвѣтъ, что поднятіе энтузіазма въ войскахъ путемъ обѣщанія мира есть средство уже испробованное — и оказавшееся пагубнымъ. Ничто не обезпечиваетъ насъ противъ того, что и теперь вмѣсто подъема получится новая эпидемія дезертирства съ фронта, — только на этотъ разъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Именно поэтому трудно привлечь этимъ способомъ и нашихъ союзниковъ къ принятію „демократическихъ“ предложеній. Тѣ, кто все-таки хочетъ на нихъ настаивать — и въ то же время говорить о заключеніи „общаго“ мира, — впадаютъ въ противорѣчіе сами съ собой. Союзники не пойдутъ на окончаніе войны въ ничью или въ пользу Германіи; если же даже мы откажемся воевать дальше, этимъ мы не принудимъ ихъ заключить миръ. Они, все равно, будутъ продолжать борьбу, но, развязанные отъ обязательствъ по отношенію къ намъ, не будутъ уже церемониться, если придется закончить войну уступками за нашъ счетъ. Такимъ образомъ, „демократическая“ постановка вопроса о мирѣ на союзнической

конференції есть постановка практически безплодная и безнадежная, для насъ же унижительная и вредная. Вредная потому, что, разъ заговоривъ громко о мирѣ, мы уже не сможемъ окончить ничѣмъ. Въмѣсто „общаго“ мира мы будемъ принуждены дальнѣйшимъ разваломъ арміи говорить о мирѣ „сепаратномъ“. Сепаратный миръ и есть послѣднее слово такъ называемой „демократической тактики.“*)

Верховскій имѣлъ видъ поколебавшагося и смущеннаго этими возраженіями. Онъ раскланялся и ушелъ.. Но вечернее засѣданіе 21 октября показало, что возраженія к. д. вовсе не заставили его отказаться отъ своего плана кампаніи. Въ своемъ докладѣ онъ оперировалъ очень приблизительными расчѣтами. Министръ продовольствія беретъ прокормить всего 5 милл., а у насъ на фронтѣ 7 милліоновъ. Слѣдовательно, воевать невозможно. Далѣе, упадокъ производительности заводовъ дѣлаетъ невозможнымъ снабженіе арміи въ надлежащихъ размѣрахъ: это приводитъ къ тому же выводу**.) Въ этомъ родѣ велась вся аргументація Верховскаго передъ комиссіей, многіе члены которой привыкли къ серьезной спеціальной работѣ. По окончаніи доклада Верховскаго внесено было заготовленное заранее предложеніе: выслушать тотчасъ же докладъ министра иностранныхъ дѣлъ, и затѣмъ открыть пренія по обоимъ

*) В. Д. Набоковъ въ своихъ мемуарахъ разсказалъ о своихъ личныхъ колебаніяхъ по вопросу о продолженіи войны и о попыткахъ Б. Э. Нольде и Аджемова провести соотвѣтственный взглядъ въ центральномъ комитетѣ к. д. (гдѣ рѣшеніе вопроса было отложено до моего возвращенія изъ Крыма) и въ частномъ совѣщаніи у кн. Гр. Н. Трубецкаго, (которое, какъ и ц. к., въ большинствѣ отнеслось къ мысли о воздѣйствіи на союзниковъ отрицательно).. Бесѣда съ Верховскимъ происходила въ кваргирѣ Набокова днемъ 20 октября; присутствовали Шингаревъ и Кокошкинъ; говорить пришлось главнымъ образомъ, мнѣ. Только изъ мемуаровъ Набокова я узналъ, что онъ молчалъ по „психологическимъ“ мотивамъ, не раздѣляя по существу нашего мнѣнія. Но обстоятельство, дѣлавшее нашу позицію безспорной, было то, что единственной альтернативой былъ бы сепаратный миръ, — ибо надѣяться убѣдить союзниковъ было наивно, а на сепаратный миръ тогда никто идти хотѣлъ, какъ ни ясно было, что разрубить безнадежно запутавшійся узелъ можно было бы только выходомъ изъ войны.

Изъ записокъ Верховскаго видно, что мысли, имъ высказывавшіяся, были его серьезнымъ убѣжденіемъ. Но провести ихъ на дѣлѣ, не присоединяясь къ лозунгамъ убѣжденіемъ, было совершенно невозможно. Въ этомъ была трагедія положенія тѣхъ, кто, какъ Верховскій, принуждены были защищать „демократизацію“ арміи.

**) Подробно рѣчь Верховскаго изложена въ его книгѣ: „Россія на Гроѣ“.

докладамъ. Члены фракціи народной свободы воспротивились этому, — и встрѣтили поддержку не только среди кооператоровъ, но и среди болѣе лѣвыхъ членовъ комиссіи. Они доказывали, что съ выводами военного министра нельзя считаться, какъ съ окончательными и безусловными, и прежде чѣмъ приступать къ обсужденію внѣшней политики, которое существенно зависитъ отъ этихъ выводовъ, необходимо предварительно заняться специальной, про-
вѣркой самыхъ выводовъ.

Когда это было принято и пренія открыты, первымъ оппонентомъ Верховскому выступилъ, къ полной неожиданности для комиссіи, министръ иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко. Онъ поставилъ три вопроса. Считаетъ ли военный министръ цифровыя данныя, которыми оперируетъ, достаточно надежными? Возможно ли дѣлать заключенія о современномъ состояніи снабженія, не зная прошлаго и не имѣя возможности провести параллель между нимъ и настоящимъ? И, наконецъ, не полагаетъ ли военный министръ, что вступить на указанный имъ путь было бы равносильно измѣнѣ и предательству? М. И. Терещенко сообщилъ при этомъ, что во временномъ правительствѣ затронутые здѣсь вопросы не обсуждались и что высказанныя Верховскимъ мнѣнія онъ слышитъ впервые. Послѣ этого сенсаціоннаго заявленія, члены фракціи народной свободы внесли новое предложеніе: прервать обсужденіе до тѣхъ поръ, пока у комиссіи будетъ мнѣніе всего правительства, а не отдѣльныхъ министровъ, и поставить на повѣстку слѣдующаго соединеннаго засѣданія спеціальныя доклады о сравнительномъ состояніи снабженія арміи въ прошломъ году и теперь для выясненія степени безнадёжности настоящаго положенія. Къ голосу представителей к. д. присоединились и другіе голоса, — послѣ того, какъ министръ, въ своихъ спутанныхъ и сконфуженныхъ объясненіяхъ на вопросы Терещенко, задѣлъ снова тему, которая проскользнула незамѣченной въ его обращеніи къ Совѣту республики: вопросъ о необходимости сосредоточить въ однихъ рукахъ власть, которая могла бы распоряжаться военной силой и, въ случаѣ необходимости, прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ. Только что передъ этимъ появился въ печати приказъ Верховскаго войскамъ отъ 17 октября, въ которомъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ заявлялось, что „развалъ и анархія тыла губятъ страну“, и „требовалось отъ всѣхъ начальниковъ, въ тѣсномъ союзѣ съ комиссарами и комитетами, принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, вплоть до примѣненія оружія для подавленія анархіи“, тог-

да какъ „до сихъ поръ было больше словъ, чѣмъ дѣла“. Когда министръ повторилъ тѣ же мысли въ комиссіи, то уже слѣва его спросили: не называется ли та власть, о которой очъ говоритъ „диктатурой“? Если угодно, назовите ее этимъ именемъ, отвѣтилъ Верховскій.

Отголоски этихъ преній проникли въ ближайшіе дни въ печать и произвели такое же впечатлѣніе, какъ въ комиссіи. „День“ говорилъ: „страна довѣрила свою судьбу ограниченному человѣку, въ которомъ ограниченность или авантюра перевѣшиваютъ чувство долга и лояльности?... Отдающій черносотенствомъ авантюризмъ, опьяняющій теперь столь многихъ перспективой диктатуры, и интернаціоналистская фразеологія причудливо смѣшиваются въ лицѣ человѣка, занимающаго одинъ изъ наиболѣе отвѣтственныхъ постовъ въ государствѣ“. „Русское Слово“ говорило: „высочивъ въ моментъ новаго усиленія „совѣтской“ диктатуры и возросшаго вліянія большевизма, ген. Верховскій сразу взялъ соотвѣтствующій тонъ и началъ спекулировать на „корниловщинѣ“ и на „спасеніи революціи“, вскочивъ на запятки колесницы товарища Троцкаго. Конечно, если бы ген. Верховскій былъ рожденъ „товарищемъ“, то его революціонная карьера не кончилась бы съ его отставкой, и мы увидѣли бы его въ роли настоящаго генерала революціи, во главѣ полковъ, присягнувшихъ на вѣрность товарищу Троцкому и побѣдоносно завоевывающихъ... Петроградъ. Но ген. Верховскій только „вельможа въ случаѣ.“

Разсужденія о „диктатурѣ“, въ связи съ готовящимся возстаніемъ большевиковъ, произвели, наконецъ, впечатлѣніе и на Керенскаго. Онъ рѣшилъ разстаться съ военнымъ министромъ. Неосторожное выступленіе Верховскаго въ комиссіяхъ оказалось той апельсиновой коркой, на которой военный министръ поскользнулся даже и во мнѣніи лѣвыхъ. Вопросъ объ отставкѣ министра былъ поставленъ М. И. Терещенко, пріѣхавшимъ прямо изъ засѣданія комиссіи въ Зимній Дворецъ къ Керенскому. М. И. Терещенко указалъ, прежде всего, на недопустимость сепаратнаго выступленія министра, безъ предупрежденія правительства, по вопросу такой огромной важности и принципіальнаго значенія. Верховскій призналъ свою вину въ этомъ отношеніи. Но Терещенко настаивалъ на недопустимости и самого содержанія заявленій Верховскаго и на невозможности для министра иностранныхъ дѣлъ вести далѣе внѣшнюю политику, если взгляды эти будутъ приняты. Верховскому оставалось послѣ этого только подать въ отставку, причемъ ему

было обѣщано сдѣлать это въ формѣ „отпуска по болѣзни, съ освобожденіемъ отъ обязанности военнаго министра“ и съ обязательствомъ немедленно же покинуть Петроградъ, для устраненія всякихъ толковъ о его возможной роли въ случаѣ возстанія большевиковъ. Оффиціальное постановленіе правительства объ этомъ было сдѣлано, послѣ обычныхъ колебаній Керенскаго, только 23 октября и опубликовано 24. Наканунѣ, 22-го, была закрыта газета Бурцева „Общее Дѣло“ за вздорное сообщеніе, что „въ засѣданіи комиссіи обороны военный министръ предложилъ заключить съ нѣмцами миръ тайно отъ союзниковъ“. Предсѣдатели комиссіи Скобелевъ и Знаменскій печатно засвидѣтельствовали, что „такого предложенія“ Верховскій ни въ комиссіи обороны, ни въ соединенномъ засѣданіи не дѣлалъ, Союзные послы получили отъ М. И. Терещенко соотвѣтствующія увѣренія. Свою побѣду М. И. Терещенко ознаменовалъ приглашеніемъ на совѣщаніе делегатовъ, отѣзжавшихъ на парижскую конференцію, съ министрами — М. В. Алексѣева и П. Н. Милюкова. Первый далъ справку о мѣрахъ восстановленія боеспособности арміи и снова, уже въ четвертый разъ, настаивалъ на послѣдовательномъ и спѣшномъ проведеніи программы, неоднократно принимавшейся и въ іюлѣ, и въ августѣ, и въ сентябрѣ при его участіи. Послѣдній далъ справку о интересахъ Россіи на Ближнемъ востокѣ, о нашихъ задачахъ въ Арменіи и въ проливахъ.

Таково было положеніе, когда возобновились пренія по внѣшней политикѣ въ засѣданіи Совѣта республики 23 октября. Внѣшней политикой интересовались въ этотъ день еще меньше, чѣмъ прежде. Въ залѣ засѣданія оставалось едва сто членовъ, которые притомъ не слушали ораторовъ. Засѣданіе открылось съ большимъ опозданіемъ, въ 12 часовъ, и было еще сокращено перерывомъ, втеченіе котораго, какъ и во время преній, въ кулуарахъ передавались слухи о предстоявшемъ выступленіи большевиковъ, а представители фракцій вели безуспѣшные переговоры о формулѣ перехода по внѣшней политикѣ, которая могла бы собрать большинство. Единственная реальная цѣль преній была теперь примирить Терещенко съ „демократіей“. Это должно было быть достигнуто выступленіемъ М. И. Скобелева, съ одной стороны, и „разъясненіемъ“ недоумѣній, вызванныхъ у демократіи рѣчью Терещенко, съ другой. Рѣчь Скобелева, дѣйствительно, носила примирительный характеръ. Конечно, министръ былъ „недостаточно энергиченъ“ въ измѣненіи курса русской внѣшней политики. Но, все

же, онъ и „не проявилъ упорства Милюкова“. Скобелевъ призналъ „трагизмъ русской демократіи“ въ томъ, что ей заразъ приходится и добиваться скорѣйшаго мира, и стремиться къ демократическому разрѣшенію поднятыхъ войной вопросовъ. О состояніи отдѣльныхъ вопросовъ онъ сообщилъ успокоительныя свѣдѣнія. „Бельгійскій посланникъ удовлетворился разъясненіями исполнительнаго комитета“. „Въ Эльзась-Лотарингскомъ вопросѣ нѣтъ больше разногласій между русской и французской демократіей“. Полякамъ, армянамъ, сербамъ даны удовлетворившія ихъ обѣщанія. Съ Литвой и Латвіей какъ-нибудь сговоримся „по-братски“ о сохраненіи „великаго государственно-хозяйственнаго организма“, въ которомъ „демократіи всѣхъ національностей, населяющихъ единую, царскую Россію, одинаково заинтересованы. Что касается вреда для Россіи нейтрализаціи проливовъ безъ полного разрушенія, — „ужъ позвольте русской демократіи озаботиться и здѣсь, чтобы конечное достиженіе, къ которому стремится она въ области международныхъ отношеній, не стало орудіемъ ея собственнаго закрѣпощенія“. „Наказъ“ во всякомъ случаѣ оказалъ услугу: онъ послужилъ лакмусовой бумагой, сразу обнаружившей полюсъ войны и полюсъ мира“. Объ арміи безпокоиться нечего: „представители политическаго теченія, предпочевшаго остаться за предѣлами этой государственной аудиторіи (т. е. большевики), въ рѣшительный моментъ отдають свои жизни на алтарь своей родины. Отрицательныя явленія есть и въ другихъ арміяхъ: они объясняются продолжительностью войны. Делегація на конференціи, конечно, должна быть единой, ибо выражаетъ единую волю единой революціонной страны“. Однако же, „расхожденіе во взглядахъ по отдѣльнымъ конкретнымъ вопросамъ между членами делегаціи — допустимо“. „Ближайшимъ и неотложнымъ шагомъ временнаго правительства должно быть предложеніе союзникамъ огласить цѣли, за которыя они будутъ вынуждены вести войну и за отсутствіемъ (осуществленіемъ?) которыхъ они готовы будутъ завтра же сложить оружіе и тѣмъ самымъ сдѣлать достояніемъ исторіи старыя соглашенія; наконецъ, переходъ отъ пассивной политики умалчиванія къ открытымъ дѣятельнымъ шагамъ и открытое предложеніе отъ имени всѣхъ союзниковъ противной сторонѣ приступить немедленно къ обсужденію условій мира“.

Отвѣтъ М. И. Терещенко не содержалъ новыхъ уступокъ „демократіи“, но содержалъ нѣсколько упрековъ по ея адресу.

„Зигзаговъ“ во внѣшней политикѣ, за которые упрекають министра не было, а во внутренней политикѣ „развивающаяся анархія дѣйствительно провела въ работѣ государственной жизни тяжелые зигзаги“. „Мы не сдали позицій, принятыхъ въ маѣ“, говорилъ министр; „а вотъ нѣкоторыя организаціи это дѣлали, если сопоставить ихъ заявленія въ мартѣ съ тѣми, которыя дѣлаются теперь“. „Министерство — основныхъ цѣлей, являющихся государственно-національными интересами Россіи, сдать не можетъ“. Его задача на конференціи „согласовать возможно тѣснѣе наши взгляды на вопросъ о мирѣ съ взглядами той стороны“ : „та сторона должна заявить о мирѣ безъ захватовъ“. Но для этого нужны два существенныя условія. Первое, — чтобы не говорили объ арміи, что это только лица, одѣтыя въ солдатскую форму, но чтобы совершилась работа по возстановленію арміи“. Второе, — „чтобы тѣ, кто будутъ за-границей, ... чувствовали, что сзади есть нація, есть люди, которые думаютъ за Россію и поддерживаютъ и создаютъ сплоченную націю“, какъ это сдѣлали наши союзники.

„Если этого не будетъ, тогда—будетъ ли единое представительство или два, будетъ ли контролеръ и министръ или только одинъ контролеръ, ничего изъ этого не выйдетъ“.

На этомъ заявленіи оборвались пренія по внѣшней политикѣ въ совѣтѣ республики. Совѣту оставалось жить два дня, — и эти два дня были наполнены заботами не о достойномъ Россіи представительствѣ за-границей, а о томъ, чтобы какъ-нибудь справиться съ вновь налетѣвшимъ внутреннимъ шкваломъ, грозившимъ затопить все: и вождей, и исполнителей, и самый государственный корабль, направлявшій страну къ обѣтованному берегу Учредительнаго Собранія. Прежде чѣмъ вернуться къ рѣшительнымъ днямъ борьбы и къ роли въ эти дни совѣта республики, остановимся и рассмотримъ, въ чемъ собственно заключалась опасность.

VII. Большевики готовятся къ рѣшительному бою.

Идеологія большевистскаго переворота. Подготовка большевистскаго переворота. Попытка предупрежденія большевистскаго переворота. Практическія мѣры большевиковъ. 23 Октября — день Петроградскаго совѣта. 24 октября: рѣчь Керенскаго и банкротство совѣта республики. Торжество и послѣднія приготовленія большевиковъ.

Въ дни, предшествовавшіе большевистскому перевороту, идеологія этого переворота была дана самимъ вождемъ большевизма, Ленинымъ, въ его брошюрѣ: „Удержать ли большевики государственную власть“? Такая постановка вопроса объяснялась почти всеобщимъ тогда убѣжденіемъ печати разныхъ направленій, что большевики или не рѣшатся взять власть, не имѣя надежды ее удержать, или, если возьмутъ, то продержатся лишь самое короткое время. Въ очень умѣренныхъ кругахъ послѣдній экспериментъ находили даже очень желательнымъ, чтобы „навсегда излечить Россію отъ большевизма“. На партію народной свободы съ этой точки зрѣнія, часто раздавались нареканія что, препятствуя успѣху большевизма она только затягиваетъ неизбежный революціонный процессъ и связанную съ нимъ дезорганизацію страны.

Опытъ показалъ, что вся эта легкомысленная самоувѣренность была глубокимъ заблужденіемъ. Большевики взяли власть и удержали ее втеченіе достаточно продолжительнаго времени, чтобы нанести не только имущимъ классамъ, но и всей странѣ непоправимые удары и чтобы въ неумолимомъ состязаніи международныхъ силъ потерять безвозвратныя возможности. Такимъ образомъ, теперь*) можно съ большей объективностью прислушаться къ тому, о чемъ предупреждалъ Ленинъ, взвѣсить то вѣрное, что было въ его предупрежденіяхъ, — и что дало большевикамъ довѣріе массъ, внушило имъ ту смѣлость „дерзанія“, которой не хватало Керенскому, — и успѣхомъ ихъ попытки вполне оправдало предварительные расчеты и соображенія Ленина. Рѣчь идетъ, конечно, не

---

*) Эта строка писана въ началѣ 1918 года.

объ успѣхѣ осуществленія соціальной республики, а о политической побѣдѣ партійной группы, прикрывшейся этимъ флагомъ.

Ленинъ беретъ за исходную точку заявленіе „Новой жизни“ въ номерѣ отъ 23 Сентября.*) „Надо ли доказывать, что пролетаріатъ, 1) изолированный не только отъ остальныхъ классовъ страны, но и 2) отъ дѣйствительныхъ живыхъ силъ буржуазіи, не сможетъ ни 3) технически овладѣть государственнымъ аппаратомъ и 4) привести его въ движеніе, въ 5) исключительно трудной обстановкѣ, ни 6) политически неспособенъ будетъ противостоять всему тому напору вражескихъ силъ, который смететъ не только диктатуру пролетаріата, но и въ придачу всю революцію“? Одинъ за другимъ. Ленинъ опровергаетъ всѣ шесть (отмѣченныхъ у насъ цифрами) пунктовъ этого утвержденія.

Конечно, пролетаріатъ „изолированъ“ отъ буржуазіи, потому что онъ съ нею борется. Но въ Россіи меньше чѣмъ гдѣ-либо, онъ изолированъ отъ мелкой буржуазіи. Исполнительные комитеты крестьянскихъ депутатовъ на Петроградскомъ совѣщаніи высказались отъ 23-хъ губерній и 4-хъ армій противъ коалиціи съ буржуазіей въ правительство, тогда какъ только 3 губерніи и двѣ арміи высказались за коалицію безъ к. д. и только 4 промышленныхъ и богатыхъ губерній за коалицію безъ ограниченій. Далѣе, и національныя группы на демократическомъ совѣщаніи дали 40 голосовъ противъ 15 противникамъ коалиціи. Отсюда Ленинъ заключаетъ: „національный и аграрный вопросы — это коренные вопросы для мелко-буржуазныхъ массъ населенія въ Россіи въ настоящее время: и по обоимъ вопросамъ пролетаріатъ не „изолированъ“ на рѣдкость. Онъ имѣетъ за собой большинство народа . . . Онъ одинъ способенъ вести рѣшительную, дѣйствительно „революціонно-демократическую“ политику по обоимъ вопросамъ, а именно, провести „немедленные и революціонныя мѣры противъ помѣщиковъ, немедленное возстановленіе полной свободы для Финляндіи, Украины, Бѣлоруссіи, для мусульманъ и т. д.“ „А вопросъ о мирѣ, этотъ кардинальный вопросъ всей современной жизни“? Пролетаріатъ выступаетъ здѣсь, по истинѣ, какъ представитель всѣхъ націй, . . . ибо только пролетаріатъ, достигшій власти, сразу предложитъ справедливый миръ всѣмъ воюющимъ народамъ, только пролетаріатъ пойдетъ на дѣйствительно-револю-

*, Брошюра написана въ послѣднюю недѣлю Сентября 1917 г. Ленинъ самъ напоминаетъ, что высказанныя въ ней мысли онъ развивалъ въ Россіи со дня своего пріѣзда, съ 4-го Апрѣля.

ціонныя мѣры (опубликованіе тайныхъ договоровъ), чтобы достигнуть, какъ можно скорѣе, какъ можно болѣе справедливаго мира". Итакъ, „это условіе для удержанія власти большевиками есть на лицо“.

Далѣе, невѣрно, что пролетаріатъ „изолированъ отъ живыхъ силъ демократіи“. Кадеты, Брешковская, Плехановъ, Керенскій и К-о — это „мертвыя силы“, „живыя силы“, „связанныя съ массами“, — это лѣвое крыло эсъ-эровъ и меньшевиковъ, и какъ разъ его усиленіе послѣ „іюльской контръ-революціи“, есть „одинъ изъ вѣрнѣйшихъ объективныхъ признаковъ того, что пролетаріатъ не изолированъ“. Часть массъ, идущихъ за меньшевиками и эсъ-эрами поддерживать чисто большевистское правительство“.

Что пролетаріатъ „не сможетъ технически овладѣть государственнымъ аппаратомъ“, арміей, полиціей и чиновничествомъ, это, пожалуй, вѣрно въ томъ смыслѣ, что тутъ указана „одна изъ самыхъ серьезныхъ, самыхъ трудныхъ задачъ, стоящихъ передъ побѣдоноснымъ пролетаріатомъ“. Но вѣдь „Марксъ училъ, на основаніи опыта парижской коммуны“, что пролетаріатъ долженъ не просто овладѣть государственной машиной, а разбить ее и замѣнить новой. „Эта государственная машина была создана парижской коммуной, и того же типа государственнымъ аппаратомъ являются русскіе совѣты р. с. и кр. д“. Это ихъ главный *raison d'être*, право на существованіе. Совѣты, какъ „новый государственный аппаратъ“ неогнѣнимы, ибо 1) они даютъ вооруженную силу рабочихъ и крестьянъ, тѣсно связанную съ массами; 2) связь эта легко доступна провѣркѣ и возобновленію; 3) именно потому, это — аппаратъ болѣе демократическій, чуждый бюрократизма; 4) онъ „даетъ связь съ различными профессіями, облегчая тѣмъ различнѣйшія реформы самаго глубокаго характера“; 5) онъ даетъ „форму организаціи авангарда“ угнетенныхъ классовъ, который „можетъ поднимать за собою всю гигантскую массу“ и 6) онъ „даетъ возможность соединить выгоды парламентаризма съ выгодами непосредственной и прямой демократіи, т. е. соединить въ лицѣ выборныхъ представителей народа, и законодательную функцію и исполненіе законовъ“: „шагъ впередъ, который имѣетъ всемірно-историческое значеніе“. „Если бы народное творчество революціонныхъ классовъ не создало совѣтовъ, то пролетарская революція въ Россіи была бы дѣломъ безнадежнымъ, ибо со старымъ аппаратомъ пролетаріатъ, несомнѣнно, удержать власти не могъ бы“. „Эсеровскіе и меньшевист-

скіе вожди prostituteровали совѣты, сводили ихъ на роль гово-
рилень, придатка соглашательской политики . . . . , Развернуть
полностью свои задатки и способности совѣты могутъ, только взять
всю государственную власть“.

Какая цѣль этого? Ленинъ отвѣчаетъ: „Государство есть ор-
ганъ господства класса“. Если это есть господство „пролетаріата“,
то пролетаріатъ долженъ взять въ свои руки весь „рабочій кон-
троль“ надъ производствомъ и распредѣленіемъ: не „государствен-
ный контроль“, какъ соглашались кадеты и меньшевики; въ ихъ
устахъ это просто буржуазно-реформистская фраза, — а именно,
всенародный рабочій контроль“, какъ аппаратъ „соціалистической
революціи“. Для этого въ современномъ государствѣ есть, „кромѣ
угнетательнаго аппарата арміи, полиціи и чиновничества, аппаратъ
учетно-регистраціонный. Этого аппарата разбивать нельзя
и не надо; его надо вырвать изъ подчиненія капиталистамъ, отъ него
надо отрѣзать, отрубить капиталистовъ съ ихъ нитями вліянія, его
надо подчинить пролетарскимъ совѣтамъ, ... опираясь на за-
воеванія, уже осуществленныя крупнѣйшимъ капитализмомъ“. „Ка-
питализмъ создалъ аппараты учета, вродѣ банковъ, синдика-
товъ, почты, потребительныхъ обществъ, союзовъ служащихъ. Безъ
крупныхъ банковъ соціализмъ былъ бы неосущест-
вимъ . . . . Единый, крупнѣйшій изъ крупнѣйшихъ, государственный
банкъ, съ его отдѣленіями въ каждой волости, при каждой
фабрикѣ, — это уже девять десятыхъ соціалистическаго
аппарата. Низшіе служащіе, исполняющіе фактическую работу
счетоводства, контроля, регистраціи, учета и счета, вѣроятно, под-
чинятся, а съ „горстью“ высшихъ служащихъ и капиталистовъ
нужно будетъ „поступить по строгости“. „Этихъ Титъ-Титычей мы
знаемъ поименно: достаточно взять имена директоровъ, членовъ
правленія, крупныхъ акціонеровъ и т. п. Ихъ нѣсколько сотъ, са-
мое большее, — тысячъ — на всю Россію; къ каждому изъ нихъ про-
летарское государство . . . . можетъ приставить и по десятку, и
по сотнѣ контролеровъ“. Не въ конфискаціи имущества капитали-
стовъ будетъ гвоздь дѣла: въ конфискаціи нѣтъ элемента органи-
заціи, учета, правильнаго распредѣленія. Конфискацію мы легко
замѣнимъ взысканіемъ справедливаго налога (хотя бы въ
„Шингаревскихъ“ ставкахъ).

Сможетъ ли пролетаріатъ „привести въ движеніе“ новый
государственный аппаратъ? Для этого есть средство „посильнѣе
законовъ конвента и его гильотины“. „Гильотина только сламывала

активное сопротивленіе: намъ этого мало:... намъ надо сломить и пассивное, болѣе вредное сопротивленіе....“ „Недостаточно“ „убрать донъ“ капиталистовъ; надо поставить ихъ на государственную службу“. Это сдѣлаетъ хлѣбная монополія, хлѣбная карточка, всеобщая трудовая повинность. „Кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть“. „Совѣты введутъ рабочую книжку для богатыхъ“. Особенно упорныхъ придется наказывать конфискаціей всего имущества и тюрьмой“.

Но это еще не все. Государственный аппаратъ старой Россіи „приводили въ движеніе“ 130,000 помѣщиковъ. Неужели не смогутъ управлять Россіей 240,000 партіи большевиковъ“, представляющіе не менѣе 1 милліона взрослого населенія? Мы можемъ „удесятерить этотъ аппаратъ“, привлеки бѣдноту „къ повседневной работѣ управленія государствомъ“. Съумѣютъ ли они? Да, если имъ придется проводить „революціонныя мѣры, какъ распредѣленіе жилыхъ помѣщеній въ интересахъ бѣдноты (извѣстное впоследствии „уплотненіе“ квартиръ), распредѣленіе продуктовъ продовольствія, одежды, обуви въ городѣ, земли въ деревнѣ... „Разумѣется, неизбѣжны ошибки, но .... развѣ можетъ быть иной путь къ обученію народа управлять самимъ собой, какъ не путь практики?“ „Самое главное — внушить угнетеннымъ и трудящимся довѣріе въ свои силы, показать имъ на практикѣ, что они могутъ и должны взяться сами за правильное, строжайшее, упорядоченное, организованное распредѣленіе хлѣба, всякой пищи, молока, квартиръ и т. д. въ интересахъ бѣдноты“.

Пятый аргументъ: большевики не удержатъ положенія, ибо „обстановка сложная“ ... но когда же она не бываетъ сложна во время настоящихъ революцій?“ „Революція есть самая острая, бѣшеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революція не обходилась безъ гражданской войны“.

Шестой аргументъ и послѣдній: побѣда пролетаріата вызоветъ напоръ враждебныхъ силъ, который смететъ и пролетаріатъ и всю революцію. Ленинъ отвѣчаетъ: „не запугаете“. „Видѣли мы эти враждебныя силы, и этотъ напоръ въ корниловщинѣ“. Это не гражданская война будетъ, а безнадежнѣйшій бунтъ кучки корниловцевъ“, который можетъ довести народъ до изступленія“ и „спровоцировать его на повтореніе въ широкихъ масштабахъ того, что было въ Выборгѣ“ ... „А силу сопротивленія пролетаріата и бѣднѣйшихъ крестьянъ мы еще не видѣли ... Только тогда, когда десятки милліоновъ людей, раздавленныхъ нуждой и капиталисти-

ческимъ рабствомъ, увидятъ на опытѣ, почувствуютъ, что власть въ государствѣ досталась угнетеннымъ классамъ, — только тогда проявится то, что Энгельсъ называетъ „скрытымъ социализмомъ“: на каждые десять тысячъ открытыхъ поднимется по миллиону новыхъ борцовъ, доселѣ политически спавшихъ“. „Республики капиталистовъ съ помѣщиками голодный не можетъ отличить отъ монархіи“ и народомъ овладѣваетъ апатія, равнодушіе“. „А вотъ когда послѣдній чернорабочій, либо безработный, каждая кухарка, всякій разоренный крестьянинъ увидитъ — не изъ газетъ, а собственными глазами — что пролетарская власть не раболѣпствуетъ передъ богатствомъ, а помогаетъ бѣднотѣ, ... что она беретъ лишніе продукты у тунеядцевъ и помогаетъ голоднымъ, что она вселяетъ принудительно безпріютныхъ въ квартиры богачей, что она заставляетъ богатыхъ платить за молоко, но не даетъ имъ ни одной капли молока, пока не снабжены дѣти бѣдныхъ, что земля переходитъ къ трудящимся, фабрики и банки подъ контроль рабочихъ, что за укрывательство богатства ждетъ миллионеровъ немедленная и серьезная кара, — вотъ когда увидитъ это и почувствуетъ это, тогда никакія силы капиталистовъ и кулаковъ.... не побѣдятъ народной революціи, а, напротивъ, она побѣдитъ весь міръ, ибо во всѣхъ странахъ зрѣетъ социалистическій переворотъ“.

Послѣдній утопическій припѣвъ, конечно не лишаетъ всѣхъ этихъ разсужденій весьма реалистической подкладки. Это, разумѣется, не социализмъ. Но это — демагогія, и весьма дѣйственная, особенно, при слабости и безформенности русскихъ классовыхъ надстроекъ и при податливости неподготовленной массы на всякіе эксперименты. Впредь до разочарованія въ послѣдствіяхъ этихъ экспериментовъ, расчетъ Ленина на массы совершенно правиленъ. А послѣ этого? Но въ промежуткѣ вѣдь будетъ созданъ „новый государственный аппаратъ“. Хотя Ленинъ и предлагаетъ переименовать свою партію въ „коммунистическую“, но въ федерированіе коммунъ снизу онъ плохо вѣритъ. Въ социализмъ онъ скорѣе сенъ-симонистъ, чѣмъ фурьеристъ, и анархическіе аргументы ему совершенно чужды. Онъ централистъ и государственникъ — и больше всего разсчитываетъ на мѣры прямого государственнаго насилія. Возражая „реформисту“ Базарову, онъ говоритъ: „государство, милые люди, есть понятіе классовое. Государство есть органъ или машина насилія одного класса надъ другимъ. Пока оно есть машина для насилія буржуазіи надъ пролетаріатомъ, до тѣхъ поръ пролетарскій лозунгъ можетъ быть

лишь одинъ: разрушеніе этого государства. А когда государство будетъ пролетарскимъ, когда оно будетъ машиной насилія пролетаріата надъ буржуазіей, тогда мы выполнѣ и безусловно за твердую власть и за централизмъ“. И тогда, во имя интересовъ пролетаріата и бѣдноты, новый государственный аппаратъ насилія съумѣетъ дисциплинировать и подтянуть и самую бѣдноту.

Въ „послѣсловіи“ къ брошюрѣ Ленинъ очень кстати объясняетъ, почему въ іюлѣ и раньше большевики не хотѣли стать властью и почему въ октябрѣ они вовсе не собираются слѣловать „тупоумному“ совѣту „Новой Жизни“ — остаться „непобѣдимы, занимая оборонительную позицію въ гражданской войнѣ“ и не принимая на себя „наступательной инициативы“. Отвѣтъ Ленина могъ служить отвѣтомъ также и тѣмъ, кто находить, что лучше было пустить большевиковъ къ власти раньше, когда они были менѣе организованы и не имѣли еще на своей сторонѣ массъ. Тогда, отвѣчаетъ Ленинъ, мы и не пошли бы на этотъ экспериментъ. „Если нѣтъ у революціонной партіи большинства въ передовыхъ отрядахъ революціонныхъ классовъ и въ странѣ, то не можетъ быть рѣчи о возстаніи. Кромѣ того, для него нужно: 1) наростаніе революціи въ общенациональномъ масштабѣ; 2) полный моральный и политическій крахъ стараго — напр., „коалиціоннаго“ правительства; 3) большія колебанія въ лагерѣ всѣхъ промежуточныхъ элементовъ, т. е. тѣхъ, кто не вполне за правительство, хотя вчера былъ вполне за него“. Наблюдая за этими признаками, большевики 3—5 іюля сознательно „удержали гражданскую войну въ предѣлахъ начатка“, вовсе „не задаваясь цѣлью возстанія“. „Лишь гораздо позднѣе, чѣмъ въ іюлѣ 1917 г., большевики получили большинство въ столичныхъ совѣтахъ и въ странѣ“. Именно, послѣ 3—5 іюля, именно, въ связи съ разоблаченіями господъ Церетели ихъ іюльской политикой, именно, въ связи съ тѣмъ, что массы увидали въ большевикахъ своихъ передовыхъ борцовъ, а въ социаль-блокистахъ — измѣнниковъ, начинается развалъ эсеровъ и меньшевиковъ.

Этотъ развалъ еще до корниловщины вполне доказанъ выборами 20 августа въ Питерѣ, давшими побѣду большевикамъ и разгромъ „социаль-блокистовъ“ (... процентъ голосовъ за большевиковъ возросъ съ 20% до 33%, а абсолютное число голосовъ за нихъ уменьшилось всего на 10%; процентъ голосовъ всѣхъ „среднихъ“ уменьшился съ 58% до 44%, а абсолютное число голосовъ ихъ уменьшилось на 60%).

Развалъ эсеровъ и меньшевиковъ послѣ іюльскихъ дней и до корниловскихъ — доказанъ также ростомъ „лѣваго“ крыла въ обѣихъ партіяхъ, достигшаго почти 40 %. Такимъ образомъ, теперь, послѣ того какъ „пролетарская партія выиграла гигантски“, теперь нужно дать ей иной совѣтъ, чѣмъ даетъ „Новая Жизнь“: „не отходи отъ кипящихъ массъ къ „Молчалинымъ демократіи“ и „если возставать, то переходи въ наступленіе, пока силы врага разрознены“. „Захватывай врага въ расплохъ“ такъ говоритъ самъ Марксъ, цитируя слова „величайшаго мастера революціонной тактики, Дантона: смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость“. Ни одного дня, ни одного лишняго часа не потерпятъ правительства Керенскаго рабочіе и солдаты, знающіе, что совѣтское правительство даетъ немедленное предложеніе справедливаго мира всѣмъ воюющимъ, а, слѣдовательно, дастъ, по всей вѣроятности, немедленное перемиріе и скорый миръ. Ни одного дня, ни одного лишняго часа не потерпятъ солдаты нашей крестьянской арміи, чтобы оставалось, вопреки волѣ совѣтовъ, правительство Керенскаго, военными мѣрами усмиряющее крестьянское возстаніе“.

„Если же въ объективныхъ условіяхъ момента коренится неизбежность — или хотя бы только вѣроятность гражданской войны, тогда, какъ можно ставить во главѣ угла съѣздъ совѣтовъ или Учредительное Собраніе? .. Что же, голодный согласится ждать два мѣсяца? ... или исторія русской революціи, шедшая съ 27 февраля по 30 сентября необыкновенно бурно и темпомъ неслыханно быстрымъ, пойдетъ съ 1-го октября по 29 октября (день открытія Учредительнаго Собранія), темпомъ архи-спокойнымъ, мирнымъ, легально-уравновѣшеннымъ“, и дастъ возможность“ во главу угла тактики класть мирные конституціонно-легальныя, юридически и парламентски „простыя“ вещи, вроде ... Учредительнаго Собранія? Но вѣдь это было бы просто смѣхотворно, господа, вѣдь это же сплошная издѣвка и надъ марксизмомъ и надъ всякой логикой вообще“.

✓ Логика событій была несомнѣнно, на сторонѣ Ленина. „Ясно видя, осязая, чувствуя наличность обстановки гражданской войны“, онъ далъ сигналъ. Называя только-что сформированную коалицію „правительствомъ гражданской войны“, Троцкій, очевидно, разумѣлъ, именно, это: не то, что коалиція начнетъ гражданскую войну сама, а то, что при этой коалиціи „объективныя условія момента“ сложились въ смыслѣ „неизбѣжности“ гражданской войны съ несравненно большими шансами на побѣду „пролетаріата“, чѣмъ это было 3—5 іюля.

Брошюра Ленина датирована (1-го октября) и въ ней не напрасно подчеркнуто, что благопріятныя условія для побѣдоноснаго выступленія большевиковъ сложились еще до „корниловскихъ дней“. Мы знаемъ, что, дѣйствительно, уже 29 августа предполагалось вооруженное возстаніе большевиковъ. Его на этотъ разъ предупредилъ Корниловъ, пославши, согласно желанію правительства и собственнымъ планамъ, войска, которые должны были вступить въ Петроградъ въ день назначенный для большевистскаго бунта. Большевики имѣли, конечно, всѣ основанія думать, что Корниловъ ихъ не пощадитъ и что, при измѣненіи правительственнаго курса, неизбѣжномъ въ случаѣ его побѣды, имъ будетъ трудно продолжать свою дѣятельность. И они предпочли уклониться отъ направленного на нихъ удара, отмѣнивъ назначенное выступленіе и поставивъ тѣмъ Корнилова въ невыгодное положеніе нападающаго не на большевиковъ, а на само временное правительство. Это было очень умно и указываетъ на очень умѣлое руководство. Во всякомъ случаѣ, большевики не отмѣнили, а только отсрочили осуществленіе своего плана. Какъ только корниловское движеніе было подавлено и открылся, вмѣстѣ съ тѣмъ, длительный правительственный кризисъ, они принялись за серьезную подготовку къ рѣшительному бою. Къ днямъ наибольшей слабости власти относится документъ, который бросаетъ яркій свѣтъ на закулисную сторону этой подготовки. Также какъ въ дни, предшествовавшіе 3—6 іюлю, дѣло идетъ о солидной германской помощи деньгами и оружіемъ.

Мы не знаемъ, на какое употребленіе Ленинъ получилъ уже 29 августа (12 сентября) по телеграммѣ представителя Diskonto-Gesellschaft, нѣкому г. Фарзену въ Кронштадтѣ, 207,000 марокъ черезъ указанныхъ Фарзеномъ лицъ въ Стокгольмѣ. Но 8-го (21-го) сентября по спеціальной телеграммѣ предсѣдателя рейнско-вестфальскаго угольно-промышленнаго синдиката Кирдофа, — т. е. по особому распоряженію изъ главнаго источника, откуда шли германскія субсидіи, контора банкирскаго дома В. Варбургъ открыла новый текущій счетъ: „для предпріятія товарища Троцкаго“. Какой-то адвокатъ (развѣдка предполагаетъ, что это былъ извѣстный активистъ, Іонасъ Кастреңъ) пріобрѣтаетъ на эти деньги оружіе, а не менѣе извѣстный посредникъ большевиковъ въ Стокгольмѣ, Фюрстенбергъ-Ганецкій, заблаговременно сносится съ „товарищемъ“ въ Хапарандѣ, чтобы подготовить доставку этого оружія и „требуемой товарищемъ Троцкимъ“ суммы въ Россію.

Черезъ 11 дней, 19-го сентября (2-го октября) Фюрстенбергъ уже сообщаетъ изъ Стокгольма въ Хапаранду Антонову (вѣроятно лицо тождественное съ будущимъ главнокомандующимъ большевистскими войсками въ походѣ противъ Ростова), что „порученіе товарища Троцкаго исполнено: со счетовъ синдиката и министерства (вѣроятно, мин. иностр. дѣлъ въ Берлинѣ (400.000 кронъ сняты и переданы товарищу Сенѣ (Суменсенъ), который одновременно посѣтитъ Васъ (Антонова) и вручить Вамъ упомянутую сумму“. *)

Очевидно, этой серьезной подготовкой объясняется и то отношеніе, въ которое большевики въ это время встали къ правительству „гражданской войны“, какъ Троцкій уже зарачѣе называлъ правительство третьей коалиціи, и ко есмъ тѣмъ „соціалистамъ“, которые содѣйствовали созданію этой коалиціи и совѣта республики. Надо было для успѣха предстоящаго выступленія охранить абсолютную чистоту и ясность положенія, при которомъ всѣ соціалисты, кромѣ „лѣваго крыла“ с. р. и с. д., оконча-

---

*) Данныя эти взяты изъ документовъ, собранныхъ, вѣроятно, русской развѣдкой и иностранными развѣдками, и приобретенныхъ американцемъ Сиссономъ въ концѣ 1917 года. Тогда же эти документы были пересланы въ Новочеркасскъ, гдѣ я впервые съ ними познакомился. Въ извѣстной брошюрѣ Сиссона „The Bolshevik Conspiracy“ эта серія документовъ напечатана мелкимъ шрифтомъ, въ приложеніи. Болѣе сенсационными, очевидно, считались тогда документы, переданные американцемъ въ подлинникахъ или фотографическихъ снимкахъ и относившіеся къ сотрудничеству большевиковъ съ германскими офицерами уже послѣ ихъ побѣды. Но уже въ періодъ собиранія этихъ послѣднихъ документовъ пошли слухи о поддѣлкѣ ихъ лицами, продававшими документы Сиссону. Къ брошюрѣ Сиссона приложено спеціальное разслѣдованіе особой комиссіи американскихъ ученыхъ, которое опровергло обвиненіе въ поддѣлкѣ и признало документы подлинными. Но конечно, это не есть послѣдняя инстанція. Основательность сомнѣній была признана союзными правительствами, и на документы перестали ссылаться. Увѣренность въ подложности ихъ широко распространилась. Однако же, и этотъ выводъ былъ бы чересчуръ огуленъ. Исторія собиранія документовъ въ большевистскихъ учрежденіяхъ для Сиссона разсказана въ „Послѣднихъ Новостяхъ“ г. Е. П. Семеновымъ (Коганомъ). Изъ другого источника я также имѣлъ случай узнать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ собранныхъ ими документовъ — подлинные. Весьма возможно, что агенты Семенова, польстившись на деньги, перешли отъ собиранія документовъ къ ихъ поддѣлкѣ на совѣтскихъ бланкахъ. Точнаго критерія я до сихъ поръ не имѣю. Но, документы использованные въ текстѣ, повторяю, относятся совсѣмъ къ другой категоріи, и происхожденіе ихъ иное: какъ я полагаю, ихъ, дѣйствительно собрала иностранная и русская развѣдка.

тельно дискредитировались въ рабочей и солдатской средѣ Петрограда, какъ „измѣнники“, не желающіе дать народу немедленно хлѣба и мира. Мы видѣли начало этой кампаніи въ резолюціяхъ Петроградскаго совѣта р. и с. д. во время переговоровъ о коалиціи. Намъ остается прослѣдить теперь, какъ та же кампанія развивалась втеченіе октября, параллельно съ окончательными приготовленіями къ инсценировкѣ на улицахъ столицы „предпріятія товарища Троцкаго“.

9-го Октября, т. е. тотчасъ послѣ ухода большевиковъ изъ Совѣта Республики, состоялось въ Смольномъ Институтѣ, подъ предсѣдательствомъ Каменева, пленарное засѣданіе Петроградскаго Совѣта р. и с. д., въ которомъ взаимныя тактическія позиціи умѣреннаго и крайнаго социализма опредѣлились вполне отчетливо. Троцкій въ своемъ докладѣ о предпарламентѣ заявилъ, что это — никому не нужное учрежденіе, которое играетъ на руку лишь имперіалистической буржуазіи, проводящей черезъ него свои контръ-революціонныя требованія. Онъ закончилъ свою рѣчь призывомъ, „чтобы всѣ были готовы къ борьбѣ за захватъ власти, т. к. только совѣты могутъ спасти страну и закончить войну настоящимъ демократическимъ миромъ“. Тщетно доказывалъ Либеръ отъ имени меньшевиковъ, что большевики „до смѣшнаго упрощаютъ вопросъ о власти“, что „черезъ двѣ недѣли они сами обнаружатъ, что не власть рождаетъ хлѣбъ“ и что „добросовѣстно подумавъ, они поймутъ, что одно дѣло взять власть въ свои руки, а другое — сохранить ее въ своихъ рукахъ“. Либеръ прибавилъ, что „совѣсть мѣшала меньшевикамъ и с. р.-амъ взять власть въ свои руки, ибо они никогда не были демагогами и знали, что обѣщанія, данныя народу, надо осуществлять и нельзя народъ обманывать“. Выводъ отсюда былъ тотъ, что нельзя давать неисполнимыя обѣщанія вообще, даже и не находясь у власти. Но въ этомъ и заключалась трудность промежуточной позиціи меньшевиковъ, что, не отказываясь давать обѣщанія, они отказывались поставить себя въ положеніе, въ которомъ они были бы принуждены или ихъ исполнить, или отъ нихъ формально отказаться. Большевики перешагнули черезъ условную черту демагогической совѣсти — и привлекли большинство Петроградскаго Совѣта на свою сторону. Противъ 169 меньшевиковъ и с. р. подавляющимъ большинствомъ принята была предложенная Коллантай резолюція, въ которой говорилось, что предпарламентъ созданъ для закрѣпленія власти за буржуазіей, въ обходъ всероссійскаго съѣзда совѣтовъ, и что „кор-

ниловцу“ Керенскому предпарламентъ нуженъ для его „бонапартистскихъ замысловъ“. Такой же провалъ ожидалъ въ этомъ засѣданіи эсеровъ въ лицѣ оборонца Каплана, требовавшего отъ исп. комитета экстренныхъ мѣръ для обороны столицы и содѣйствія выводу петроградскаго гарнизона для встрѣчи непріятеля. Эта послѣдняя мѣра, на которой настаивалъ сѣверный фронтъ, была, конечно, непопулярна въ Петроградѣ. Нашелся офицеръ, нѣкто Павловскій, который внесъ проектъ резолюціи съ требованіемъ немедленной отставки новаго правительства, захвата власти, вооруженія рабочихъ и воспрещенія вывода гарнизона изъ Петрограда. „Контръ-революціонный составъ долженъ былъ быть замѣненъ новымъ революціоннымъ „комитетомъ обороны“, къ которому должна была перейти вся власть по охранѣ „революціоннаго народа“. Эта резолюція большевиковъ также была принята. Армія была представлена въ этомъ засѣданіи 36-ю делегатами отъ румынскаго фронта, заявлявшими, что солдаты требуютъ немедленнаго заключенія мира и передачи власти совѣту; иначе армія сама заключить перемиріе и сложить оружіе. Предсѣдатель Каменевъ привѣтствовалъ это заявленіе, выразилъ радость по поводу тѣго, что большевистскіе лозунги наконецъ усвоены и обѣщалъ внимательно изучить желанія делегатовъ и вынести удовлетворительныя рѣшенія.

11-го Октября опытъ былъ повторенъ передъ болѣе широкимъ собраніемъ представителей совѣтовъ сѣверной области, съ участіемъ представителей Москвы, балтійскаго флота и петроградскаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ прапорщика Крыленко. Послѣ рѣзкой резолюціи, по поводу остававшихся въ Крестахъ 37 заключенныхъ большевиковъ, которая была принята сѣздомъ по предложенію Антонова, снова Троцкій требовалъ перехода власти въ руки совѣтовъ. Матросъ Дыбенко, въ качествѣ представителя финляндскаго областного комитета, заявилъ, что комитетъ ведетъ неустанную борьбу съ правительствомъ. Представитель балтійскаго флота сообщилъ, что флотъ исполняетъ лишь тѣ военные приказы, которые скрѣплены, подписью комиссаровъ совѣта, и если правительство не заключитъ мира, то самъ балтійскій флотъ предприметъ шаги къ его заключенію. Представитель Волынскаго полка, какъ бы для иллюстраціи къ рѣшенію предыдущаго собранія, заявилъ, что полкъ не выйдетъ изъ Петрограда по простому, приказу „контръ-революціоннаго правительства“. Въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ сѣзда было принято обращеніе къ крестьянамъ, говорившее „о близости рѣшительнаго боя рабочихъ, солдатъ и кре-

«стыянь за землю, волю и миръ». Представитель латышскаго совѣта р. и с. д. сообщилъ, что 40.000 латышскихъ стрѣлковъ находятся въ распоряженіи съѣзда. Единственный способъ борьбы умѣреннаго большинства исп. комитета совѣта р. и с. д. со всѣми этими рѣшеніями съѣзда заключался въ заявленіи, что съѣздъ созданъ безъ вѣдома исп. комитета въ произвольномъ составѣ, и поэтому является „частнымъ совѣщаніемъ отдѣльныхъ совѣтовъ, а не полномочнымъ съѣздомъ“.

„Полномочнымъ съѣздомъ“ долженъ былъ стать для большевиковъ всероссійскій съѣздъ совѣтовъ, созданный на 20-е октября. По смыслу ихъ резолюцій (см. выше резолюцію Колонтай), они хотѣли апеллировать къ этому съѣзду на рѣшеніе демократическаго совѣщанія и уполномоченныхъ имъ органовъ о созданіи коалиціоннаго правительства. Къ 20-му октября большевики рѣшили приурочить и свое выступленіе съ требованіемъ передачи всей власти совѣтамъ. Правительство было освѣдомлено объ этомъ уже 10-го октября, а 12-го октября вопросъ о поддержаніи порядка въ Петроградѣ былъ поставленъ въ совѣщаніи Керенскаго съ его начальникомъ штаба, военнымъ и морскимъ министрами, генералами Черемисовымъ и Барановскимъ. Повидимому, тогда задача эта была признана легкой и спокойствіе столицы — вполнѣ обезпеченнымъ. Двойственное отношеніе соціалистической части правительства къ большевикамъ продолжалось, несмотря на возрастающую угрозу съ ихъ стороны. Въ эти самые дни министръ юстиціи Малянтовичъ счелъ возможнымъ, уступая требованіямъ областного съѣзда, продолжать освобожденіе большевиковъ, арестованныхъ послѣ возстанія 3—5 іюля, даже такихъ, какъ Козловскій и Раскольниковъ, или главныхъ вожаковъ пулеметнаго полка, солдатъ Семцовыхъ и Сахарова. Онъ находилъ, что ихъ нельзя преслѣдовать по ст. 108 за „благопріятствованіе непріятелю“, — такъ же какъ нельзя было-бы преслѣдовать Льва Толстого. Напрасно одинъ изъ товарищей министра возражалъ, что нельзя не считать „благопріятствующимъ непріятелю“ такія дѣйствія большевиковъ, какъ отказъ повиноваться военному начальнику, отобраніе винтовокъ у желающихъ идти на фронтъ, взрывы на заводахъ, работающих на оборону, задерживаніе на станціяхъ поѣздовъ со снарядами и т. д. („Р. Слово“, 14 октября).*)

*) Всѣ три товарища министра: Бальць, Скарятинъ и Демьяновъ послѣ этого подали въ отставку и остались только тогда, когда Малянтовичъ призналъ неправильность своихъ дѣйствій. Внѣшняя сторона этого эпизода разсказана въ воспоминаніяхъ г. Демьянова, въ IV томѣ Архива Русской Революціи,

Напрасно также военная контръ-развѣдка напоминала въ эти дни спеціальнымъ воззваніемъ ко всѣмъ гражданамъ, что работа германскихъ агентовъ въ послѣднее время чрезвычайно усилилась и что „задачи тайной агентуры германцевъ и ихъ союзниковъ въ Россіи направлены къ ослабленію нашей боевой мощи, окончательному подрыву нашихъ экономическихъ силъ и къ истощенію нравственныхъ силъ населенія путемъ обостренія политической борьбы и доведенія ея до формы погромовъ и анархіи“. („Р. Вѣдомости“, 15-го октябрю).

На серьезность приближающейся опасности на этотъ разъ первые обратили вниманіе вожди умѣренного большинства „революціонной демократіи“. До нихъ прежде всего дошли свѣдѣнія объ энергичной агитаціи, которую большевики вели на фабрикахъ и заводахъ столицы и среди солдатъ Петроградскаго гарнизона. Испол. комитетъ совѣта крестьянскихъ депутатовъ первый высказалъ осужденіе планамъ большевиковъ въ резолюціи, принятой большинствомъ 32 противъ 3, при 7 воздержавшихся, 15 октября. „Заслушавъ сообщеніе о созываемомъ на 20 октября всероссійскомъ съѣздѣ совѣтовъ р. с. и кр. д., на которомъ предполагается провести требованіе о переходѣ власти въ руки совѣтовъ, — такъ гласила эта резолюція, — „всероссійскій совѣтъ крест. депутатовъ, считаетъ необходимымъ категорически заявить, что въ данный моментъ этотъ актъ можетъ имѣть глубоко печальныя послѣдствія для страны и революціи, ибо можетъ привести къ гражданской войнѣ, которая будетъ выгодна внѣшнему врагу, все глубже проникающему въ нашу родную землю, и всѣмъ противникамъ трудового народа. Рѣшить вопросъ о власти въ окончательной формѣ можетъ только учредительное собраніе... Рѣшеніе же этого вопроса наканунѣ созываемаго черезъ полтора мѣсяца учредительнаго собранія будетъ не только вредной, но и преступной затѣй, гибельной для родины и для завоеваній революціи“.

На слѣдующій день, 14-го октября, тотъ же вопросъ былъ поставленъ и въ соединенномъ засѣданіи обоихъ исполнительныхъ комитетовъ р. с. и кр. д. „въ связи съ вопросомъ объ оборонѣ Петрограда. „Въ эти дни внѣшней опасности“, говорилъ докладчикъ Данъ, „со стороны одной части революціонной демократіи, большевиковъ, ведется агитація за то, чтобы перейти отъ словъ къ дѣлу. Къ какому дѣлу? Къ чему ведетъ эта агитація?“ „Къ миру и землѣ“ кричалъ съ мѣста Рязановъ. „Но армія“, продолжалъ

Данъ, „понимаетъ ее, какъ призывъ къ неисполненію стратегическихъ приказаній. Рабочіе понимаютъ ее, какъ призывъ къ немедленному выступленію. Называютъ то 16-е, то 20-е число. Большевики должны отвѣтить, правильно или неправильно понимаютъ ихъ; должны сказать, говорятъ ли они массамъ, что выступленіе будетъ сопровождаться кровавой войной, погромомъ. Къ намъ, въ ц. и. к., приходятъ рабочіе и солдаты и говорятъ, что они не знаютъ, надо имъ выступать или нѣтъ. Съ одной стороны, какъ будто надо, съ другой, какъ будто не надо. Пусть же большевики прямо, честно, открыто скажутъ здѣсь: да или нѣтъ?“

Большевики отвѣчали лишь протестами и шумомъ, стараясь заглушить оратора и сорвать собраніе. Когда имъ это не удалось, они потребовали часового перерыва для обсужденія предложенной Дагомъ резолюціи. По возобновленіи засѣданія Пятаковъ произнесъ рѣзкую демагогическую рѣчь и внесъ резолюцію о переходѣ власти къ совѣтамъ. Послѣ продолжительныхъ преній принята была всѣми, кромѣ воздержавшихся большевиковъ и лѣвыхъ с. р., слѣдующая резолюція Дана. „Принимая во вниманіе опасное военное положеніе Петрограда, которому угрожаетъ вражеское нашествіе и ту погромную агитацію, которую давно ведетъ контръ-революція... ц. и. к. р. и с. д. и и. к. кр. д. обращается ко всѣмъ рабочимъ, солдатамъ и крестьянамъ и ко всѣмъ жителямъ Петрограда съ призывомъ сохранять полное спокойствіе... и считаетъ при данныхъ обстоятельствахъ недопустимыми всякаго рода выступленія, способныя только вызвать погромное движеніе и привести къ гибели революцію“.

Обратила вниманіе на грозившую опасность и несоціалистическая часть правительства. А. И. Коноваловъ неоднократно настаивалъ передъ Керенскимъ на принятіи дѣйствительныхъ предупредительныхъ мѣръ на случай возстанія, на точномъ выясненіи, какія, именно, части войскъ будутъ поддерживать временное правительство и на составленіи соотвѣстнаго плана обороны. Разговоры объ этомъ велись 13-го и 14-го октября. Отвѣты Керенскаго были уклончивы: мѣры приняты, опасаться нечего, военное положеніе даетъ достаточныя средства обороны въ случаѣ надобности. 14-го октября Коноваловъ настоялъ на выслушаніи доклада начальника штаба Петроградскаго военного округа ген. Багратуни, — единственнаго, сколько-нибудь, компетентнаго лица въ составѣ округа — и его впечатлѣніе было, что никакихъ мѣръ не принято, никакого плана нѣтъ и правительство, несомнѣнно, будетъ застиг-

нуто возстаніємъ врасплохъ. Вечеромъ, 14-го, Керенскій уѣхалъ въ ставку и вернулся только къ вечеру 17-го, все еще имѣя въ виду въ ближайшіе дни снова уѣхать — и надолго — на нижнюю Волгу. въ Саратовъ и другіе города, „для ознакомленія съ настроеніемъ народа“, какъ онъ говорилъ. Коноваловъ продолжалъ категорически возражать противъ этого плана. Недовольный повторными настояніями, Керенскій просто сталъ уклоняться отъ бесѣдъ и отъ прямыхъ отвѣтовъ на прямые вопросы. Единственными мѣрами, принятыми въ эти дни, были приказы главнаго начальника петроградскаго военного округа полковника Полковникова, типичнаго представителя новѣйшаго „революціоннаго“ командования, выдвинутого на свой постъ отнюдь не по цензу профессиональной опытности, а по цензу революціонной благонадежности. Въ сильныхъ словахъ не было недостатка въ этихъ прокламаціяхъ 17-го октября. „Всякій, кто способенъ въ настоящее время призывать массы къ гражданской войнѣ“, объявлялся здѣсь „безумнымъ слѣпцомъ или же сознательно дѣйствующимъ въ угоду императора Вильгельма“. Напоминалось о строгомъ запрещеніи временнымъ правительствомъ „всякаго рода митинговъ, собраній и шествій, къ которымъ бы они ни устраивались“, и, наконецъ, даже была на-лицо угроза „самыми крайними мѣрами для подавленія всякаго рода попытокъ нарушенія порядка“. Петроградъ, Кронштадтъ и Финляндія со всѣми войсками были непосредственно подчинены главнокомандующему сѣвернаго фронта (Черемисову), и для разрѣшенія деликатнаго вопроса о выводѣ изъ столицы войскъ петроградскаго гарнизона онъ созвалъ сѣздъ делегатовъ въ Псковѣ.

Большевики на эти бумажныя мѣры и формальныя распоряженія отвѣчали практическими шагами. Первый такой шагъ былъ предпринятъ въ засѣданіи петроградскаго совѣта р. и с. деп. 16 октября. По предложенію Троцкаго, былъ созданъ главный штабъ предстоящаго возстанія, подъ названіемъ „военно-революціоннаго комитета“. Троцкій привелъ очередные демагогическіе аргументы: „нужно оборонять Петроградъ отъ . . . буржуазіи, которая хочет опереться на войска Вильгельма противъ революціонной демократіи. „Наученные опытомъ Корниловщины, мы не можемъ подчиняться распоряженіямъ органовъ, не очищенныхъ отъ контрреволюціонныхъ элементовъ. Мы должны создать свой собственный органъ, чтобы, сознательно идти сражаться и умирать“. Меньшевики-оборонцы протестовали „противъ гибельныхъ для революціи авантуръ“, меньшевики-интернаціоналисты высказались противъ

выступленія массъ въ данный моментъ; но большинствомъ голосовъ проектъ созданія военно-революціоннаго комитета былъ принятъ, и Троцкій благословилъ этотъ новый органъ на „немедленную и плодотворную работу“.

И, дѣйствительно, „работа“ предполагалась немедленная. Былъ уже готовъ цѣлый планъ выступленія въ ночь на 17 октября. Массы должны были двинуться къ центру города съ трехъ сторонъ: съ Охты, изъ-за Нарвской заставы и изъ Новой деревни. Второй отрядъ долженъ былъ захватить мосты черезъ Неву и занять Петропавловскую крѣпость. Третій отрядъ долженъ былъ занять дворцы. Въ два часа ночи по этому поводу спѣшно собралось, Временное Правительство и выслушало доклады Керенскаго, Верховскаго и Никитина о принятыхъ мѣрахъ. Съ четырехъ часовъ ночи засѣданіе продолжалось въ кабинетѣ Керенскаго съ высшими чинами округа; и были приняты мѣры къ усиленію охраны Зимняго Дворца. Для этого были приглашены юнкера-артиллеристы и двѣ школы прапорщиковъ изъ Ораніенбаума, хотя Полковниковъ и продолжалъ увѣрять, что большинство гарнизона относится къ выступленію отрицательно.

Въ послѣднюю минуту большевики отмѣнили свои приготовленія. Почему они это сдѣлали, неясно. Верховскій, какъ мы видѣли, приписывалъ себѣ заслугу отсрочки большевистскаго выступленія и объяснялъ ихъ рѣшеніе тѣмъ, что они испугались того впечатлѣнія, которое произвели свѣдѣнія объ ихъ планахъ на сѣверномъ фронтѣ. Подобно Корнилову, Верховскій грозилъ, очевидно, тѣмъ, что фронтъ пойдетъ на Петроградъ. Какъ бы то ни было, эта угроза оказалась впослѣдствіи безпочвенной. Правда, что и самъ кандидатъ на роль Корнилова въ промежутокъ покинулъ свой постъ. Возможно, что въ виду принятыхъ правительствомъ ночью мѣръ большевики захотѣли еще разъ провѣрить свои силы. Наконецъ, съѣздъ совѣтовъ, къ которому приурочивался моментъ выступленія, 17 октября былъ отсроченъ центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта. р. и. с. д. съ 20 октября на 25-ое. Въ связи съ этимъ могла переѣмниться вся диспозиція боя. Но бой былъ только отложенъ. Большевики говорили теперь, что они, собственно, не назначаютъ еще вовсе дня своего выступленія.

Отсрочкой выступленія большевики воспользовались, прежде всего для закрѣпленія своихъ позицій среди петроградскихъ рабочихъ и солдатъ. Троцкій появлялся на митингахъ въ разныхъ частяхъ петроградскаго гарнизона. Созданное имъ настроеніе харак-

теризуется тѣмъ, что, напримѣръ, въ Семеновскомъ полку выступившимъ послѣ него членамъ исполнительнаго комитета Скобелеву и Гоцу не дали говорить. Троцкій далъ лозунгъ — ждать инструкціи отъ всероссійскаго съѣзда совѣтовъ. 19 октября состоялось собранное военнымъ отдѣломъ петроградскаго совѣта закрытое засѣданіе полковыхъ и ротныхъ комитетовъ. Присутствовавшіе делегаты оказались большевистски настроенными и въ ихъ заявленіяхъ была лишь та разница, что не всѣмъ было ясно отношенію къ выступленію и. ц. к. петроградскаго совѣта, а въ нѣкоторыхъ частяхъ вопросъ о выступленіи еще не былъ формально обсужденъ. Такъ, представитель измайловскаго полка заявилъ, что солдаты его части вѣрятъ только совѣту р. и с. д. и выступаютъ по первому его зову противъ временнаго правительства. Делегатъ Егерскаго полка заявилъ, что полкъ выступить по приказу петроградскаго совѣта для сверженія правительства и передачи власти совѣтамъ. Представитель Волынского полка заявилъ, что солдаты его части не будутъ исполнять приказаній правительства. Делегатъ Павловскаго полка сообщилъ, что полкъ не признаетъ ни правительства, ни ц. к., а вопроса о выступленіи не обсуждалъ. Представитель Кексгольмскаго полка пришелъ съ готовой резолюціей о немедленномъ созывѣ съѣзда совѣтовъ, который бы принялъ мѣры къ прекращенію войны. Представитель XX Стрѣлковаго полка указалъ, что полкъ требуетъ немедленнаго окончанія войны и передачи земель комитетамъ. Представитель Гвардейскаго и Флотскаго экипажа заявилъ, что матросы правительству не вѣрятъ, ждутъ приказа отъ „центрофлота“ и требуютъ прекращенія соглашательской политики. Гренадерскій полкъ и представитель 2-ой Ораніебаумской школы прапорщиковъ (размѣщенной въ Зимнемъ Дворцѣ) заявили, что выступаютъ въ защиту правительства только по приказу исп. комитета совѣта. Кавалеристы говорили, что они останутся нейтральными хотя и есть нѣсколько казачьихъ сотенъ и ударныхъ батальоновъ, которые сочувствуютъ временному правительству.

Послѣ всѣхъ этихъ докладовъ выступилъ Троцкій и прямо указалъ на цѣль собранія. „У насъ нѣтъ рѣшенія о срокѣ выступленія“, подтвердилъ онъ; „но правительство желаетъ пойти на открытую борьбу съ нами, и мы примемъ бой; петроградскій гарнизонъ воспротивится выводу войскъ на фронтъ“. Затѣмъ былъ оглашенъ рядъ постановленій петроградскаго совѣта о непрерывной связи его со всѣми частями гарнизона. Тутъ предусмотрѣно было и наз-

наченіє спеціальнихъ комиссаровъ петроградскаго совѣта во всѣ войсковыя части, и дежурство у полевыхъ телефоновъ, и ежедневное освѣдомленіе о планахъ военно-революціоннаго комитета, только что выбраннаго. Словомъ, устанавливались уже подробности сношеній съ гарнизономъ въ ожиданіи немедленнаго выступленія.

Относительно общаго положенія въ городѣ корреспонденціи „Р. Вѣдомостей“ сообщили 20 октября слѣдующіе факты. „На окраинахъ, на петроградскихъ заводахъ, Невскомъ, Обуховскомъ и Путиловскомъ, большевистская агитація за выступленіе идетъ во всю. Настроеніе рабочихъ массъ таково, что онѣ готовы двинуться въ любой моментъ. За послѣдніе дни въ Петроградѣ наблюдается небывалый наплывъ дезертировъ. Весь вокзалъ переполненъ ими. На Варшавскомъ вокзалѣ не пройти отъ солдатъ подозрительнаго вида, съ горящими глазами и возбужденными лицами. Всѣ окраины производятъ въ этомъ отношеніи ужасающее впечатлѣніе. По набережной Обводнаго канала безцѣльно длижутся толпы, пьяныхъ матросовъ. . . Имѣются свѣдѣнія о прибытіи въ Петроградъ цѣлыхъ воровскихъ шакетъ, чувствующихъ наживу. Организуются темныя силы, которыми переполнены чайныя и притоны. . . Комиссаръ Нарвскаго подъ-района сообщилъ управленію милиціи о появленіи на Балтійскомъ заводѣ значительныхъ группъ матросовъ. . . Въ связи съ ожидаемымъ выступленіемъ большевиковъ, въ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ отмѣчается усиленное требованіе кліентами банковъ принадлежащихъ имъ цѣнностей“. Это объясняется „убѣжденіемъ широкихъ массъ населенія, что выступающіе большевики прежде всего обратятся къ разгрому частныхъ коммерческихъ банковъ“.

Въ такомъ напряженномъ ожиданіи прошли 20, 21, 22 октября. Патрули ходили по улицамъ; изрѣдка показывались таинственные автомобили съ людьми въ солдатской формѣ, стрѣлявшими въ воздухъ изъ револьверовъ и винтовокъ. У Зимняго Дворца стояли броневики, легкая артиллерія и пулеметы. Подступы къ дворцу и къ штабу охранялись караулами. На воскресенье, 22-ое, въ день Казанской Божьей Матери, казаки назначили крестный ходъ, а большевики объявили „день петроградскаго совѣта“. Троцкій на общемъ собраніи полковыхъ комитетовъ въ Смольномъ объявилъ, что это будетъ „смотръ нашихъ революціонныхъ силъ“. Однако, въ виду казачьей демонстраціи петроградскій гарнизонъ вынесъ резолюцію, въ которой приглашалъ „братьевъ-казаковъ“ на „завтрашнія собранія“, объяснялъ цѣль „совѣтскаго дня“, какъ „сборъ средствъ на революціонную печать“, и предостерегалъ

противъ „провокаціи нашихъ общихъ враговъ“, Корниловцевъ и буржуазіи.

„День Петроградскаго совѣта“, 23 октября, прошелъ спокойно, чѣмъ ожидалось. Испуганное населеніе осталось дома или держалось въ сторонѣ. Митинги были немногочисленны, и выступавшіе на нихъ большевистскіе ораторы не встрѣчали единодушнаго сочувствія аудиторіи. Хотя казацкій крестный ходъ былъ отмѣненъ, тѣмъ не менѣе, не зная объ этомъ толпа демонстрантовъ, собралась у Исаакіевскаго собора и образовала довольно внушительное шествіе къ Казанскому собору. Къ вечеру толпа разошлась, и день закончился мирно. Но въ то же время дѣлались полѣдніе подготовительные шаги къ рѣшительному выступленію, и, быть можетъ, именно, этимъ объясняется умѣренный тонъ большевистскихъ ораторовъ, приглашавшихъ своихъ сторонниковъ воздержаться отъ выступленій и накапливать силы къ моменту, когда петроградскій совѣтъ подастъ сигналъ къ захвату власти.

Въ центрѣ предстоящаго выступленія, стоялъ организованный 20-го октября „военно-революціонный комитетъ“, предназначенный замѣнить штабъ Петроградскаго округа въ руководствѣ петроградскимъ гарнизономъ. Въ ночь на 23-е комитетъ приступилъ къ осуществленію своей миссіи. Члены военно-революціоннаго комитета явились въ штабъ округа и потребовали допущенія къ контролю всѣхъ распоряженій штаба съ правомъ рѣшающаго голоса. Полковникъ Полковниковъ отвѣтилъ на требованіе категорическимъ отказомъ. При штабѣ уже имѣлось одно „революціонное учрежденіе: это было особое совѣщаніе представителей центральнаго исполнительнаго комитета совѣта р. и с. д. и солдатской секціи петроградскаго совѣта. Но теперь шла борьба между центральнымъ комитетомъ и петроградскимъ совѣтомъ, и послѣдній органъ рѣшилъ непосредственно взять революціонную власть надъ штабомъ въ руки своего комитета. Послѣ отказа Полковникова одинъ изъ членовъ особаго совѣщанія при штабѣ, членъ солдатской секціи, солдатъ Огурцовскій, заявилъ, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ работать со штабомъ, Полковниковъ принялъ тогда компромиссную мѣру: онъ обратился телефоннограммами ко всѣмъ полковымъ комитетамъ петроградскаго гарнизона съ приглашеніемъ непосредственно послать своихъ представителей въ штабъ. При обнаружившемся уже тяготѣнн гарнизона къ военно-революціонному комитету можно было предвидѣть, что изъ этого выйдетъ. Представители полковыхъ комитетовъ были избраны, но, по предложе-

нію военно-революціоннаго комитета они оправились не въ штабъ къ Полковнику, а въ Смольный, „для выработки единообразной тактики и для принятія резолюціи объ отношеніи къ штабу округа“. Послѣ продолжительныхъ преній на этомъ собраніи (23-го октября) было рѣшено отправить во всѣ части петроградскаго гарнизона телефонограмму, въ которой говорилось, что штабъ округа, отказываясь признать авторитетъ военно-революціоннаго комитета, тѣмъ самымъ порываетъ съ революціоннымъ гарнизономъ и съ Петроградскимъ совѣтомъ и становится „прямымъ орудіемъ контр-революціонныхъ силъ“. Телефонограмма отдавала далѣе слѣдующія приказанія: „Никакія распоряженія по гарнизону, не подписанныя военно-революціоннымъ комитетомъ, недѣйствительны. Всѣ распоряженія петроградскаго совѣта относительно слѣдующаго дня остаются въ силѣ. Всѣмъ солдатамъ гарнизона вмѣняется въ обязанность бдительность, выдержанность и служебная дисциплина. Революція въ опасности. Да здравствуетъ революціонный гарнизонъ“. Делегация изъ 6 лицъ должна была поѣхать въ штабъ округа и заявить тамъ, что отнынѣ штабъ можетъ сноситься съ гарнизономъ только черезъ военно-революціонный комитетъ.

Въ то время какъ въ Смольномъ вырабатывались эти рѣшенія, въ штабѣ округа происходило совѣщаніе гарнизоннаго и бригаднаго комитетовъ съ участіемъ представителей исполнительнаго комитета р. и с. д., такого же комитета кр. д. и петроградскаго совѣта. Члены послѣдняго заявили, что присутствуютъ только для информации, а членъ совѣта подпоручикъ Дашкевичъ предъявилъ требованіе о контрассигновкѣ всѣхъ распоряженій штаба военно-революціоннымъ комитетомъ. Представители штаба объяснили, что они не могли принять комиссара военно революціоннаго комитета потому, что у нихъ уже есть комиссаръ — представитель центрального исполнительнаго комитета Малевичъ. и прежде назначенія другого они должны выждать, какъ разрѣшится конфликтъ центр. комитета съ петроградскимъ совѣтомъ.

Правительство не могло, наконецъ, не обратить вниманіе на дѣйствіе большевиковъ, которые становились тѣмъ безцеремоннѣе и агрессивнѣе, чѣмъ дальше они оставались безнаказанными. По настоянію А. И. Коновалова Керенскій вызвалъ 23-го октября въ Зимній Дворецъ министровъ для обсужденія создавшагося положенія. Всѣ единодушно находили, что самочинное образованіе военно-революціоннаго комитета должно считаться преступнымъ

дѣяніемъ, — тѣмъ болѣе, что оно совершено на театрѣ военныхъ дѣйствій. Обращено было вниманіе на нерѣшительность дѣйствій Полковникова и на необходимость сосредоточить оборону столицы и правительства въ рукахъ одного и болѣе опытнаго руководителя.

Выше уже отмѣчено настроеніе А. Ф. Керенскаго въ эти послѣдніе дни существованія Временнаго Правительства и его постоянныя колебанія въ случаяхъ необходимости принять скорыя и рѣшительныя мѣры. Это настроеніе роковымъ образомъ отразилось и на данномъ вопросѣ. Въ своей позднѣйшей статьѣ „Гатчина“ („Современныя Записки“, книга X. 1922.) Керенскій слагаетъ съ себя отвѣтственность — перелагая ее отчасти и на своихъ партійныхъ товарищей — въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Около 20 октября (мы видѣли, что это началось значительно раньше) начали большевики осуществлять въ С. Петербургѣ свой планъ вооруженнаго возстанія для сверженія Временнаго Правительства.

Эта подготовка шла довольно успѣшно въ частности и потому, что остальные социалистическія партіи и совѣтскія группировки, относясь ко всѣмъ свѣдѣніямъ о готовящихся событіяхъ, какъ къ „контръ-революціоннымъ измышленіямъ“, даже не пытались своевременно мобилизовать свои силы, способныя въ нужный моментъ оказать сопротивленіе большевистскимъ затѣямъ внутри самой революціонной демократіи.“ Мы видѣли внутреннія причины паралича „остальныхъ социалистическихъ партій. Но и самъ А. Ф. Керенскій относился къ предстоящему выступленію крайне легко. Въ отвѣтъ на опасенія министровъ онъ заявлялъ, что онъ очень радъ этому выступленію, какъ лучшему способу окончательно раздѣлаться съ большевиками.

Однако, для этой послѣдней цѣли надо же было готовить силы. А. Ф. Керенскій говоритъ въ упомянутой статьѣ: „съ своей стороны правительство готовилось къ подавленію мятежа, но, не рассчитывая на окончательно деморализованный Корниловскимъ выступленіемъ С.П.Б. гарнизонъ, изыскивало другія средства воздѣйствія. По моему приказу съ фронта должны были въ срочномъ порядкѣ выслать въ С.П.Б. войска, и первые эшелоны съ Сѣвернаго фронта должны были появиться въ столицѣ 24 октября. Въ то же время (т. е. послѣ 20-го или даже послѣ 23-го) полк. Полковниковъ, командующій войсками С.П.Б. военного округа, получилъ приказъ разработать подробный планъ подавленія мятежа. Ему же было предложено своевременно взять на учетъ и сьоргани-

зовать всѣ вѣрныя долгу части гарнизона". Мы видѣли, какъ далека была отъ этихъ гладкихъ официальныхъ выраженій та реальная обстановка, среди которой пришлось работать Полковникову. По словамъ А. Ф. Керенскаго Полковниковъ „каждое утро лично представлялъ ему рапортъ; при чемъ постоянно докладывалъ, что во ввѣренныхъ ему войскахъ — частяхъ, которыми можетъ располагать правительство „вполнѣ достаточно“, чтобы справиться съ готовящимся возстаніемъ. „Мы только что видѣли, что въ это самое время, когда Керенскій отдавалъ Полковникову приказы и выслушивалъ рапорты, министры требовали замѣны Полковникова болѣе энергичнымъ и спытнымъ челоѡвѣкомъ. Въ статьѣ „Гатчина“ Керенскій признаетъ основательность этихъ указаніе, но опять распространяетъ отвѣтственность съ себя на все правительство. Къ великому сожалѣнію, „говоритъ онъ „мы, члены правительства, слишкомъ поздно узнали, что, какъ самъ Полковниковъ, такъ и часть его штаба вели въ эти роковые дни двойную игру и примыкали какъ разъ къ той части офицерства, въ планы которой входило сверженіе Временнаго Правительства руками гг. большевиковъ. „Такое настроеніе, дѣйствительно, было — и не только въ средѣ офицерства. Но обвиненіе Полковникова въ сознательной „двойной игрѣ“, повидимому идетъ слишкомъ далеко.

Военно-революціонный комитетъ, съ своей стороны не дремалъ. Въ многочисленномъ засѣданіи петроградскаго совѣта 23-го октября, въ присутствіи многочисленной публики, членъ комитета Антоновъ сдѣлалъ докладъ о первыхъ двухъ дняхъ дѣятельности комитета. „Почти всѣ части гарнизона, докладывалъ Антоновъ, уже признали власть комитета и его комиссаровъ. Къ нему начали обращаться и разныя столичныя учрежденія. Наборщики одной типографіи запросили комитетъ, слѣдуетъ ли исполнять заказы, которые они признали „черносотенными“; и комитетъ постановилъ чтобы ни одинъ подозрительный заказъ типографіями на исполнялся безъ его санкціи. Рабочіе Кронверкскаго арсенала пожаловались, что по распоряженію штаба изъ арсенала выдается значительное количество винтовокъ. Комитетъ послалъ въ арсеналъ своего комиссара, который задержалъ 10 тысячъ винтовокъ, предназначенныхъ для отправленія въ Новочеркасскъ. Комитетъ постановилъ вообще, чтобы рабочіе выдавали оружіе со складовъ и заводовъ не иначе, какъ по его ордеру. Далѣе Антоновъ заявилъ, что военно-революціонный комитетъ не только освѣдомленъ о мѣрахъ, которыя правительство принимаетъ на случай возстанія, вызывая войска съ фронта и изъ

разныхъ городовъ, но уже и принялъ съ своей стороны мѣры. Такъ одна пѣхотная часть, направлявшаяся къ Петрограду, задержана у Пскова. Одна пѣхотная дивизія и два полка въ Венденѣ отказались идти на Петроградъ. Неизвѣстно пока комитету, что произошло съ отрядомъ юнкеровъ, вызваннымъ изъ Кіева, и съ ударными батальонами, — но скоро и объ этомъ будутъ получены свѣдѣнія. Антоновъ отмѣтилъ, между прочимъ въ своемъ докладѣ, что, несмотря на угрозы штаба и центрального комитета, комиссары военно-революціоннаго комитета до сихъ поръ не арестованы. „Да ихъ и не посмѣютъ арестовать“, прибавилъ онъ подъ громъ апплодисментовъ.

Дѣйствительно, выслушавъ въ тотъ же вечеръ докладъ Полковникова*), правительство обсуждало вопросъ о немедленномъ арестѣ военно-революціоннаго комитета, но. . . , рѣшило ждать дальнѣйшаго развитія дѣйствій! Въ ожиданіи, Керенскій обсуждалъ съ Малянтовичемъ вопросъ о возбужденіи противъ членовъ комитета судебного преслѣдованія. . . Физіономія города, подъ впечатлѣніемъ этого бездѣйствія власти и безнаказанности революціонныхъ дѣйствій, замѣтно измѣнилась. Начались самочинные обыски красногвардейцевъ; въ разныхъ мѣстахъ производилась стрѣльба. На летучихъ митингахъ солдаты, матросы и рабочіе призывали населеніе подчиниться лозунгамъ большевиковъ.

24 октября газеты опубликовали воззваніе петроградскаго совѣта къ гражданамъ, солдатамъ и населенію столицы. Въ первомъ изъ нихъ было повторено, что штабъ „порвалъ съ революціоннымъ гарнизономъ и петроградскимъ совѣтомъ“, сдѣлался „прямымъ органомъ контръ-революціонныхъ силъ“ и что „военно-революціонный комитетъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія петроградскаго военного округа“. Солдатамъ подтверждалось, что „никакія распоряженія по гарнизону, не подписанныя военно-революціоннымъ комитетомъ недѣйствительны“. А населенію объявлялось, что во всѣ воинскія части и „особо важные пункты столицы и ея окрестностей“, назначены комиссары, противодѣйствіе которымъ есть „противодѣйствіе совѣту р. и. с. д. (не сказано которому)“ и безъ утвержденія которыхъ никакія приказы и распоряженія не подлежатъ исполненію. Граждане приглашались

---

*) Докладъ Полковникова правительству 23-го октября, слѣдовательно не былъ такъ оптимистиченъ, какъ утверждаетъ Керенскій о его рапортахъ себѣ.

оказать этимъ комиссарамъ „всемирную поддержку“. Со своей стороны, военный комиссаръ центрального исполнительнаго комитета при штабѣ Малевскій обращался къ комитетамъ петроградскаго гарнизона съ контръ-воззваніемъ, въ которомъ призывалъ сохранить спокойствіе и напоминалъ, что „всякое выступленіе вызоветъ гражданскую войну, выгодную для враговъ революціи“. Конфликтъ сталъ, такимъ образомъ, публичнымъ и открытымъ. Всѣ оптимистическія свѣдѣнія, доставлявшіяся въ Зимній Дворецъ до глубокой ночи, — будто бы удалось ликвидировать столкновеніе „совершенно безболѣзненно“, оказывались невѣрными. Военно-революціонный комитетъ не только не признавалъ центрального комитета, но даже не изъявлялъ желанія подчиниться и петроградскому совѣту, въ случаѣ если послѣдній пойдетъ на компромиссъ. Московскій „Соціалъ-демократъ“ заявлялъ въ этотъ день съ полной откровенностью: „гражданская война началась. Война объявлена и военныя дѣйствія начались. Мы должны твердо сказать себѣ это. Керенскій и его агенты — наши открытые враги: никакихъ переговоровъ съ ними. Съ врагами не разговариваютъ — ихъ бьютъ“.

При такомъ положеніи дальше молчать нельзя было и правительству. И Керенскій, наконецъ, заговорилъ. Онъ выступилъ въ тотъ же день, 24 октября, въ засѣданіи совѣта республики съ своей, увѣ, послѣдней рѣчью. Онъ разсказалъ исторію своихъ—не приготовленій, а переговоровъ, которые тянулись такъ долго и до тѣхъ поръ, какъ это нужно было противнику, чтобы подготовиться. „Несмотря на цѣлый рядъ выступленій, уговоровъ и предложеній, которые шли отъ цѣлаго ряда общественныхъ организацій“, разсказывалъ Керенскій, „и въ особенности весьма внушительное заявленіе, которое было сдѣлано вчера представителями всѣхъ пріѣхавшихъ сюда делегатовъ фронта, мы не получили въ срокъ заявленія объ отказѣ отъ сдѣланныхъ (военно-революціоннымъ комитетомъ) распоряженій. Намъ было сдѣлано только заявленіе въ 3 часа ночи, что принципиально всѣ пункты, предъявленные какъ ультиматумъ со стороны военной власти, принимаются. Такимъ образомъ, счелъ нужнымъ прибавить Керенскій, въ 3 часа ночи организаторы возстанія принуждены были формально заявить о томъ, что они совершили актъ неправомѣрный, отъ котораго отказываются“. Это, очевидно, и считалось „безболѣзненной ликвидаціей“ возстанія и съ мѣста раздались восклицанія: „оригинально“. „Но, продолжалъ Керенскій, какъ я ожидалъ и былъ увѣренъ по всей предыдущей тактикѣ этихъ людей, это была

очередная оттяжка и сознательный обманъ. Въ настоящее время прошли всѣ сроки, и мы того заявленія, которое должно было быть въ полкахъ, не имѣемъ; но имѣется обратное явленіе: именно, самовольная раздача патроновъ и оружія, а также вызовъ двухъ ротъ въ помощь революціонному штабу. Такимъ образомъ, я долженъ установить передъ временнымъ совѣтомъ республики полное и ясное состояніе извѣстной части населенія города Петербурга, какъ состояніе возстанія“.

Керенскій произнесъ эти слова довольнымъ тономъ адвоката, которому удалось, наконецъ, уличить своего противника, — какъ онъ уличалъ Корнилова, — въ томъ, что тотъ тщательно и искусно скрывалъ. Онъ и въ эту минуту заботился прежде всего о „юридической квалификаціи“, какъ онъ тутъ же выразился. Но съ мѣста послышалось ироническое: „дождались“. И Керенскій при возрастающемъ шумѣ на крайней лѣвой, прибавилъ: „мною предложено немедленно начать соотвѣтствующее судебное слѣдствіе, предложено произвести соотвѣтствующіе аресты“... Аресты кого? Приказъ объ арестѣ Ленина былъ отданъ уже нѣсколько дней тому назадъ, но Керенскій самъ, ядовито, какъ онъ думалъ, замѣтилъ, что „вожаки имѣютъ обычай и чрезвычайную способность скрываться“, и имъ „никакія тяжкія послѣдствія возстанія“ не грозятъ.

Вотъ и всѣ мѣры, о которыхъ сообщило правительство. И вся рѣчь Керенскаго, не такая намѣренно красивая, какъ обыкновенно, скорѣе взволнованная и растерянная даже въ эту минуту была направлена не къ тому, чтобы подавить возстаніе, а къ тому, чтобы оправдать себя въ глазахъ лѣвой, и даже въ глазахъ возставшихъ. Чтобы доказать, что они дѣйствительно преступники, онъ уличалъ Ленина цитатами изъ большевистскихъ газетъ „Рабочаго Пути“ и „Солдата“. Но, чтобы смягчить даже и этотъ выпадъ, онъ даже и въ такую минуту не отказался отъ своего обычнаго пріема — уравнивать ударъ налѣво ударомъ направо. Онъ, заявилъ, что „пропаганда противъ власти (съ мѣста поправляли: за сильную власть) велась также и въ „Новой Руси“, „Живомъ Словѣ“ и „Общемъ Дѣлѣ“ (Бурцева), и что эти газеты, по его распоряженію, „сегодня ночью также закрыты“. Онъ даже считалъ „для себя чрезвычайно важнымъ отмѣтить“, что „сами организаторы возстанія“, „самъ Ленинъ“, выдалъ ему, Керенскому, „узурпатору, продавшемуся буржуазіи“, свидѣтельство о томъ, что при его правительствѣ „наилучше постановленные во всѣмъ мірѣ

пролетарскіе интернаціоналисты“ могли совершенно безнаказанно организовать свое возстаніе. Къ этой мысли онъ вновь и вновь возвращался втеченіи своей рѣчи. „Правительство могутъ упрекнуть въ слабости и чрезвычайномъ терпѣніи, но, во всякомъ случаѣ, никто не имѣетъ права сказать, что временное правительство за все время, пока я стою во главѣ временнаго правительства и до этого, прибѣгало къ какимъ либо мѣрамъ воздѣйствія, раньше, чѣмъ это не грозило непосредственной гибелью государству. Прошу также членовъ совѣта республики, которые выражаютъ съ мѣстъ свои мнѣнія возгласами о томъ, что дѣйствія власти были недостаточно своевременны и что мы бездѣйствовали, вспомнить... что намъ необходимо во чтобы то ни стало стремиться къ тому, чтобы новый режимъ, режимъ свободы, былъ по возможности совершенно освобожденъ отъ упрековъ въ какихъ бы то ни было, не оправдываемыхъ необходимостью, репрессіяхъ и жестокостяхъ“. „Никто не можетъ заподозрить, что эти мѣры нами принимаются съ какими нибудь другими цѣлями, кромѣ необходимости спасти государство“. *)

Во время самой рѣчи Керенскій получилъ копію документа, которую въ это самое время военно-революціонный комитетъ разослалъ по войскамъ: „Петроградскому совѣту р. и с. д. грозитъ опасность. Предписываю привести полкъ въ полную боевую готовность и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Всякое промедленіе и неисполненіе приказа будетъ считаться измѣной революціи. За предсѣдателя Подвойскій, секретарь Антоновъ“. Это былъ языкъ власти... Керенскій, прочтя документъ собранію, констатировалъ вновь „состояніе возстанія“, и продолжалъ, осуждая „чернь“, апеллировать къ „разуму, совѣсти и чести населенія столицы“, пугать его не только открытіемъ фронта, новой военной катастрофой, но и новой „попыткой“ контръ-революціи, „можетъ быть болѣе серьезной, чѣмъ попытка Корнилова“. *) Онъ

*) Въ статьѣ „Гатчина“ Керенскій иначе резюмируетъ эту свою послѣднюю рѣчь: „я заявилъ, что всѣ возможныя мѣры для подавленія возстанія приняты и принимаются вр. Пр.; что оно будетъ до конца бороться съ измѣнниками родины и революціи; что оно прибѣгнетъ безъ всякихъ колебаній къ военной силѣ, но что для успѣшности борьбы правительству необходимо немедленное содѣйствіе всѣхъ партій и группъ“ и т. д.

*) Эту точку зрѣнія А. Ф. Керенскій усвоилъ вполнѣ, какъ методъ своего оправданія передъ потомствомъ. Изъ своей статьи „Гатчина“, цитированной выше (Совр. Записки X), онъ излагаетъ тотъ взглядъ, по которому

слагалъ заранѣе отвѣтственность на другихъ, и свидѣтельствовалъ о невинности правительства и своей собственной. Съ лѣвой кричали въ отвѣтъ: „виноваты тѣ, кто за кулисами демократіи затягиваетъ войну“.

При апплодисментахъ всего собранія, крайняя лѣвая упорно молчала. Но, именно, въ эту сторону Керенскій продолжалъ направлять свою аргументацію и, въ завершеніе ея, даже сдѣлалъ новые авансы. Большевики — та партія, которая теперь подлежитъ немедленной, рѣшительной ликвидаціи, „обѣщаетъ народу землю и миръ“. Но и правительство готово обѣщать то же самое. Оно какъ разъ теперь „обсуждаетъ въ окончательной формѣ вопросъ о передачѣ временно, до Учредит. Собранія, земель въ распоряженіе и управленіе земельныхъ комитетовъ“. То же правительство „предполагало въ ближайшіе дни отправить свою делегацію на парижскую конференцію для того, чтобы тамъ, согласно своимъ убѣжденіямъ и программѣ, въ числѣ прочихъ вопросовъ, поставить вопросъ и предложить вниманію союзниковъ о необходимости рѣшительно и точно опредѣлить задачи и цѣли войны, то есть вопросъ о мирѣ“. Эти заявленія, очевидно, условленныя съ центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта, имѣли въ виду усилить послѣдній и ослабить позиціи большевиковъ въ массахъ. Въ дѣйствительности, они только лишали правительство въ эту послѣднюю минуту опре-

---

возстаніе большевиковъ чуть-не являлось плодомъ новаго заговора „корниловцевъ“. „Общественныя группы, поддерживавшя „диктатора“ и связанныя съ нимъ, говоритъ онъ, постановили: не оказывать правительству, въ случаѣ столкновенія его съ большевиками, никакой помощи. Ихъ стратегическій планъ состоялъ въ томъ, чтобы сначала не препятствовать успѣху вооруженнаго возстанія большевиковъ, а затѣмъ, послѣ паденія ненавистнаго вѣрем. правительства, быстро подавить большевистскій „бунтъ“. Такимъ образомъ, должны были быть достигнуты, наконецъ, цѣли постановленныя корниловскимъ возстаніемъ. Военные и штатскіе стратеги, авторы этого замѣчательнаго плана, были твердо убѣждены въ томъ, что большевистскій триумфъ не представитъ изъ себя никакой серьезной опасности и что въ 3—4 недѣли „здоровые элементы“ русскаго народа справятся съ бунтующей массой и установятъ въ Россіи „сильную власть“. Конечно, толки этого рода были, и по „сильной власти“ тосковали и не одни „контрь-революціонеры“ въ Россіи. Но едва-ли Керенскій правъ, утверждая, что на этомъ настроеніи, враждебномъ Керенскому и захватывавшемъ все болѣе широкіе круги, основанъ былъ цѣлый „стратегическій планъ“ и что состоялось даже „постановленіе“ — допустить низверженіе правительства большевиками. То что есть вѣрнаго въ соображеніяхъ Керенскаго, изложено въ текстѣ этой книги, составленномъ въ 1918 году.

дѣленной и ясной собственной позиціи и отнимали у него послѣднихъ заступниковъ, на которыхъ оно могло бы еще опираться. Защищать правительство — да, конечно! Но... защищать Керенскаго? Того Керенскаго, который два мѣсяца тому назадъ имѣлъ возможность раздавить большевиковъ, но который и теперь, предъ лицомъ очевидной опасности, пытался, даже обвиняя ихъ въ „предательствѣ и измѣнѣ“, передъ ними же оправдываться? Керенскаго, который самъ дезорганизовалъ свою оборону, который не хотѣлъ опираться на честнаго Корнилова, и не смѣлъ ввѣряться интригану Верховскому? Такъ разсуждали въ кругахъ, отъ которыхъ зависѣло въ эту минуту оказать Керенскому дѣйствительную поддержку.

Но вниманіе Керенскаго было отвлечено въ другую сторону. Онъ требовалъ чтобы сегодня же въ этомъ дневномъ засѣданіи“ совѣтъ республики ему отвѣтилъ на его сообщеніе, „можетъ ли временное правительство исполнить свой долгъ съ увѣренностью въ поддержкѣ этого высокаго собранія? „Давъ авансы „революціонной демократіи“ онъ могъ разсчитывать что по крайней мѣрѣ теперь умѣренная часть этой демократіи, демократія исполнительнаго комитета, находящаяся въ состояніи острой борьбы съ военно-революціоннымъ штабомъ возстанія, отброситъ въ сторону всѣ свои оговорки и сомнѣнія и поддержитъ правительство безусловно и всецѣло. О государственно-мыслящихъ элементахъ собранія онъ, конечно, могъ не заботиться: какъ бы они ни думали о Керенскомъ, но въ такой моментъ они понимали, что всѣ партійные счета и распри нужно отложить и поддержать правительство, каково бы оно ни было.

Послѣ своей рѣчи Керенскій по его словамъ, „не ожидая голосованія, вернулся въ штабъ, къ прерванной срочной работѣ, думая что не пройдетъ и часа, какъ онъ получитъ сообщеніе о всѣхъ рѣшеніяхъ и дѣловыхъ начинаніяхъ совѣта республики въ помощь правительству.“ Не совсѣмъ понятно о какихъ „дѣловыхъ начинаніяхъ“ тутъ идетъ рѣчь. Это начинанія было дѣломъ правительства, и съ нимъ правительство, какъ мы видимъ, страшно запоздало. Но совѣтъ республики, конечно, могъ и долженъ былъ оказать правительству нравственную поддержку. Въ сущности, при данномъ положеніи, поддержка его уже немного стоила. Но, если бы совѣтъ оказалъ правительству поддержку, онъ, по крайней мѣрѣ, независимо отъ хода событій, оправдалъ бы собственное существованіе.

Придавая преувеличенное значеніе поддержкѣ совѣта, а Керен-

скій, однако, имѣлъ для этого свои основанія. Его надежды — и его послѣдующіе упреки — относились не къ высшему представительному органу въ цѣломъ, а къ тѣмъ единомышленникамъ, для которыхъ поддержка сочлена и „товарища“ была спеціальной обязанностью. Только по отношенію къ социалистической части совѣта, какъ сейчасъ увидимъ, былъ умѣстенъ и упрекъ Керенскаго, что она „весь этотъ день и весь вечеръ потеряла на безконечные и бесполезные споры и ссоры.“

Между прочимъ, это преимущественное значеніе, придававшееся въ этотъ моментъ социалистическимъ элементамъ, сказалось въ планѣ который не успѣлъ осуществиться, но, несомнѣнно существовалъ и имѣлъ очень симптоматическое значеніе.

Среди элементовъ „революціонной демократіи“, искавшихъ и въ эти минуты „единого фронта“ съ крайнимъ лѣвымъ крыломъ, бродила мысль объ исключеніи изъ совѣта республики всего праваго сектора, о пополненіи его большевиками и о превращеніи его въ полномочный „конвентъ“ республики. Гораздо позднѣе, одна газета сообщила даже, что самъ Керенскій былъ втянутъ въ переговоры о возможной перемѣнѣ курса и что его „близкій другъ В. К.“ уже успѣлъ сдѣлать подготовительные шаги по веденію переговоровъ съ отвѣтственными лидерами социалистическихъ партій на предметъ образованія однороднаго социалистическаго правительства вплоть до большевиковъ. Хотя „политическій дѣятель, близкій къ большевикамъ, г. Е.“ и отвѣтилъ на это, что „время для объединенія социалистической демократіи вплоть до большевиковъ, вѣроятно, упущено“, но онъ не отказался, „въ случаѣ официальнаго предложенія со стороны Керенскаго передать это предложеніе отвѣтственнымъ лидерамъ партіи большевиковъ.“ *) Конечно, для такого предложенія „время прошло“, когда въ засѣданіи Совѣта 24-го октября Керенскій объявилъ этихъ лидеровъ „предателями и измѣнниками“ и распорядился объ ихъ арестѣ. Но все же эти слухи, не вовсе неправдоподобные, объясняютъ намъ настроеніе умовъ среди „демократіи“ въ тотъ моментъ, когда ей приходилось сдѣлать рѣшительный выводъ и „мужественно стать въ тѣ или другіе ряды, какъ требовалъ отъ нея Керенскій, напередъ отстраняя „людей, нерѣшающихся никогда высказать смѣло правду въ глаза“.

Перерывъ, объявленный послѣ рѣчи Керенскаго для совѣща-

---

*) „Новое Слово“, 2 Апрѣля (20 Марта) 1918 г.

Статья „Правительство Керенскаго наканунѣ переворота“.

нія фракцій, затянувся до 6-ти ч. вечера. Мнѣніе правыхъ элементовъ Совѣта было совершенно опредѣленное и единодушное: никакимъ преніямъ въ подобный моментъ не должно быть мѣста, необходимо тотчасъ же, безъ преній, вынести, по возможности, значительнымъ большинствомъ, требуемый правительствомъ рѣшительный вотумъ осужденія возстанія и поддержки правительства. Лидеры этой части Совѣта рѣшили воздержаться отъ всякихъ рѣчей. Напротивъ, среди фракцій „революціонной демократіи“ настроеніе было смѣшанное. Даже и независимо отъ намѣченнаго выше тяготѣнія влѣво, центръ долженъ былъ прикрыться мотивировкой, достаточно пріемлемой для сѣзда совѣтовъ, который долженъ былъ открыть свои засѣданія на слѣдующій день, 25-го, и гдѣ предстояла ожесточенная борьба противъ предложенія большевиковъ о передачѣ всей власти совѣтамъ. Поэтому и формула, составленная соціалистическими партіями, давала правительству лишь условную поддержку. Ему обѣщали поддержать его въ томъ случаѣ, если оно приметъ слѣдующія предложенія (уже намѣченныя, какъ мы видѣли, въ рѣчи Керенскаго): 1) всѣ частновладѣльческія земли должны перейти въ вѣдѣніе земельныхъ крестьянскихъ комитетовъ. 2) временное правительство должно принять рѣшительныя мѣры во внѣшней политикѣ, а, именно, немедленно опубликовать тайные договоры и обратиться къ союзникамъ съ требованіемъ объ обнародованіи цѣлей войны. Такъ какъ было мало основаній думать, что весь коалиціонный составъ даннаго правительства приметъ эти условія, то принятіе ихъ Совѣтомъ республики означало бы въ сущности новый правительственный кризисъ въ самомъ разгарѣ возстанія. Въ этой связи понятны и переговоры объ однородномъ соціалистическомъ правительствѣ.

Имѣя въ виду распредѣленіе голосовъ при предыдущихъ принципиальныхъ голосованіяхъ, уже можно было предвидѣть, что единодушной формулы Совѣтъ республики во всякомъ случаѣ вынести не сможетъ даже и по вопросу, который для самого Совѣта, какъ и для правительства, былъ вопросомъ жизни и смерти. Но если вообще поддержка совѣта теперь не имѣла большого положительнаго значенія, то отказъ въ поддержкѣ, безспорно, долженъ былъ имѣть очень большое отрицательное значеніе. Правительство лишалось въ этомъ случаѣ послѣдней моральной опоры. Если для исхода борьбы въ самомъ Петроградѣ это не могло имѣть практическаго значенія, то, во всякомъ случаѣ, для арміи и для провинціи та или другая позиція, занятая въ конфликтѣ Совѣтомъ

республики, была очень важна. Все это понимали и тѣ промежуточные элементы, прежде всего кооператоры и народные социалисты, отъ настроенія которыхъ въ данномъ собраніи зависѣлъ исходъ голосованія. Но, понимая это, они съ другой стороны не хотѣли отрываться совершенно и отъ социалистическаго фронта. Разъ этотъ фронтъ передвигался влѣво, то самое большее на что они могли рѣшиться, было воздержаніе отъ голосованія формулъ лѣвыхъ. Но въ то же время они соглашались голосовать за формулу правыхъ и, въ случаѣ голосованія этой формулы раньше, ихъ голоса, быть можетъ, могли бы дать правительству требуемое большинство. Случайное сцѣпленіе обстоятельствъ привело къ тому, что лѣвая формула голосовалась впереди правой; кооператоры и народные социалисты не поняли, что при такомъ порядкѣ голосованія технически ихъ воздержаніе равносильно отверженію той формулы, за которую они хотѣли голосовать. По несчастію, наиболѣе вліятельные въ этой средѣ члены, какъ Е. Д. Кускова, въ этой части засѣданія отсутствовали, и установленіе порядка голосованія застало всю группу врасплохъ. Она опомнилась только тогда, когда ея воздержаніе уже дало перевѣсъ формулѣ лѣвыхъ. Послѣ этого формула правыхъ вообще отпала и вовсе не ставилась на голосованіе.

Такъ, въ послѣднюю рѣшительную минуту, вновь сказалось то основное свойство Совѣта республики, съ которымъ мы постоянно встрѣчались: связанность его руководящаго центра отвлеченными идеологіями, отдававшими его въ жертву лѣвой демагогіи, и въ результатъ — нерѣшительность и растерянность передъ важнѣйшими вопросами, требовавшими неотложнаго и яснаго рѣшенія. На этотъ разъ это свойство сказалось только особенно ясно и наглядно, такъ какъ рѣчь шла не о сложныхъ вопросахъ военнаго дѣла и дипломатіи, а о простѣйшемъ и элементарнѣйшемъ вопросѣ: поддержать ли государственность и власть въ минуту открытаго возстанія. Если даже въ такую минуту, передъ лицомъ мятежа, ставившаго на своемъ знамени явно утопическіе лозунги и столь же очевидно грозившаго потерей войны и сдачей на милость побѣдителя, разчлененіемъ Россіи, ея экономическимъ порабощеніемъ, не нашлось въ этомъ собраніи большинства, которое выразило бы государственную волю, — и если Совѣтъ республики въ самомъ дѣлѣ отражалъ дѣйствительное мнѣніе страны, — въ такомъ случаѣ, очевидно, для Россіи не оставалось никакого другого пути къ ожидавшему ее будущему, кромѣ пути тяжелыхъ испытаній и горькаго собственнаго опыта.

Временное правительство, все цѣликомъ, не могло понять рѣшенія Совѣта республики иначе, какъ вотумъ недовѣрія — и, прежде всего, недовѣрія къ несоціалистической части кабинета. При нормальныхъ условіяхъ, результатомъ вотума могъ бы быть окончательный распадъ коалиціи и сформированіе однороднаго соціалистическаго правительства. Но какъ уходитъ наканунѣ возстанія, хотя бы борьба съ нимъ и представлялась безнадежной? Этотъ вопросъ должны были задать себѣ представители к. д. и ценовыхъ элементовъ въ правительствѣ. Они получали формальное право—уйти. Чувство долга передъ родиной заставило ихъ остаться и раздѣлить проигранную игру Керенскаго. Что касается этого послѣдняго, въ 11 часовъ вечера онъ и нѣкоторые члены правительства имѣли совѣщаніе съ лидерами поддерживавшаго кабинетъ соціалистическаго большинства совѣтской демократіи, Авксентьевымъ, Гоцомъ, Даномъ и Скобелевымъ.

Керенскій заявилъ съ самаго начала делегаціи соціалистическихъ группъ, что онъ возмущенъ „принятой ими резолюціей“, что „правительство послѣ такой резолюціи завтра же утромъ подастъ въ отставку“ и что „голосовавшіе за нее должны взять на себя всю отвѣтственность за событія, хотя, повидимому они имѣли о нихъ очень малое представленіе“. „На эту мою взволнованную филиппику“, рассказываетъ Керенскій („Гатчина“) спокойно разсудительно отвѣтилъ Данъ, тогда не только лидеръ меньшевиковъ, но и и. д. предсѣдателя в. ц. и. к. . . . Прежде всего Данъ заявилъ мнѣ, что они освѣдомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю событія подъ вліяніемъ сообщеній моего „реакціоннаго штаба“. Затѣмъ онъ сообщилъ, что „непріятная для самолюбія правительства“ резолюція (лѣваго) большинства Совѣта республики чрезвычайно полезна и существенна для „перелома настроенія въ массахъ“, „что эффектъ ея уже сказывается“ и теперь вліяніе большевистской пропаганды будетъ „быстро падать“. Съ другой стороны, по его словамъ, сами большевики въ переговорахъ съ лидерами совѣтскаго большинства изъявили готовность „подчиниться волѣ большинства совѣтовъ“, что они готовы „завтра же“ предпринять всѣ мѣры, чтобы потушить возстаніе, „вспыхнувшее помимо ихъ желанія, безъ ихъ санкціи“. „Въ заключеніе“, говоритъ Керенскій „Данъ, упомянувъ, что большевики „зазтра же“ (все завтра) распустятъ свой военный штабъ, заявилъ мнѣ, что всѣ принятыя мною мѣры къ подавленію возстанія только „раздражаютъ массы“ и что вообще я своимъ „вмѣшательствомъ“

лишь „мѣшаю представителямъ большинства совѣтовъ успѣшно вести переговоры съ большевиками о ликвидаціи возстанія“. „Для полноты картины“, прибавляетъ Керенскій, „нужно добавить, что какъ разъ въ это время, какъ мнѣ дѣлалось это значительное сообщеніе, вооруженные отряды „красной гвардіи“ занимали одно за другимъ правительственныя зданія“. . . .

Заявленія Данă лучше всего иллюстрируютъ тѣ настроенія, которыми опредѣлялось поведеніе лѣваго крыла Совѣта республики наканунѣ большевистской побѣды. Исходя изъ глубокаго непониманія реального положенія вещей, эти настроенія связывали власть и лишали ее всякой возможности дѣйствовать рѣшительно. Однако же, было бы ошибочно рѣзко отдѣлять настроеніе соціалистическихъ элементовъ въ самомъ правительствѣ отъ настроенія поддерживавшихъ его политическихъ круговъ. Въ своихъ позднѣйшихъ объясненіяхъ Керенскій началъ яснѣе понимать то, чего не понималъ во время своего пребыванія у власти, и проявилъ склонность переложить отвѣтственность за непониманіе на тѣхъ представителей „революціонной демократіи“, которыхъ большевики, въ этотъ рѣшительный моментъ „не безъ успѣха старались заставить смотрѣть, но не видѣть, слушать, но не слышать“.

Несоціалистическіе элементы правительства видѣли въ томъ же свѣтѣ поведеніе самого Керенскаго. Разница была, конечно, въ степени слѣпоты „лидеровъ“ соціалистическихъ партій — и выдвинутыхъ этими партіями членовъ правительства, поневолѣ болѣе зрячихъ. Но сѣти идеологіи, опутавшей тѣхъ и другихъ и заставившей ихъ „смотреть, но не видѣть, слушать, но не слышать“, были однѣ и тѣ же. Только вплотную сталкиваясь съ практическими послѣдствіями своего неправильнаго доктринерства, „лидеры“ въ послѣднюю минуту, въ полномъ противорѣчій съ самими собой, видоизмѣняли — не принципы, а практическіе выводы изъ нихъ. Такъ и на этотъ разъ, увидя, что „самолюбіе правительства“ настолько задѣто резолюціей соціалистическаго большинства Совѣта, что ему остается только подать въ отставку, „лидеры“ заявили Керенскому, что, принимая свою формулу перехода, они не имѣли въ виду выражать правительству недовѣрія и что вопросъ объ уходѣ или объ измѣненіи состава кабинета въ данную минуту не ставится. *)

*) Въ своемъ изложеніи событій („Гатчина“) А. Ф. Керенскій вообще придаетъ рѣшенію Совѣта республики болѣе роковое значеніе, чѣмъ оно имѣло въ ряду другихъ факторовъ большевистскаго успѣха. Онъ готовъ признать, что успѣхъ партіи въ значительной мѣрѣ объяснялся тѣмъ, что осталь-

Вожди большевиковъ торжествовали — и не скрывали своего торжества. Вечеромъ 24 октября въ засѣданіи Городской Думы В. Д. Набоковъ отмѣтилъ это торжество въ тѣхъ радостныхъ улыбкахъ, которыя не могъ скрыть Луначарскій во время своей рѣчи. Городской голова Шрейдеръ протестовалъ противъ вмѣшательства комиссаровъ военно-революціоннаго комитета въ дѣла городского самоуправленія, и Гор. Дума приняла резолюцію с. р-овъ, поддержанную кадетами и протестовавшую противъ всякаго насильственного и вооруженнаго выступленія, приглашавшую населеніе объединиться около Думы, какъ полномочнаго представительнаго органа, во имя подчиненія грубой силы праву и провозглашенія первенства гражданской власти, единственно законной представительницей которой является Гор. Дума. Принято было затѣмъ предложеніе образовать общественный комитетъ безопасности, изъ 21 представителя революціонныхъ организацій, 20 представителей Г. Думы, 17 отъ районныхъ Думъ и по одному отъ штаба, правительственнаго комиссара и прокурорскаго надзора. Эта запоздалая попытка противопоставить военно-революціонному штабу органъ болѣе умѣренныхъ группъ не могла, конечно, имѣть успѣха.

Къ Смольному, послѣ его молчаливаго отказа на ультиматумъ штаба — отмѣнить приказъ о неисполненіи распоряженій военныхъ властей, стягивались втеченіе всего дня и вечера отряды красной гвардіи, грузовые автомобили, и шла раздача боевыхъ патроновъ. На состоявшемся вечеромъ экстренномъ засѣданіи петроградскаго совѣта Троцкій выступилъ съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ прои-

ныя социалистическія партіи и совѣтскія группировки, относясь ко всѣмъ свѣдѣніямъ о готовящихся событіяхъ, какъ къ „контръ-революціоннымъ измышленіямъ“ (т. е. въ сущности довольно близко къ тогдашнему взгляду самого Керенскаго), даже не пытались своевременно мобилизовать свои силы, способныя въ нужный моментъ оказать сопротивленіе большевистскимъ затѣямъ внутри самой революціонной демократіи. „Мы видѣли, что основная причина этого была въ стремленіи держать „единный фронтъ“ этой „революціонной демократіи“ (кавычки, на этотъ разъ, самого Керенскаго) съ большевиками противъ несоціалистической части демократіи. Теперь Керенскій желаетъ переложить часть вины на „большевиковъ справа“, „которые не могли преодолѣть въ себѣ жгучей ненависти къ правительству мартовской революціи“, и на весь составъ Совѣта, „раздираемаго внутренними распрями и непримиримыми противорѣчіями мнѣній. Мы видѣли, что вся правая половина Совѣта была готова оказать немедленное содѣйствіе правительству, и, слѣдовательно, характеристика Керенскаго должна относиться только къ лѣвому крылу изъ — за поведенія котораго, какъ видно изъ текста, и былъ потерянъ въ безплодныхъ преніяхъ весь этотъ день.

денные этапы, констатировалъ полное безсиліе правительства и первые успѣхи новаго переворота. Онъ предсказалъ правительству Керенскаго 24 или 48 часовъ жизни. „У насъ есть полувласть“, выразился онъ о правительствѣ, которой не вѣритъ народъ, и которая сама себѣ не вѣритъ, ибо она внутри мертва. Эта полувласть ждетъ взмаха исторической метлы, чтобы очистить мѣсто подлинной власти революціоннаго народа“. Однако Троцкій еще остерегался говорить открыто о возстаніи. Онъ стоялъ на разѣ усвоенной точкѣ зрѣнія, что петроградскій совѣтъ только защищается отъ „заговорщиковъ“ и „контръ-революціонеровъ“. „Военно-революціонный комитетъ возникъ, не какъ органъ возстанія“, заявлялъ онъ, „а на почвѣ самозащиты революціи“. Въ этомъ смыслѣ онъ отвѣтилъ и явившейся къ нему въ Смольный въ 2 часа дня делегаціи Городской Думы. „Нашъ лозунгъ — вся власть совѣтамъ. Этотъ лозунгъ долженъ получить осуществленіе въ ближайшую эпоху, эпоху заведенія всероссійскаго съѣзда совѣтовъ. Приведетъ ли это къ „возстанію“ или къ „выступленію“, это зависитъ не только и не столько отъ совѣтовъ, сколько отъ тѣхъ, которые вопреки единодушной волѣ народа, держатъ въ своихъ рукахъ госудѣрственную власть“.

Вѣроятно, таковъ и былъ первоначальный планъ Троцкаго: подготовившись къ борьбѣ, поставить правительство лицомъ къ лицу съ „единодушной волей народа“, высказанной на съѣздѣ совѣтовъ, и дать, такимъ образомъ, новой власти видъ законнаго происхожденія. *) Но правительство оказалось слабѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, и сама собой власть падала въ его руки раньше, чѣмъ съѣздъ успѣлъ собраться и высказаться. И Троцкій въ тотъ же вечеръ 24 октября уже не скрывалъ болѣе, что „воля народа будетъ лишь санкціей переворота, который фактически уже начался — и начался успѣшно“. „Вчера правительство закрыло двѣ газеты, имѣющія огромное вліяніе на петроградскій пролетаріатъ и гарнизонъ. Это — прямое нападеніе, прямое контръ-революціонное возстаніе, и мы даемъ ему рѣшительный отпоръ“. „Мы сказали, что не можемъ терпѣть удушенія свободнаго слова, — и выпускъ газеты рѣшили возобновить, возложивъ почетную обязанность охраненія типографій революціонныхъ газетъ на доблестныхъ солдатъ Литовскаго полка и 6-го запаснаго сапернаго батальона“. Дѣйствительно, въ 11 часовъ утра этого дня опечатанныя типо-

*) Къ этой цѣли, вѣроятно и сводились переговоры большевиковъ съ другими социалистическими партіями, — переговоры, о которыхъ говорилъ Данъ Керенскому (см. выше).

графіи „Рабочаго Пути“ и „Солдата“ были открыты названными частями гарнизона, отпечатанные номера газетъ получили распространеніе, а въ два часа военно-революціонный комитетъ прислалъ ордеръ, въ которомъ, послѣ приведенной Троцкимъ мотивировки, содержались постановленія объ открытіи газетъ, продолженіи ихъ изданія и возложеніи „почетной обязанности“ охраненія революціонныхъ газетъ отъ контръ-революціонныхъ покушеній“ на названныя воинскія части. Троцкій привелъ затѣмъ и другой случай побѣды возстанія надъ правительствомъ. „Когда правительство стало мобилизовать юнкеровъ, въ это самое время оно дало крейсеру „Аврора“ приказъ удалиться... Рѣчь идетъ о тѣхъ матросахъ, къ которымъ въ корниловскіе дни явился Скобелевъ со шляпой въ рукахъ просить, чтобы они охраняли Зимній Дворецъ отъ корниловцевъ. Матросы „Авроры“ выполнили тогда просьбу Скобелева. А теперь правительство пытается ихъ удалить (въ Зимнемъ Дворцѣ караулы матросовъ, дѣйствительно, были замѣнены юнкерскими). Но матросы спросили военно-революціонный комитетъ совѣта: и „Аврора“ сегодня стоитъ тамъ, гдѣ стояла и прошлой ночью“.

Что касается видовъ на ближайшее будущее, Троцкій излагалъ ихъ вечеромъ 24 октября слѣдующимъ образомъ. „Завтра откроется съѣздъ совѣтовъ. Задача гарнизона и пролетаріата — предоставить въ распоряженіе съѣзда накопленную силу, о которую разбилась бы правительственная провокація. Задача наша — донести эту силу до съѣзда нерасколотой, неущербленной. Когда съѣздъ скажетъ, что онъ организуетъ власть, — этимъ онъ завершитъ ту работу, которая продѣлана во всей странѣ. Это будетъ означать, что высвободившійся изъ-подъ власти контръ-революціоннаго правительства народъ созываетъ свой съѣздъ и создаетъ свою власть. Если мнимая власть сдѣлаетъ азартную попытку оживить собственный трупъ, народныя массы, организованныя и вооруженныя, дадутъ ей рѣшительный отпоръ, и отпоръ этотъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе будетъ наступленіе и атака. Если правительство двадцатью четырьмя или сорока восьмью часами, которые остались въ его распоряженіи, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить ножъ въ спину революціи, то мы заявляемъ, что передовой отрядъ революціи отвѣтитъ ударомъ на ударъ, на желѣзо — сталью“.

Дѣйствительныя намѣренія руководителей переворота шли гораздо далѣе этихъ официальныхъ заявленій Троцкаго. Какъ мы уже замѣтили, съѣздъ совѣтовъ долженъ былъ быть поста-

вленъ передъ совершившимся фактомъ. И уже утромъ 25-го октября военно-революціонный комитетъ, предвосхищая исходъ принятыхъ имъ мѣръ, опубликовалъ слѣдующую прокламацію „къ гражданамъ Россіи“, помѣченную десятью часами утра.

„Временное правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа петроградскаго совѣта р. и с. д., военно-революціоннаго комитета, стоящаго во главѣ петроградскаго пролетаріата и гарнизона. Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмѣна помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе совѣтскаго правительства — это дѣло обезпечено. Да здравствуетъ революція рабочихъ, солдатъ и крестьянъ“.

Что же произошло за ночь, что дало штабу переворота право сдѣлать такое сообщеніе? Съ вечера положеніе правительства еще вовсе не казалось совершенно безнадежнымъ. „Центрофлотъ“ высказался противъ переворота, считая „всякое вооруженное выступленіе гибельнымъ для интересовъ революціи“. Делегация отъ казачьихъ войскъ и отъ казачьихъ полковъ 1, 4 и 14-го явилась въ половинѣ перваго послѣ полуночи въ Зимній Дворецъ. Керенскій только что окончилъ въ это время свое „бурное объясненіе“ съ делегатами социалистическихъ группъ (см. выше). Мы видѣли, что вмѣсто поддержки, онъ получилъ отъ нихъ лишь упрёки въ томъ, что его распоряженія мѣшаютъ имъ сговориться съ большевиками о ликвидаціи возстанія мирнымъ путемъ. Теперь съ другого фланга общественности ему предлагали поддержку, но тоже условную. Казаки, по разсказу самого Керенскаго („Гатчина“), желали знать, какими силами онъ располагаетъ для подавленія мятежа и требовали личнаго распоряженія Керенскаго съ личнымъ же ручательствомъ, что на этотъ разъ казачья кровь „не прольется даромъ“, какъ это было въ началѣ іюля. Керенскій отвѣчалъ призывомъ къ исполненію долга и объясненіями, что 3-6 іюля онъ былъ на фронтѣ, а вернувшись принялъ строгія мѣры. Въ отвѣтъ онъ получилъ согласіе казаковъ „исполнить долгъ“ и подписалъ приказъ казакамъ исполнять распоряженія штаба округа. По другимъ свѣдѣніямъ, однако же казаки требовали, чтобы Керенскій ликвидировалъ большевистскія организациі и арестовалъ большевистскихъ вождей, какъ государственныхъ преступниковъ, а Керенскій отвѣчалъ на это, что не рѣшается арестовать Троцкаго, находящагося въ совѣтѣ р. и с. д. Вмѣсто ареста, министру юстиціи *) предоста-

*) П. Н. Малянтовичъ и въ эту рѣшительную минуту проявилъ нерѣшительность и настоялъ на отмѣнѣ рѣшенія о немедленномъ арестѣ чле-

влялось предложить прокурорскому надзору привлечь Троцкого и других большевиков за мятежные рѣчи на митингъ въ Петропавловской крѣпости.

Видимо, у казаковъ осталось неблагоприятное впечатлѣніе отъ этого разговора съ Керенскимъ, такъ какъ въ результатъ его совѣтъ казачьихъ войскъ, засѣдавшій всю ночь, высказался за невмѣшательство казаковъ въ борьбу временнаго правительства съ большевиками. Съ другой стороны, социалистическая делегація провела ночь въ переговорахъ съ большевистскими лидерами. Всю ночь напролетъ, жалуется Керенскій, „провели эти искусники въ безконечныхъ спорахъ надъ различными формулами, которыя, якобы должны были стать фундаментомъ примиренія и ликвидаціи возстанія. Этимъ методомъ переговоровъ большевики выиграли въ свою пользу огромное количество времени. А боевыя силы с. р. и меньшевиковъ не были во время мобилизованы“. Ни на одномъ изъ двухъ фланговъ русской общественности, какъ видно, не обнаружилось твердой рѣшимости защищать правительство Керенскаго.

Однако-же, было бы неправильно заключить, что ничего не было сдѣлано для защиты власти въ эту ночь.

Военные телеграфисты и главный комитетъ почтово-телеграфныхъ служащихъ высказались противъ предпріятія большевиковъ и за Ц. И. К. Явившіеся ночью на главный телеграфъ большевики послѣ переговоровъ съ представителями почтово телеграфнаго союза удалились, оставивъ лишь одного своего товарища въ аппаратной, для наблюденія за ходомъ работъ. Когда штабъ округа узналъ, что большевики рѣшили захватить ночью электрическую освѣтительную и телефонную станціи, то немедленно была усилена охрана этихъ станцій юнкерами. Мосты черезъ Неву были разведены по распоряженію штаба, за исключеніемъ Дворцоваго, на которомъ была поставлена вооруженная охрана. Правда, городское самоуправленіе сложило съ себя отвѣтственность за разводку мостовъ, и ночью нѣкоторые изъ нихъ были вновь сведены. При-

новъ военно-революціоннаго комитета. Онъ заявилъ, что необходимо предварительно разслѣдовать, кто является авторами воззванія къ населенію и къ гарнизону, какую цѣль преслѣдовало это воззваніе, и лишь тогда произвести аресты, а пока достаточно въ срочномъ порядкѣ начать судебное преслѣдованіе противъ членовъ военно-революціоннаго комитета. Съ другой стороны, однако, Малянтовичъ согласился вернуться къ аресту, какъ къ мѣрѣ пресѣченія, относительно тѣхъ большевиковъ, которые, послѣ того какъ были выпущены подъ залогъ, агитировали среди войскъ и населенія (Троцкій, Коллантай и др.)

казы военного штаба, „отстраняли“ всѣхъ комиссаровъ военно-революціоннаго комитета, отмѣняли ихъ „незаконныя дѣйствія“, запрещали „самостоятельныя выступленія“ частей гарнизона безъ приказовъ отъ округа, „категорически запрещали исполненіе приказовъ, исходящихъ отъ различныхъ организацій, а въ случаѣ „самовольныхъ вооруженныхъ выступленій и выходовъ солдатъ на улицу“ приказывали офицерамъ оставаться въ казармахъ, грозя въ противномъ случаѣ „судомъ за вооруженный мятежъ“.

Всѣ эти приказы, однако же, опоздали на нѣсколько дней и опубликованные въ моментъ, когда возстаніе уже началось, естественно, остались на бумагѣ.

А. Ф. Керенскій упоминаетъ, что въ послѣднемъ, ночномъ засѣданіи правительства, послѣ его бесѣдъ съ делегаціями социалистовъ и казаковъ, „нѣкоторые изъ членовъ правительства весьма сурово критиковали „нерѣшительность“ и „пассивность“ высшихъ военныхъ властей“. Онъ упрекаетъ этихъ членовъ, что они „совершенно не считались съ тѣмъ, что намъ приходилось дѣйствовать все время, находясь между молотомъ правыхъ и наковальней лѣвыхъ большековъ“. Однако, критика несоціалистическихъ членовъ правительства именно и была направлена на то, что Керенскій своей тактикой поставилъ себя, — а вмѣстѣ съ собой и все временное правительство, — въ это положеніе жалкой безпомощности, Притомъ же, эта критика, какъ указано выше, не была новостью для Керенскаго. Оставивъ безъ вниманія эти указанія и не принявъ во время рѣшительныхъ мѣръ, на которыхъ настаивали несоціалистическіе члены правительства, Керенскій теперь, лицомъ къ лицу съ надвинувшейся катастрофой, готовъ былъ видѣть опасность даже тамъ, гдѣ ея не было. По окончаніи засѣданія правительства, во второмъ часу ночи, онъ выслушалъ предложеніе командующаго войсками и начальника штаба организовать немедленно экспедицію для захвата Смольнаго института—штабъ-квартиры большевиковъ. Керенскій говоритъ („Гатчина“), что онъ тутъ же утвердилъ этотъ планъ, и прибавляетъ: „во время этого разговора я все съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ за страннымъ и двусмысленнымъ поведеніемъ полк. Полковникова, все съ большей тщательностью слѣдя за кричащимъ противорѣчіемъ между его весьма оптимистическими и успокоительными сообщеніями и печальной извѣстной мнѣ дѣйствительностью. „Этотъ психологическій методъ наблюденія“, болѣе характерный для наблюдателя, чѣмъ для наблюдаемыхъ, извѣстенъ уже намъ изъ Корниловской исторіи. По мѣрѣ

возрастанія тревоги Керенскаго, онъ все охотнѣе прислушивается къ случайнымъ сообщеніямъ „преданныхъ и честныхъ офицеровъ“, быстро убѣждается, что, дѣйствительно, „все происходящее нельзя назвать иначе, какъ измѣной“, спѣшитъ вмѣстѣ съ Коноваловымъ и адъютантами въ штабъ, черезъ дворцовую площадь, производитъ новый экзаменъ полк. Полковникову и приходитъ къ заключенію: „нужно сейчасъ же брать въ свои руки командованіе“. Онъ собираетъ „въ самомъ штабѣ нѣсколько высшихъ офицеровъ, на которыхъ могъ положиться съ закрытыми глазами“, вызываетъ „по телефону тѣхъ, чье присутствіе казалось ему особенно нужнымъ“, рѣшаетъ „привлечь партійныя военныя организаціи, въ особенности достаточно многочисленныя организаціи партіи с.-р.“ (о которыхъ только что далъ весьма неудовлетворительный отзывъ). Очевидно, такое обращеніе въ послѣднюю минуту къ немногочисленнымъ, въ дѣйствительности, и дезорганизованнымъ партійнымъ элементамъ должно было оттолкнуть отъ Керенскаго всѣ болѣе правые элементы, и безъ того относившіеся къ нему непріязненно, и окончательно дезорганизовать оборону. Самъ Керенскій замѣчаетъ по этому поводу: „офицерство, собравшись въ значительномъ количествѣ въ штабъ, вело себя по отношенію къ правительству, а въ особенности, конечно, ко мнѣ, все болѣе вызывающе. Какъ впоследствии я узналъ, между ними по почину самого полк. Полковникова, шла агитація за необходимость моего ареста. Сначала объ этомъ шептались, а къ утру стали говорить громко, почти не стѣсняясь присутствія постороннихъ. „Керенскій не замѣчаетъ, какъ его собственное свидѣтельство говоритъ не столько объ „измѣнѣ“, сколько о перемѣщеніи центра послѣднихъ надеждъ на сохраненіе государственности, по мѣрѣ того какъ обнаруживалось втеченіе ночи дезорганизованность дѣйствій правительства. „Безъ Керенскаго можно будетъ легче и скорѣе справиться съ большевиками; можно будетъ безъ затрудненій создать наконецъ „эту, такъ называемую, твердую власть“. Такъ Керенскій формулируетъ мысль офицерства, которую онъ квалитицируетъ, какъ „безумную“. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію“, свидѣтельствуется онъ, „что всю эту ночь полк. Полковниковъ и нѣкоторые другіе офицеры штаба округа находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ противоправительственными правыми организаціями, усиленно тогда дѣйствовавшими въ городѣ, какъ напримѣръ, съ совѣтомъ союза казачьихъ войскъ, съ союзомъ георгіевскихъ кавалеровъ, съ С.П.Б. отдѣломъ союза офицеровъ и прочими подобнаго же рода военными и гражданскими учрежде-

ніями. Послѣдующіе историки выяснятъ, былъ-ли предметомъ этихъ переговоровъ коварный проэктъ низложенія Керенскаго руками большевиковъ, какъ подозрѣваетъ Керенскій, или послѣдняя попытка организовать оборону. Пишущему эти строки представляется болѣе вѣроятнымъ, что готовность къ защитѣ правительства не отсутствовала въ этихъ правыхъ кругахъ, но значительно ослабѣла втеченіе ночи, послѣ того, какъ они были фактически отстранены распоряженіями Керенскаго отъ организациі обороны столицы. Объ этой перемѣнѣ настроенія свидѣлствуетъ самъ Керенскій, говоря, что уже съ вечера юнкера, настроеніе которыхъ сначала было превосходно, стали терять бодрость духа; позднѣе начала волноваться команда бл индированныхъ автомобилей; каждая лишняя минута напраснаго ожиданія подкрѣпленій все болѣе понижала „боепробность“ у тѣхъ и у другихъ. Естественно, ни юнкера, ни команда автомобилей, ни казаки не хотѣли очутиться въ одиночествѣ. Рѣшеніе зависѣло теперь отъ того, какъ отнесется къ защитѣ временнаго правительства сѣверный фронтъ и вызванные съ фронта эшелоны.

Въ ожиданія этихъ подкрѣпленій Керенскій и Коноваловъ оставшіеся одни въ Зимнемъ Дворцѣ, переживали тревожные часы“. „Мучительно тянулись долгіе часы этой ночи“, вспоминаетъ Керенскій. „Отовсюду мы ждали подкрѣпленій, которыя, однако, упорно не подходили. Съ казачьими полками шли непрерывные переговоры по телефону. Подъ разными предлогами казаки упорно отсиживались въ своихъ казармахъ, все время сообщая, что вотъ-вотъ черезъ 15—20 минутъ они „все выяснятъ“ и „начнутъ сдѣлать лошадей“. Съ другой стороны, партійныя боевыя силы не только не появлялись въ штабѣ, но и въ городѣ не проявляли никакой дѣятельности. Этотъ загадочный съ перваго взгляда фактъ объясняется крайне просто. Партійные центры, увлеченные безконечными переговорами съ Смольнымъ, гораздо болѣе разсчитывая на авторитетъ „резолуціи“, чѣмъ на силу штыковъ, не удосужились во время сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія“. На обязанности социалистическихъ сторонниковъ Керенскаго остается объяснить, какими именно „боевыми силами“ они могли располагать въ эту минуту и какого рода распоряженія они упустили сдѣлать. Раздѣляя по своей политической схемѣ всѣ общественные круги на три группы, „большевиковъ слѣва“, „большевиковъ справа“ и „круги, искренно преданные революціи и связанные въ своей судьбѣ съ судьбой временнаго правительства“, Керенскій опредѣленно отбра-

сываетъ двѣ первыя группы, какъ враждебныя и возлагаетъ, въ послѣднемъ счетѣ, отвѣтственность на третью группу, среди которой по ея свидѣтельству, „господствовала какая — то непонятная увѣренность, что „все образуется“, что нѣтъ никакихъ основаній особенно тревожиться и прибѣгать къ героическимъ мѣрамъ спасенія“. Въ отвѣтственности отчасти только онъ самъ. Историкъ остается еще разъ констатировать, что вплоть до 24 октября глава правительства раздѣлялъ обрисованную имъ психологію своихъ единомышленниковъ . . .

Ночь на 25 октября прошла въ этихъ волненіяхъ и взаимныхъ обвиненіяхъ. „Въ седьмомъ часу утра“, вспоминаетъ Керенскій, „переговоривъ еще разъ по прямому проводу со ставкой Главкоща о всяческомъ ускореніи высылки въ Сибирь вѣрныхъ войскъ, такъ и не дождавшись казаковъ, которые все еще „сѣдлали лошадей“, мы съ Коноваловымъ, разбитые впечатлѣніями этой ночи и переутомленные, отправились (изъ штаба) назадъ въ Зимній, хоть немного вздремнуть.“

Не прошло и часу, какъ задремавшій на атаманкѣ Керенскій былъ разбуженъ фельдъегеремъ, принесшимъ тревожныя вѣсти. Большевики захватили центральную телефонную станцію и всѣ дворцовыя телефонныя сообщенія съ городомъ прерваны; дворцовый мостъ подъ, окнами комнатъ Керенскаго, занятъ пикетами матросовъ — большевиковъ; дворцовая площадь безлюдна и пуста.

Дѣйствительно, втеченіе ночи большевики продолжали энергично работать. Съ вечера они приступили къ занятію важнѣйшихъ пунктовъ по заранѣ намѣченному плану. Въ 9 ч. вечера на Балтійскій вокзалъ явился комиссаръ военно-революціоннаго комитета въ формѣ прапорщика, съ ротой Измайловскаго гвардейскаго полка, и заявилъ коменданту станціи, что по распоряженію комитета принимаетъ всю власть надзора за порядкомъ отправленія поѣздовъ. Въ 5 ч. утра отрядъ матросовъ занялъ помѣщеніе Государственнаго Банка на Екатерининскомъ каналѣ и охранялъ его „именемъ правительства“. Рано утромъ комиссаръ комитета явился въ „Кресты“, гдѣ содержались арестованные большевики, и предъявилъ караульнымъ солдатамъ Волынскаго полка постановленіе ихъ полкового комитета объ освобожденіи большевиковъ по списку петроградскаго совѣта, въ которомъ значились бывшій редакторъ „Окопной Правды“, извѣстный поручикъ Хаустовъ, не менѣе извѣстный по Кронштадту „докторъ Рошаль“ и другіе. Послѣ тщет-

ныхъ попытокъ переговорить съ министромъ Малянтовичемъ, давшимъ уклончивый отвѣтъ, тюремный инспекторъ подчинился требованію комиссара. Той же ночью значительное количество судовъ Балтійскаго флота въ боевомъ порядкѣ вошло въ Неву; нѣкоторые изъ этихъ судовъ поднялись до Николаевского моста, который былъ занятъ отрядами возставшихъ.

Часть рѣшительнаго столкновенія приближался. Разбуженный Керенскій съ Коноваловымъ и адъютантами во девятомъ часу бросились въ штабъ и тамъ уже нашли слѣды дѣятельности большевиковъ. Юнкера, охранявшіе дворецъ, получили отъ нихъ ультиматумъ съ требованіемъ покинуть дворецъ подъ угрозой безпощадныхъ репрессій. У блиндированныхъ автомобилей „исчезли“ нѣкоторыя части, и автомобили были приведены въ негодность для защиты. Становилось ясно, что защищаться въ Зимнемъ Дворцѣ невозможно. „Посоветовавшись съ министрами Коноваловымъ и Кишкинымъ, подоспѣвшимъ къ этому времени, и переговоривъ съ нѣкоторыми оставшимися вѣрными присягѣ офицерами штаба“, Керенскій рѣшилъ „ѣхать, не теряя ни минуты, навстрѣчу эшелонамъ, застрявшимъ гдѣ-то у Гатчины“, оставивъ въ Зимнемъ Дворцѣ безпомощное правительство.

Въ десятомъ часу утра на домъ къ одѣвавшемуся В. Д. Набокову позвонили два офицера. Взволнованнымъ тономъ они сказали ему: „вы, вѣроятно знаете, что началось возстаніе, почта, телеграфъ, телефонъ, арсеналъ, вокзалы захвачены; всѣ главные пункты въ рукахъ большевиковъ; войска переходятъ на ихъ сторону, сопротивленія никакого; дѣло временнаго правительства проиграно. Наша задача спасти Керенскаго, увести его поскорѣе на автомобиль, навстрѣчу тѣмъ, оставшимся вѣрными временному правительству войскамъ, которыя двигаются къ Лугѣ. Всѣ наши моторы захвачены или испорчены. Они просили В. Д. Набокова достать имъ два „закрытыхъ автомобиля“. Не получивъ просимаго, они повторили попытку у секретаря американскаго посольства Уайтхауза. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ американскій посолъ Давидъ Френсисъ, въ своей книгѣ. *) „Секретарь Уайтхаузъ вбѣжалъ ко мнѣ въ сильномъ возбужденіи и сказалъ мнѣ, что за его автомобилемъ, на которомъ развивался американскій флагъ, слѣдовалъ до его квартиры русскій офицеръ, заявившій, что Керенскому этотъ автомобиль нуженъ для поѣздки на фронтъ. Уайтхаузъ и его шуринъ

*) Russia from the American Embassy, by David R. Francis N. Y. Scribner's 1921. стр. 179—180.

баронъ Рамзай, отправились съ офицеромъ въ главный штабъ, чтобы провѣрить источникъ этого изумительнаго заявленія. Тамъ они нашли Керенскаго . . . всѣ были страшно возбуждены и царствовалъ полный хаосъ. Керенскій подтвердилъ заявленіе офицера, что ему нуженъ автомобиль Уайтхауза, чтобы ѣхать на фронтъ. Уайтхаузъ заявилъ: это мой собственный автомобиль, а у васъ (онъ показалъ на Зимній Дворецъ, по другую сторону площади) больше тридцати автомобилей ожидаютъ у подъѣзда. Керенскій отвѣчалъ: они ночью испорчены, и большевики распоряжаются всѣми войсками въ Петроградѣ, за исключеніемъ немногихъ, заявляющихъ о своемъ нейтралитетѣ; они отказываются подчиняться моимъ приказаніямъ. Уайтхаузъ и Рамзай, посоветовавшись наспѣхъ, пришли къ резонному заключенію, что, такъ какъ автомобиль уже захваченъ фактически, они больше противиться не могутъ. Выйдя изъ штаба, Уайтхаузъ вспомнилъ объ американскомъ флагѣ и, вернувшись, сказалъ офицеру, просившему объ автомобилѣ, что онъ долженъ снять флагъ, прежде чѣмъ используетъ автомобиль. Тотъ всзражалъ, и послѣ нѣкоторыхъ пререканій Уайтхаузу пришлось удовлетвориться протестомъ противъ того, чтобы Керенскій пользовался флагомъ . . . Я одобрилъ, но приказалъ никому не говорить объ этомъ . . . Позднѣе до меня дошли слухи, что Керенскій выѣхалъ изъ города на автомобилѣ американскаго посольства и подъ американскимъ флагомъ. *)

*) Керенскій („Гатчина“) излагаетъ этотъ эпизодъ иначе. „Какимъ образомъ, я не знаю, но вѣсть о моемъ отъѣздѣ дошла до союзныхъ посольствъ. Въ моментъ самаго выѣзда (когда Керенскій уже приказалъ подать свой превосходный, открытый дорожный автомобиль“ съ „отмѣнно мужественнымъ и вѣрнымъ“ солдатомъ—шофферомъ ко мнѣ являются представители англійскаго и, насколько помню, американскаго посольства съ заявленіемъ, что представители союзныхъ державъ желали бы, чтобы со мной въ дорогу пошелъ автомобиль подъ американскимъ флагомъ. Хотя было болѣе, чѣмъ очевидно, что американскій флагъ, въ случаѣ неудачи прорыва, не могъ бы спасти меня и моихъ спутниковъ, и даже, наоборотъ, во время проѣзда по городу могъ усилить къ намъ ненужное совсѣмъ вниманіе, я все таки съ благодарностью принялъ это предложеніе, какъ доказательство вниманія союзниковъ къ русскому правительству и солидарности съ нимъ“. Можно съ большой вѣроятностью предположить, что такъ далеко любезность союзниковъ идти не могла, что никакого „предложенія“ съ ихъ стороны не было и что, самое большее, американцы рѣшили смотрѣть сквозь пальцы на захватъ автомобиля, подъ условіемъ не пользоваться ихъ флагомъ. Данный примѣръ снова показываетъ, какъ настроеніе Керенскаго, вліяетъ на его изложеніе фактовъ.

Послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Керенскій поѣхалъ на своемъ автомобилѣ, но американская машина, „кстати оказавшаяся тутъ“, по выраженію Керенскаго, слѣдовала за нимъ, „на почтительномъ разстояніи“, но тѣмъ не менѣе, „подъ американскимъ флагомъ“, — очевидно не изъ простой любезности къ „желанію союзниковъ“. Керенскій подчеркиваетъ въ своемъ разсказѣ, что онъ рѣшилъ „дѣйствовать съ открытымъ забраломъ“ и соблюдая до мелочей „всю привычную внѣшность своихъ ежедневныхъ выѣздовъ“. Но, быть можетъ, американскій флагъ и сыгралъ свою роль въ „растерянности патрулей у красныхъ отрядовъ“, замѣтившихъ Керенскаго. Какъ бы то ни было, при проѣздѣ черезъ людныя мѣста столицы, узанный многими прохожими солдатами, Керенскій не былъ остановленъ, „Навѣрное секунду спустя послѣ моего проѣзда“, замѣчаетъ онъ, „ни одинъ изъ нихъ не могъ себѣ объяснить, какъ это случилось, что онъ не только пропустилъ этого „контръ-революціонера“, „врага народа“, но и отдалъ ему честь“. Замѣчаніе, которое ярко характеризуетъ настроеніе уѣзжавшаго Керенскаго и психологію начинавшагося, но еще не вполне осознавшаго свои цѣли, возстанія.

„Выѣзжалъ въ рабочіе кварталы и приближаясь къ Московской заставѣ“, продолжаетъ Керенскій свой разсказъ, „мы стали развивать скорость и, наконецъ, помчались съ головокружительной быстротой. Помню, какъ, на самомъ выѣздѣ изъ города, стоявшіе въ охраненіи красногвардейцы, завидя нашъ автомобиль, стали съ разныхъ сторонъ сбѣгаться на шоссе, но мы уже промчались мимо, а они не только попытки остановить не сдѣлали, они и распознать-то насъ не успѣли“. Опасность миновала для Керенскаго.

Но вернемся къ тому, что въ этотъ роковой день 25 октября происходило въ Петроградѣ. Главное вниманіе возставшихъ было, конечно, направлено на министровъ и на Совѣтъ Республики. Созванные на утреннее засѣданіе министры собирались въ Зимній Дворецъ. Площадь между дворцомъ и зданіемъ штаба, а также ближайшая часть Невскаго до Мойки были еще свободны отъ возставшихъ. Выше по Невскому уже утромъ появились броневые автомобили военно-революціоннаго комитета. За мостомъ черезъ Мойку рабочіе строили баррикады и ставили пулеметы. Со стороны Милліонной тоже подходили отряды возставшихъ. Подѣзжавшій съ этой стороны къ Зимнему Дворцу на засѣданіе министръ С. Н. Прокопвичъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Е. Д. Кусковой. Послѣдняя была отпущена. Позднѣе у выхода Милліонной стали броневики, державшіе, согласно рѣшенію броне-баталіона „нейтралитетъ“ между правительствомъ и Ленинымъ.

Кругомъ Маріинскаго Дворца всѣ окружающія улицы также были понемногу заняты. Собравшіеся довольно рано по приглашенію предсѣдателя Авксентьева члены президіума Совѣта Республики обсуждали создавшееся положеніе. Другіе члены постепенно подходили, когда Маріинскій Дворецъ былъ оцѣпленъ. Солдаты расположились внутри дворца шпалерами по большой лѣстницѣ, ведущей въ бель-этажъ дворца изъ нижняго вестибюля. Около часа дня членамъ президіума было передано требованіе немедленно расходиться, иначе черезъ полчаса начнется обстрѣлъ. Оставалось только подчиниться силѣ. Совѣтъ старѣйшинъ протестовалъ противъ насилія и поручилъ своему предсѣдателю созвать Совѣтъ Республики при первой возможности. Объ этомъ рѣшеніи было доложено немногимъ членамъ, собравшимся въ почти пустой залъ засѣданій. Никакой попытки, подобно той, какую сдѣлала городская дума, оставить организованный органъ или группу членовъ, чтобы реагировать на событія, не было сдѣлано. Въ этомъ сказалось общее сознаніе безсилія этого эфемернаго учрежденія и невозможность для него, послѣ принятой наканунѣ резолюціи, предпринимать какія бы то ни было совмѣстныя дѣйствія. Одинъ за другимъ члены Совѣта проходили по лѣстницѣ среди развалившихся въ удобныхъ позахъ солдатъ, бросавшихъ на нихъ равнодушные или злобные взгляды. Внизу, въ дверяхъ, просматривали документы уходящихъ и выпускали на площадь по одиночкѣ. Сжидали сортировки членовъ и кое-какихъ арестовъ. Но у революціоннаго штаба были другія заботы. Члены Совѣта были всѣ пропущены, кромѣ князя В. А. Оболенскаго, короткая задержка котораго была, очевидно, вызвана его титуломъ. Маріинскій Дворецъ опустѣлъ.

Послѣ отъѣзда Керенскаго въ исполненіе обязанностей министра предсѣдателя вступилъ А. И. Коноваловъ, а высшее заведываніе военной охраной Петрограда взялъ на себя Н. М. Кишкинъ. За подписью А. И. Коновалова составлено было воззваніе къ арміи, начинавшееся словами: „въ Петроградѣ назрѣваютъ грозныя событія“. Въ воззваніи излагалась исторія этихъ событій. „Непосредственно вслѣдъ за приказаніемъ войскамъ петроградскаго гарнизона выйти на фронтъ для защиты столицы отъ наступающаго врага, — началась упорная агитація въ полкахъ и на заводахъ“. Затѣмъ былъ „самочинно созванъ“ военно-революціонный комитетъ, грозившій своими дѣйствіями парализовать оборону столицы. Правительство приняло противъ него мѣры, но „въ

виду неустойчивости и нерѣшительности чаети петроградскаго гарнизона, не всѣ распоряженія временнаго правительства оказались выполненными“. Въ результатѣ, „Петрограду грозитъ гражданская война и анархія; вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ пріостановка дѣятельности государственнаго организма, прекращеніе дипломатической работы, имѣющей цѣлью приближеніе мира, прекращеніе работы по созыву Учред. Собранія, пріостановка снабженія арміи припасами, одеждой и снарядами... Дѣйствующая армія... не можетъ допустить, чтобы ей наносился предательскій ударъ въ спину“. И Коноваловъ призывалъ армію „сплотиться вокругъ временнаго правительства и центральныхъ органовъ революціонной демократіи“.

Въ ожиданіи, пока воззваніе дойдетъ до фронта и произведетъ то дѣйствіе, на которое рассчитывало правительство, нужно было, однако, дѣйствовать немедленно въ самомъ Петроградѣ.

Въ помѣщеніи главнаго штаба противъ дворца — единственная территория оставшаяся еще въ распоряженіи правительства — происходило обсужденіе способовъ борьбы съ возстаніемъ. Никакихъ дѣйствительныхъ способовъ, собственцо, уже не оставалось, и немудрено, что отзывы военныхъ участниковъ совѣщанія, Баградуни, Полковникова, приглашеннаго на совѣщаніе ген. Акексѣева, были самые пессимистическіе. Представители казачьихъ полковъ, предлагавшіе правительству поддержку наканунѣ, теперь заявили петроградскому совѣту, что приказаній правительства они исполнять не будутъ, а, оставаясь нейтральными, готовы нести охрану государственныхъ имуществъ и личной безопасности гражданъ. Полки гарнизона не повиновались приказамъ штаба и арестовывали своихъ офицеровъ. На площадь между дворцомъ и штабомъ постепенно собирались къ полудню, по приказаніямъ штаба, юнкера изъ военныхъ школъ: изъ школы прапорщиковъ, инженерныхъ войскъ, школы прапорщиковъ изъ Ораніенбаума и Петергофа, взводъ отъ Константиновскаго артиллерійскаго училища. Какъ видно изъ воспоминаній А. П. Синегуба („Архивъ русской революціи, т. IV), настроеніе юнкеровъ было очень сложное. Они колебались между необходимостью исполнить долгъ, защищая родину отъ враговъ всего того, что для нихъ было свято, и недовѣрчивымъ отношеніемъ къ правительству, и въ особенности „главноуговаривающему“ Керенскому. Въ психологіи падающей власти они видѣли слишкомъ много общаго съ тѣмъ, противъ чего имъ предстояло сейчасъ бороться, рискуя жизнью. Естественно,

что уже при обсужденіи положенія утромъ, въ „Совѣтахъ“ школь обнаружили разногласія. Втеченіе дня эти разногласія усиливались, по мѣрѣ того какъ выяснилась для юнкеровъ безнадежность положенія и ихъ изолированность, отсутствіе Керенскаго, отъѣздъ котораго они считали побѣгомъ, недостатокъ боевыхъ запасовъ для занятія дворца и отсутствіе единого компетентнаго руководства. Н. М. Кишкинъ, участвовавшій въ утреннемъ совѣщаніи штаба, пытался вдохнуть въ защитниковъ вѣру въ возможность обороны до подхода съ фронта частей, за которыми поѣхалъ Керенскій. Но онъ долженъ былъ убѣдиться, что у начальства округа этой вѣры не было. Въ гнѣвѣ онъ отрѣшилъ отъ должности Полковника и вернулся во Дворецъ, чтобы оттуда организовать сопротивление. Ген. Алексѣева Савинковъ настойчиво убѣждалъ поѣхать въ союзъ казачьихъ войскъ, съ которымъ онъ велъ въ это время сношенія и который сдѣлалъ его своимъ представителемъ въ Совѣтѣ Республики. Но было ясно, что руководители союза также мало могутъ распоряжаться казачьими полками, какъ штабъ — войсками гарнизона. Ген. Алексѣевъ вынужденъ былъ признать, что его дальнѣйшее участіе въ руководствѣ бесполезно, ибо не кѣмъ руководить. Послѣ этого Савинковъ выѣхалъ къ Керенскому.

Около четырехъ часовъ дня А. И. Коноваловъ пробовалъ созвать въ Зимній Дворецъ на совѣщаніе общественныхъ дѣятелей, близкихъ къ кабинету, для обсужденія положенія съ засѣдавшими во Дворцѣ министрами: В. Д. Набоковъ, которому удалось пробраться въ Зимній Дворецъ черезъ шпалеры солдатъ, оцѣпившихъ Дворцовую площадь, засталъ тамъ слѣдующую картину. „Въ залѣ находились всѣ министры, за исключеніемъ Н. М. Кишкина (онъ былъ въ это время въ зданіи штаба). Чрезвычайно взволнованнымъ казался А. И. Коноваловъ. Министры группировались кучками, одни ходили взадъ и впередъ по залѣ, другіе стояли у окна. С. Н. Третьяковъ сѣлъ рядомъ со мной на диванъ и сталъ въ негодованіемъ говорить, что Керенскій ихъ бросилъ и предалъ, что положеніе безнадежное. Другіе говорили, (помнится, Терещенко, бывшій въ повышенно — нервномъ возбужденномъ состояніи), что стоитъ только „продержаться“ 48 часовъ, — и подоспѣютъ идущія къ Петербургу вѣрныя правительству войска... „Самой собой разумѣется“, прибавляетъ Набоковъ, что присутствіе мое оказалось совершенно бесполезнымъ. Помочь я ничѣмъ не могъ, и когда выяснилось, что временное правительство ничего не намѣрено предпринимать, а занимаетъ выжидательно пассивную

позицію, я предпочелъ удалиться (въ началѣ 7-го часа)... Минутъ черезъ 20—15 послѣ моего ухода всѣ выходы и ворота были заперты большевиками, уже никого больше не пропускавшими.

Немногочисленные защитники Зимняго Дворца, оставшіеся безъ руководства, въ первую половину дня еще поддерживали свой оптимизмъ всякаго рода слухами. То вдругъ распространялось между ними извѣстіе, что „эшелоны ген. Краснова въ Петроградѣ и уже заняли Николаевскій и Царскосельскій вокзалы. То стрѣльба, раздававшаяся со стороны Невского, толковалась въ томъ смыслѣ, что „казаки уже идутъ къ Дворцу съ Николаевского вокзала“. Чѣмъ дальше, конечно, тѣмъ меньше всѣ подобные слухи находили охотниковъ вѣрить.

Съ утра собравшіеся на Александровской площади юнкера еще получили боевыя задания и была сдѣлана попытка употребить ихъ для наступательныхъ дѣйствій. Штабъ хотѣлъ очистить отъ большевиковъ телефонную станцію на Морской, изъ которой возставшіе перехватывали всѣ сношенія между штабомъ, дворцомъ и войсковыми частями. Рѣшили было также послать помощь Совѣту Республики въ Маріинскомъ дворцѣ. Но до дворца добраться уже не удалось. Установленное юнкерами „наблюденіе“ за телефонной станціей выяснило лишь полную невозможность для нихъ справиться съ захватившими станцію большевиками. Военный комиссаръ Станкевичъ, пытавшійся руководить этими слабыми попытками сопротивленія, вошелъ въ концѣ концовъ въ переговоры съ возставшими и „согласился прекратить осаду телефонной станціи, получивъ за это свободный проходъ для юнкеровъ“ (Синегубъ). Часть юнкеровъ, однако, была захвачена большевиками. Остальные, вернувшись около трехъ часовъ дня на Александровскую площадь, застали тамъ прежнюю картину хаоса и отсутствіе всякой распорядительности. Въ Бѣломъ залѣ дворца комитеты Ореніенбаумской и Петергофской школъ устроили совѣщаніе и вызвали представителя правительства для объясненій. Неудовлетворившись объясненіями вышедшаго къ нимъ Пальчинскаго, они собрали общій митингъ гарнизона Зимняго Дворца, на который пришли уже члены правительства. Рѣчи Коновалова, Маслова, Терещенко были, по рассказамъ юнкеровъ, приняты безъ всякаго „уваженія“. „Въ концѣ концовъ все-же договорились, и юнкера обѣщали остаться, если будетъ проявлена активность и если информация событій будетъ отвѣчать дѣйствительности“ (Синегубъ). Начальникъ инженерной школы былъ назначенъ комендан-

томъ обороны Зимняго Дворца и ему были подчинены всѣ собравшіяся во Дворцѣ силы.

Увы, силъ этихъ было немного, и настроеніе защитниковъ временнаго правительства продолжало ухудшаться. Наскоро былъ разработанъ планъ обороны Дворца юнкерскими частями. Къ нимъ присоединился вечеромъ отрядъ казаковъ — „стариковъ“, не согласившихся съ рѣшеніемъ своей „молодежи“ — держать нейтралитетъ въ завязавшейся борьбѣ. Пришли также инвалиды — георгиевскіе кавалеры и ударная рота женскаго батальона смерти. Начата была постройка баррикадъ изъ полѣнницъ дровъ, сложенныхъ на площади передъ дворцомъ. Но въ этотъ моментъ артиллерійскій взводъ Константиновскаго Училища получилъ приказаніе отъ начальника училища уйти изъ Дворца и увезти орудія. Орудія эти при выѣздѣ на Невскій были немедленно захвачены большевиками и направлены противъ Дворца. За юнкерами — константиновцами двинулись изъ Дворца и казаки. Среди нихъ уже оказались агитаторы, которые обѣщали имъ свободный пропускъ изъ Дворца со стороны Зимней канавки, гдѣ они помѣстились. Въ то время какъ юнкера организовывали защиту воротъ Дворца, со стороны Милліонной большевики получили свободный доступъ во Дворецъ и тотчасъ воспользовались имъ, чтобы начать пропаганду...

Въ семьмомъ часу вечера къ временному правительству явились парламентары возставшихъ, два солдата. Они требовали, чтобы правительство признало себя низложеннымъ. Въ противномъ случаѣ они грозили обстрѣломъ Дворца изъ орудій. Министры устроили совѣщаніе по поводу этого предложенія. На совѣщаніи оба представителя военной силы, ген. Маниковскій и адм. Вердеревскій высказались въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее сопротивление бесполезно, и необходимо либо сдаться побѣдителямъ, либо найти пути спасенія. Однако же, штатскіе министры въ эту рѣшительную минуту поняли, что съ проигрышемъ военнаго столкновенія, ихъ политическая роль еще не кончена. Они были представителями законной власти. На ихъ сторонѣ былъ моральный авторитетъ, и если имъ суждено было сойти со сцены, то они должны были сдѣлать это, не погубивъ, а, напротивъ, сохранивъ для будущаго ту идею, которую они представляли. Были въ средѣ министровъ и такіе, которые все еще вѣрили въ возможность, оттянувъ развязку, дожидаться Керенскаго съ обѣщанными имъ войсками. По тѣмъ или другимъ основаніямъ, министры единогласно рѣшили оставаться на своихъ постахъ и стойко идти навстрѣчу ожидавшей

ихъ участи. Парламентерамъ правительство твердо заявило, что оно сложить свою власть только передъ Учредительнымъ Собраніемъ. Ко времени, когда было принято это рѣшеніе, защита Дворца, въ сущности, уже стала невозможной. Дворецъ былъ плотно обложенъ отовсюду.

На самой дворцовой площади появились броневики военно-революціоннаго комитета, которые заняли всѣ входы и выходы. Нѣкоторое время оставался свободнымъ путь по набережной. Но съ Невы грозилъ Дворцу крейсеръ „Аврора“. Петропавловская крѣпость объявила нейтралитетъ. По Невѣ патрулировали миноносцы, пришедшіе изъ Кронштадта. Зимній Дворецъ былъ, такимъ образомъ, совершенно изолированъ. Единственнымъ средствомъ сообщенія правительства съ внѣшнимъ міромъ оставались нѣкоторые телефоны Дворца, которые большевики позабыли выключить и которые дѣйствовали до грубокой ночи. Единственную попытку прорваться черезъ это кольцо сдѣлали женщины-ударницы. Онѣ были почему-то увѣрены, что ген. Алексѣевъ еще находится въ помѣщеніи главнаго штаба и рѣшили во чтобы то ни стало его выручить. Эта попытка только показала, что выходъ за баррикады, построенныя юнкерами, на площадь грозитъ смѣльчакамъ гибелью. Тѣ изъ ударницъ, которыя не погибли отъ пуль и были захвачены большевиками, подверглись въ этотъ вечеръ и ночь ужасному обращенію солдатъ, насилію и разстрѣламъ.

Послѣ отказа правительства сдать Дворецъ, въ восьмомъ часу вечера началась сперва ружейная, потомъ и орудіяная стрѣльба по Дворцу. Стрѣлялъ крейсеръ „Аврора“. Министрамъ пришлось мѣнять помѣщенія, переходя изъ одной комнаты въ другую, изъ переднихъ комнатъ въ заднія, чтобы спастись отъ пуль. Матросы, высадившись у Николаевского моста, подобрались ко Дворцу, перебѣгая отъ зданія къ зданію по набережной. Нѣсколько матросовъ взобрались на крышу галлерей Зимняго Дворца и, разобравъ крышу, бросили внутрь зданія бомбу. Разрывомъ бомбы былъ контуженъ одинъ юнкеръ. Пальчинскій бросился на крышу и объявилъ матроса арестованнымъ. Въ то же время нижній этажъ зданія Дворца со стороны канавки наполнялся сторонниками большевиковъ. Грозя новымъ обстрѣломъ Дворца съ „Авроры“, агитаторы предлагали свободный выходъ и пощаду тѣмъ, кто сложитъ оружіе и выйдетъ изъ Дворца добровольно. Часть юнкеровъ второй Ораніенбаумской школы склонялась къ этому рѣшенію.

Правительство, однако, все еще бодрилось. Отъ завѣдующаго путями сообщенія при ставкѣ Лебедева и отъ начальника штаба

Духонина было получено сообщеніе, въ которомъ подробно указывалось, какія казачьи части должны придти на помощь правительству 26 и 27 октября и описывалась поддержка, на какую правительство можетъ разсчитывать. Но удастся ли продержаться, пока подоспѣтъ, не раньше утра слѣдующаго дня, эта помощь? Правительство продолжало надѣяться. Въ 10 ч. 5 мин. оно разослало губернскимъ и уѣзднымъ комиссарамъ слѣдующую телеграмму: „Петроградскій совѣтъ р. и с. д. объявилъ временное правительство низложеннымъ и потребовалъ передачи ему всей власти подѣ угрозой бомбардировки Зимняго Дворца пушками Петропавловской крѣпости и крейсера „Авроры“, стоящаго на Невѣ. Правительство можетъ передать власть только Учредительному Собранію, а посему постановило не сдаваться и передать себя защитѣ народа и арміи, о чемъ послало телеграмму ставкѣ. Ставка отвѣтила о посылкѣ отряда. Пусть армія и народъ отвѣтятъ на попытку поднять возстаніе въ тылу борящейся арміи. Первое нападеніе на Зимній Дворецъ въ 10 вечера отбито“.

Увы, послѣднія слова свидѣтельствовали больше о бодрости духа осажденныхъ и о высокомъ пониманіи ими своего долга, нежели о дѣйствительномъ положеніи вещей. Какъ мы видѣли, теперь начала уменьшаться и территорія самого Дворца, остававшаяся въ распоряженіи правительства. Телефонъ въ кабинетѣ, гдѣ находились министры, пересталъ дѣйствовать. А. М. Никитинъ пошелъ въ кабинетъ А. И. Коновалова, чтобы позвонить по телефону Е. Д. Кусковой и сообщить ей о возрастающей опасности. Въ отвѣтъ Е. Д. Кускова сообщила министру, что къ Зимнему Дворцу направляется большая депутація отъ городского самоуправления и отъ разныхъ фракцій. Дѣйствительно, городской голова созвалъ экстренное засѣданіе думы, въ которомъ было сообщено, что Зимній Дворецъ окруженъ войсками, что правительству данъ дватцатиминутный срокъ для сдачи, послѣ чего начнется бомбардировка. По предложенію с. р. Быковскаго рѣшено было пойти къ Зимнему Дворцу всей думой, чтобы поддержать правительство всѣмъ авторитетомъ органа демократическаго самоуправления. Отказались идти только большевики. Съ думой пошли и центральные комитеты партій с. р. и объединенныхъ меньшевиковъ.

Какъ разъ въ этотъ моментъ въ помѣщеніе правительства явился юнкеръ, посланный комендантомъ обороны Дворца съ докладомъ. что положеніе становится отчаяннымъ: главный штабъ занятъ возставшими, Дворецъ полонъ агитаторовъ. Выслушавъ до-

кладъ, Коноваловъ и Терещенко благодарили юнкеровъ за стойкость и выражали увѣренность, что баррикады смогутъ продержаться до утра, когда подойдутъ войска. Пальчинскій догналъ уходящаго юнкера и сообщилъ ему радостную вѣсть о рѣшеніи Городской Думы, съ просьбой передать ее на баррикады. Въ представленіи юнкера (Синегубъ), извѣстіе получило слѣдующій видъ: „общественные дѣятели, купечество и народъ съ духовенствомъ во главѣ идутъ ко Дворцу, скоро должны подойти и освободить Дворецъ отъ осады“.

Извѣстіе о шествіи отцовъ города и духовенства, дѣйствительно, на короткій срокъ подбодрило защитниковъ Дворца. Подтянулись даже юнкера ораніенбаумцы. Комендантъ обороны приказалъ взводу юнкеровъ очистить отъ большевиковъ часть Дворца, примыкавшую къ Эрмитажу. Запоздалая экспедиція при участіи Пальчинскаго была выполнена съ энтузіазмомъ. Нѣсколько залъ удалось очистить, и взятые тутъ въ плѣнъ большевиками юнкера были освобождены. Но это былъ уже послѣдній успѣхъ. Первый же патруль, состоявшій изъ матросовъ, остановилъ шествіе гласныхъ Думы къ Дворцу по Невскому. Послѣ переговоровъ съ комиссаромъ военно-революціоннаго комитета процессіи было заявлено, что она должна немедленно вернуться, иначе будетъ разстрѣляна, несмотря на присутствіе въ ней вождей революціонныхъ партій. Участникамъ процессіи ничего не оставалось, какъ вернуться въ думу. Тамъ она предприняла шаги для организаціи „всероссійскаго комитета спасенія революціи“, который въ ближайшіе дни вступилъ въ сношенія съ остатками временнаго правительства, но дѣйствовать могъ уже только конспиративно.

Н. М. Кишкина надежда не покидала до послѣдней минуты. Еще въ 3-мъ часу ночи онъ вызвалъ по телефону товарища по партіи, товарища министра финансовъ А. Г. Хрущова, и просилъ его сообщить, куда возможно, что правительство нуждается хотя бы въ небольшомъ подкрѣпленіи, чтобы додержаться до утра, когда навѣрно придетъ Керенскій съ войсками. „Что это за партія“, взволнованно и съ упрекомъ говорилъ министръ, „которая не можетъ послать намъ хотя бы триста вооруженныхъ человѣкъ“. Это былъ послѣдній телефонный звонокъ изъ Дворца.

Защитникамъ Дворца, наконецъ, стало ясно, что дальнѣйшее сопротивленіе толпамъ, возставшихъ, имѣвшихъ своихъ единомышленниковъ внутри и проникавшихъ безпрепятственно во Дворецъ все новыми и новыми группами, невозможно. Комендантъ обороны

вступилъ въ переговоры съ парламентарями и сдалъ Дворецъ на условіяхъ, что юнкерамъ будетъ сохранена жизнь. Относительно судьбы правительства парламентары отказались дать какія либо обѣщанія. Ораніенбаумскіе юнкера окончательно рѣшили уйти. Группа оставшихся юнкеровъ съ винтовками продолжали охранять временное правительство. Получивъ извѣстіе о сдачѣ, министры продолжали нѣкоторое время колебаться, и Пальчинскій настаивалъ на дальнѣйшей оборонѣ, пытаясь созвать оставшихся юнкеровъ. Было, однако, очевидно, что не только защищаться, но и вести формальные переговоры объ условіяхъ сдачи, было уже поздно. Толпа большевиковъ быстро приближалась къ послѣднему убѣжищу министровъ. Она состояла изъ матросовъ, солдатъ и красногвардейцевъ.

Впереди толпы шель, стараясь сдерживать напиравшіе ряды, низенькій, невзрачный человѣкъ; одежда его была въ безпорядкѣ, широкополая шляпа сбилась на бокъ, на носу едва держалось пенсне, но маленькіе глаза сверкали торжествомъ побѣды и злобой противъ побѣжденныхъ. Это былъ Антоновъ: имя, которое мы не разъ встрѣчали выше. Антоновъ, сопровождаемый Пальчинскимъ, былъ приглашенъ послѣднимъ войти въ охранявшійся юнкерами кабинетъ, гдѣ засѣдали министры.

Въ ихъ составѣ уже не было А. М. Никитина. Возвращаясь послѣ телефонныхъ переговоровъ съ Е. Д. Кусковой, онъ услышалъ крикъ: „сдавайся“. Пройдя двѣ комнаты и выйдя въ круглый залъ, онъ засталъ тамъ красногвардейцевъ, матросовъ и солдатъ, занятыхъ разоруженіемъ юнкеровъ. Увидавъ Никитина, возставшіе спросили его, кто онъ, и узнавъ, что это министръ, арестовали и повели къ комиссару Чудновскому, солдату Преображенскаго полка. Никитинъ былъ первымъ арестованнымъ министромъ, и этотъ арестъ произвелъ большое возбужденіе среди присутствовавшихъ. Остальные министры пробовали вступить въ переговоры съ Антоновымъ, но совершенно напрасно. Хриплымъ голосомъ Антоновъ объявилъ, что всякое сопротивленіе бесполезно, и предложилъ безпрекословно подчиняться дальнѣйшимъ распоряженіямъ его и военныхъ командъ *). Правительство рѣшило принять сдачу безъ всякихъ условій, подчиняясь силѣ и предложило юнкерамъ, послѣдовать его примѣру. Антоновъ вызвалъ въ помѣщеніе министровъ двадцать пять вооруженныхъ лицъ, по выбору толпы, и передалъ имъ охрану сдавшихся министровъ.

*) Разсказъ С. Н. Третьякова въ Петропавловск ой тюрьмѣ 7-го Января. См. книгу Ф. В. Винберга. „Въ плѣну у „обезьянъ“, стр. 39—40.

Комиссаръ Чудновскій составилъ протоколъ объ арестѣ восемнадцати человѣкъ, Коновалова, Кишкина, Вердеревскаго, Третьякова, Маслова, Ливеровскаго, Маниковскаго, Гвоздева, Малянтовича, Борисова, Смирнова, Салазкина, Бернадскаго, Терещенко, Рутенберга, Никитина и Пальчинскаго. На протоколѣ подписались, кромѣ комиссара, выбранные для охраны министровъ солдаты. Затѣмъ арестованныхъ вывели на Милліонную, гдѣ они оказались среди вооруженной толпы солдатъ и матросовъ, отчасти подвыпившихъ, которые требовали, чтобы имъ выдали Керенскаго. Узнавъ, что Керенскаго тутъ нѣтъ, они готовы были излить свой гнѣвъ на находившихся на лицо. Кое-какъ, съ громаднымъ трудомъ, шествіе двинулось отъ Зимняго Дворца къ Петропавловской крѣпости. понадобилось три часа, чтобы пройти этотъ короткій путь, загроможенный разъяренными толпами народа. Вотъ какъ описываетъ это путешествіе одинъ изъ участниковъ, министръ А. М. Никитинъ. „Толпа набросилась на насъ съ криками: разстрѣлять ихъ, кровопійцы наши, поднять ихъ на штыки, къ черту автомобили и т. д. Толпа прорвала окружавшую насъ охрану, и если бы не вмѣшательство Антонова, то я не сомнѣваюсь, что послѣдствія были-бы для насъ очень тяжелыми. Насъ повели пѣшкомъ по Милліонной, по направленію къ Петропавловской крѣпости. Антоновъ въ пути все время торопилъ насъ, опасаясь самосудовъ. Мы шли, окруженные разъяренной толпой. Когда мы вышли на Троицкій мостъ, насъ встрѣтила новая толпа солдатъ и матросовъ. Матросы кричали: „чего съ ними церемониться, бросайте ихъ въ Неву“. Намъ снова грозила опасность. Тогда мы взяли подъ руки караульныхъ и пошли съ ними шеренгой. Въ это время съ другого конца моста началась усиленная стрѣльба. Стрѣляли красногвардейцы, а также вооруженные солдаты съ автомобиля. Сопровождавшая насъ толпа моментально разбѣжалась, что и спасло насъ отъ самосуда. Мы всѣ легли на землю вмѣстѣ съ караульными (это не совсѣмъ вѣрно: трое министровъ: Ливеровскій, Терещенко и Третьяковъ — послѣдній особенно открыто и демонстративно — остались стоять). Стрѣльба длилась долго, и только когда мы выслали впередъ караульныхъ, которые объяснили, что это — свои, стрѣльба прекратилась. Мы встали и были приведены въ крѣпость.

Побѣда теперь была полная въ Петроградѣ. Но большевики, не дожидаясь ареста министровъ, чтобы объявить о своемъ торжествѣ. Въ вечерней газетѣ „Рабочій и Солдатъ“ въ тотъ же день 25-го октября появился слѣдующій бюллетень и возваніе.

„Заняты всѣ вокзалы, телеграфъ, телефонная станція, почтамтъ. Зимній Дворецъ и штабъ выключены изъ телефонной сѣти. Государственный Банкъ, Зимній Дворецъ, штабъ и прилежащіе пункты окружены. Ударные батальоны разсѣяны. Юнкера парализованы. Броневики перешли на сторону революціоннаго комитета. Казаки отказались подчиниться временному правительству. Врем. правительство низложено. Власть перешла въ руки революціоннаго комитета петроградскаго совѣта р. и с. д. Воззваніе „къ тылу и фронту“ гласило: „Въ Петроградѣ власть въ рукахъ военно-революціоннаго комитета петроградскаго совѣта. Единодушно возставшіе солдаты и рабочіе побѣдили безъ всякаго крозопролитія. Правительство Керенскаго низложено. Комитетъ обращается съ призывомъ къ фронту и тылу — не поддаваться провокаціи, а поддерживать петроградскій совѣтъ и новую революціонную власть, которая немедленно предложитъ справедливый миръ, передастъ землю крестьянамъ созоветъ Учредительное Собраніе. Власть на мѣстахъ переходитъ въ руки совѣтовъ р. и с. и кр. депутатовъ“. Слѣдовала подпись в. р. комитета. Позднѣе, — вѣроятно, уже на слѣдующій день, комитетъ разослалъ радіо-телеграмму „всѣмъ армейскимъ комитетамъ дѣйствующей арміи, всѣмъ совѣтамъ солдатскихъ депутатовъ“, въ которой идеологія переворота приведена уже въ болѣе полный видъ. „Петроградскій пролетаріатъ и гарнизонъ“, — такъ начиналась эта радіо-телеграмма, „свергнувъ правительство Керенскаго, возставшаго противъ революціоннаго народа . . . Петроградскіе совѣты р. и с. д., торжественно привѣтствуя совершившійся переворотъ, признали, впредь до созданія правительства Совѣтовъ, власть военно-революціоннаго комитета. . . . Временный революціонный комитетъ призываетъ революціонныхъ солдатъ бдительно слѣдить за поведеніемъ команднаго состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились къ совершившейся революціи, должны быть немедленно арестованы, какъ враги противъ новой власти. Петроградскіе совѣты видятъ спасеніе революціи въ немедленномъ предложеніи демократическаго мира, немедленной передачѣ помѣщичьей земли крестьянамъ, передачѣ всей власти совѣтамъ и въ честномъ созывѣ Учредительнаго Собранія. Народная революціонная армія должна недопустить отправки съ фронта ненадежныхъ частей на Петроградъ, дѣйствуя словомъ и убѣжденіемъ, а гдѣ не можетъ препятствовать отправкѣ, безпощаднымъ примѣненіемъ силы. . . . Утайка армейскими организаціями этого приказа

отъ солдатскихъ массъ равносильна тѣмъ же преступленію передъ революціей и будетъ караться со всей строгостью революціоннаго закона. Солдаты, за миръ, за землю, за народную власть“.

Собственно, по теоріи новую власть долженъ былъ создать съѣздъ совѣтовъ, какъ высшій уполномоченный органъ совѣтскаго представительства. Но большевики не были въ немъ вполне увѣрены, такъ какъ съ пріѣздомъ новыхъ и новыхъ депутатовъ ихъ перевѣсъ въ составѣ съѣзда все болѣе уменьшался. Къ 25 октября, когда предположено было открытіе съѣзда, съѣхалось 560 депутатовъ и изъ нихъ только 250 были партійными большевиками. Правда, къ нимъ присоединились 69 лѣвыхъ с. р., что вмѣстѣ уже составляло большинство 319. Изъ остального состава 159 принадлежало къ правымъ с. р., 14 — къ меньшевикамъ-интернаціоналистамъ, 3 — къ анархистамъ, 16 — къ національно-соціалистическимъ группамъ. Внепартійныхъ соціалистовъ было 3, безпартійныхъ 22. Партійная принадлежность остальныхъ 24-хъ оставалась неизвѣстной.

Этотъ составъ съѣзда еще не успѣлъ выясниться и начавшаяся борьба еще не окончилась побѣдой большевиковъ въ Петроградѣ, когда соперничавшія съ большевиками соціалистическія группы рѣшили перенести борьбу противъ захвата большевиками власти и демократическихъ органовъ — на самый съѣздъ совѣтовъ. Преслѣдуя эту цѣль, меньшевики вышли изъ президіума петроградскаго совѣта, сдѣлавъ въ лицѣ своихъ представителей Бройдо, Вайнштейна и Либера совѣту слѣдующее заявленіе. „Партія большевиковъ, за спиной совѣта и прикрываясь его именемъ, организовала военный заговоръ, грозящій гибелью дѣлу революціи и свободы, срывомъ Учредительнаго Собранія и катастрофой на фронтѣ. Меншевицкая фракція, безъ различія теченій, открыто выступала противъ этой преступной авантюры, когда она обсуждалась въ засѣданіи совѣта, и публично заявляла о своемъ отказѣ отъ участія въ военно-революціонномъ комитетѣ, стоящемъ во главѣ заговора. Теперь, когда эта авантюра стала фактомъ, фракція считаетъ себя обязанной сложить съ себя всякую отвѣтственность за гибельныя послѣдствія заговора и въ согласіи съ ц. к. російской с. д. работ. партіи (объединенной) заявляетъ о своемъ уходѣ изъ состава президіума И. К. Петр. совѣта р. и с. д. и призываетъ всѣхъ членовъ фракціи къ активной партійной работѣ“. Это, однако, вовсе не значило, что цѣлью своей „активной партійной работы“ меньшевики собираются сдѣлать поддержку временному правительству

противъ „заговора“ и „преступной авантюры“. Напротивъ, и тутъ меньшевики ухитрились занять промежуточную позицію, совершенно несомѣстимую съ желаніемъ-сложить съ себя всякую отвѣстность за гибельныя послѣдствія „заговора“. На засѣданіи фракціи меньшевиковъ-объединенцевъ, пріѣхавшихъ на съѣздъ, они выработали для защиты на съѣздѣ слѣдующія противорѣчивыя положенія. Съ одной стороны, они „осуждаютъ политику правительства, провоцирующаго выступленіе и оказываютъ „дружный отпоръ“ попыткѣ правительства подавить выступленіе вооруженной силой“. Мы, дѣйствительно, видѣли, что, и въ этотъ день открытой вооруженной борьбы, когда не было мѣста никакому нейтралитету, эти группы предпочитали ограничиваться словами убѣжденія, — т. е. оставались праздными зрителями совершавшихся на ихъ глазахъ событій. Въ будущемъ они признавали „необходимость полной реконструкціи власти“, въ смыслѣ ея „однородности и демократичности“.

Гораздо опредѣленнѣе, достойнѣе и политически грамотнѣе была позиція ц. к. партіи с. р.—овъ, постановившаго, что 1) временное правительство является единственнымъ законнымъ правительствомъ до Учредительнаго Собранія, 2) Авантюра, предпринятая большевиками, рѣшительно осуждается Ц. К. и 3) въ случаѣ появленія у власти новаго, большевиками составленнаго правительства, ни одинъ с.-р. не долженъ войти въ новое правительство“. Такъ же опредѣленна была позиція исполнительнаго комитета совѣта крестьянскихъ депутатовъ, опубликовавшихъ свое воззваніе крестьянамъ, солдатамъ и рабочимъ. „Противъ воли представителей всероссійскаго крестьянства и представителей арміи“, говорилось здѣсь, „власть захватывается петроградскимъ совѣтомъ р. и с. д. Захватъ власти за три недѣли до Учредительнаго Собранія есть захватъ правъ всего народа... Арміи вновь нанесенъ ударъ въ спину, сопротивляемость ея ослабляется. Петроградскій совѣтъ обѣщаетъ миръ, хлѣбъ и землю. Это — ложь. Онъ даетъ междуусобіе, анархію и рабство. Временное правительство объявило объ окончательной разработкѣ закона о передачѣ земли въ распоряженіе земельныхъ комитетовъ и о рѣшительныхъ мѣрахъ въ дѣлѣ приближенія мира. Пусть знаетъ армія и крестьянство, что, идя за петроградскимъ совѣтомъ, они лишаются земли и воли и сдѣлаютъ невозможнымъ созывъ Учредительнаго Собранія“.

Открытіе съѣзда совѣтовъ было назначено на 5 часовъ дня. Въ этотъ моментъ борьбы, быть можетъ, и была еще возмож-

ность перенести эту борьбу на арену парламентских споровъ. Но съѣздъ открылся только въ 11 часовъ вечера, когда судьба министерства была уже почти рѣшена и дальнѣйшее сопротивление въ Петроградѣ стало, очевидно, безцѣльнымъ. При этомъ условіи, бороться противъ совершившагося факта захвата большевиковъ въ собраніи, гдѣ они имѣли большинство, было, очевидно, безнадежно и психологически невозможно. И социалистическая оппозиція рѣшилась идти другимъ путемъ — тѣмъ же, какой она избрала относительно областного сѣвернаго съѣзда совѣтовъ: путемъ не признанія съѣзда.

Раньше, чѣмъ состоялось это рѣшеніе, съѣздъ, однако, успѣлъ уже открыться и конституироваться. Открывшій засѣданіе Данъ, заявилъ, что теперь не время для политическихъ рѣчей и предложилъ выбрать президіумъ. Въ составъ президіума вошло 14 большевистскихъ вождей и 7 лѣвыхъ с. р.-овъ. Правые с. р.-ы и меньшевики отказались отъ участія въ президіумѣ. Затѣмъ меньшевикъ-интернационалистъ Мартовъ, по вопросу о порядкѣ дня, предложилъ принять всѣ мѣры къ мирному улаженію создававшегося кризиса, для чего избрать делегацію для переговоровъ съ остальными революціонными демократическими организаціями и принять мѣры къ остановкѣ начавшагося кровопролитія. Предложеніе, практически безнадежное, было принято единогласно. И уже только послѣ всего этого все правое крыло съѣзда покинуло съѣздъ, а центральный исполнительный комитетъ совѣта р. и с. д. разослалъ всѣмъ совѣтамъ и армейскимъ комитетамъ слѣдующую мотивировку. „Второй всероссійскій съѣздъ собрался въ моментъ, когда на улицахъ Петрограда пролилась уже братская кровь и началась гражданская война, вызванная захватомъ власти большевиками. Фракціи социалистовъ-революціонеровъ, социаль-демократовъ меньшевиковъ, интернационалистовъ и народныхъ социалистовъ не сочли въ такихъ условіяхъ возможнымъ принимать участіе въ съѣздѣ и покинули его. Вслѣдствіе этого Ц. И. К. считаетъ второй съѣздъ несостоявшимся и рассматриваетъ его, какъ частное совѣщаніе делегатовъ большевиковъ. Рѣшенія этого съѣзда, какъ незаконныя, Ц. И. К. объявляетъ необязательными для мѣстныхъ совѣтовъ и всѣхъ армейскихъ комитетовъ. Ц. И. К. призываетъ совѣты и армейскія организаціи сплотиться вокругъ него для защиты революціи. Ц. И. К. созываетъ новый съѣздъ совѣтовъ, какъ только создадутся условія для правильнаго его созыва“.

Это, конечно, была самая сильная мѣра, какая только находилась въ распоряженіи соціалистической оппозиціи. Большевики уже обязались передать власть революціоннаго комитета въ руки съѣзда. Объявленіе съѣзда несостоявшимся, а его рѣшеній — незаконными отнимало у будущей новой власти легальный источникъ ея происхожденія, согласно собственной теоріи большевиковъ. Но, конечно, передъ этимъ они не остановились. При первыхъ же слухахъ о готовящемся выходѣ и о деклараціи центрального исполнительнаго комитета они поспѣшили разослать предостереженіе противъ этой деклараціи. Они стали на вполне защитимую точку зрѣнія, что разъ съѣздъ открытъ, конституированъ, составилъ порядокъ дня и голосовалъ одчю предложеніе (Мартова), то уже не во власти сецессіонистовъ, участвовавшихъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, объявить съѣздъ несостоявшимся. Что касается авторитета Ц. И. К., онъ погашался вмѣстѣ съ перевыборомъ этого органа на съѣздѣ. Такимъ образомъ, съѣздъ продолжалъ засѣдать и принимать рѣшенія. Въ ночь на 26-го октября имъ была разрѣшена его основная задача: созданіе правительства. Въ отличіе отъ предыдущихъ это временное правительство рабочихъ, солдатъ и крестьянъ получило названіе „совѣта народныхъ комиссаровъ“. Министерства должны были замѣниться „комиссарствами“. Эта символическая перемѣна названій свидѣтельствовала о приступѣ къ коренной замѣнѣ стараго правительственнаго аппарата новымъ, согласно плану Ленина.

Первоначальный личный составъ „народныхъ комиссаровъ“, назначенный 26-го октября, былъ слѣдующій: предсѣдатель совѣта Ленинъ-Ульяновъ, комиссаръ, внутреннихъ дѣлъ А. Рыковъ, земледѣлія В. Милютинъ, труда — А. Шляпниковъ, торговли и промышленности В. Ногинъ, народнаго просвѣщенія А. Луначарскій, финансовъ И. Скворцовъ, иностранныхъ дѣлъ Л. Троцкій, юстиціи Г. Оппоковъ, продовольствія И. Теодоровичъ, почтъ и телеграфовъ П. Авиновъ, по дѣламъ національностей І. Джугашвили-Сталинъ, военныя и морскія дѣла были поручены комитету въ составѣ В. Авсѣенко (Антоновъ), Н. Крыленко, и Ф. Дыбенко, комиссаромъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ нѣсколько позднѣе назначенъ Д. Рязановъ. Дальнѣйшая исторія этой власти и ея мѣропріятій относится уже къ слѣдующему періоду русской революціи, также какъ и исторія попытокъ бороться съ нею „комитета спасенія родины и революціи“, исторія „саботажа“ стараго правительственнаго аппарата и вообще всей той гражданской войны, ко-

торая послѣдовала въ центрѣ и въ разныхъ частяхъ Россіи противъ непризнанной власти „народныхъ комиссаровъ“. Здѣсь мы выдѣлимъ изъ всей этой исторіи только тѣ эпизоды, которые ближайшимъ образомъ относятся къ ликвидаціи низложенной власти.

IX. Ликвидация сопротивленія большевикамъ подъ Петроградомъ и въ Москвѣ.

Керенскій въ Псковѣ. Походъ ген. Краснова. Положеніе Керенскаго. Совѣщаніе о переговорахъ. Выдача и бѣгство Керенскаго. Ликвидация похода ген. Краснова. Ликвидация обороны Петрограда. Сопротивленіе Москвы. Посредничество социалистовъ и перемиріе. Переломъ и побѣда большевиковъ.

А. Ф. Керенскій пожалъ то, что постѣялъ. Отношеніе къ нему въ арміи было давно уже рѣзко отрицательное, доходившее до ненависти въ средѣ тѣхъ государственно — настроенныхъ элементовъ, которые онъ выбрасывалъ, какъ неспособные сразу освоиться съ идеями и фразеологіей „демократизированной“ арміи. Но онъ не встрѣтилъ поддержки и въ средѣ тѣхъ, кого онъ выдвинулъ на мѣсто устранившихся, руководясь ихъ репутаціей радикаловъ и создавая имъ неожиданно-блестящую карьеру. Ген. Верховскій былъ правъ, когда заклеилъ этихъ новоиспеченныхъ начальниковъ корпусовъ, армій и фронтовъ кличкой: „куда вѣтеръ дуетъ“. Они были за Керенскаго, когда вѣтеръ дулъ въ его сторону. Теперь они первые спѣшили повернуть ему спину, въ ожиданіи новыхъ хозяевъ. Такимъ образомъ, очень скоро оказалось, что Керенскаго не хотѣли защищать ни его враги, ни его друзья. Злой рокъ судилъ, чтобы въ ту минуту, когда нужно было собрать всѣ силы на защиту русской государственности, эта государственность называлась именемъ Керенскаго. И своей легкой побѣдой большевики въ весьма значительной степени были обязаны тѣмъ, что имѣли такого противника въ высокомъ званіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Едва выбравшись изъ Петрограда, Керенскій тотчасъ встрѣтился съ проявленіями враждебнаго къ нему настроенія въ войскахъ. Друзья большевиковъ немедленно дали знать о выѣздѣ Керенскаго по направленію къ Гатчинѣ, и изъ Смольнаго послано было туда распоряженіе — задержать Керенскаго. Исполнить порученіе долженъ мѣстный военно-революціонный комитетъ. Онъ опоздалъ на какія нибудь пять минутъ. Керенскій, пріѣхавъ въ

тилъ, что за нимъ слѣдять, отмѣнилъ данныя было распоряженія запасться всѣмъ нужнымъ для дальней ѣзды, тотчасъ сѣлъ въ свой автомобиль и уѣхалъ, бросивъ второй автомобиль подъ американскимъ флагомъ на жертву большевикамъ. „Не думая ни о чемъ, считая минуты и вздрагивая отъ каждаго толчка, трепеща за шины“, Керенскій съ своими спутниками къ вечеру (25 октября) добрался до Пскова.

Увы, здѣсь также уже дѣйствовалъ военно-революціонный комитетъ, въ рукахъ котораго тоже имѣлась телеграмма объ арестѣ Керенскаго, въ случаѣ его появленія въ Псковѣ, подписанная прап. Крыленко и матросомъ Дыбенко. Остановившись изъ предосторожности на частной квартирѣ ген. квартирмейстера Барановскаго, Керенскій здѣсь узналъ, что и самъ главкоствъ Черемисовъ находится въ связи съ революціоннымъ комитетомъ, и вовсе не склоненъ компрометировать себя передъ большевиками защитой временнаго правительства.

Еще въ половинѣ седьмого утра 25 октября, т. е. до выѣзда Керенскаго изъ Петрограда, въ штабѣ 3-го коннаго корпуса, расположеннаго въ районѣ г. Острова, была получена шифрованная телеграмма объ отправкѣ первой Донской дивизіи съ артиллеріей въ Петроградъ. При этомъ было получено и подтверженіе этого распоряженія, подписанное самимъ Керенскимъ и контрасигновавшее полк. Грековымъ отъ имени союза казачьихъ войскъ. Въ распоряженіи командованія изъ 50-ти эскадроновъ и сотенъ и 23 орудій третьяго корпуса въ этотъ моментъ находилось только 8 сотенъ и 8 орудій Донской дивизіи и 6 сотенъ съ 10 орудіями Уссурийской дивизіи. Остальныя части корпуса были разбросаны по другимъ городамъ отъ Ревеля до Витебска.

Командовавшій третьимъ корпусомъ ген. Красновъ, назначенный послѣ ген. Крымова, въ своихъ воспоминаніяхъ подробно рассказываетъ, какъ этотъ корпусъ, предназначавшійся въ Корниловскіе дни для защиты Петрограда, былъ постепенно распыленъ и разложенъ большевистскими агентами. Уже въ концѣ сентября корпусъ былъ отведенъ изъ Царскаго Села подальше отъ Петрограда, въ окрестности Острова. Затѣмъ, втеченіе октября части корпуса были разсланы въ Старую Руссу, Торопецъ, Осташковъ, Боровичи, Ревель, Новгородъ и т. д. Въ моментъ полученія приказа Керенскаго, у ген. Краснова оставалось подъ руками только 18 сотенъ изъ 50-ти. *)

*) Въ дальнѣйшемъ я пользовался рассказомъ ген. Краснова въ двухъ редакціяхъ. Болѣе ранняя редакція напечатана ген. Крсновымъ въ Вели-

Ген. Красновъ отдалъ тотчасъ же распоряженіе — стянуть части корпуса къ Лугѣ, откуда онъ предполагалъ идти къ Петрограду походомъ, чтобы избѣгнуть участи Крымова. Но ген. Черемисовъ поспѣшилъ отмѣнить распоряженіе Краснова, и тѣмъ сдѣлалъ немедленное движеніе на Петроградъ невозможнымъ. Уже погруженные къ 8-ми часамъ вечера сотни были по приказу Главкоства вновь выгружены. На станціи былъ полученъ приказъ Черемисова — отправить находившіеся въ Островѣ эшелоны, вмѣсто сѣвера, на югъ, т. е, вмѣсто Петрограда къ станціи Марценъ.

Часовъ въ 11 вечера, т. е., какъ разъ тогда, когда рѣшалась судьба Зимняго Дворца, ген. Красновъ узналъ объ отмѣнѣ своихъ распоряженій. Онъ рѣшилъ тогда лично объясниться съ Главкоствомъ и въ полночь на 26-е отправился въ Псковъ. Пріѣхавъ туда въ четверть третьяго ночи, Красновъ нашелъ Черемисова занятымъ; онъ участвовалъ въ засѣданіи военно-революціоннаго комитета.

Къ этому времени Черемисовъ уже успѣлъ покончить свои счеты съ Керенскимъ. Вызванный Керенскимъ на квартиру Барановскаго, онъ „не скрылъ“, по словамъ Керенскаго, „что въ его намѣренія вовсе не входитъ въ чемъ нибудь связывать свое будущее съ судьбой „обреченнаго“ правительства. Онъ призналъ что уже отмѣнилъ приказъ о посылкѣ войскъ къ Петрограду, данный ранѣе, послѣ полученія телеграммы Керенскаго. Никакихъ войскъ, которыя бы онъ могъ послать съ фронта, у него нѣтъ. Онъ не можетъ даже ручаться за безопасность Керенскаго въ Псковѣ. Впрочемъ, онъ идетъ въ засѣданіе военно-революціоннаго комитета, тамъ выяснитъ окончательно настроеніе войскъ и вернется доложить Керенскому.

Черемисовъ вернулся только въ первомъ часу ночи — и только для того, чтобы заявить, что никакой помощи правительству онъ оказать не можетъ. Въ Псковѣ Керенскому оставаться нельзя, а

кихъ Лукахъ въ 1917 г. подъ названіемъ „Описаніе дѣйствій 3-го коннаго корпуса подъ Петроградомъ противъ совѣтскихъ войскъ“. Экземпляръ этого „описанія“ былъ переданъ мнѣ самимъ авторомъ осенью 1918 г. въ Ростовѣ, исполъзованъ мной при составленіи текста исторіи и оставленъ мной въ Кіевѣ, при выѣздѣ въ Яссы въ ноябрѣ 1918 г. Къ сожалѣнію этотъ экземпляръ, по словамъ ген. Краснова, оказался единственнымъ. Другой, болѣе подробный и красочный, но зато менѣе документальный и менѣе достовѣрный разсказъ, напечатанъ ген. Красновымъ въ т. I „Архива Русской революціи“. Въ текстѣ я держался перваго „Описанія“, но нѣкоторыя подробности внесены мной изъ разсказа, напечатаннаго въ „Архивѣ“.

если онъ непременно хочетъ сопротивляться, то пусть ѣдетъ въ ставку, въ Могилевъ, къ Духонину. По словамъ Керенскаго, Черемисовъ скрылъ отъ него, что Духонинъ уже дважды добивался непосредственного разговора съ Керенскимъ и дважды получилъ отказъ. Керенскій просилъ Черемисова послать къ нему Краснова, но получилъ тоже лживый отвѣтъ: „Красновъ былъ здѣсь и уѣхалъ назадъ въ Островъ“.

Въ дѣйствительности, Красновъ пріѣхалъ въ Псковъ, какъ мы видѣли, въ третьемъ часу ночи и въ четвертомъ часу былъ принятъ Черемисовымъ, хотя и съ большой неохотой. Черемисовъ повторилъ Краснову свое распоряженіе — отправить Уссурійскую дивизію въ Марценъ, а Донскую выгрузить и сосредоточить на старыхъ квартирахъ подъ Островомъ. На недоумѣнный вопросъ Краснова, какъ примирить это съ опредѣленнымъ приказаніемъ Верховнаго Главнокомандующаго — идти на Петроградъ, Черемисовъ, вяло и зѣвая, отвѣтилъ: „верховнаго правительства нѣтъ, оно разогнано въ Петроградѣ большевиками, Верховный Главнокомандующій скрылся неизвѣстно куда, и вамъ надлежитъ исполнять только мои приказанія, какъ главнокомандующаго“. На просьбу Краснова отдать это распоряженіе письменно, Черемисовъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ и съ видомъ сожалѣнія простился съ Красновымъ, давъ ему на прощаніе уже не приказаніе, а добрый совѣтъ: „оставаться въ Островѣ и ничего не дѣлать“.

Красновъ не послѣдовалъ этому совѣту. Онъ отправился разыскивать комиссара Войтинскаго и прождалъ его, въ его квартирѣ, до четырехъ часовъ ночи. Войтинскій по секрету сообщилъ Краснову, что Керенскій въ Псковѣ и хочетъ его видѣть.

Скрѣпя сердце и подавляя въ себѣ „гадливое отвращеніе“, генераль Красновъ пошелъ по указанному адресу. Онъ шелъ „не къ Керенскому“, а къ родинѣ, которая „не сумѣла найти вожда способнѣе“ . . .

Керенскій тѣмъ временемъ ждалъ автомобиля, чгобы ѣхать въ Островъ—или въ Могилевъ. Онъ тщетно пытался заснуть. „Въ ночной тиши, казалось, слышенъ былъ стремительный бѣгъ секундъ . . . Никогда еще такъ не ненавидѣлъ я этотъ бессмысленный бѣгъ времени, все впередъ, все впередъ“ . . . Звонокъ у парадной двери прервалъ это томительное ожиданіе. Въ лицѣ Краснова явилось спасеніе, и Керенскій тотчасъ принялъ свой повелительный тонъ, который отпечатлѣлся въ воспоминаніи Краснова. „Гдѣ вашъ корпусъ?“. Идетъ сюда? Здѣсь? Близко? Отчего не подъ Лугой?“

„Несмотря на повелительность тона и умышленную рѣзкость манеръ, — ничего величественнаго“, отмѣчаетъ Красновъ. „Не Наполеонъ, но позируетъ на Наполеона“...

„Я доложилъ, что не только нѣтъ корпуса, но нѣтъ и дивизіи; части разбросаны по всему сѣверо-западу Россіи, и ихъ надо раньше собрать: двигаться малыми частями—безуміе.“ „Пустяки, вся армія стоитъ за мной, я самъ поведу ее, и за мной пойдутъ всѣ“. Красновъ сталъ диктовать Барановскому, какія и гдѣ части находятся; оба, по впечатлѣнію Краснова, „точно играли, а не въ серъюзъ дѣлали“. „Вы получите всѣ ваши части, сказалъ Барановскій. Не только Донскую, но и Уссурийскую дивизію; кромѣ того 37-ю пѣхотную дивизію, 1-ю кавалерійскую, весь XVII ый армейскій корпусъ.“ Въ головѣ Краснова уже складывался планъ кампаніи. И вмѣстѣ точило сомнѣніе, увѣренъ ли самъ Керенскій въ томъ, что говорить. Покончивъ свою сцену, Керенскій „вдругъ сразу ослѣлъ, завялъ, глаза стали тусклыми, движенія — вялыми.“

Какъ бы то ни было, походъ на Петроградъ „малыми частями“, въ ожиданіи большихъ подкрѣпленій, былъ рѣшенъ. Красновъ съ Керенскимъ на исходѣ ночи выѣхали изъ Пскова, погруженнаго въ сонъ, и блѣднымъ утромъ подъѣхали къ Острову. Красновъ первымъ дѣломъ остановилъ расходившіяся по деревнямъ Донскія сотни и сообщилъ имъ, что они идутъ на Петроградъ и что съ ними Керенскій. Несмотря на принятые мѣры, имя это вызвало больше любопытства, чѣмъ энтузіазма. Когда, черезъ нѣсколько дней, попытка Краснова кончилась неудачно, ген. Черемисовъ говорилъ Красному по телефону; „вина за все (т. е. за сопротивленіе большевикамъ) падаетъ на Керенскаго. Когда онъ былъ въ Псковѣ, я ему предсказалъ, чѣмъ это кончится. Онъ меня не послушалъ, и вотъ — результатъ на лицо.“

Это говорилось 1-го ноября. Но въ ночь на 26 октября ген. Красновъ хотѣлъ „исполнить присягу“. И онъ отвѣтилъ Керенскому иначе, чѣмъ отвѣтилъ Черемисовъ. Онъ сказалъ: „первая Донская дивизія настроена превосходно. Правда, послѣ похода по приказу ген. Корнилова и послѣ того, что было потомъ, ваше имя въ ней непопулярно, но казаки поймутъ, что они идутъ не за личность, а за святое дѣло свободы противъ насильниковъ. Если пойдетъ пѣхота, то тогда пойдетъ и Уссурийская дивизія.“

Этотъ припѣвъ: „ваше имя непопулярно“ — постоянно повторялся въ послѣдующіе дни. Во время того-же разговора, на предложеніе Керенскаго „поговорить съ казачьими комитетами“

ген. Красновъ отвѣтилъ снова напомниманіемъ, что „послѣ корниловской исторіи его имя непопулярно“. Когда Керенскій все-таки исполнилъ свое намѣреніе и говорилъ съ казаками, изъ рядовъ слушателей раздавались крики: „хотите въ крови нашей захлебнуться... по колѣна въ крови ходить будете“!. На слѣдующій день вызванный для доклада сотникъ Карташевъ не хотѣлъ пожать поданной ему Керенскимъ руки и сказалъ: „извините меня, я подать вамъ руки не могу, я — корниловецъ“. „Такихъ корниловцевъ“, замѣчаетъ ген. Красновъ, „было едва ли не половина отряда.“

Какъ бы то ни было, сопротивленіе Черемисова было сломлено. Благодаря энергіи Краснова, эшелоны задвигались. Но желѣзно-дорожные служащіе продолжали пассивно сопротивляться. Составленіе поѣздовъ тормозилось; потомъ не оказалось машиниста, и пришлось замѣнить его казацкимъ есауломъ. Около трехъ часовъ 26 октября, наконецъ, поѣздъ тронулся. Ускореннымъ ходомъ поѣздъ проѣхалъ станцію Псковъ, гдѣ уже собралась многотысячная толпа солдатъ, настроенная враждебно. Подѣзжая къ Гатчинѣ, Керенскій торжественно поздравилъ ген. Краснова командующимъ арміей, идущей на Петроградъ. „Командующій арміей — и двѣ роты“, саркастически замѣчаетъ Красновъ! „Всего 700 всадниковъ, а если придется спѣшиться, всего 466 человѣкъ“...

„Къ вечеру этого дня (26 октября)“, вспоминаетъ Керенскій, „въ поѣздѣ подъ Лугой, мы получили первое извѣстіе о захватѣ Зимняго Дворца (изъ Пскова, отъ ген. Барановскаго)... Самое достовѣрное показалось невѣроятнымъ, а самъ гонецъ изъ Пскова — подозрительнымъ... Невольно напрашивалась мысль, что трагическое извѣстіе было сфабриковано большевистскимъ агентомъ.“ Хотѣлось вѣрить, вопреки очевидности: на этой вѣрѣ вѣдь основывалась и самая возможность дальнѣйшей борьбы.

Керенскій смотрѣлъ на дѣло очень легко и вначалѣ былъ увѣренъ, что войска могутъ высадиться прямо на Николаевскомъ вокзалѣ раньше, чѣмъ будетъ взятъ Зимній Дворецъ. Генераль Красновъ разочаровалъ его, объяснивъ, что нужно предварительно сосредоточиться въ Гатчинѣ и уже оттуда идти на Петроградъ, „по всѣмъ правиламъ искусства“,

По предварительнымъ свѣдѣніямъ, основаннымъ на сдѣланныхъ ранѣ распоряженіяхъ, съ Красновымъ долженъ былъ пойти на Петроградъ „сильный корпусъ, почти армія“. Кромѣ частей 3-го корпуса намѣчено было отправленіе бригады 44-й стрѣлковой дивизіи, частей 17-го армейскаго корпуса съ артиллеріей и

какой-то кавалеріей, яко-бы идущей изъ Москвы и дошедшей до ст. Дно. Въ дѣйствительности, не только эти части не дошли, по причинамъ уже указаннымъ раньше, но и отъ сотенъ донского корпуса, находившихся подъ руками, Черемисову удалось въ послѣднюю минуту оторвать три сотни казаковъ подъ предлогомъ защиты Пскова отъ большевиковъ. Съ Красновымъ пошли и выгрузились къ полудню 27 октября на товарной станціи Гатчино всего 51½ сотенъ, 6 пулеметовъ и 8 орудій, т. е. считая по 60 казаковъ въ сотнѣ, 330 конныхъ казаковъ, равнявшихся 220 спѣшеннымъ.

Керенскій продолжалъ разсылать телеграммы на сѣверный фронтъ о погруженіи и отправкѣ другихъ частей войскъ и упорно настаивалъ на немедленномъ движеніи войскъ отъ Гатчины на Петроградъ. Въ приказѣ Краснову значилось, что онъ долженъ „вступить въ командованіе всѣми вооруженными силами россійской республики Петроградскаго округа на правахъ командующаго арміей“. На замѣчаніе Краснова, что силы его такъ малы, что съ приходомъ къ Петрограду придется разойтись по улицамъ, и это будутъ даже „не отдѣльные патрули, а просто одинокіе казаки“, Керенскій обѣщалъ подкрѣпленія.

Раннимъ утромъ 27 октября небольшой отрядъ Краснова высадился на товарной станціи Гатчино. Въ Гатчинѣ въ это время уже находились только что прибывшія изъ Петрограда, Краснаго Села и Кронштадта большевистскія части. Но о силахъ Краснова ходили преувеличенные слухи. Въ Петроградѣ ихъ исчисляли въ 10000 слишкомъ. Пришедшія части, не зная положенія, одна за другой согласились сдать казакамъ Краснова винтовки и пулеметы. Не имѣя возможности брать плѣнныхъ, Красновъ отпускалъ ихъ и они или разбредались, или ѣхали обратно въ Петроградъ. Гатчинскій гарнизонъ объявилъ себя „нейтральнымъ“. Изъ мѣстной школы прапорщиковъ и юнкеровъ отрядъ Краснова получилъ даже небольшое подкрѣпленіе, правда только для внутренней службы по охранѣ Гатчины. Изъ казацкихъ частей подошли двѣ сотни 10-го Донского полка, столько-же 9-го Донского, полсотни 1-го Амурскаго. Остальныя казачьи части были остановлены Черемисовымъ въ Псковѣ и начальникомъ гарнизона въ Ревелѣ. „Ни 37-й пѣхотной, ни 1-ой кавалерійской дивизіи, ни частей XVII корпуса не было видно на горизонтѣ (Красновъ).“

А. Ф. Керенскій остановился въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ квартирѣ коменданта, „которую менѣе двухъ сутокъ назадъ такъ во-

время и такъ счастливо покинулъ“. По его свидѣтельству, онъ „съ первой минуты появленія въ Гатчинѣ сталъ посылать во всѣ стороны телеграмму за телеграммой съ требованіемъ высылки войскъ. Отовсюду отвѣчали, что войска уже высланы или высылаются“. „Керенскій былъ увѣренъ“, по расчетамъ, основаннымъ на официальныхъ данныхъ, что первый эшелонъ пѣхоты долженъ быть въ Гатчинѣ къ вечеру 27-го“. Онъ вызвалъ къ себѣ Краснова и настойчиво требовалъ отъ него — продолжать наступленіе къ Петрограду.

Красновъ, лучше знакомый съ положеніемъ, вовсе не раздѣлялъ этого увѣреннаго настроенія. „Идти съ этими силами на Петроградъ“, говоритъ онъ въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, „было бы не безумство храбрыхъ, а просто глупость“. Но, признавая, что законы гражданской войны совсѣмъ особые и рассчитывая на моральное дѣйствіе наступленія съ участіемъ „не царскаго генерала Корнилова, а социалистическаго вождя, демократа Керенскаго“, онъ созвалъ комитеты, обсудилъ съ ними положеніе и рѣшилъ наступать. По словамъ Керенскаго, въ этотъ день „Красновъ былъ полонъ увѣренности и бодрости“. Однако же, внѣшній видъ „увѣренности“ обоихъ едва ли отвѣчалъ ихъ внутреннему настроенію. Въ своей первой работѣ Красновъ признаетъ, что уже къ вечеру 27-го октября настроеніе казаковъ вовсе не было „вполнѣ удовлетворительно“, какъ хотѣлъ думать Керенскій. Не дождавшись до поздней ночи 27-го октября никакихъ обѣщанныхъ подкрѣпленій, казаки уже начали роптать. „Это обманъ... Это опять такая же авантюра, какъ въ Корниловскіе дни... На казачьихъ спинахъ хотятъ играть... Говорили, идетъ пѣхота, а гдѣ же эта пѣхота? „Пришедшая къ Краснову этимъ вечеромъ депутація отъ офицеровъ гарнизона говорила: „Керенскій всѣмъ мѣшаетъ. Его не любятъ и за нимъ не пойдутъ. Что, если бы вы взяли всю эту работу на себя, арестовали Керенскаго и стали бы сами во главѣ движенія“. То же самое, по словамъ Краснова, ему говорилъ и Савинковъ, только что пріѣхавшій отъ союза казачьихъ войскъ.*) „Зачѣмъ вы допускаете сюда Керенскаго. Дѣло идетъ отлично. Оно будетъ сдѣлано казаками. Казаки спасутъ Россію отъ большевиковъ, но спасителемъ себя выставить Керенскій, и этотъ недостойный человѣкъ станетъ снова кумиромъ толпы“. Говоря это, Савинковъ не только основывался на своихъ личныхъ мнѣніяхъ

*) Согласно второй работѣ Краснова, онъ встрѣтилъ Савинкова лишь на разсвѣтъ 28-го октября.

и чувствахъ, но и на томъ, что онъ выслушалъ въ Петроградѣ отъ офицеровъ двумя днями раньше. По его словамъ*) прїѣхавшій съ фронта полковникъ П. сообщилъ ему, что, „по его свѣдѣніямъ, офицеры, находившіеся въ Петроградѣ, не будутъ поддерживать временное правительство, ибо не довѣряютъ Керенскому“. Поручикъ Н. Н., служившій въ штабѣ Петр. военного округа, „поставилъ его въ извѣстность, что среди офицеровъ, находящихся въ Петроградѣ, возбужденіе противъ А. Ф. Керенскаго настолько велико, что многіе изъ нихъ полагаютъ необходимымъ немедленно арестовать“ его. По мнѣнію нѣкоторыхъ офицеровъ штаба, А. Ф. Керенскій, вмѣшиваясь въ распоряженія командующаго войсками Петрогр. военного округа, полк. Полковникова, препятствовалъ успѣшной оборонѣ Петрограда“. Можетъ быть не безъ связи съ этими разговорами Савинкова было и то, что къ Краснову тогда же явилась депутація казаковъ съ просьбой разрѣшить имъ арестовать Керенскаго. Когда Красновъ отказалъ имъ въ этомъ, сказавъ, что, „казаки никогда не были предателями“, то депутація просила по крайней мѣрѣ „не допускать Керенскаго близко къ отряду“. Это Красновъ обѣщалъ — и „упросилъ Керенскаго подѣ предлогомъ — не подвергать свою жизнь риску, оставаться въ Гатчинѣ“, когда отрядъ Краснова поидетъ на Царское Село. Въ два часа пополудни это наступленіе началось.

Гарнизонъ Царскаго Села состоялъ изъ 12—16 тысячъ солдатъ, не склонныхъ сражаться. Красновъ могъ противопоставить имъ, со вновь присоединившимися частями, всего 400 конныхъ или 265 спѣшенныхъ казаковъ. Но иллюзія силы и численности Красновскаго отряда еще не была разрушена. Отрядъ не успѣлъ разложиться, и быстротой дѣйствій Красновъ рассчитывалъ до нѣкоторой степени уравновѣсить недостатокъ дѣйствительной силы.

Первыя встрѣтившіеся на пути, еще до разсвѣта, большевистскія части сдались безъ сопротивленія. На разсвѣтѣ, подойдя къ Царскому Селу, отрядъ Краснова наткнулся на цѣпи, которыя вяло стрѣляли. Начались продолжительные „разговоры“, въ результатъ которыхъ стрѣлки раскололись. Часть присоединилась къ Краснову, другая сдѣлала попытку обхода. Въ это время подѣхалъ Керенскій, которому „надоѣло ждать“ развязки на вышкѣ

---

*) Воспоминанія Б. В. Савинкова объ этихъ дняхъ изложены имъ въ статьѣ: „Къ выступленію большевиковъ“, напечатанной въ „Русскихъ Вѣд.“ 21 ноября.

Пулковской обсерваторіи, гдѣ онъ было устроился. По словамъ Краснова, онъ былъ „въ сильномъ нервномъ возбужденіи“. Вопреки просьбѣ вернуться въ Гатчино, Керенскій „врѣзался въ толпу колеблющихся солдатъ“; раздался его „проникновенный истеричный голосъ“. Часть солдатъ при этомъ удалось разоружить, но окруженіе цѣпями, которыя остались вѣрны большевикамъ, продолжалось. Положеніе становилось тревожнымъ. Красновъ убѣдилъ Керенскаго вернуться на его обсервационный пунктъ.

„Впродолженіе этого разговора ген. Красновъ какъ-то по новому держалъ себя со мной“, замѣчаетъ Керенскій. Онъ „какъ-то не особенно раздѣльно объяснялъ мнѣ, что мое присутствіе не то мѣшаетъ операціи, не то волнуетъ офицеровъ“. Керенскому это казалось „очень страннымъ, не совсѣмъ понятнымъ“. Но появленіе Савинкова въ маленькой комнаткѣ обсерваторіи, гдѣ я сидѣлъ, съ быстротой молніи освѣтило мнѣ все новое положеніе въ отрядѣ. Керенскій приписалъ перемѣну настроенія появленію делегаціи совѣта союза казачьихъ войскъ. Онъ вспоминалъ позднѣе, что Савинковъ „старался говорить съ особо загадочнымъ и трагическимъ видомъ; особо предостерегающимъ тономъ вопрошалъ меня, намѣренъ ли я предоставить ему какое-либо офиціальное при себѣ положеніе“. Манера Савинкова навязывать себя и свою волю здѣсь уловлена очень вѣрно. Керенскій пропустилъ моментъ взять Савинкова на свою сторону. „Я уклонился отъ всякаго съ нимъ по существу разговора: мы разстались“, вспоминаетъ онъ. Мы скоро увидимъ послѣдствія.

Солнце клонилось къ закату, рѣшительнаго натиска на Царское не было, и Керенскій вновь потерялъ терпѣніе. Онъ „уже болѣе не сомнѣвался, что внезапный (?) параличъ, охватившій всѣ части 3-го коннаго корпуса, происхожденія не военно-техническаго, а чисто политическаго“. На Краснова посыпались „письменные требованія немедленно начать военныя дѣйствія противъ Царскаго, открывъ артиллерійскій огонь“. Керенскій остался и впослѣдствіи „при глубочайшемъ убѣжденіи“, что „можно было „при доброй волѣ командованія и при отсутствіи интригъ“ занять Царское еще угрозъ, полусутками раньше. „Сознательное промедленіе подъ Царскимъ“ онъ считаетъ „роковымъ ударомъ для всего похода“.

„Роковымъ“ было, однако-же, какъ мы знаемъ, все положеніе. Къ вечеру 28-го оно стало только яснѣе, чѣмъ раньше. И несомнѣнно, Красновъ, рѣшившійся наступать въ расчетъ на случайности гражданской войны, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе понималъ,

что случайности эти складываются не въ его пользу. Онъ даль два пушечныхъ выстрѣла, многотысячная толпа противниковъ разомъ бѣжала къ станціи, требуя отправки въ Петроградъ. Казаки почти безъ сопротивленія заняли станцію желѣзной дороги, радіостанцію, телефонъ. Въ сумеркахъ казаки начали входить въ городъ. Но этимъ дѣло не рѣшалось. Красновъ помнилъ малочисленность своего отряда, помнилъ тактическую опасность вступленія въ Царское и поздно вечеромъ заявилъ Керенскому, что надо оттянуть войска и отложить занятіе города до утра. Керенскій рѣшительно протестовалъ и требовалъ немедленнаго вступленія. Его поддержалъ Станкевичъ, только что прибывшій изъ Петрограда и сообщившій оптимистическія свѣдѣнія о настроеніи въ столицѣ. Съ утра 29-го Керенскій собирался „приступить къ подготовкѣ ликвидаціи Петербурга“, продолжая ссылаться на „движеніе эшелоновъ“ вспомогательныхъ войскъ. Подчиняясь приказанію и понимая моральное значеніе занятія Царскаго, Красновъ ночью вошелъ въ городъ и занялъ дворцы. Керенскій, полный „самыхъ мрачныхъ мыслей“, вернулся на ночлегъ въ Гатчину. Онъ, впрочемъ, по его словамъ, еще „надѣялся твердо въ Гатчинѣ найти свѣжія войска“. Онъ нашелъ „только... телеграммы“. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ признаетъ: „за день нашего отсутствія настроеніе въ низахъ сильно ухудшилось“.

Положеніе въ Царскомъ было тоже неважное. Какъ и предвидѣлъ Красновъ, сохранить силу горсточки казаковъ въ многолюдномъ городѣ было гораздо труднѣе, чѣмъ въ Гатчинѣ. Юнкеровъ здѣсь не было, а дружественно расположенный Обуховскій батальонъ соглашался помочь только разстановкой карауловъ. Гарнизонъ Царскаго Села, превосходившій силы Красновскаго отряда „разъ въ десять“, оставался нейтральнымъ, но лишь до той поры, пока выяснится соотношеніе силъ. Нечего и говорить, что никакой надежды на подходъ подкрѣплений, обѣщанныхъ Керенскимъ, не было. Численность отряда утромъ 28 го октября составляла всего 8½ ротень, т. е., 510 конныхъ или 340 спѣшенныхъ казаковъ. Днемъ 28-го подошли, правда, еще три сотни 1-го Амурскаго казачьяго полка, но они заявили, по свидѣтельству Краснова, что „въ братоубійственной войнѣ принимать участія не будутъ, что они держатъ нейтралитетъ“. Они стали въ деревняхъ, не доходя до Царскаго, и отказались даже выставить заставы, на смѣну утомленнымъ донцамъ.

Съ фронта тоже приходили печальныя извѣстія. Ген. Черемисовъ телеграфировалъ по частямъ фронта, что „политическая борьба“

происходящая въ Петроградѣ, не должна касаться арміи“, и эта телеграмма тотчасъ отозвалась на движеніи эшелоновъ къ Петрограду. Начальникъ штаба Черемисова ген. Лукирскій телеграфировалъ Краснову, что „приморскій драгунскій полкъ отказался грузиться въ Витебскѣ и лишь одинъ эшелонъ, погрузившись, дошелъ до Полоцка“. Мы видѣли, что казачьи части 3-го корпуса, не успѣвшія выступить съ Красновымъ, были задержаны, а 13-ый и 15-ый Донскіе казачьи полки не были выпущены изъ Ревеля. Шедшій на помощь изъ Гатчины эшелонъ осаднаго полка былъ обстрѣлянъ большевиками и отошелъ на станцію Ижора.

Такимъ образомъ, отрядъ Краснова оказался окончательно изолированнымъ. Двигаться на Петроградъ при такихъ условіяхъ было, очевидно, невозможно. Ген. Красновъ рѣшилъ назначить на 29-е своему отряду дневку въ Царскомъ Селѣ. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ онъ объясняетъ это рѣшеніе слѣдующимъ образомъ. „Люди, которые были со мною, были сильно утомлены. Они двое сутокъ провели безъ сна, въ непрерывномъ нервномъ напряженіи. Лошади отупѣли, не имѣя отдыха. Необходимо было дать передышку. Но мои люди не столько устали физически, сколько истомились въ ожиданіи помощи. Комитеты мнѣ заявили, что казаки до подхода пѣхоты дальше не пойдутъ“. Красновъ надѣялся, что „кто-либо подойдетъ за день“ и, во всякомъ случаѣ, онъ сможетъ лучше выяснитъ обстановку.

За этотъ день 29-го октября въ Петроградѣ произошло неудачное возстаніе юнкеровъ (см. ниже). По свидѣтельству Керенскаго, свѣдѣнія объ этомъ были получены въ Царскомъ Селѣ „только около 4-хъ часовъ дня, когда все уже было кончено“. Керенскій высказываетъ предположеніе, что „если бы мы были хоть во время освѣдомлены о событіяхъ въ столицѣ, мы немедленно бросились бы на помощь, какъ бы врасплохъ ни застало насъ извѣстіе о возстаніи“. Но мы видѣли, какъ мало Керенскій уже тогда имѣлъ вліянія на ходъ событий и какъ невозможно было „немедленно броситься на помощь“ изъ Царскаго въ Петроградъ. Втеченіе дневки 29-го „обстановка“ выяснилась въ смыслѣ, еще болѣе неблагоприятномъ для продолженія наступленія и для Керенскаго лично.

„Офицеры моего отряда, всѣ Корниловцы“, рассказываетъ Красновъ, „возмущались поведеніемъ Керенскаго... Его популярность пала, онъ — ничто въ Россіи, и глупо поддерживать его... Пойдемъ съ кѣмъ угодно, но не съ Керенскимъ“. Красновъ догадывается, что „подъ вліяніемъ разговоровъ съ офицерами и каза-

ками“ къ нему зашелъ Савинковъ и „предложилъ — убрать Керенскаго, арестовать его и самому стать во главѣ движенія“. Съ тѣмъ же явился войсковой старшина 9-го Донскаго полка, Лаврухинъ; онъ „почти требовалъ немедленно удалить Керенскаго изъ отряда, потому что казаки ему не вѣрятъ, считаютъ, что онъ идетъ заодно съ большевиками и предастъ насъ“. „Именно въ виду этого настроенія Красновъ и уговорилъ Керенскаго „съ большимъ трудомъ“, переѣхать въ Гатчино, куда пріѣхалъ штабъ корпуса и откуда можно было сноситься со ставкой. Станкевичъ и Войтинскій пытались поднять настроеніе казаковъ, разъясняя имъ политическій смыслъ борьбы и необходимость наступленія на Петроградъ. Къ чему привели эти убѣжденія, видно изъ воззванія, которое было составлено 29 октября „совѣщаніемъ представителей своднаго отряда“.

Отрядъ „съ негодованіемъ протестовалъ противъ клеветы, будто казаки служатъ контръ-революціи“, ссылаясь на то, что онъ идетъ къ Петрограду „по приказу верховнаго главнокомандующаго и по приказу центральныхъ комитетовъ совѣтовъ р. и с. д., Кіевскаго фронтоваго общеказачьяго съѣзда, совѣта союза казачьихъ войскъ и другихъ органовъ россійской демократіи“. По „очищеніи Петрограда отъ преступно захватившихъ власть большевиковъ“, отрядъ „отдавалъ себя въ распоряженіе тѣхъ органовъ, которымъ вѣритъ Россія“, а именно Временнаго Совѣта Республики и комитета спасенія родины и революціи, которымъ предстоитъ вопросъ о возсозданіи въ республикѣ государственной власти“. Отрядъ хотѣлъ: „обезпечить имъ возможность разрѣшенія этого вопроса безъ всякаго давленія съ какой бы то ни было стороны“. Позиція, какъ видимъ, приближалась къ „нейтральной“.

А навстрѣчу этому воззванію, не имѣвшему никакихъ шансовъ на распространеніе, военно-революціонный комитетъ распространялъ по всѣмъ фронтамъ и арміямъ, по всей Россіи, при помощи мощной петроградской радіостанціи, прокламаціи, въ которыхъ сообщалось, что „фронтъ отказалъ въ поддержкѣ бывшему министру Керенскому, низложенному народомъ, и пытающемуся преступно противодѣйствовать законному правительству, избранному всероссійскимъ съѣздомъ совѣтовъ“. Радіотелеграммы лживо утверждали, что „Москва присоединилась къ новому правительству“, что то же самое сдѣлалъ и рядъ другихъ городовъ, что ни одна пѣхотная часть не идетъ противъ рабочаго и крестьянскаго правительства, „и грозили, что, „если казаки не арестуютъ обманувшаго ихъ Ке-

ренскаго и будутъ двигаться къ Петрограду, то войска революціи силой оружія выступятъ на защиту драгоцѣнныхъ завоеваній революціи“. Дальше шла демагогія: министры Керенскаго разрушили продовольствіе и порядокъ Петрограда; „Керенскій идетъ на народъ по требованію дворянъ, помѣщиковъ, капиталистовъ и спекулянтовъ, чтобы вернуть земли помѣщикамъ и т. д.“.

Въ самомъ Царскомъ Селѣ не было недостатка въ отголоскахъ подобнаго же настроенія. Представители пулеметной команды 14-го Донскаго полка прямо заявили Краснову, что они „заодно съ Ленинымъ“, потому что „Ленинъ за миръ“. Митинги шестнадцатитысячнаго Царскосельскаго гарнизона дали, какъ максимальный результатъ, резолюцію противъ „братоубійственной войны“ и обѣщаніе полнаго нейтралитета. „Весь день прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ“, вспоминаетъ Красновъ. За этотъ день на помощь ему пришли еще три сотни 9-го Донскаго полка, блиндированный поѣздъ, 2 орудія Запасной конной батареи изъ Павловска, наполовину безъ прислуги, Запасная сотня Оренбургскаго Л. ГВ. Своднаго казачьяго полка, вооруженная однѣми шашками, и нѣсколько юнкеровъ изъ Петрограда. Отрядъ Краснова, по его позднѣйшимъ заявленіямъ, состоялъ къ вечеру 29 октября изъ 9-ти сотенъ или 630 конныхъ казаковъ (420 спѣшенныхъ).

Однако же. Керенскій, къ которому присоединились Савинковъ и Станкевичъ, продолжали настаивать на наступленіи. Керенскій увѣрялъ (см. „Гатчину“), что „въ С. П. Б. гарнизонѣ, какъ въ полкахъ, такъ и въ специальныхъ войскахъ, было еще достаточно организованныхъ антибольшевистскихъ элементовъ, готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ большевиковъ... и въ нужное время нанести рѣшительный ударъ въ тылъ большевистскимъ войскамъ, занимавшимъ у Пудкова позиціи фронтомъ къ моему (т. е. Красновскому) отряду“. Въ Петроградѣ считали въ то время, что у Краснова по крайней мѣрѣ 5 тысячъ казаковъ. Вопреки настроенію казаковъ и комитетовъ, Красновъ убѣдилъ свой отрядъ „произвести усиленную рекогносцировку съ боемъ“ по направленію къ Пулкову, чтобы „развѣдать, узнать все и тогда рѣшить“, а въ случаѣ надобности, „отойти, обороняться и ждать помощи“. Керенскаго, однако, просили во время боя остаться въ Гатчинѣ, откуда онъ собрался было уѣхать „навстрѣчу приближавшемуся эшелону“.

Рано утромъ 30-го октября, прорвавшись изъ Петрограда, гитлеризмъ передалъ Краснову клочекъ бумаги, на которомъ стоялъ

бланкъ совѣта союза казачьихъ войскъ и сообщалось, за подписью председателя, Агѣева, слѣдующія свѣдѣнія о положеніи въ столицѣ: „положеніе Петрограда ужасно. Рѣжутъ, избиваютъ юнкеровъ, которые являются пока единственными защитниками населенія. Пѣхотные полки колеблются и стоятъ, казаки ждутъ, пока подойдутъ пѣхотныя части. Совѣтъ союза требуетъ вашего немедленнаго движенія на Петроградъ. Ваше промедленіе грозитъ полнымъ уничтоженіемъ дѣтей — юнкеровъ, не забывайте, что ваше желаніе безкровно захватить власть — фикція, такъ какъ здѣсь будетъ поголовное избіеніе юнкеровъ“.

Красновъ отвѣчалъ по адресу „комитета спасенія родины, въ половинѣ десятаго утра: „Сейчасъ выступаю на Петроградъ.“ Онъ спрашивалъ при этомъ, можетъ ли Петроградскій гарнизонъ занять караулы по городу, а донскіе полки, 1, 4 и 14-й выйти ему навстрѣчу. „Съ мужествомъ отчаянія“, рассказываетъ Красновъ въ своемъ первоначальномъ отчетѣ, „въ количествѣ всего восьми боевыхъ сотенъ, т. е. 480 конныхъ или 320 спѣшенныхъ, при 12-ти орудіяхъ мы выступили изъ Царскаго Села по направленію на Александровскую-Пулкову“.

30-го октября разыгрался р. шительный бой подъ Пулковымъ, если только можно назвать „боемъ“ столкновеніе маленькой кучки менѣе, чѣмъ въ пятьсотъ человекъ, съ противникомъ, превышавшимъ ее численностью“ въ 15—30 разъ“, „очень недурно обученнымъ“ и „дѣйствовавшимъ совершенно правильно“, подъ руководствомъ германскаго оберъ-лейтенанта Отто Бауера и при участіи дисциплинированныхъ латышскихъ стрѣлковъ.

За оврагомъ, по которому протекаетъ р. Славянка, можно было видѣть склоны Пулковской горы, изрытой окопами и черной отъ пяти—шести тысячъ красногвардейцевъ, ее занимавшихъ. Густыя цѣпи спускались внизъ, въ оврагъ штатскіе красногвардейцы шли неровно, то подаваясь впередъ, то отбѣгая назадъ; матросы, соблюдая строгое равненіе и залегая сообразно мѣстности. Красная гвардія занимала центръ; кронштадскіе матросы, съ ихъ германскими инструкторами, искусно дѣйствовали на флангахъ.

Сила Красновскаго отряда состояла въ артиллеріи и въ броневомъ поѣздѣ: то и другое до поры до времени маскировало его малочисленность. Однимъ огнемъ артиллеріи сбить противника было, очевидно, невозможно, а силъ для атаки не было. Оставалось разсчитывать на психологическое дѣйствіе пушечныхъ выстрѣловъ на Петроградъ и держаться, хотя бы до вечера. Но един-

ственный полкъ, пришедшій изъ Петрограда, Лб. Гв. Измайловскій, былъ на сторонѣ большевиковъ. Правда, онъ немедленно разбѣжался, послѣ перваго шрапнельнаго выстрѣла. Легкость успѣха увлекла сотню оренбуржцевъ въ атаку. Толпы красноармейцевъ побѣждали въ безпорядкѣ. Но матросы, засѣвшіе въ деревнѣ Сузи, выдержали атаку. Командиръ сотни, 18 казаковъ и 40 лошадей были убиты и ранены. Сотня бросилась назадъ, и этотъ маленькій эпизодъ обнаружилъ превосходство матрессовъ. Бой началъ затихать.

Съ двухъ часовъ дня у противника появилась артиллерія и начался систематическій обходъ съ фланговъ. Къ вечеру снаряды и патроны Красновскаго отряда были разстрѣляны, а комендантъ Царскаго Села категорически отказывался выдать новые. „Погребъ оказался окруженнымъ толпой вооруженныхъ стрѣлковъ. Нужно было добиваться патроновъ силой. А силы-то этой и не было“, говоритъ ген. Красновъ въ первоначальномъ описаніи боя. Пріѣхавшій изъ Петрограда Гоцъ сообщилъ, что „казаки не могутъ выйти изъ казармъ, такъ какъ окружены совѣтскими войсками.“ Положеніе становилось трагическимъ, — или точнѣе, трагичность положенія окончательно выяснилась. Если бы хотя два батальона пѣхоты подошло ко мнѣ въ это время“, пишетъ Красновъ, (если бы хоть триста человекъ солдатъ, говорили осажденные во дворцѣ министры пятью днями раньше), „можно было бы поправить дѣло. Но подмога не шла“. И Красновъ, отступивъ при наступленіи ночи, писалъ въ покинутой жильцами дачѣ приказъ „третьему конному корпусу“. „Усиленная рекогносцировка, произведенная сегодня, выяснила, что. . . для овладѣнія Петроградомъ нашихъ силъ недостаточно. . . Царское Село постепенно окружается матросами и красногвардейцами. . . необходимость выждать подхода обѣщанныхъ силъ вынуждаетъ меня отойти въ Гатчино, гдѣ занять оборонительное положеніе“.

Гдѣ же однако были эти „обѣщанныя силы“? Керенскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о „цѣлыхъ грудяхъ телеграммъ, извѣщавшихъ о приближеніи эшелоновъ“ и о томъ, что „около 50 воинскихъ поѣздовъ, преодолевая всякія препятствія, пробивались къ Гатчинѣ съ разныхъ фронтовъ“. Гдѣ тутъ доля истины, доля самообмана и доля преувеличенія?

Чтобы найти отвѣтъ, мы должны на время оставить театръ военныхъ дѣйствій между Царскимъ Селомъ и Гатчиной, и посмотреть, что за это время дѣлалось въ ставкѣ и на фронтѣ. Въ распоряженіи историка имѣется для выясненія этого вопроса копія

телеграфныхъ лентъ, содержащихъ въ себѣ переговоры ставки со штабами фронтовъ въ дни октябрьскаго возстанія. *) Изъ этихъ переговоровъ мы видимъ, какъ быстро измѣнилось на фронтѣ первоначально благопріятное для временнаго правительства настроеніе арміи и ея командованія, какъ только выяснилась слабость правительства и обозначились первые успѣхи большевиковъ. Съ временнымъ правительствомъ повторялась въ октябрѣ та же исторія, какъ съ царскимъ правительствомъ въ февральскіе дни. Случайный революціонный взрывъ въ столицѣ былъ поддержанъ пассивно арміей, потому что настроеніе какъ командованія, такъ и солдатъ, сложилось противъ того и другого правительства. Въ этомъ смыслѣ, правильно было бы сказать, что судьба той и другой революціи въ послѣднемъ счетѣ рѣшена арміей.

При первыхъ слухахъ о надвинувшемся въ Петроградъ переворотѣ, въ ночь съ 24 на 25 ноября, настроеніе командованія было вполне лояльно. Получивъ въ два часа ночи распоряженіе Керенскаго „направить всѣ полки Кавказской казачьей дивизіи, 23 донской казачій полкъ и всѣ остальные казачьи части, находящіяся въ Финляндіи, по желѣзной дорогѣ въ Петроградъ на Николаевскій вокзалъ въ распоряженіе Полковникова, и въ случаѣ невозможности перевозки по желѣзной дорогѣ направить ихъ по эшелонно, похѣднымъ порядкомъ“, Духонинъ немедленно передалъ это распоряженіе начальнику штаба главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ Черемисова, Лукирскому, и получилъ отвѣтъ: „распоряженіе уже дѣлается, перевозка по желѣзной дорогѣ налаживается, ... первымъ придутъ въ Петроградъ роты самокатнаго батальона, которыя находятся уже наготовѣ на ст. Батацкая“. Общеармейскій комитетъ при ставкѣ той же ночью собралъ экстренное засѣданіе и „выразилъ рѣзкое осужденіе выступленію“ большевиковъ.

Втеченіе дня 22 октября, по мѣрѣ развитія событій, это настроеніе измѣнилось. Исполнительный комитетъ румынскаго фронта („Румчерода“) высказался противъ „посягательства, какъ справа, такъ и слѣва“. Но на юго-западномъ, западномъ и сѣверномъ фронтахъ комитеты до четырехъ часовъ дня спорили, не вынося никакихъ рѣшеній. Пятая армія сѣвернаго фронта и тыловыя организаціи

---

*) Двѣ тетради, содержащія копіи телеграфныхъ лентъ 25 и 26 октября, переписанныя, повидимому по приказанію Духонина въ ставкѣ, были захвачены добровольческой арміей при занятіи Кіева осенью 1919 г. и напечатаны въ VII томѣ „Архива русской революціи“.

склонялись къ большевикамъ. Самокатные батальоны были „кѣмъ-то“ задержаны въ 70 верстахъ отъ Петрограда и отправка казачьей дивизіи 25-го октября — „не выполнена“. Въ 10 часовъ вечера Черемисовъ официально отмѣнилъ всѣ распоряженія о посылкѣ войсковыхъ частей къ Петрограду. На тревожные вопросы Духонина, почему онъ это сдѣлалъ, Черемисовъ далъ лживый отвѣтъ: „это сдѣлано съ согласія главковерха (Керенскаго), полученнаго мною отъ него лично“. На просьбу Духонина дать ему возможность переговорить съ самимъ Керенскимъ, Черемисовъ продолжалъ лгать: „невозможно, въ его интересахъ“. Объясняя свою геремѣну фронта, Черемисовъ тутъ же придумалъ слѣдующую мотивировку: „сегодня вечеромъ кто-то, — повидимому, правые элементы, назначили генераль-губернаторомъ Петрограда Кишкина, принадлежность котораго къ кадетскимъ партіямъ извѣстна на фронтѣ. Это назначеніе вызвало рѣзкій переломъ въ войсковыхъ организаціяхъ фронта не въ пользу временнаго правительства“. Наконецъ, Черемисовъ завершилъ свои измышленія сообщеніемъ, будто „Керенскій отъ власти устранился и выразилъ желаніе передать должность главковерха — мнѣ“.

Свое настроеніе Черемисовъ попытался передать и главнокомандующему западнымъ фронтомъ Балугеву. Ему онъ сообщилъ прямо, что „по послѣднимъ свѣдѣніямъ ген. губернаторомъ Петрограда назначенъ, безъ участія Керенскаго, кадетъ Кишкинъ; въ силу этого обстоятельства посылка войскъ въ Петроградъ является безцѣльной и даже вредной, такъ какъ, очевидно, войска на сторону Кишкина не стануть.“ Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ Балугева рѣзкую отповѣдь: „очень жаль, что ваши войска участвуютъ въ политикѣ, мы присягали временному правительству, и не наше дѣло разсуждать, состоитъ петроградскимъ губернаторомъ Кишкинъ или кто другой... Я считаю большимъ несчастіемъ для Россіи, если власть будетъ захвачена такими безотвѣтственными партіями, какъ большевиковъ, такъ какъ тогда будетъ анархія, и гибель Россіи неизбежна... Кромѣ Петрограда еще имѣется обширная Россія, и еще вопросъ, какъ она посмотритъ на это“. Отвѣтъ Черемисова былъ: „мы не имѣемъ права уклоняться отъ политики и не считаться съ политическимъ настроеніемъ массы“.

Ген. Балугевъ въ результатѣ этихъ переговоровъ не захотѣлъ пойти на объединеніе „хотя бы двухъ фронтовъ, сѣвернаго и западнаго“, какъ того добивался Черемисовъ. Онъ заявилъ, что будетъ ждать указаній отъ ставки. Ставка же была въ очень тру-

дномъ положеніи. Около часа ночи на 25-е здѣсь были получены извѣстія объ арестѣ министровъ. Мѣстонахожденіе Керенскаго было неизвѣстно. Между тѣмъ военно-революціонный комитетъ большевиковъ разослалъ по фронтамъ требованіе-извѣститъ солдатъ о случившемся и арестовать тѣхъ, кто будетъ противъ переворота. Скрыть это требованіе отъ арміи было невозможно. И ставка, прежде чѣмъ дать требуемыя указанія, въ [ночь на 25 октября произвела опросъ главнокомандующихъ фронтовъ, имѣются-ли въ ихъ распоряженіи войсковыя части, которыя безусловно поддерживали бы временное правительство“.

Ген. Балугевъ отвѣтилъ на это съ западнаго фронта: „ни за одну часть поручиться не могу, большинство же частей безусловно не поддержитъ. Даже тѣ части, которыя находятся около меня, — и тѣ годны развѣ только для того, чтобы остановить погромы и беспорядки, но для поддержки временнаго правительства наврядъ — ли онѣ пригодны“. Комиссаръ румынскаго фронта Тизенгаузенъ на тотъ же вопросъ отвѣтилъ: „двинуть съ фронта войска для защиты лишь самого правительства едва-ли возможно... Составъ прежняго правительства не особенно популяренъ въ войскахъ, и, какъ таковой, мало интересуется солдатъ“. Напротивъ, „защита учредительнаго собранія весьма популярна: въ защиту учредительнаго собранія и для противодѣйствія попыткамъ срыва безусловно станеть весь фронтъ“. Отъ юго-западнаго фронта ген. Махровъ уклонился отъ отвѣта, ссылаясь на свѣдѣнія, сообщенныя ему Черемисовымъ, что посылка войскъ вообще остановлена.

Къ утру 26 октября настроеніе на сѣверномъ фронтѣ измѣнилось подъ вліяніемъ рѣшенія Керенскаго — идти походомъ на Петроградъ — и вслѣдствіе доклада комиссара Войтинскаго Черемисову, что большевики изолированы, „такъ какъ вся организованная демократія стала противъ нихъ“ и побѣда ихъ есть „пиррова побѣда“. Черемисовъ разрѣшилъ тогда „продолжать продвиженіе по желѣзной дорогѣ частей 3-го коннаго корпуса и приказалъ снять посты революціоннаго комитета“. На своей версіи событій онъ, видимо, пересталъ настаивать. И Духонинъ рѣшился черезъ штабъ сѣвернаго фронта послать телеграмму Керенскому, хотя и просилъ „уничтожить кусочекъ ленты“, на которомъ сообщилъ было Керенскому свое мнѣніе: „полагаю необходимымъ выдвиненіе къ Петрограду не только 3-го корпуса, но и другихъ назначенныхъ частей; конечно, придется выѣхать походнымъ порядкомъ, такъ какъ состоялось постановленіе желѣзнодорожниковъ — не перевозить войскъ

къ Петрограду*. Во второмъ часу дня 26 октября въ ставку : полученъ былъ приказъ Керенскаго, который, вмѣстѣ съ воззваніемъ пяти демократическихъ организацій (с. р., с. д., центрофлота, армейскихъ организацій въ Петроградѣ и П. И. К. совѣта рабочихъ депутатовъ на короткое время укрѣпилъ антибольшевистское настроеніе ставки. Духонинъ поспѣшилъ сообщить эти хорошія вѣсти Балуюеву на западный фронтъ, но выслушалъ въ отвѣтъ, что Минскъ въ рукахъ совѣта рабочихъ депутатовъ, гарнизонъ ненадеженъ и самъ онъ, Балуюевъ, находится подъ арестомъ 37 полка, который „весь въ распоряженіи совѣта“. Моментъ оптимистическаго настроенія по поводу „изолированія“ большевиковъ отразился и на юго-западномъ фронтѣ, откуда Н. И. Іорданскій сбнадеживалъ, что „большинство за временное правительство, готовятся къ посылкѣ отряда въ Петроградъ“. Іорданскій отговаривался, однако, по поводу приказа Керенскаго : „приказъ полученъ, одна фраза возбуждаетъ недоумѣніе : о возможности образованія новаго правительства.*) Если это означаетъ готовность идти на компромиссъ съ Петроградомъ, то это ошибка. Лозунгомъ должно быть возстановленіе правительства и созывъ учредительнаго собранія“. „Наступилъ моментъ ликвидаціи большевизма, и мы были бы совершенно выбиты изъ колеи, если бы повторились полумѣры 3-го и 5-го іюля“. Такъ перекрещивались въ арміи настроенія справа и слѣва, одинаково враждебныя Керенскому.

Къ сожалѣнію, на этомъ оптимистическомъ настроеніи обрывается нашъ источникъ — переговоры ставки съ фронтами по

*) Текстъ приказа, подписаннаго Керенскимъ, въ Псковѣ, слѣдующій: „Наступившая смута, вызванная безуміемъ большевиковъ, ставитъ государство наше на край гибели и требуетъ напряженія всей воли, мужества и исполненія долга каждымъ. Въ настоящее время, впредь до объявленія новаго состава временнаго правительства, если таковое послѣдуетъ, каждый долженъ оставаться на своемъ посту и исполнять свой долгъ передъ истерзанной родиной. Нужно помнить, что малѣйшее нарушеніе существующей организаціи арміи можетъ повлечь непоправимыя бѣдствія, открывъ фронтъ для новаго удара противника. Поэтому необходимо сохранить во что-бы то ни стало боеспособность арміи, поддерживать полный порядокъ, охраняя армію отъ новыхъ потрясеній и не колебать взаимное довѣріе между начальниками и подчиненными. Приказываю всѣмъ начальникамъ и комиссарамъ во имя спасенія родины сохранить свои посты, какъ и я сохраняю свой постъ верховнаго главнокомандующаго впредь до изъявленія воли временнаго правительства республики. Приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, командахъ, сотняхъ, эскадронахъ и батальонахъ, на судахъ и во всѣхъ строевыхъ командахъ. А. Керенскій“.

прямому проводу. Чтобы прослѣдить, какъ втеченіе послѣдующихъ дней, 27-го и слѣдующихъ, это настроеніе окончательно перешло въ пессимистическое, мы располагаемъ составленными по просьбѣ автора (неопубликованными) показаніями г. л. Шиллинга, командира ХУІІ армейскаго корпуса, который предполагалось направить противъ большевиковъ, и комиссара восьмой арміи, къ которой принадлежалъ этотъ корпусъ, К. М. Вендзягольскаго, пытавшагося организовать посылку ХУІІ корпуса къ Петрограду. Пріѣхавъ въ ставку 26 октября и сдѣлавъ докладъ Духонину о положеніи 8-й арміи, Вендзягольскій узналъ въ управленіи военнаго комиссара при верх. главнокомандующемъ, что ставка „предполагаетъ организовать сводный отрядъ подъ командой ген. Врангеля для отправки его частью подъ Петроградъ, частью для защиты подступовъ къ ставкѣ“. Вендзягольскій прождалъ въ Могилевѣ сутки, до полудня 27 октября, но отрядъ не формировался. Тогда, съ разрѣшенія начальства, онъ рѣшилъ ѣхать дальше на сѣверъ, гдѣ, въ Витебской и Псковской губ., былъ расположенъ ХУІІ корпусъ, только что переведенный сюда съ румынскаго фронта и прибывшій въ районъ Невель-Городокъ 15-25 октября, въ распоряженіе главкома. „Настроеніе въ Невелѣ и въ частяхъ, расквартированныхъ въ немъ (запасный арт. дивизіонъ, тяжелый дивизіонъ, съ рижскаго фронта и Сибирскій запасный саперный батальонъ) было большевистское“, свидѣлствуетъ ген. Шиллингъ. Онъ вызвалъ въ городъ надежный „курень смерти“, состоявшій изъ 700 солдатъ украинцевъ, и 27 октября занялъ имъ почту, телеграфъ и вокзалъ. Изъ штаба V-й арміи, гдѣ комитетъ былъ большевистскій, начали уже просачиваться телеграммы съ призывомъ подчиниться большевикамъ. Прервавъ телеграфное сообщеніе съ У-й арміей, ген. Шиллингъ рѣшилъ связаться непосредственно со ставкой. Въ 1 ч. ночи на 28-е къ нему пріѣхалъ Вендзягольскій, сообщившій ему о положеніи. На вопросъ Шиллинга, почему ставка не дѣлаетъ никакихъ распоряженій и ничего не сообщаетъ, онъ получилъ отъ Вендзягольскаго отвѣтъ, что „тамъ не увѣрены, можно-ли надѣяться на части корпуса“. Чтобы проверить это, ген. Шиллингъ собралъ въ 11 ч. утра 28 октября представителей всѣхъ частей корпуса и изложилъ имъ свой взглядъ на большевизмъ. Черезъ два часа онъ получилъ отвѣтъ предсѣдателя корпуснаго комитета, поручика Зотикова, что всѣ съ нимъ согласны и пойдутъ за нимъ. Тогда онъ отправилъ начальника штаба корпуса, полк. Бронскаго, на автомобиль въ ставку съ почтограммой на имя Духонина, составленной

Вендзягольскимъ. Ген. Шиллингъ ходатайствовалъ въ ней о разрѣшеніи погрузить войска корпуса на желѣзную дорогу и немедленно отправить эшелонами по двумъ направленьямъ: къ Пскову и Лугѣ и къ Бологому и Чудову.

Раньше, чѣмъ дошла до ставки это просьба, ген. Шиллингъ получилъ изъ ставки секретный пакетъ съ приказаніемъ занять узловыя станціи Дно и Оршу, каждую батальономъ съ четырьмя пулеметами, чтобы „не допустить продвигенія большевиковъ къ ставкѣ“. Однако, сдѣланный Шиллингомъ нарядъ (отъ 140 Зарайскаго полка) былъ задержанъ, такъ какъ „всѣми нарядами поѣздовъ вѣдалъ штабъ сѣвернаго фронта, и, видимо, тамъ приказанія ставки не исполнялись“.

Около 11 ч. ночи 29 октября ген. Шиллингъ получилъ изъ ставки отвѣтъ и на свою просьбу. Ставка приказывала послать отъ корпуса къ Петрограду бригаду пѣхоты, мортирный дивизионъ и дивизионъ полевой легкой артиллеріи. Ген. Шиллингъ приказалъ сосредоточить части, разбосанныя на 25 верстѣ въ окружности, къ станціямъ посадки: расчетъ былъ на аккуратную подачу поѣздовъ. Назначены къ посадкѣ были 11 пѣхотный Псковскій и 12 Великолуцкій полки, 17 мортирный дивизионъ и три батареи 35 арт. бригады. „Къ великому удивленію начальствующихъ лицъ“, свидѣтельствуеъ ген. Шиллингъ, „полки и части прибываютъ для посадки, а поѣздовъ нѣтъ. Солдаты стоятъ подъ открытымъ небомъ, при отвратительной дождливой погодѣ. Съ грѣхомъ пополамъ добились, чтобы черезъ 10 часовъ подали два состава для посадки 12 Великол. полка и одинъ составъ для штаба 3 пѣх. дивизіи. Агитація противъ посадки и отправленія въ это время велась во всю“. Въ результатѣ этой агитаціи, вечеромъ 29 октября Шиллингу пришлось отменить отправку распропагандированныхъ полковъ 3-й дивизіи и замѣнить ихъ вѣрной ему 35-й. Штабу 3-й дивизіи и частямъ 12 полка, уже погруженнымъ, велѣно было выгрузиться. На ихъ мѣсто — уже только 30 и 31 октября — началась посадка 137 Нѣжинскаго и 140 Зарайскаго полковъ. Повторилась и тутъ та же исторія. „Составы подавались чрезвычайно медленно. Бывало такъ, что составъ подадутъ, весь эшелонъ погрузится, но сутки не даютъ паровозовъ, и солдаты сидятъ въ вагонахъ, не приспособленныхъ для отопленія и не оборудованныхъ для людей“. Однако, на этотъ разъ, „настроеніе у солдатъ было бодрое и веселое, . . . всѣ шли охотно, несмотря на то, что кругомъ все кишѣло большевиками“.

Движеніе погруженныхъ эшелонѡвъ къ Петрограду, наконецъ началось, — но продолжало встрѣчать на пути всевозможныя препятствія. „По докладу командира 137 п. Нѣжинскаго полка, корпуснаго комиссара, а также и начальника 35 дивизіи, говоритъ ген. Шиллингъ, „выяснилось, что вездѣ на станціяхъ эшелонамъ чинились задержки, не давали паровозовъ и что въ дѣлѣ захвата, власти большевиками весьма подлую роль сыгралъ Викжель“. Только примѣненіемъ насильственныхъ мѣръ первому изъ эшелонѡвъ удалось пробиться черезъ Псковъ и добраться до Луги, гдѣ „весь гарнизонъ — около 6-7 тысячъ человекъ — немедленно сдался безъ боя, всѣ караулы были заняты солдатами Нѣжинскаго полка, а находящіеся въ Лугѣ артиллеристы пришли къ командиру батальона и сдали замки отъ орудій. „Погрозивъ вернуться и разстрѣлять Псковъ, этотъ первый эшелонъ вытащилъ вслѣдъ за собой мортирную батарею 17-го дивизіона. Депутація большевиковъ съ матросомъ Дыбенко, пріѣхавшая въ Лугу уговаривать пришедшія туда передовыя части, не имѣла успѣха. Корпусный комиссаръ Зотиковъ рѣшился даже съѣздить въ Петроградъ, въ Смольный, и вернулся оттуда благополучно, погрозивъ большевикамъ лужскими войсками. Но, увы, всѣ эти частичныя удачи пришли слишкомъ поздно. Цѣль непрерывныхъ задержекъ войскъ желѣзнодорожниками была достигнута. Мы знаемъ, что уже 30 октября Красновскій отрядъ, лишенный подкрѣпленій, проигралъ рѣшительный бой подъ Пулковымъ и принужденъ былъ отступать. А затѣмъ до Луги дошли слухи о переговорахъ Краснова съ большевиками, и 2 ноября полученъ приказъ Духонина, — на этотъ разъ дѣйствительный и окончательный — остановить движеніе эшелонѡвъ къ Петрограду. Нѣжинскій полкъ не повѣрилъ и послалъ выборныхъ въ ставку. Получилъ тамъ подтвержденіе, части „стали возвращаться на свои мѣста... конечно, уже не тѣми по настроенію, какими пошли“, замѣчаетъ ген. Шиллингъ: „ядъ большевизма началъ проникать и въ ихъ среду“.

Чѣмъ вызвано было рѣшеніе Духонина? Мы увидимъ это, вернувшись въ Гатчину къ Красновскому отряду и къ Керенскому. Туда направился черезъ Псковъ и Вендзягольскій послѣ соглашенія съ ген. Шиллингомъ о наступленіи.

Пріѣхавъ въ Гатчину за два дня до Пулковскаго „боя“ и повидавшись съ А. Ф. Керенскимъ, Вендзягольскій засталъ картину полной растерянности Верховнаго Главнокомандующаго и внутреннихъ распрей вокругъ его личности, „Къ ужасу своему я

замѣтилъ, пишетъ онъ, „что ни верховный главнокомандующій, ни кто-либо изъ окружавшихъ его (штаба Краснова тамъ не было) не имѣли ни малѣйшаго представленія о дислокаціи войскъ сѣвернаго фронта . . . . Извѣстіе о возможности прибытія „цѣлаго корпуса“ свалилось на всѣхъ большимъ неожиданнымъ счастьемъ. Оставалось ждать прихода корпуса, не имѣя возможности, за отсутствіемъ связи, слѣдить за его движеніемъ. Въ штабъ верх. главнокомандующаго поражала всеобщая суетня, бѣготня, пулеметы въ столовой, консервы на дворѣ, безконечное шатаніе всѣхъ повсюду и полное отсутствіе службы связи, почти отрѣзанность отъ всей Россіи. Приближенные къ А. Ф. Керенскому комиссары Войтинскій и Семеновъ „назначили“ меня комиссаромъ броневого поѣзда, имѣющаго задачу 29-го Октября занять вокзалъ. „Позднѣе Войтинскій отмѣнилъ это назначеніе, когда Вендзягольскій сказалъ ему, что броневой поѣздъ имѣетъ шансы удержать Николаевскій вокзалъ только путемъ опустошенія и террора среди большевиковъ“. „По мнѣнію этого добраго человѣка“, замѣчаетъ Вендзягольскій, „броневой поѣздъ долженъ былъ сыграть роль аргумента больше моральнаго свойства . . . „Черезъ нѣкоторое время мнѣ предложили ѣхать комиссаромъ къ какому-то отряду въ Валкъ или куда-то въ другое мѣсто, а еще спустя нѣкоторое время назначили меня агитаторомъ въ какія то слабыя части съ программой: если слишкомъ правы, наступить имъ на хвостъ (выраженіе Войтинскаго) . . . . Назначенія и порученія сыпались всю ночь и утро 29-го Октября отъ метавшихся вокругъ А. Ф. Керенскаго, Станкевича, Войтинскаго, Семенова, трехъ адъютантовъ, начальника гражданской канцеляріи и многихъ другихъ лицъ разнаго званія, упомнить которыхъ не могъ. Скоро всѣ эти лица почувствовали въ Вендзягольскомъ врага, особенно когда появился въ Царскомъ и Гатчинѣ Савинковъ. Савинковъ имѣлъ нѣсколько непріятныхъ разговоровъ съ Керенскимъ, въ которыхъ указывалъ, что казаки ему не вѣрятъ, боятся повторенія исторіи 3—5-го Іюля и что его рѣчи къ нимъ производятъ неблагоприятное впечатлѣніе. Настроеніе приближенныхъ Керенскаго выразилось въ разговорѣ Войтинскаго съ Савинковымъ, въ которомъ комиссаръ сѣвернаго фронта „высказывалъ опасеніе, что „контръ-революціонеры“ воспользуются большевистскимъ выступленіемъ для осуществленія своихъ собственныхъ цѣлей“. „Мнѣ казалось“, прибавляетъ Савинковъ, что онъ недоувѣрчиво относится къ казакамъ и ко мнѣ“. И дѣйствительно вечеромъ того же 29-го Октября Семеновъ снялъ

съ Вендзягольскаго форменный „допросъ по поводу слуховъ о предполагающемся будто-бы переворотѣ, арестѣ Керенскаго и т. д. Дрожащіе уста комиссара Семенова произнесли „страшное“ слово: „Савинковъ“. „Пугаясь своихъ защитниковъ, приближенные Керенскаго и самъ онъ уже задумывали (или, вѣрнѣе, продолжали обсуждать, см. выше, новую политическую комбинацію“. „Въ кабинетѣ Керенскаго“, свидѣтельствуєтъ Вендзягольскій, происходила борьба: зарождалась идея соглашательства. Станкевичъ и остальные комиссары что-то говорили. Показались во дворцѣ Черновъ и еще кто-то. Стали носиться слухи о формированіи въ ставкѣ (въ Могилевѣ) какого-то однороднаго правительства. Называли Авксентьева, Чернова. Савинковъ также узналъ, уже во время Пулковскаго боя отъ одного члена комитета спасенія, что А. Ф. Керенскій собирается уѣхать въ ставку. Полагая, что отъѣздъ этотъ „былъ бы учтенъ, какъ бѣгство во время боя“, Савинковъ счелъ нужнымъ снова поѣхать въ Гатчину, чтобы отговорить Керенскаго. „Станкевичъ возражалъ мнѣ“, вспоминаєтъ Савинковъ, но А. Ф. Керенскій, посовѣтовавшись съ пріѣхавшимъ со мной есауломъ О., согласился съ моими соображеніями“. Вечеромъ того же дня 30 Октября Савинковъ имѣлъ новый разговоръ съ Керенскимъ по поводу своего назначенія комиссаромъ отряда Краснова. „Я заявилъ Керенскому, что не раздѣлялъ и не раздѣляю его политики, что его пребываніе у власти уже давно мнѣ кажется губительнымъ для Россіи, что я боролся противъ него всѣми законными, средствами и что я готовъ бороться незаконными, ибо считаю его однимъ изъ виновниковъ полнаго развала Россіи, и, въ частности, однимъ изъ виновниковъ выступленія большевиковъ, противъ которыхъ имъ не было своевременно принято никакихъ мѣръ“. Послѣ этого откровеннаго разговора, Керенскій, „въ виду исключительности положенія“ утвердилъ Савинкова въ должности, которую просили его занять офицеры Краснова.

Среди руководителей шли распри; среди защитниковъ шла упорная агитація. „Большевики открыто бунтовали солдатъ и казакъ“, свидѣтельствуєтъ Вендзягольскій. „Повсюду шныряли агитаторы. . . Жители Царскаго Села роптали: какой же это порядокъ, какая война, если врагъ безпрепятственно просачивается въ войска, на улицахъ митинги, по городу стрѣльба, а Керенскій все рѣчами, да рѣчами воюєтъ“. „Большевистскіе агитаторы“, подтверждаетъ Савинковъ, „доказывали казакамъ, что большевики и казаки — братья и служатъ одной и той же цѣли, ибо тѣ и другіе

прежде всего, желаютъ, чтобы Керенскій сложилъ съ себя полномочія. . . Съ этой пропагандой было невозможно бороться: въ Царскомъ Селѣ было нѣсколько тысячъ гарнизона; въ этой вооруженной толпѣ тонула горсть казаковъ ген. Краснова. Плоды агитаціи сказались и на полѣ битвы. Въ то время какъ большевики „смотрѣли на насъ, какъ мы смотрѣли на германцевъ, дрались жестоко и упорно, — увѣчили трупы,“ говоритъ ген. Красновъ — и казаки не могли отрѣшиться отъ навязаннаго имъ агитаторами взгляда, что это „свой“, что это „братья,“ что это „братоубійственная“ война, и, гдѣ только можно, щадили ихъ. Отъ этого часто вовлекались въ обманъ, пропускали лазутчиковъ и шпионовъ, приходившихъ „переговорить“ и „столковаться“. . .

Съ характеристикой Савинкова и Вензягольскаго вполне соглашается и Керенскій, но съ той разницей, что онъ возлагаетъ, вину за разложеніе Красновскаго отряда на самого Краснова. „Никакихъ мѣръ охраны, изоляціи, хотя бы внѣшняго порядка принято не было,“ говоритъ онъ. „Всюду, въ аллеяхъ парка, на улицахъ, у воротъ казармъ, шли митинги, собирались кучки, шныряли агитаторы, обрабатывавшіе нашихъ станичниковъ. Какъ раньше, гвоздемъ пропаганды было сравненіе моего похода съ Корниловскимъ. Красновъ сталъ все рѣшительнѣе сбрасывать маску своей „лояльности.“ Однимъ словомъ въ атмосферѣ интриги ясно чувствовались признаки измѣны.

Отступленіе отъ Царскаго вечера 30 Октября было сигналомъ для открытаго выявленія всѣхъ этихъ настроеній, плохо прикрывавшихся до тѣхъ поръ тонкой пленкой военной дисциплины. Въ Гатчинѣ, первые слухи объ отступленіи, по выраженію Керенскаго, „вызвали панику у однихъ, удвоили энергію и дерзость у другихъ.“ Передъ самымъ возвращеніемъ Краснова, въ 10 ч. вечера, къ Керенскому явилась депутація отъ „Викжеля“ (Все-росс, Исп. Ком. союза жел. дор. служащихъ), представившая ультимативное требованіе: подъ угрозой желѣзно-дорожной забастовки вступить въ немедленные переговоры о перемиріи съ большевиками. Когда Керенскій спросилъ пришедшаго къ нему ген. Краснова, какъ онъ думаетъ объ этомъ предложеніи, Красновъ отвѣчалъ, что для выигрыша времени нужно начать переговоры о перемиріи: что это нѣсколько успокоитъ казаковъ, все съ большей настороженностью посматривающихъ на свое начальство, и дастъ возможность дожидаться подкрѣпленій.

Дѣйствительно, казаки больше не вѣрили никакимъ „грудамъ

телеграммъ о продвиженіи эшелонѣвъ“, Красновскій отрядъ вернулся въ Гатчину совершенно разложенный. Утромъ 31-го Октября 9-й Донской полкъ отказался выставить караулы и не взялъ ружейныхъ патроновъ, заявляя, что не желаетъ братоубійственной войны. Караулы пришлось занять только что пришедшими изъ Петрограда двумя сотнями 10-го Донского полка. Надежду на прибытіе вспомогательныхъ войскъ съ фронта началъ уже терять и Керенскій. Къ этому времени, по показанію его адъютантовъ, онъ „связался по прямому проводу со ставкѣй и сѣвернымъ фронтомъ и оттуда получилъ свѣдѣнія о томъ, что [фронтъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сталъ открыто на сторону большевиковъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ въ Винницѣ, Кіевѣ и Москвѣ, вспухнули большевистскія возстанія, а латышскіе полки бросили фронтъ и отправились въ тылъ, разгромивъ Венденъ и Юрьевъ. Такимъ образомъ, общая обстановка для А. Ф. Керенскаго складывалась такъ, что дальнѣйшее промедленіе и затягиваніе операцій становилось невозможнымъ.“

Какъ подѣйствовало на Керенскаго это измѣненіе положенія видно изъ его распоряженій вечеромъ 30-го октября. Еще сутками раньше онъ пытался уѣхать изъ Гатчины „навстрѣчу приближающимся эшелонамъ“ — и былъ остановленъ рѣшительнымъ заявленіемъ казацкой делегаціи, что казаки связали съ нимъ свою судьбу и не допустятъ его отъѣзда. Теперь, „воспользовавшись новымъ пріѣздомъ друзей изъ Петрограда“, Керенскій „на всякій случай, передалъ имъ письмо на имя Авксентьева, которымъ вручалъ предсѣдателю Совѣта Республики права и обязанности министра-предсѣдателя и предлагалъ немедленно пополнить составъ правительства“. Послѣ этого, по требованію совѣта офицеровъ въ Гатчинѣ, онъ назначилъ начальникомъ обороны города Савинкова, котораго считалъ, какъ мы видѣли, самымъ опаснымъ своимъ врагомъ. „Въ это время мы уже чувствовали“, говоритъ Керенскій, „что идемъ быстро къ неизбѣжному“ и, „собственная судьба не представлялась намъ особенно загадочной“. Поздно ночью, Керенскій отпустилъ одного изъ своихъ адъютантовъ, женатаго человѣка, и „заключилъ братскій союзъ“ съ другимъ, не хотѣвшимъ его оставить.

Въ одиннадцатомъ часу утра 31-го октября А. Ф. Керенскій пришелъ къ ген. Краснову и пригласилъ его на совѣщаніе съ представителями партій и комиссарами по поводу предложенія „Викжеля“. Телеграмма „Викжеля“, разосланная „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ“,

выставляла „категорическое требованіе немедленно остановить гражданскую войну и собраться для образованія однороднаго, революціоннаго, соціалистическаго правительства“. Въ случаѣ неподчиненія этому требованію, желѣзнодорожный союзъ объявлялъ „прекращенія всякаго движенія по дорогамъ“ съ 12 ч. ночи съ 29 на 30 октября. Это было, конечно, безразлично для наступающихъ изъ Петрограда большевистскихъ войскъ, но вовсе не безразлично для движенія эшелоновъ, предназначавшихся на помощь отряду ген. Краснова. Это былъ тотъ „строгій нейтралитетъ, который по той же телеграммѣ „Викжель“ „призналъ для себя обязательнымъ съ самаго начала междуусобицы“. Въ обсужденіи предложенія участвовали, кромѣ Керенскаго и Краснова, представители союза казачьихъ войскъ, Савинковъ и Аникѣевъ, комиссаръ Станкевичъ, капитанъ Козьминъ, подполковникъ Поповъ и подъесаулъ Ажогинъ. Описаніе этого засѣданія мы приводимъ по первоначальной запискѣ ген. Краснова.

„Мы сѣли въ дворцовой гостиной, за круглымъ столомъ. А. Ф. Керенскій сѣлъ нѣсколько поодаль. Онъ, видимо, былъ сильно взволнованъ. Онъ сообщилъ о предложеніи „Викжеля“ и просилъ насъ, представителей отряда, высказаться, насколько оно приемо-лемо въ настоящее время.

Я указалъ Керенскому на создавшееся положеніе. Обѣщанная пѣхота не подходитъ. Казаки не вѣрятъ въ то, что она придетъ; среди нихъ сильное броженіе. Сегодня они уже вышли изъ повиновенія. Если къ намъ не подойдутъ значительныя силы пѣхоты, борьба бесполезна.

Что же вы предполагаете дѣлать?

Если бы не было предложенія „Викжеля“, наше положеніе было бы отчаяннымъ. Пришлось бы пробиваться на югъ, — туда, гдѣ есть еще вѣрныя правительству войска, идти походомъ, испытывая всѣ муки голода. Теперь, когда это предложеніе исходитъ не отъ насъ, послѣ вчерашняго боя, въ которомъ совѣтскія войска испытали силу казачьяго сопротивленія, понесли значительныя потери, мы можемъ выговорить очень приличныя условія и прекратить эту гражданскую войну, которая всѣмъ одинаково тяжела и противна.

Подполковникъ Поповъ и подъесаулъ Ажогинъ меня поддерживали. На вопросъ Савинкова, сколько же казаковъ осталось такихъ, на которыхъ вполне можно положиться, подъесаулъ Ажогинъ мужественно доложилъ, что разложеніе идетъ быстро, — его уси-

ливаешь сознание своего одиночества, слабости, покинутости всеми. Борьба при этих условиях невозможна. Мы можем остаться с нѣсколькими офицерами и двумя, тремя десятками казаков добавлялъ я.

„Что же, значить, приходится сдаваться на милость большевиков“, съ горечью замѣтилъ Керенскій?

Нѣтъ, — воспользоваться предложеніемъ „Викжеля“ и войти въ переговоры, отвѣчалъ я.

Заговорилъ Савинковъ. Онъ говорилъ съ глубокой горечью, съ истиннымъ и сильнымъ патріотизмомъ. Ярко обрисовалъ онъ тяжелое, невыносимое положеніе, въ которое попадетъ Россія, если въ правительство попадутъ большевики. Я могъ пойти на соглашеніе, говорилъ онъ, только при томъ условіи, что большевиковъ въ немъ не будетъ. Потому что стоитъ войти одному большевику въ правительство, и онъ съумѣетъ развалить всѣ министерства. Мы должны бороться до конца и спасти Россію.

Его горячо поддерживалъ капитанъ Козьминъ. Онъ все еще считалъ силы большевиковъ слабыми, и считалъ, что побѣдить ихъ можно даже и теперь. Сколько времени можете вы простоять здѣсь, спросилъ онъ меня?

Я считаю свое положеніе въ Гатчинѣ за рѣкой Ижорой очень выгоднымъ. Въ это осеннее, холодное время я сильно сомнѣваюсь, чтобы совѣтскія войска стали форсировать рѣку въ бродъ. Она и лѣтомъ, вслѣдствіе болотистости береговъ, трудно проходима. Но мнѣ нужны войска, а ихъ у меня нѣтъ. вмѣсто оборонительныхъ заставъ, наблюдательныя, я не ручаюсь даже за сегодняшнюю ночь, потому что хорошаго напора мнѣ не задержать.

Станкевичъ сталъ на нашу сторону. Онъ доказывалъ, что соглашеніе съ большевиками неизбежно.*) Нельзя же отрицать ихъ сильное вліяніе, и съ ними приходится считаться. Его мнѣніе было таково, что надо выработать условія переговоровъ и кому либо поѣхать въ Смольный, послать одновременно парламентаревъ.

И такъ, за переговоры были Станкевичъ и трое насъ, пред-

---

*) По воспоминаніямъ Савинкова, Станкевичъ заявлялъ даже, что „на большевиковъ онъ не смотритъ какъ на измѣнниковъ, и что онъ даже полагалъ бы возможнымъ назначить прапорщика Крыленко своимъ помощникомъ... Государственные интересы требуютъ немедленнаго соглашенія съ большевиками и образованія на основѣ этого соглашенія новаго министерства. Красновъ въ „Архивѣ“ тоже передаетъ, что „Станкевичъ полагалъ, что сговориться съ большевиками все-таки можно.“

ставителей военного отряда; противъ — Савинковъ, Аникѣевъ и Козьминъ. Я понимаю переговоры, говорилъ Савинковъ, только какъ военную хитрость, чтобы выиграть время. Къ намъ подойдутъ войска, отрезвѣетъ русское общество, и мы снова пойдемъ на Петроградъ: вѣдь насъ тамъ ждутъ какъ избавителей.

Я опять повторилъ, что если сегодня къ вечеру ко мнѣ подойдетъ хоть одинъ батальонъ пѣхоты, — то обстановка измѣнится, и я буду уже противъ переговоровъ.

А. Ф. Керенскій, послѣ долгаго раздумья, полурѣшилъ вступить въ переговоры, *) кап. Козьминъ и отчасти Аникѣевъ соглашались уже, что борьба невозможна. Одинъ Савинковъ честно и горячо, и такъ молодо упорствовалъ, изыскивая средства помочь горячо любимой имъ родинѣ.

Всѣ встали. Ходили по комнатѣ, обмѣнивались отрывочными фразами.

У насъ есть польскія войска, сказалъ Савинковъ. Поляки поймутъ, въ какую бездну влекутъ большевики Польшу. Я сейчасъ поѣду въ Польскій корпусъ и приведу его сюда...

Но намъ казалось это несбыточнымъ. Врядъ ли поляки пожелаютъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла. Да и когда придетъ этотъ корпусъ? Наконецъ, прибытіе поляковъ не повліяетъ на казаковъ и не заставитъ ихъ драться.

Шель уже третій часъ, что мы засѣдали. Время шло въ разговорахъ. Нужно было дѣйствовать. Я напомнилъ объ этомъ. Было приступлено къ выработкѣ текста посланія, которое было рѣшено отправить по телефону и съ парламентарями, какъ въ Смольный, такъ и въ штабъ отряда совѣтскихъ войскъ въ Красное Село.

„Пока шло совѣщаніе начальства“, рассказываетъ Красновъ въ своихъ послѣднихъ воспоминаніяхъ, „другое совѣщаніе шло у комитетовъ. Прибывшіе матросы — парламентары, безбожно лъстя казакамъ и суля имъ немедленную отправку спеціальными поѣздами прямо на Донъ, заявили, что они заключать миръ съ генералами не согласны, а желаютъ заключить миръ черезъ головы генераловъ съ подлинной демократіей, съ самими казаками“. Казаки явились къ Краснову, и онъ составилъ имъ текстъ соглашения,

*) Въ своихъ воспоминаніяхъ („Гатчина“) Керенскій говоритъ, что онъ „утвердилъ мнѣніе большинства“, такъ какъ другого выхода не было: „нужно было выиграть время“ и „невозможно было допустить, чтобы Красновъ и его штабъ могли сказать казакамъ: мы были за миръ, но Керенскій приказалъ драться“.

который они должны были отстаивать, не упоминая о его авторѣ. По этому предложенію, „большевики прекращають всякій бой въ Петроградѣ и даютъ полную амністію боровшимся противъ нихъ офицерамъ и юнкерамъ, отводятъ войска къ Четыремъ Рукамъ; Лигово и Пулково нейтральны. Наша кавалерія занимаетъ, исключительно въ видахъ охраны, Царское Село, Павловскъ и Петергофъ. Ни та, ни другая сторона до окончанія переговоровъ не перейдетъ указанной линіи, Въ случаѣ разрыва переговоровъ о переходѣ линіи надо предупредить за 24 часа. Поздно вечеромъ 31-го Октября это предложеніе было отправлено съ офицеромъ и двумя казаками въ Красное Село.

Другое заявленіе было составлено Козьминымъ и направлено „комитету спасенія родины“ въ отвѣтъ на телеграмму „Викжеля“. Здѣсь выражалась готовность прекратить кровопролитіе на условіи освобожденія арестованныхъ членовъ правительства и вѣрныхъ ему лицъ и вступленія въ переговоры съ представителями партій о реорганизаціи власти на основахъ преимущественнаго значенія большинства, необходимости продолжать оборону страны и созыва въ установленное время Учредительнаго Собранія, которое одно только должно разрѣшить вопросы о землѣ и волѣ, о войнѣ и мирѣ.

Третья бумага, составленная Станкевичемъ и подписанная Керенскимъ*), была отправлена со Станкевичемъ въ совѣтъ комиссаровъ. Въ догонку, въ 6 ч. вечера, Керенскій для вѣрности послалъ еще телеграмму „Викжелю“ о томъ, что предложеніе о перемиріи сдѣлано. О настроеніи Керенскаго послѣ совѣщанія свидѣтельствуетъ Вендзягольскій, котораго Керенскій вызвалъ, чтобы еще разъ справиться о возможности прихода 17-го корпуса и польскихъ войскъ, о которыхъ Савинковъ говорилъ съ его словъ на совѣщаніи. Вендзягольскій получилъ письменное приглашеніе „ѣхать въ польскій корпусъ“. „Вдругъ Керенскій схватывается за голову и

---

*) По воспоминаніямъ Керенскаго, который знаетъ только эту бумагу, но не помнить ея текста, Станкевичъ былъ посланъ „объѣздомъ“ также въ „комитетъ спасенія родины и революціи“. „Два изъ моихъ условій я не забылъ“, прибавляетъ онъ: „во-первыхъ, большевики должны были немедленно сложить оружіе и подчиниться обновленному всенародному врем. правительству; во-вторыхъ, составъ и программа этого правительства должны были быть установлены по соглашенію существующаго врем. правительства съ представителями всѣхъ политическихъ партій и комитетомъ спасенія родины и революціи. Керенскій вполнѣ основательно прибавляетъ: „во всякомъ случаѣ эти условія не были пріемлемы для большевиковъ“. Станкевичъ выѣхалъ около 4-хъ часовъ дня въ Петроградъ.

кричитъ: „да не пойдутъ поляки; я знаю, что не пойдутъ“. „Думаю“ замѣчаетъ Вендзягольскій, „за васъ навѣрное нѣтъ. За Польшу, которая связана съ будущимъ Россіи, — пожалуй“. И затѣмъ прибавляетъ позднѣйшую справку: „на этотъ разъ министръ былъ правъ. Поляки не пошли. Хорошій генераль, Довборъ-Мусницкій оказался слѣпымъ политикомъ!“ — Послѣ этого а parte, Вендзягольскій продолжаетъ описаніе. „Керенскій ложится, закрываетъ лицо руками. Чувствуется внутренняя слабость человѣка. Становится жалко. По угламъ шепчутся адъютанты и свита. По временамъ съ ихъ стороны падаетъ нерѣшительный совѣтъ. „А можетъ то, а можетъ это“.

Савинковъ согласился съ Вендзягольскимъ, что при такой обстановкѣ около Керенскаго дѣлать нечего. Онъ предложилъ Керенскому съѣздить въ Быховъ и въ Минскъ. Керенскій согласился и подписалъ приказъ о погруженіи польской дивизіи, помѣченный 8-часами вечера 31 Октября. Правда, тотчасъ послѣ того, онъ отмѣнилъ это распоряженіе и приказалъ Савинкову выѣхать къ 17 корпусу въ Невель, затѣмъ снова перемѣнилъ рѣшеніе и приказалъ обоимъ остаться къ Гатчинѣ*). Савинковъ и Вендзягольскій этому приказанію не подчинились и, „провожаемые насмѣшками: удираютъ — молъ,“ въ 9 часовъ вечера 31 Октября уѣхали въ Псковъ.

Слухи о начавшихся переговорахъ быстро распространились въ Гатчинѣ и усилили броженіе среди казаковъ. Полковой комитетъ 9-го Донского полка явился къ Краснову около 5 часовъ пополудни съ просьбой всего полка — арестовать Керенскаго, какъ „измѣнника и предателя, возлекшаго ихъ въ авантюру“. Красновъ отвѣтилъ: „не намъ дано судить его. Казаки, которымъ онъ довѣрился, не могутъ унизиться до самосуда и предать своего высшаго начальника. Донъ никогда не простилъ бы намъ этого. Какъ глава государства, онъ если и сдѣлалъ что неправильно, не уйдетъ отъ народнаго суда“. Казаки отвѣчали, что Керенскій можетъ убѣждать и Красновъ принужденъ былъ разрѣшить имъ выбрать казака для наблюденія за Керенскимъ. На дворцовомъ дворѣ, полномъ казаками, тотчасъ начались летучіе митинги на эту тему. Керенскій узналъ объ этомъ и вызвалъ Краснова, который подтвердилъ ему,

*) Въ воспоминаніяхъ Керенскаго говорится лишь о первой бумагѣ, съ командировкой въ Ставку. Керенскій иронически прибавляетъ: „мудрая предусмотрительность Савинкова, лишь подчеркивала атмосферу, которой я былъ окруженъ.“

что „положеніе грозно“, но обѣщаль не допустить „выдачи“ и поставить надежный карауль. Пріѣхавшему изъ ставки французскому генералу Нисселю Красновъ сказалъ въ тотъ же вечеръ, что „считаетъ положеніе безнадежнымъ“, хотя одинъ батальонъ иностранныхъ войскъ и могъ бы его спасти. „Ниссель выслушалъ, ничего не сказалъ и поспѣшно уѣхалъ“.

Ночь на 1 Ноября прошла въ крайней тревогѣ. Въ мрачныхъ корридорахъ стараго Павловскаго дворца „толпились настороженные, обозленные люди“. „Офицеры сбились въ одну комнату, спали на полу, не раздѣваясь. Казаки, не разставаясь съ ружьями, лежали въ корридорахъ и уже не вѣрили другъ другу“. Въ комнатахъ Керенскаго, еще вчера переполненныхъ, не было ни души. До разсвѣта Керенскій „уничтожалъ всѣ бумаги и письма, которыхъ нельзя было оставить въ чужихъ рукахъ“. Потомъ онъ „прилегъ на постель и задремалъ съ единственною мыслью, придутъ ли утромъ эшелоны?“

Въ 10 часовъ его внезапно разбудили. вмѣсто перемирія, казаки, посланные въ Красное Село парламентарями, вернулись съ матроской делегаціей, съ Дыбенко во главѣ. Основное требованіе — безусловная выдача Керенскаго. Казаки готовы принять это условіе.

„Громаднаго роста, красавецъ мужчина, съ выющимися черными кудрями, сверкающій бѣлыми зубами, съ готовой шуткой на смѣющемся ртѣ, физическій силачъ позирующій на благородство“, Дыбенко, по словамъ Краснова, „очаровалъ въ нѣсколько минутъ не только казаковъ, но и многихъ офицеровъ“. „Давайте намъ Керенскаго, а мы вамъ Ленина предоставимъ — тутъ же у дворца и повѣсите“. Красновъ выгналъ казаковъ, пришедшихъ къ нему съ этимъ предложеніемъ. Керенскій рѣшилъ . . . „вывести на свѣжую воду самого Краснова“. Около полудня онъ вызвалъ его къ себѣ.

„Приходитъ — корректный, слишкомъ спокойный, рассказываетъ Керенскій. Потомъ, „нервность, смѣнившая наружное спокойствіе первыхъ минутъ, бѣгащія глаза, странная улыбка — все это не оставляло никакихъ сомнѣній“. Сомнѣній — въ чемъ? Керенскій и въ эту минуту не оставляетъ позы величія. Онъ бесѣдуетъ съ Красновымъ, какъ бесѣдовалъ съ В. Львовымъ, съ Крымовымъ. „Что происходитъ внизу? Какъ могъ онъ допустить матросовъ во дворецъ? Какъ могъ не предупредить, не освѣдомить? Красновъ длинно объясняетъ.“

Вотъ какъ самъ ген. Красновъ передаетъ этотъ послѣдній разговоръ съ верховнымъ главнокомандующимъ:

„Я засталъ Керенскаго нервно шагающимъ по діагонали средней комнаты своей квартиры и въ сильномъ волненіи. Когда я вошелъ къ нему, онъ остановился противъ меня, почти вплотную ко мнѣ, и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: генераль, вы меня предали. Ваши казаки опредѣленно говорятъ, что они меня арестуютъ и выдадутъ матросамъ.

Да, отвѣчалъ я; разговоры объ этомъ идутъ, и я знаю, что ни сочувствія, ни вѣры въ васъ нигдѣ нѣтъ.

Но и офицеры говорятъ тоже.

Да, офицеры особенно настроены противъ васъ.

Что же мнѣ дѣлать? Остается одно: покончить съ собой.

Если вы честный человѣкъ и любите Россію, вы поѣдете сейчасъ, днемъ, на автомобилѣ съ бѣлымъ флагомъ въ Петроградъ и явитесь въ революціонный комитетъ, гдѣ переговорите, какъ глава правительства.

А. Ф. задумался; потомъ, пристально глядя мнѣ въ глаза, сказалъ: да, я это сдѣлаю, генераль.

Я дамъ вамъ охрану и попрошу, чтобы съ вами на автомобилѣ поѣхалъ матросъ.

Нѣтъ, быстро возразилъ Керенскій. Только не матросъ. Вы знаете, что здѣсь Дыбенко.

Я... отвѣтилъ, что не знаю, кто такой Дыбенко.

Это мой политическій врагъ, сказалъ мнѣ А. Ф. Керенскій.

Что же дѣлать, отвѣчалъ я. У человѣка, занимающаго столь высокое мѣсто, естественно есть друзья и враги. Вамъ приходится теперь дать отвѣтъ во многомъ; но если ваша совѣсть чиста, Россія, которая такъ любитъ васъ, поддержитъ васъ и вы доведете ее до Учредительнаго Собранія.

Хорошо, но я уѣду ночью, сказалъ, немного подумавши А. Ф. Керенскій.

Я не совѣтую вамъ дѣлать такъ, возразилъ я ему. Это будетъ походить на бѣгство. Поѣзжайте спокойно и открыто, какъ глава правительства.

Хорошо, но только дайте мнѣ надежный конвой.

Я вышелъ изъ его квартиры, потребовалъ себѣ казака Русова (который былъ выбранъ для наблюденія за Керенскимъ) для того, чтобы вызвать надежныхъ людей для сопровожденія А. Ф. Керенскаго въ Петроградъ. *)

*) Цитирую этотъ разговоръ по первоначальному изложенію Краснова. Въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Архивѣ русской революціи“, Красновъ

Собраны были дивизионные комитеты и послѣ шестичасовыхъ переговоровъ, въ два часа пополудни, выработаны были слѣдующія условія перемирія:

1) полная амнистія и выпускъ на свободу всѣхъ юнкеровъ, офицеровъ и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ борьбѣ, кромѣ имѣющихъ за собой обоснованное обвиненіе въ государственной измѣнѣ,

2) выпускъ на свободу и выдача надлежащихъ пропусковъ всѣмъ членамъ совѣта союза казачьихъ войскъ,

3) прекращеніе грабежей, насилій и неистовствъ надъ мирными жителями, если таковыя происходили, и впредь предотвратить,

4) свободный и организованный пропускъ всѣхъ семействъ казаковъ, находящихся въ Петроградѣ, съ правомъ вывезти необходимое имущество,

5) установленіе надежной охраны въ г. Гатчинѣ и окрестностяхъ послѣ отъѣзда казаковъ,

6) полная гарантія спокойствія и нормальной жизни въ гатчинской школѣ прапорщиковъ и авіаціонной школѣ,

7) дать возможность приготовить все для погрузки казаковъ отряда, не спѣша,

---

сводить весь разговоръ къ просьбѣ Керенскаго-замѣнить казачій караулъ у дверей — юнкерскимъ. Керенскій въ своихъ воспоминаніяхъ, однако же, помнитъ свое „последнее свиданіе“ съ Красновымъ поднѣе, и не зная текста первоначальной брошюры Краснова, излагаетъ нѣкоторыя черты разговора сходно съ рассказомъ Краснова. Привожу для сравненія рассказъ Керенскаго. „Красновъ съ чрезвычайною длительностью сталъ разъяснять, что это совѣщаніе съ матросами никакой особой важности не имѣетъ, что онъ пристально слѣдитъ черезъ вѣрныхъ людей за всѣмъ тамъ происходящимъ, что онъ считаетъ даже эти переговоры событіемъ чрезвычайно для насъ благопріятнымъ. Пусть ихъ тамъ говорятъ, рассуждалъ онъ: день пройдетъ въ разговорахъ, спорахъ а къ вечеру положеніе разъяснится: придетъ пѣхота, и мы перемѣнимъ тонъ. (Это, дѣйствительно, была обычная тактика Краснова. П. М.) А что касается моей выдачи, то ничего подобнаго онъ никогда не приметъ. Я могу быть совершенно спокойнымъ. Но ему кажется что, можетъ быть, было бы полезно, если бы я самъ лично, конечно, съ хорошимъ эскортомъ — онъ его дастъ — поѣхалъ бы въ СПБ. непосредственно договориться съ партіями и даже со Смольнымъ. Да, это предпріятіе очень рискованное, но не слѣдуетъ ли не него рѣшиться во имя спасенія Государства?“ Что же, дѣйствительно, происходило „внизу“, между матросами и казаками. Пріѣхавшіе матросы, Дыбенко и Тушинъ, сразу заявили, что съ начальствомъ разговаривать они не намѣрены, а будутъ вести переговоры прямо съ отрядомъ.

8) немедленно по окончаніи переговоровъ открыть движеніе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы дать возможность подвоза продовольствія и всего необходимаго,

9) открыть всѣ заставы и установить свободное сообщеніе со столицей. Товарищи Ленинъ и Троцкій, впредь до выясненія ихъ невинности въ государственной измѣнѣ, не должны входить, какъ въ министерство, такъ и въ народныя организаціи. „Съ другой стороны было постановлено, по заслушаніи доклада представителей революціоннаго комитета“: „передать Керенскаго въ распоряженіе революціоннаго комитета для преданія гласному народному суду подъ охраной трехъ представителей отъ казаковъ, трехъ отъ партій и трехъ отъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ Петрограда. Обѣ стороны даютъ честное слово, что надъ нимъ и вообще не надъ кѣмъ ни въ коемъ случаѣ не будутъ допущены никакія насилія и самосуды“.

Керенскій, какъ видимъ, былъ правъ, что „внизу„ происходилъ „торгъ о цѣнѣ его головы“. Понятны, въ связи съ содержаніемъ этихъ рѣшеній, которыя здѣсь переданы по даннымъ первоначальной брошюры Краснова, и совѣты Краснова Керенскому — поѣхать въ Петроградъ добровольно, съ надежнымъ эскортомъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ соглашенія видны слѣды предложеній Краснова о перемиріи, посланныхъ наканунѣ въ Красное Село. Едва ли, конечно, Красновъ могъ повѣрить въ добросовѣстность предложеній „румянаго и веселаго красавца мужчины“, Дыбенко, помѣнять Керенскаго на Ленина, „ухо на ухо“.

Казаки, однако, этому вѣрили. Вскорѣ по принятіи приведенныхъ рѣшеній, въ три часа дня къ Краснову, по его позднѣйшимъ воспоминаніямъ, „ворвался комитетъ 9-го Донского полка съ войсковымъ старшиной Лаврухинымъ. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенскаго, котораго они подъ своей охраной отвезутъ въ Смольный. „Ничего ему не будетъ, говорили они: мы волоса на его головѣ не позволимъ тронуть“.

Дальше въ показаніяхъ Краснова и Керенскаго начинается важное разнорѣчіе. Конецъ разговора своего со станичниками Красновъ передаетъ здѣсь такъ, какъ переданъ выше разговоръ его съ той же делегacieй 9-го Донского полка, пришедшей (по первоначальной брошюрѣ Краснова) въ пять часовъ вечера наканунѣ, 31-го октября. Надо думать, что въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ произошло смѣшеніе, и тотъ же разговоръ отнесенъ къ 3 часамъ

1 ноября. Если это такъ, то и въ дальнѣйшемъ разсказѣ Краснова мы можемъ предполагать путаницу. Красновъ рассказываетъ слѣдующее.

„Когда они (казаки) вышли, я пошелъ къ Керенскому. Я засталъ его смертельно блѣднымъ, въ дальней комнатѣ его квартиры. Я разсказалъ ему, что настало время, когда ему надо уйти. Дворъ былъ полонъ матросами и казаками, но дворецъ имѣлъ и другіе выходы. Я указалъ на то, что часовые стоятъ только у параднаго входа. „Какъ ни велика вина ваша передъ Россіей, сказалъ я, не считаю себя въ правѣ судить васъ. За полчаса времени я вамъ ручаюсь“. Выйдя отъ Керенскаго я устроилъ такъ, что надежный караулъ (обѣщанный депутаціей 9-го полка) долго не могли собрать. Когда онъ явился и пошелъ осматривать помещеніе, Керенскаго не было. Онъ бѣжалъ“.

Керенскій въ своихъ воспоминаніяхъ утверждаетъ, что „все это вздоръ и вымыселъ“, и что никакого свиданія съ Красновымъ непосредственно передъ побѣгомъ у него не было. Утвержденіе Керенскаго подтверждается не только подозрительно-театральнымъ тономъ обращенія, которымъ отличаются и части предыдущей бесѣды, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своемъ первоначальномъ разсказѣ, составленномъ тогда, когда воспоминанія были свѣжѣе, Красновъ также ничего не говорилъ о второмъ разговорѣ съ Керенскимъ. Тамъ онъ разсказывалъ о бѣгствѣ Керенскаго, какъ совершенно неожиданномъ для него самого. Онъ описывалъ, какъ, послѣ приведеннаго выше разговора, происходившаго около полудня, онъ едва успѣлъ получить свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ съ казаками, отправить телеграмму въ ставку и вызвать къ аппарату казачьяго комиссара въ ставку, какъ наткнулся къ комнатѣ офицеровъ штаба на растерянныхъ казаковъ и офицеровъ, сообщившихъ ему, что Керенскій бѣжалъ. „Это извѣстіе показалось мнѣ совершенно невѣроятнымъ“, сообщаетъ Красновъ въ своемъ первоначальномъ „Описаніи“. „Былъ полный день: корридоръ дворца (квартира Керенскаго выходила на два корридора, охранялся же только одинъ входъ, другой былъ запертъ), дворцовый дворъ и площадь передъ дворцомъ кишѣли казаками и солдатами. Какъ можно было бѣжать черезъ всю эту кипень людей такому примѣтному наружно человѣку, какимъ былъ А. Ф. Керенскій?“ Изъ разспросовъ Красновъ установилъ, что Керенскій „ушелъ въ матросской курткѣ и синихъ очкахъ“.

Повидимому, покрывая себя передъ начальствомъ, Красновъ

телеграфировалъ въ ставку ген. Духонину: „приказалъ арестовать главноверха: онъ успѣлъ скрыться“.

Отъ приказа арестовать до пособничества въ побѣгѣ — разстояніе, конечно, очень большое, и единственнымъ исходомъ изъ этого ряда внутреннихъ противорѣчій ген. Краснова является признать болѣе правильнымъ изложеніе Керенскаго, совпадающее съ первоначальнымъ свидѣтельствомъ самого Краснова. Керенскій рассказываетъ („Гатчина“) какъ послѣ своего „последняго свиданія“ съ Красновымъ, изложеннаго выше, онъ „разказалъ всю правду тѣмъ, кто еще оставался съ нимъ“. По его словамъ, тутъ же было рѣшено, что онъ съ адъютантомъ останется въ своихъ комнатахъ, но живымъ не сдастся, а съ наступленіемъ сумерокъ выйдетъ изъ дворца подземнымъ ходомъ, который былъ указанъ ему однимъ изъ высшихъ служащихъ дворца. Но въ третьемъ часу вбѣжалъ къ нему „тотъ самый солдатъ, который утромъ принесъ вѣсть о Дыбенко“ и сообщилъ, что „торгъ состоялся“ и что для ареста Керенскаго и выдачи его большевикамъ уже избрана смѣшанная коммиссія. „Каждую минуту матросы и казаки могли ворваться“. „Я ушелъ изъ дворца, рассказываетъ Керенскій, за 10 минутъ до того, какъ предатели ворвались въ мои комнаты. Я ушелъ, не зная еще за минуту, что пойду. Прошелъ нелѣпо переодѣтый, подъ носомъ у враговъ и предателей. Я еще шелъ по улицамъ Гатчины, когда началось преслѣдованіе“... Потомъ на автомобилѣ онъ уѣхалъ по шоссе къ Лугѣ.

Адъютанты Керенскаго тогда же сообщили печати слѣдующее оффиціальное объясненіе его исчезновенія. „Около 3-хъ часовъ дня, когда стала извѣстной вся безнадежность создавшейся обстановки для А. Ф. Керенскаго, — рѣшеніе казаковъ выдать его большевикамъ, по его мнѣнію должно было повлечь за собой самосудъ: тѣмъ болѣе, что у него не было надежды на то, что его дѣло будетъ разматриваться въ условіяхъ нормальнаго политическаго процесса, — онъ рѣшился временно скрыться, съ тѣмъ, чтобы, когда улягутся страсти и настроеніе общества будетъ болѣе объективнымъ, объяснить странѣ, какъ обстановку, въ которой онъ дѣйствовалъ въ послѣдніе дни, такъ и тѣ причины которыя заставили его рѣшиться сдѣлать этотъ шагъ“.

Въ самый моментъ обнаруженія бѣгства Керенскаго комиссаръ сѣвернаго фронта Войтинскій сообщилъ ген. Краснову, что „соглашеніе между отрядомъ Краснова и представителями Петроградскаго гарнизона достигнуто на основаніи низложенія Керен-

скаго". Въ Псковъ и въ ставку Войтинскій послалъ слѣдующія телеграммы. Въ Псковъ: (послѣ только что приведенной фразы) „предпишите немедленно остановить всѣ двигающіеся къ Петрограду эшелоны и прекратить всякія дѣйствія, связанныя съ формированіемъ отряда Керенскаго". Наштаверху: (послѣ того же сообщенія)—всѣ проявленія гражданской войны должны быть немедленно ликвидированы. Въ частности, прекратите движеніе эшелоновъ и извѣстите всѣхъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій между столкнувшимися сторонами." „Всѣмъ, Всѣмъ", была послана третья телеграмма: (послѣ той же вступительной фразы) „вопросъ управленія Россіей этимъ соглашеніемъ не предрѣшается, но устанавливается безусловное прекращеніе гражданской войны. Керенскій покинулъ отрядъ".

Въ первую очередь предстояла ликвидація Красновскаго похода. Казачій комиссаръ при ставкѣ Шапкинъ, еще не зная о соглашеніи и исчезновеніи Керенскаго, телефонировалъ Краснову, что казачьимъ частямъ надо соединиться и добиваться пропуска на Донъ, а Керенскому, не выдавая его, — „чего не допускаетъ казачья честь", — надо „дать возможность скрыться". Слухъ объ этомъ разговорѣ немедленно дошелъ до казаковъ, и мысль объ уходѣ домой окончательно разрушила въ ихъ средѣ остатки дисциплины. Офицеры пребывали въ состояніи растерянности, когда колонна солдатъ Л. Гв. Финляндскаго полка въ нѣсколько тысячъ человекъ въ стройномъ порядкѣ безпрепятственно прошла казачіи заставы и подошла въ дворецъ. „Казаки оставили меня и разбѣжались, куда попало", рассказываетъ Красновъ. За финляндцами шли матросы, за матросами красная гвардія. Въ окна, сколько было видно, все было черно отъ черныхъ шинелей матросовъ и пальто красной гвардій. Тысячъ двадцать народа заполнило Гатчину, и въ ихъ темной массѣ совершенно растворились казаки.

О заключенномъ перемиріи вновь приходившія части ничего не знали и считали, что они „взяли Гатчину". Солдаты, матросы, красногвардейцы, казаки — все перемѣшалось. Смѣшанная толпа наполнила корридоры, лѣстницы и комнаты дворца. Они „шатались по корридорамъ, тащили ковры, подушки, матрацы". „Прибывшіе съ матросами народные комиссары Дыбенко и мичманъ Раскольниковъ (Рошаль) сбивались съ ногъ, успокаивая непослушное свое войско. Всюду стоялъ гомонъ голосовъ, происходили летучіе митинги, шли споры, легко переходившіе въ брань. Матросы упрекали казаковъ въ томъ, что они шли за Керенскимъ, казаки

упрекали матросовъ въ томъ, что они стояли за Ленина... Обѣ стороны упорно отрещивались отъ своихъ вождей и до хрипоты кричали, что они стоятъ за Учредительное Собрание“.

Въ 11 часовъ ночи Красновъ отправилъ телеграмму въ ставку, въ которой сообщалъ о разложеніи казаковъ и прибавлялъ: „Ночуемъ, окруженные часовыми финляндцевъ (Финл. полка), стоящими въ попережку съ нашими“. Послѣдовала тревожная ночь на 2-е ноября: Въ 1 часть ночи явился главнокомандующій Петроградскими войсками, „подполковникъ Муравьевъ и объявилъ ген. Краснова съ штабомъ арестованными именемъ врем. правительства“. Увѣдомленные о томъ, что это правительство уже заключило перемиріе, однимъ изъ условій котораго является отказъ отъ ареста и насилія, Муравьевъ смутился и извинился. Вопросъ объ арестѣ былъ исчерпанъ, но Муравьевъ потребовалъ пріѣзда ген. Краснова въ Смольный „для допроса“.*) За позднимъ временемъ поѣздка была отложена на утро. Утромъ въ Гатчинскій Дворецъ пріѣхалъ посланецъ изъ Смольнаго, увѣрившій Краснова, что допросъ продолжится „не болѣе часа“. Красновъ поѣхалъ.

Въ Смольномъ переполненномъ вооруженными „товарищами“ часовыми и канцелярскими барышнями, Краснова помѣстили въ комнату, гдѣ уже содержались другіе лица, прикосновенные къ защитѣ временнаго правительства: одинъ адъютантъ Керенскаго, коментантъ Гатчинскаго дворца и т. д. Черезъ нѣсколько часовъ явился матросъ для вопроса Краснова, „по чему приказу онъ выступилъ и какъ бѣжалъ Керенскій“. Скоро однако, нормальный ходъ этаго разслѣдованія былъ нарушенъ появленіемъ всего комитета 1-й Донской дивизіи, въ сопровожденіи Дыбенко. Между ними и прапорщикомъ Крыленко шелъ споръ. Крыленко требовалъ чтобы, отправляясь на Донъ, казаки выдали пушки. Казаки отказывались и настаивали на своемъ. Въ этотъ моментъ, не считая еще свое дѣло окончательно выиграннымъ, большевики ихъ боялись. Крыленко спрашивалъ Краснова, правда ли, что ген. Калединъ уже подѣ Москвой. Черезъ начальника штаба Краснова Троцкий давалъ понять Краснову, что онъ можетъ получить высокій постъ у большевиковъ.

Въ виду явнаго нежеланія Краснова пойти на это предложеніе

*) Въ „Архивѣ“ Красновъ говоритъ, что его вызвали въ Смольный тутъ же ночью Дыбенко, Тарасовъ и Родіоновъ, гвардейскій подпоручикъ, „для переговоровъ, что дѣлать съ казаками“ и давали честное слово черезъ часъ вернуть обратно.

онъ былъ объявленъ подъ домашнимъ арестомъ и отвезенъ на свою квартиру. Крыленко объявилъ, что договоръ съ казаками аннулированъ народными комиссарами, такъ какъ не исполненъ первый пунктъ его — выпущенъ Керенскій. Спутникъ Краснова отвѣтилъ, что тогда не исполненъ и послѣдній пунктъ, ибо Ленинъ и Троцкій не подъ слѣдствіемъ, а во главѣ власти. Послѣдовали переговоры о томъ, куда двинуть казаковъ изъ Гатчины, оставить ли у нихъ пушки или отобрать и т. д. Такъ прошли 2, 3 и 4 ноября, и все это время ген. Краснова продержали подъ домашнимъ арестомъ. Въ виду настойчивости, проявленной казаками, ихъ желанія были въ концѣ концовъ удовлетворены, отрядъ направлень въ Великіе-Луки, куда поѣхалъ и Красновъ. Ночью 10-го ноября первая донская казачья дивизія отправлена на Донъ. Красновъ писалъ Каледину, что туда придуть совершенно небоеспособныя и разложившіяся части, которыя надо распустить по домамъ и замѣнить новой молодежью. Калединъ отвѣчалъ, что для этого у него нѣтъ власти. Красновъ „понялъ, что теченіе несло неудержимо къ большевикамъ“.

Отношеніе ставки ко всему совершившемуся опредѣлилось въ самый день исчезновенія Керенскаго, 1-го ноября. Это явствуетъ изъ слѣдующей телеграммы ген. Духонина, разосланной послѣ полученія приведенныхъ выше телеграммъ Войтинскаго. „Сегодня, 1-го ноября, войсками ген. Краснова, собранными подъ Гатчиной, было заключено съ гарнизономъ Петрограда перемиріе, дабы остановить кровопролитіе гражданской войны. По донесеніямъ ген. Краснова, главковерхъ Керенскій оставилъ отрядъ, и мѣсто пребыванія его не установлено.“

Вслѣдствіе сего, на основаніи положенія о полевомъ управленіи войскъ я вступилъ во временное исправленіе должности верховнаго главнокомандующаго и приказалъ остановить дальнѣйшую отправку войскъ на Петроградъ. Въ настоящее время между различными политическими партіями происходятъ переговоры для формированія временнаго правительства. Въ ожиданіи разрѣшенія кризиса, призываю войска фронта спокойно исполнять свой долгъ передъ родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще болѣе углубиться въ предѣлы родной земли. Духонинъ“.

„Переговоры между политическими партіями“, о которыхъ упоминается здѣсь, очевидно, происходили не въ ставкѣ, а въ Петроградѣ. Въ ожиданіи ихъ окончанія, ген. Духонинъ всталъ на

единственно возможную формальную точку зрѣнія. Но практически эта позиція равнялась отказу отъ дальнѣйшей поддержки правительства Керенскаго. Всѣ усилія Савинкова и Вендзягольскаго, выѣхавшихъ изъ Гатчины съ цѣлью убѣдить арміи фронта продолжать борьбу, были, такимъ образомъ, заранѣе осуждены на неудачу. Въ Псковѣ, куда они выѣхали 1-го ноября, они окончательно выснили, что именно распоряженіями ген. Черемисова, а вовсе не большевистскими настроеніями пѣхотныхъ частей объяснялось, главнымъ образомъ, то опозданіе, которое стало причиной неудачи похода ген. Краснова. Двусмысленная позиція главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ заставила и его подчиненныхъ быть крайне уклончивыми. Начальникъ штаба ген. Лукирскій сидѣлъ дома и не ходилъ въ штабъ. Онъ призналъ, что приказы Черемисова обнаруживаютъ его нежеланіе допустить движеніе пѣхотныхъ частей въ Петрограду, но отъ дальнѣйшаго обсужденія причинъ, побужденій и послѣдствій этой тактики главнокомандующаго отказался. Ген. Барановскій, родственникъ Керенскаго, отвѣтилъ пріѣзжимъ: „въ моемъ положеніи мнѣ неудобно вмѣшиваться во все это“, Ген. Духонинъ, запрошенный Савинковымъ по аппарату 3-го ноября, отвѣтилъ только, что приглашаетъ бывшаго управляющаго военнымъ министерствомъ лично прибыть въ ставку. Уже 4-го ноября, Савинковъ отвѣтилъ на это приглашеніе письмомъ изъ Луги, что не можетъ пріѣхать, потому что „его ищутъ“, но что, при безостановочномъ движеніи эшелоновъ, въ Лугѣ еще можетъ собраться отрядъ въ 2—5 пѣхотныхъ дивизій, который „при достаточной артиллеріи и хотя бы небольшихъ конныхъ частяхъ“, могъ бы „безъ особаго труда“, предпринять походъ на Петроградъ, который „долженъ увѣнчаться успѣхомъ“. Не дожидаясь отвѣта, Савинковъ снова ѣдетъ въ Псковъ и дѣлаетъ безнадежную попытку убѣдить дивизионный комитетъ и штабъ, что Черемисова, который сошелся съ большевиками, надо арестовать.

Дивизионный комитетъ пытался „всячески выпрямлять извилистые пути“ эшелоновъ, разбрасываемыхъ Черемисовымъ въ разныя стороны. Дѣйствительно, 3 ноября приходитъ первый эшелонъ 35 дивизіи. Но за нимъ не слѣдуютъ другіе. И „дисциплина беретъ верхъ“. Рѣшено обратиться еще разъ къ высшей власти къ ген. Духонину. Савинковъ и Вендзягольскій шлютъ ему 5-го ноября телеграмму, въ которой просятъ срочно указать, „сосредоточиваться ли частямъ 35-й и 3-ей финляндской дивизіи въ районѣ Луги или отбывать по другимъ направленіямъ“. Черемисову они

телеграфируютъ одновременно, что „при возстановленіи законнаго временнаго правительства ими будетъ ему доложено о его противорѣчивыхъ распоряженіяхъ, кои могутъ дать поводъ усмотрѣть въ нихъ нежеланіе защищать законную власть въ столь отвѣтственную минуту“. Части 35-ой дивизіи, получившія наканунѣ приказъ Черемисова грузиться обратно, изъ Луги на Псковъ, отказываются выполнить этотъ приказъ.

Все это были послѣднія судороги. 5-го ноября пришло распоряженіе Духонина, подтверждавшее приказъ Черемисова. Еще наканунѣ 4-го ноября, Духонинъ повторилъ свой приказъ отъ 1-го ноября, остановившій дальнѣйшую отправку войскъ на Петроградъ. Съ какимъ настроеніемъ онъ это дѣлалъ, видно изъ его разговора по аппарату съ новымъ начальствомъ, прапорщикомъ Крыленко. Въ эти же дни Крыленко прямо спрашивалъ Духонина: „Какъ и чего мы можемъ ждать съ вашей стороны по отношенію къ создавшемуся положенію вещей“. Духонинъ, который въ телеграммѣ отъ 27-го октября Каледину завѣрялъ..., „что мы всѣ въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ комиссарами и войсковыми комитетами... до послѣдняго предѣла будемъ бороться для возстановленія въ данное время временнаго правительства и Совѣта Республики“, не могъ сразу рѣшиться признать, что наступилъ „послѣдній предѣлъ“. Положивъ фактически самъ этотъ предѣлъ своимъ распоряженіемъ объ остановкѣ движенія эшелоновъ, и, конечно, не раздѣляя упорной настойчивости Савинкова и его упрямаго оптимизма, Духонинъ, однако, не могъ рѣшиться и на признаніе новой власти. Онъ отвѣчалъ Крыленко: „ставка не можетъ... принять участіе въ рѣшеніи вопроса о законности верховной власти... Я, какъ временно исполняющій должность в. г., готовъ войти въ дѣловыя сношенія съ генераломъ Маниковскимъ. „На повторныя заявленія Крыленко, что рѣчь идетъ собственно не объ этомъ, а о прекращеніи передвиженія войскъ, возбуждающаго „волненія гарнизона Петрограда“, Духонинъ отвѣчалъ односложной справкой: „мой приказъ 1-го ноября выполняется“. Печатаемая юзограмму этихъ переговоровъ, „Извѣстія“ прибавили отъ себя, что „такъ могутъ поступать только люди, которые еще пока не знаютъ, чего держаться“ и что ген. Духонинъ, конечно, не можетъ остаться на своемъ посту разъ въ такой критическій моментъ онъ колеблется безоговорочно признать власть совѣтовъ“. Такъ готовилась агонія ставки и личная трагедія Духонина.

Спротивленіе арміи перевороту большевиковъ было, такимъ

образомъ, остановлено на первыхъ робкихъ попыткахъ. Савинкову и Вендзягольскому оставалось спасаться самимъ, что они и сдѣлали, вернувшись въ Псковъ съ погрузившимися воинскими частями. Въ моментъ ихъ отъѣзда, 6-го ноября утромъ, развѣдка сообщила, что на вокзалѣ въ Лугѣ уже находятся Дыбенко и Рошаль во главѣ отряда матросовъ и что солдаты съ ними братаются... Въ Псковѣ было получено новое распоряженіе ген. Духонина: направлять всѣ части, двигающіяся на Лугу, обратно въ Невель и въ первоначальныя мѣста погрузки.

Въ Петроградѣ сопротивленіе большевикамъ послѣ 25-го октября сосредоточилось въ рукахъ „комитета спасенія родины и революціи“, созданнаго городской думой. Одновременно борьбой руководила военная комиссія при центральномъ комитетѣ партіи с. р. Связь между комитетомъ и комиссіей поддерживалась тѣмъ, что нѣкоторые члены, какъ Гоцъ, участвовали и тамъ, и здѣсь.

Вѣроятно, въ этой средѣ существовало убѣжденіе, высказанное Керенскимъ („Гатчина“), что „въ СПБ. гарнизонѣ, какъ въ полкахъ, такъ и въ специальныхъ войскахъ, было еще достаточно организованныхъ антибольшевистскихъ элементовъ, готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ выступить противъ большевиковъ“. Мы видѣли, что между Петроградомъ и Гатчиной не прерывались сношенія, цѣлью которыхъ, очевидно, была координація борьбы. Извѣстія, получавшіяся въ Гатчинѣ, были то оптимистическія, то, наоборотъ, очень пессимистическія (см. выше). Можно сказать, что Петроградъ возлагалъ надежды на Гатчину, а Гатчина на Петроградъ.

Изъ показаній Ракитина-Брауна, Краковецкаго и Фейта въ Московскомъ процессѣ с-р-овъ въ іюнѣ 1922 года видно, что военной комиссіей с. р. былъ разработанъ планъ возстанія, цѣлью котораго былъ захватъ Смольнаго и ударъ въ тылъ стоявшимъ противъ отряда Краснова въ Гатчинѣ частей Петроградскаго гарнизона. Планъ этотъ былъ утвержденъ на особомъ совѣщаніи, въ которомъ участвовали Авксентьевъ, Гоцъ, Богдановъ и полк. Полковниковъ (подозрѣнія противъ послѣдняго, высказывавшіяся Керенскимъ и нѣкоторыми министрами, тѣмъ самымъ оказываются преувеличенными). Успѣхъ плана зависѣлъ отъ согласованія его съ движеніями Красновскаго отряда, а также, разумѣется, отъ численности войскъ, которыя примутъ участіе въ выполненіи. Но части Петроградскаго гарнизона, вопреки расчетамъ с. р. и комитета спасенія, уклонились отъ участія. Единственнымъ надежнымъ элементомъ оказались юнкера. И какъ-разъ тутъ случилось обстоятель-

ство, которое повело къ провалу всего предпріятія и къ кровавой расправѣ съ юнкерами. Въ Смольномъ узнали о планѣ с. р-овъ.

Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, рассказываетъ Ракитинъ, мы (по смыслу показанія — инициаторы плана) рѣшили форсировать событія и, не дожидаясь прихода Керенскаго, въ Гатчину, (очевидно, деталь неточная) поднять возстаніе.

Я (Ракитинъ) составилъ приказъ, въ которомъ говорилось, что власть большевиковъ свергнута и что всѣ члены военно-революціоннаго комитета должны быть задержаны. Этотъ приказъ должны были подписать Авксентьевъ, Гоцъ, я и Синани“.

Въ даномъ случаѣ инициаторы, очевидно, пошли дальше руководителей. По разсказу Керенскаго, „въ засѣданіи военнаго совѣта, происходившемъ вечеромъ 28-го октября, никакой резолюціи о немедленномъ возстаніи принято не было“. Это произошло позже, когда засѣданіе кончилось и большая часть участниковъ его разошлась. *) Въ этотъ моментъ въ помещеніе засѣданія совѣта явилось нѣсколько военныхъ съ извѣстіемъ, „которое Керенскій называетъ крайне тревожнымъ, но едва ли вѣрнымъ“. Военные заявили, что „большевики, узнавъ о готовящихся событіяхъ, рѣшили съ утра 29-го приступить къ разоруженію всѣхъ военныхъ училищ“. Они выводили отсюда, что „больше медлить нельзя, завтра же нужно рисковать“.

Этотъ ходъ событій объясняетъ почему, когда нужно было подписать приказъ (составленный Ракитинымъ) „на лицо не оказалось ни Авксентьева, ни Гоца“. Гоцъ заявилъ на судѣ, тотчасъ послѣ показанія Ракитина, что онъ не видалъ приказа, а потому и не подписывалъ. Инициаторы возстанія, однако, передъ этимъ не остановились. „Мы, говоритъ Ракитинъ, рѣшились опубликовать приказъ, поставивъ на немъ ихъ фамиліи“. **)

Это едва ли была „провокація“, какъ выражается Керенскій. Но это, во всякомъ случаѣ, была крайняя неосторожность и опрометчивость, повлекшая за собой роковыя послѣдствія.

*) Это показаніе подтвердилъ и Авксентьевъ автору этихъ строкъ. Онъ не участвовалъ въ военномъ совѣщаніи, о которомъ идетъ рѣчь, но, находясь, въ качествѣ предсѣдателя совѣта крестьянскихъ депутатовъ, въ томъ же зданіи, въ которомъ происходили эти совѣщанія, по окончаніи засѣданія поздно ночью, вмѣстѣ съ Гоцемъ вышелъ изъ зданія и Гоцъ сказалъ ему, что на завтрашній день ничего не рѣшено и день пройдетъ спокойно.

**) „Черезъ три дня послѣ подавленія возстанія“, добавляетъ Ракитинъ „въ печати появилось письмо Авксентьева, Гоца и Синани съ заявленіемъ, что они указанного приказа не подписывали“.

Утромъ 29-го октября началась канонада, „происхожденіе и смыслъ которой“, по свидѣтельству Керенскаго, „оставались совершенно непонятными большинству гражданскихъ и военныхъ руководителей антибольшевистскаго движенія въ СПБ“. Ракитинъ показываетъ, что началу возстанія было удачно, и что въ этотъ моментъ онъ распространилъ заготовленный имъ приказъ отъ имени „комитета спасенія“. Но, очевидно, сразу же обнаружилось крайнее неравенство силъ, — началась расправа.

Мы имѣемъ свидѣтельство очевидца, И. Кузьмина, напечатанное въ органѣ правыхъ с. р., „Народъ“, о томъ, что происходило 29-го октября въ Петроградѣ. „Съ 7-8 ч. утра началась осада Владимірскаго военнаго училища. Я былъ возбуженъ пальбой изъ пушекъ, пулеметовъ и ружей. Юнкера и женскій ударный батальонъ отстрѣливались до 2-хъ часовъ и потомъ сдались. Съ той и другой стороны были раненые и убитые. Сколько ихъ, я не знаю. Въ стѣнахъ училища пробиты бреши; двери и окна разбиты и разворочены... Съ момента сдачи толпа вооруженныхъ звѣрей съ дикимъ ревомъ ворвалась въ училище и учинила кровавое побоище. Многіе были заколоты штыками, — заколоты безоружные! Мертвые подвергались издѣвательствамъ: у нихъ отрубали головы, руки, ноги. Убійцы грабили мертвыхъ и снимали съ нихъ шинели и сапоги, тутъ же надѣвая ихъ на себя.

Оставшихся въ живыхъ повели группами подъ усиленнымъ конвоемъ въ Петропавловскую крѣпость, подвергая ихъ издѣвательствамъ и провожая ругательствами и угрозами. Это было кровавое шествіе на Голгофу. Здѣсь свершилось. На вопросъ, что дѣлать въ плѣнными, послѣдовало распоряженіе: „разстрѣлять“. Раздалась команда первой группѣ юнкеровъ: „становись въ ряды“. Юнкера съ блѣдными лицами выстроились у стѣны.

Однако, солдаты, которымъ былъ порученъ разстрѣлъ, съ проклятіями бросили ружья въ сторону и убѣжали.

Кто добровольно хочетъ стрѣлять?

Юнкера стояли и ждали.

Потомъ — нѣсколько залповъ, и они упали.

Приводили еще партіи юнкеровъ и женщинъ изъ ударнаго батальона. Повидимому ихъ тоже разстрѣливали, хотя очевидецъ разстрѣла первой партіи юнкеровъ не былъ свидѣтелемъ разстрѣла двухъ партій: онъ бѣжалъ отъ ужасовъ и только по раздавшимся залпамъ заключилъ, что и другія партіи разстрѣляны. Это происходило днемъ, въ центрѣ города... Очевидецъ-солдатъ, кото-

рый рассказал мнѣ о злодѣяніи, совершившемся въ Петропавловской крѣпости, закрылъ лицо руками и, плача, отошелъ въ сторону ...

Вотъ другое свидѣтельство, въ письмѣ А. И. Шингарева въ „Русскія Вѣдомости“ отъ 27-го октября.

„Артиллерійскимъ огнемъ не только покорено юнкерское Владимірское училище, но и разрушены сосѣднія дома, убиты и ранены дѣти, женщины, разстрѣляно мирное гражданское населеніе. Сдавшіеся юнкера на городской телефонной станціи выводились на улицу и здѣсь звѣрски убивались; еще живые, съ огнестрѣльными ранами, сбрасывались въ Мойку, добивались о перила набережной и разстрѣливались въ водѣ. Убійцы-мародеры тутъ же хладнокровно грабили ихъ, отнимая сапоги, деньги и цѣнные вещи. Разсказъ комиссара адмиралтейскаго района объ этихъ фактахъ, лично имъ наблюдавшихся, вызвалъ стоны и крики въ засѣданіи Городской Думы.

... Еще вчера отъ одного изъ гласныхъ я слышалъ фактическое описаніе обыска въ одной изъ женскихъ организацій. Были издѣвательства, безмѣрная наглость и грубость, аресты. Во время обыска исчезли цѣнные вещи, серебряныя ложки, платья, деньги. Новые жандармы унесли съ собой все, что имѣло въ ихъ глазахъ какую либо цѣнность, но оставили кое-что и свое: на полу послѣ ихъ ухода нашлась германская марка.“

Такъ положено было въ столицѣ формальное начало гражданской войны, начало той безконечной цѣпи страданій неорганизованныхъ массъ отъ вооруженнаго господства организованныхъ шаекъ, въ которой погибла русская государственность. Процессъ распада власти который мы слѣдили на протяженіи всего нашего изложенія, здѣсь пришелъ къ своему естественному, давно предсказанному и предвидѣнному концу. Въ процессѣ разрушенія отступила, въ сущности на второй планъ даже та идеологія, во имя которой это разрушеніе совершалось. Вожди новаго переворота были вовлечены въ тотъ же стихійный процессъ, которому открыли путь и не могли противиться ихъ предшественники. Этотъ контрастъ между возвышенными лозунгами, предполагавшими исключительное и неограниченное господство государства надъ частными интересами, и печальной дѣйствительностью, въ которой групповые интересы привилегированной кучки получили неограниченную свободу злоупотребленія среди разбушевавашагося океана народныхъ страстей, — составить предметъ слѣдующей части нашей исторіи.

Намъ остается теперь разсказать о послѣдней попыткѣ спасти гибнущую государственную власть. Взятіе Петрограда и центрального правительственнаго аппарата большевиками еще не рѣшало вопроса, подчинится ли вся Россія захвату власти солдатами петроградскаго гарнизона. Слово было за Москвой.

Коммунистическая партія въ Москвѣ была, конечно, въ курсѣ всего, что происходило въ Петроградѣ. Какъ и въ Петроградѣ, здѣсь боролись два теченія: за и противъ возстанія и немедленнаго захвата власти. Бухаринъ, Осинскій, Смирновъ стояли за возстаніе, ссылаясь на мнѣніе Ленина. Ногинъ, Рыковъ, Скворцовъ, Норовъ возражали. За недѣлю до октябрьскаго возстанія въ редакціи московскаго „Соціалъ-демократа“ обсуждалось письмо Ленина, въ которомъ московскій комитетъ партіи приглашался взять на себя инициативу возстанія, если Ц. К. и Петроградскій комитетъ не захотятъ взять на себя отвѣтственности. Въ партійномъ совѣщаніи руководитель военной организациі Ярославскій доложилъ, что „огромное большинство солдатъ на сторонѣ пролетаріата“. Мѣшало только совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, гдѣ продолжали преобладать с. р.-ы. Для окончательнаго рѣшенія собрана была въ большой аудиторіи Политехническаго музея общегородская конференція коммунистической партіи, которая, послѣ докладовъ Осинскаго, Сѣмашко и Смирнова единогласно вотировала возстаніе.

Наканунѣ октябрьскаго возстанія въ Петроградѣ московскіе представители, Рыковъ и Ломовъ участвовали въ совѣщаніяхъ въ Смольномъ, на которыя являлся Ленинъ, бритый и въ парикѣ. Въ день возстанія Ломовъ былъ отряженъ въ Москву „брать тамъ вмѣстѣ съ товарищами власть“. Партійныя организациі коммунистовъ — (Московскій комитетъ, Окружный комитетъ и Областное Бюро) немедленно выдѣлили изъ себя центръ, который занялся объединеніемъ работы этихъ организаций въ Москвѣ и мобилизаціей, „по условленному конспиративному призыву“ всѣхъ партійныхъ силъ въ губерніи и въ области на помощь Москвѣ.*)

Прежде, чѣмъ перейти къ результатамъ этой дѣятельности партійныхъ учреждений, посмотримъ, что предпринималось на ан-

*) Дѣятельность коммунистовъ въ московскомъ возстаніи изложена по воспоминаніямъ участниковъ, печатавшихся въ московскихъ коммунистическихъ газетахъ 1917 и 1918 г. и переизданныхъ въ сборникѣ: „Москва въ октябрѣ 1917 г. Иллюстрированный сборникъ замѣтокъ и воспоминаній участниковъ движенія. Подъ редакціей и со вступительной статьей Н. Овсянникова. Москва. 1919.

тибольшевистскомъ лагерѣ при первыхъ извѣстіяхъ о петроградскихъ событіяхъ 25 октября. Средоточіемъ московскихъ противниковъ большевиковъ съ самаго начала явилась городская дума. Городской голова В. В. Рудневъ с. р., немедленно созвалъ экстренное засѣданіе думы и предложилъ ей высказаться по поводу переворота. Лично онъ высказался отрицательно, и даже въ случаѣ, если перемѣна правительства будетъ признана необходимой, считалъ возможнымъ только правительство коалиціонное, а не чисто социалистическое. Въ защиту переворота выступилъ большевикъ Скворцовъ, сообщившій собранію, что захватъ власти совѣтами „хорошо организованъ и совершается почти безболѣзненно, Ему возражалъ Н. И. Астровъ, представитель партіи народной свободы, находившій, что „безболѣзненность“ переворота не исключаетъ насилій и погромовъ, а хитрая обдуманность плана свидѣлствуетъ объ участіи германцевъ. Астровъ предлагалъ Думѣ создать органъ для руководства защиты столицы и охраны жизни и имущества населенія. Ораторы-меньшевики разошлись между собой. С—Р.ы поддерживали Руднева и временное правительство. Въ заключеніе было принято воззваніе къ московскому населенію — сплотиться вокругъ Думы для защиты временнаго правительства, и рѣшено было поручить управѣ — создать при городскомъ управленіи комитетъ общественной безопасности съ представительствомъ демократическихъ организацій. Съ утра 26 октября и было приступлено къ организаціи этого комитета.

По идеѣ с. р., комитетъ долженъ былъ быть составленъ не изъ представителей комитетовъ политическихъ партій, а изъ представителей учреждений. Этимъ устранялись междупартійные споры; этимъ же, съ другой стороны, опредѣлился и фантический перевѣсъ тѣхъ политическихъ группъ, которыя преобладали въ составѣ объединенныхъ въ комитетѣ учреждений. Въ комитетъ безопасности вошли, такимъ образомъ: президіумъ городской управы, въ лицѣ городского головы Руднева и трехъ его товарищей, представители уѣзднаго земства, президіумъ совѣта солдатскихъ депутатовъ, *) исп. комитетъ крестьянскихъ депутатовъ, представители желѣзно-дорожнаго и почтово-телеграфнаго союзовъ, представители штаба военного округа. Представители думскихъ фракцій т. е. политическихъ группъ, были допущены лишь для освѣдомленія, въ качествѣ інформаціоннаго комитета.

*) При этомъ большевики отказались послать своего представителя.

Комитетъ объявлялъ, что всѣ обязательныя распоряженія могутъ публиковаться только отъ его имени и ставилъ своей задачей „защиту порядка и безопасности“ и „уменьшеніе испытаній, которыя грозятъ населенію“. Командующій войсками московскаго округа, въ своемъ приказѣ отъ 26 октября „призывалъ не поднимать никакой гражданской войны, охранять національныя цѣнности и казенныя учрежденія и не допускать никакихъ выступленій темныхъ силъ и погромовъ“.

Ограниченіе комитета пассивной задачей охраны безопасности вытекало изъ тогдашняго настроенія. Психологиіи не медленнаго призыва къ борьбѣ не было на лицо, и даже тѣ, кто съ самого начала видѣлъ необходимость борьбы, считали необходимымъ привести населеніе постепенно къ сознанію этой необходимости. Городская Дума, взявшая на себя руководство защитой, принципиально не хотѣла призывать къ гражданской войнѣ. Она лишь брала на себя своеобразную роль политическаго прикрытія между арміями и мятежниками. Это была, по выраженію одного с. р.-а, виднаго участника событій, „педантически-государственная концепція“. Не признавая переворота, думскій комитетъ взывалъ къ странѣ и къ фронту: „рѣшающій голосъ въ борьбѣ долженъ былъ принадлежать по этой концепціи всей демократіи Россіи и дѣйствующей арміи“.

Получивъ отъ министра Никитина право пользоваться телеграфомъ, Комитетъ апеллировалъ на рѣшеніе Петрограда къ странѣ. На тысячи телеграммъ онъ получилъ сотни отвѣтовъ. Но они запоздали и пришли послѣ развязки. Ошибочна была и надежда продержаться, пока не выскажется фронтъ: мы видѣли, что фронтъ самъ выжидалъ пока не явилась возможность перейти на сторону побѣдителя. Вся надежда въ Москвѣ возложена была на командованіе округомъ, но представитель командованія, полк. Рябцовъ, два первые дня отсутствовалъ въ комитетѣ. Онъ былъ въ Кремлѣ и . . . переговаривался съ большевиками. Приказаній отъ Комитета онъ не получалъ и въ силу упомянутой основной „концепціи“ Комитета.

Для большевиковъ, напротивъ, все было ясно. Къ своей цѣли они шли ни на кого не полагаясь и не оглядываясь направо и налево. Одновременно съ засѣданіемъ Городской Думы 25 октября состоялось засѣданіе совѣта р. и с. д., на которомъ приняты были рѣшенія желательныя большевикамъ. Правда, этому засѣданію предшествовалъ общій сговоръ фракцій совѣта, и бюро фракцій

вынесло выработанную сообща платформу, сообразно которой предполагалось „для охраны порядка и борьбы съ натискомъ контр-революціонныхъ силъ образовать временный обще-демократическій революціонный органъ въ составѣ представителей отъ совѣтовъ р.с. и крест. депутатовъ, представителей городского и земскаго самоуправленій, штаба округа и всероссійскихъ желѣзно-дорожнаго и почтово-телеграфнаго союзовъ“. Но созданіе такого органа, который по составу совпадалъ бы съ Комитетомъ Безопасности, организованнымъ Думой, вовсе не нравилось большевикамъ. Они потребовали перерыва и внесли свою формулу: „московскіе совѣты р. и с. д. выбираютъ на сегодняшнемъ пленарномъ засѣданіи революціонный комитетъ изъ 7 лицъ. Этому революціонному комитету представляется право кооптаціи представителей другихъ революціонныхъ демократическихъ группъ, съ утвержденія пленума и с. д. Избранный революціонный комитетъ начинаетъ дѣйствовать немедленно, ставя себѣ задачей оказывать всемѣрную поддержку комитету петроградскаго с. р. и с. д.“ С.-ры рѣшительно протестовали противъ „созданія организацій, направленныхъ къ захвату власти“. „Снимая съ себя всякую отвѣтственность за результаты большевистской попытки государственнаго переворота“, они отъ голосованія отказались. Меньшевики голосовали противъ, но формула большевиковъ получила большинство 394 противъ 113, при 26 воздержавшихся и московскій „военно-революціонный комитетъ“, предназначенный дѣйствовать въ „поддержку“ петроградскому, былъ тутъ же выбранъ. Большинство въ немъ (4 изъ 7) принадлежало къ большевикамъ. С. р-ы отказались войти. Меньшевики вошли съ оговоркой, что входятъ не для того, чтобы содѣйствовать захвату власти совѣтами, а для того, чтобы помочь пролетариату и арміи возможно безболѣзненнѣе изжить всѣ послѣдствія этой попытки авантюризма большевистскихъ вождей, и чтобы бороться внутри комитета за замѣну его обще-демократическимъ революціоннымъ органомъ“. Позиція — довольно своеобразная въ органѣ, который долженъ былъ заставить говорить пушки. Нужно прибавить, что и меньшевики, и объединенцы скоро почувствовали невозможность своего пребыванія въ составѣ органа, который все не желалъ съ ними считаться. „Въ виду явнаго нарушенія большевиками принципа коллективности и стремленія подавить волю меньшинства и дѣйствовать за его спиной, они вынуждены были покинуть комитетъ“.¹)

¹) Эта мотивировка приведена въ „Вечернемъ Курьерѣ“ 7 ноября 1917 года, въ статьѣ „Лѣтопись кровавой недѣли“.

Немедленно же большевистскій штабъ возстанія началъ дѣйствовать. Въ помѣщеніи совѣта р. и с. депутатовъ работа кипѣла. Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было—объявить на слѣдующій день всеобщую забастовку и запретить выходъ „буржуазныхъ“ газетъ. Товарищъ Голенко организовалъ немедленно нападеніе на типографіи этихъ газетъ, начатый наборъ былъ разобранъ и утромъ 26-го вышли только „Извѣстія“ и „Правда“. Чтобы закрѣпить за собой московскія войска, не знавшія въ первую минуту, кого слушаться и запрашивавшія объ этомъ „контръ-революціонный“ совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, была созвана 26 октября конференція представителей всѣхъ частей московскаго гарнизона. Огромнымъ большинствомъ 116 голосовъ противъ 18 она постановила выразить довѣріе большевистскому Военно-Революціонному комитету. Прокламаціей, напечатанной 27 октября въ „Извѣстіяхъ“ Военно-Революціонный комитетъ бралъ власть въ свои руки. „Революціонные рабочіе и солдаты г. Петербурга во главѣ съ Петербургскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,“ говорилось въ этой прокламаціи, „начали рѣшительную борьбу съ измѣнившимъ революціи временнымъ правительствомъ. Долгъ московскихъ солдатъ и рабочихъ поддержать петербургскихъ товарищей въ этой борьбѣ. Для руководства ею московскій совѣтъ р. и с. депутатовъ избралъ в.-р. комитетъ, который и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей: В.-Р. Комитетъ объявляетъ: 1) весь московскій гарнизонъ немедленно долженъ быть приведенъ въ боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанію В.-Р. Комитета. 2) Накакіе приказы и распоряженія, не исходящіе отъ В.-Р. Комитета или нескрѣпленные его подписью, исполненію не подлежатъ“.

Немедленно же сдѣлано было употребленіе изъ этихъ полномочій, взятыхъ на себя В.-Р. Комитетомъ. Занимавшія караулы въ Кремлѣ роты 56 полка были на сторонѣ большевиковъ, но рѣшено было подкрѣпить ихъ ротами 193 полка, и приказъ объ этомъ, привезенный въ ночь на 27 октября въ Хамовническія казармы большевикомъ Ярославскимъ, былъ немедленно выполненъ. Начальникъ арсенала въ Кремлѣ Лазаревъ подчинился и требованію В.-Р. Комитета о выдачѣ оружія. Къ 10 ч. утра было выдано 1500 винтовокъ съ патронами. Входы и выходы изъ Кремля были заперты. Прапорщикъ Берзинъ назначенъ начальникомъ гарнизона Кремля.

Съ другой стороны центромъ сопротивленія В.-Р. Комитету,

засѣдавшему въ губернаторскомъ домѣ на Скобелевской площади, становились военныя училища, — въ особенности Александровское на Знаменкѣ. Туда стекалось къ юнкерамъ и офицерство, желавшее принять участіе въ борьбѣ съ большевиками и горячая студенческая молодежь. Первая стратегическая задача, которая была тутъ поставлена, — было занятіе командующихъ позицій и важнѣйшихъ пунктовъ: Кремля, почты, телеграфа, телефона. Второй задачей являлось окруженіе Скобелевской площади, гдѣ засѣдалъ совѣтъ. Въ первые дня возстанія выполненіе этихъ задачъ представлялось не только возможнымъ, но и легкимъ, такъ какъ В.-Р. Комитетъ еще не успѣлъ стянуть своихъ войскъ. Но и Кремль, и почта были уже заняты ротами 56 полка, сочувствовавшими возстанію. Начались переговоры между командующимъ округомъ полковникомъ Рябцовымъ и Военно-Револуціоннымъ Комитетомъ о предупрежденіи кроваваго столкновенія.

Полк. Рябцовъ очутился въ трудномъ положеніи между юнкерами, Комитетомъ Общественной Безопасности и Военно-Револуціоннымъ Комитетомъ. Человѣкъ не сильный и колеблющійся, онъ ѿпытался лавировать среди противоположныхъ требованій, предъявлявшихся къ нему, и очень скоро потерялъ всякій авторитетъ. Втеченіе всего дня 27 октября онъ велъ безплодные переговоры съ большевиками объ очищеніи Кремля и занятіи его юнкерами. При этомъ Рябцовъ оставался въ Кремлѣ среди возставшихъ солдатъ, а Кремль былъ окруженъ юнкерами, не пропускавшими никого изъ воротъ. Большевики требовали, чтобы юнкера очистили манежъ, который они занимали и дали провезти изъ Кремля оружіе, взятое изъ арсенала для вооруженія солдатъ и рабочихъ. Взамѣнъ этого они соглашались увести изъ Кремля роту 193 полка, но настаивали на оставленіи тамъ ротъ 56 полка. Рябцовъ настаивалъ, чтобы охрана Кремля и арсенала были поручена юнкерамъ, или чтобы, по крайней мѣрѣ, они были впущены для охраны окружнаго суда. Солдаты 56 полка, среди которыхъ велись эти переговоры, волновались, требовали ареста Рябцова и грозили убить его. Рябцовъ, наконецъ, обѣщалъ отвести юнкеровъ отъ воротъ Кремля и отдалъ соотвѣтственный приказъ, котораго, однако, юнкера не хотѣли исполнять. Къ вечеру 27-го Рябцову, наконецъ, удалось выбраться изъ Кремля и перейти въ помѣщеніе Думы, откуда онъ велъ дальнѣйшіе переговоры.

Попавъ въ районъ вліянія Комитета Общественной Безопасности, Рябцовъ сталъ смѣлѣе. Въ 7 часовъ вечера онъ протеле-

фонироваль въ Военно-Рев. Комитетъ ультиматумъ: Кремль долженъ быть очищенъ, В.-Р. Комитетъ распущенъ. Отвѣтъ долженъ быть данъ черезъ десять минутъ, иначе начнутся военныя дѣйствія. Рѣшеніе это было мотивировано тѣмъ, что В.-Р. Комитетъ „несмотря на всѣ увѣренія, не вывелъ изъ Кремля отказавшуюся повиноваться воинскую часть, и было допущено самое широкое расхищеніе оружія, пулеметовъ и снарядовъ изъ разныхъ мѣстъ и снабженіе ими большевистскихъ организацій. „Мы испытывали большія колебанія“, свидѣтельствуетъ по поводу ультиматума Рябцева, членъ В.-Р. Комитета Ярославъ. „Никогда мое сердце такъ не трепетало, какъ въ тотъ разъ, когда приходилось рѣшительно голосовать: отвергнуть ультиматумъ или нѣтъ“. . . . „Товарищъ предсѣдатель сосчиталъ голоса: за то, чтобы отвергнуть ультиматумъ Рябцова, большинство. Трезвые, твердыя цифры голосовъ за и противъ убили колебанія“.

Дѣйствительно, въ тотъ моментъ В.-Р. Комитетъ еще не зналъ, чѣмъ онъ можетъ располагать. Черезъ два часа послѣ принятаго рѣшенія пролилась первая солдатская кровь на Красной площади. Но это былъ только небольшой авангардъ революціи: отрядъ „двинцевъ“, большевистскихъ солдатъ, арестованныхъ въ Двинскѣ еще въ августѣ и переведенныхъ въ сентябрѣ въ Бутырскую тюрьму, откуда, въ количествѣ 860, они были выпущены 1-го сентября „по постановленію московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ“. „Двинцы“ оказались первыми убѣжденными сторонниками возстанія и его защитниками. Отрядъ въ 300 человекъ бросился „пролить кровь за идею социализма“, и „45 лучшихъ товарищей двинцевъ легло у стѣнъ Кремля, подъ выстрѣлами юнкеровъ“. Остальные отбились и добрались до Скобелевской площади, гдѣ и составили основное ядро гвардіи В.-Р. Комитета.

Втеченіе этого вечера, слѣдующей ночи и утра 28 октября В.-Р. Комитетъ пережилъ тревожные часы. Помѣщеніе совѣта опустѣло: въ немъ остались только лица, непосредственно связанные съ текущей работой. Съ уходящими въ районы прощались, точно навсегда. Настроеніе оставшихся приближалось къ паническому. „Начался потокъ тревожныхъ вѣстей“, вспоминаетъ большевичка П. Виноградская. „Доносили, что нашихъ тѣснятъ, юнкера окружаютъ совѣтъ. Связь съ районами опредѣленно порывается. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ ошеломляющихъ донесеній, во всѣхъ переулкахъ, прилегающихъ къ совѣту со стороны Б. Никитской, начали показываться юнкера. Непріятельская артиллерія то и

дѣло стала попадать въ зданіе совѣта. Намъ отвѣчать было нечѣмъ: артиллерія къ намъ еще не пришла. Притокъ донесеній изъ районовъ прекратился, и съ часу на часъ можно было ждать, что мы очутимся въ мѣшкѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ и отрѣзанные отъ внѣшняго міра... Этотъ моментъ надо считать самымъ тревожнымъ, самымъ тяжелымъ на всемъ протяженіи октябрьскихъ дней“.

Утромъ 28 октября въ Кремлѣ были получены свѣдѣнія, что вся Москва въ рукахъ Рябцова, гарнизонъ сдался и обезоруженъ, заняты почта, телеграфъ и всѣ вокзалы. По телефону Рябцовъ подтвердилъ эти свѣдѣнія: „всѣ войска разоружены мной, я требую немедленнаго, безусловнаго подчиненія, требую немедленной сдачи Кремля“. Подавленный этими сообщеніями большевистскій комендантъ Кремля Берзинъ „рѣшилъ подчиниться приказу и сдать Кремль, чтобы спасти солдатъ отъ разстрѣла“. Солдаты не хотѣли сдаваться: „намъ все равно [погибать]“, — но уступили необходимости и разоружились. Офицеры и юнкера вошли въ Кремль, арестовали Берзина и членовъ большевистскаго комитета. Послѣдовали разстрѣлы солдатъ арсенала.

Юнкера наступали и въ другихъ мѣстахъ Москвы. „Весь центръ города“, вспоминаетъ большевикъ М. Ольминскій, „кромѣ части Тверской улицы, былъ въ рукахъ юнкеровъ, въ ихъ рукахъ вокзалы, трамвайная элекрическая станція, телефонъ (кромѣ Замоскварѣцкаго), В.-Р. Комитетъ сразу оказался почти отрѣзаннымъ отъ районовъ, и районы, плохо связанные между собой, вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, не зная, что дѣлается въ центрѣ. Отрѣзанность центра отъ районовъ (связь кое-какъ поддерживалась только черезъ Страстную площадь) — подвергала его ежеминутной опасности разгрома. Юнкерскіе броневики появились на самой совѣтской площади. Бывали моменты, когда казалось, что, центру только и остается, что бѣжать. Это сильно отражалось на настроеніи членовъ В.-Р. Комитета, дѣлало ихъ склонными къ переговорамъ о перемиріи и уступкамъ. Совсѣмъ иное настроеніе наблюдалось въ районах“.

Однако, и въ рядахъ побѣдителей данной минуты настроеніе было далеко не радужное. Составъ военной молодежи, собравшейся въ Александровскомъ училищѣ, юнкеровъ, прапорщиковъ, студентовъ, мобилизованныхъ интеллигентовъ былъ отборный и очень твердо настроенный. Но единства настроенія и здѣсь не было. Вначалѣ эта молодежь съ ужасомъ смотрѣла на перспективу-участво-

вать въ гражданской войнѣ. Иначе настроена была группа праваго офицерства, съ самаго начала примкнувшая къ защитникамъ Москвы. Но этимъ правымъ демократически настроенная молодежь не довѣрялась и побаивалась ихъ вліянія на себя. Съ другой стороны, не удовлетворявала этой молодежи и „педантически-государственная“ позиція Комитета безопасности, на желавшаго непосредственно руководить борьбой и ссылавшагося на командующаго округомъ. А командующій округомъ Рябцовъ страшно боялся сдѣлать какой-либо шагъ, за который его могъ бы впослѣдствіи привлечь къ отвѣтственности какой-нибудь органъ „революціонной демократіи“. Онъ оказался крайнимъ неврастеникомъ, безконечно говорившимъ, когда надо было дѣйствовать, абсолютно неспособнымъ распоряжаться, не сѣмѣвшимъ запасти во-время ни продовольствія, ни снарядовъ. Молодежь еще менѣе довѣряла Рябцову, чѣмъ Комитету Безопасности, обвиняя его въ намѣренной дезорганизаціи обороны и въ сношеніяхъ съ большевиками. На комитетъ негодовали, что что онъ не хочетъ смѣнить Рябцова надежнымъ военнымъ руководителемъ (въ руководители, между прочимъ, предлагалъ себя Брусиловъ.) Но Комитетъ, какъ мы видѣли, принципиально избѣгалъ распорядительныхъ дѣйствій, опасался офицерства праваго настроенія и, наконецъ, считалъ неудобнымъ мѣнять командованіе въ разгаръ борьбы.

Была еще одна сила, которая при другихъ условіяхъ могла бы сыграть роль въ борьбѣ: это представители низвергнутого въ Петроградѣ правительства. Въ эти дни противники большевиковъ не могли не смотрѣть на нихъ какъ на единственныхъ представителей законной власти. С. Н. Прокоповичъ былъ единственнымъ изъ министровъ, не арестованнымъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Онъ былъ арестованъ еще по пути туда, въ 10 час. утра, а около пяти часовъ пополудни освобожденъ изъ Смольнаго. Днемъ 26-го октября подъ его предсѣдательствомъ состоялось совѣщаніе товарищей министровъ, бывшихъ въ Петербургѣ. По словамъ С. Н. Прокоповича, „на этомъ совѣщаніи онъ указалъ на необходимость послѣ потери Петербурга организовать сопротивление въ Москвѣ и просилъ дать соотвѣтственныя полномочія“. Получивъ эти полномочія, онъ пріѣхалъ 27-го утромъ въ Москву и прямо съ вокзала пріѣхалъ въ Городскую Думу, гдѣ засѣдалъ общественный комитетъ, съ нимъ были его товарищи Хижняковъ и Кондратьевъ. Въ Думѣ они предложили „кооптировать“ комитетъ во временное правительство. Но авторитетъ временнаго правительства, какъ мы видѣли,

былъ невысокъ, и принять его фирму въ Москвѣ — не значило облегчить борьбу. Самъ С. Н. Прокоповичъ вспоминаетъ, что „въ Москвѣ правые открыто тогда говорили: „лишь бы большевики свергли власть временнаго правительства, а тамъ уже справиться съ ними будетъ легко“. „Въ станѣ правыхъ и лѣвыхъ“, прибавляетъ С. Н. Прокоповичъ, „я видѣлъ въ эти дни чуть не открытое ликование по поводу молодцеватости большевиковъ“.

При такихъ настроеніяхъ, предложеніе Прокоповича „о кооптаціи“ встрѣтило въ Думѣ болѣе, чѣмъ сдержанный пріемъ. Полномочія, данныя товарищами министровъ въ Петроградѣ, въ Москвѣ, очевидно, теряли свою силу. Идея Прокоповича и его товарищей — создать въ Москвѣ суррогатъ временнаго правительства — такимъ образомъ, не могла осуществиться.

Другой идеей министра и его товарищей было опубликовать воззваніе къ населенію, принявъ тѣмъ самымъ на себя руководство борьбой. Текстъ этого воззванія былъ спѣшно составленъ при участіи членовъ партіи к. д. На слѣдующій же день воззваніе должно было появиться въ газетахъ и показать Москвѣ, что, несмотря на захватъ правительства въ Зимнемъ Дворцѣ, законная власть временнаго правительства не погибла и что въ Москвѣ имѣются на лицо ея представители, готовые возглавить собой сопротивленіе Москвы вооруженному покушенію на власть, созданную революціей. Однако, и этому плану не суждено было осуществиться. Воззваніе не было опубликовано, и присутствіе въ Москвѣ представителей законной власти совершенно не сказалось на ходѣ событій.

Отстраненіе представителей временнаго правительства отъ руководства борьбой произошло какъ-то автоматически, само собой, какъ неизбежный результатъ соотношенія силъ вступившихъ въ борьбу. Но вмѣстѣ съ этимъ терялась конкретная цѣль борьбы. С. Н. Прокоповичъ рассказываетъ, что на третій или четвертый день борьбы къ нему явились четыре общественныхъ дѣятеля, которые заявили ему, что поддерживать временное правительство они не хотятъ, но готовы поддержать его, если онъ объявитъ себя диктаторомъ. Это фантастическое предложеніе характеризуетъ настроеніе правыхъ круговъ. Въ болѣе вліятельныхъ лѣвыхъ кругахъ зрѣла другая мысль-та же самая, которая высказывалась въ дни Петроградскаго возстанія среди представителей социалистическихъ партій: образованіе новаго, чисто-соціалистическаго правительства. Но для большинства юнкеровъ и офицеровъ, наибо-

лѣе активныхъ участниковъ борьбы, эта идея дѣлала безцѣльной самую борьбу.

Всѣ эти внутреннія противорѣчія въ ближайшіе дни вышли наружу. Но уже съ самаго начала они сказались въ томъ, что вмѣсто единства руководства и немедленнаго приступа къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, защитникамъ государственности пришлось тратить дорогое время на веденіе переговоровъ и на придумываніе компромиссовъ между различными теченіями, объединившимися для совмѣстной борьбы.*)

Мы видѣли, что вечеромъ 27-го и утромъ 28-го большевистскій комитетъ находился въ положеніи, близкомъ къ паникѣ, и проявлялъ готовность пойти на компромиссъ и на оттяжку рѣшенія. Правда, положеніе это нѣсколько измѣнилось втеченіе 28-го октября. Послѣ полудня 28-го вернулся, наконецъ, посланный на

---

*) Въ нѣкоторомъ противорѣчьи съ этимъ выводомъ стоитъ заявленіе самаго С. Н. Прокоповича въ „письмѣ въ редакцію“ берлинской газеты „Руль“ 1-го августа 1922 г. въ отвѣтъ „Новому Времени“. С. Н. Прокоповичъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ свою роль при взятіи Кремля. „Выснѣвъ положеніе (въ общественномъ комитетѣ, куда онъ прѣхалъ прямо съ вокзала утромъ 27-го октября), пишетъ С. Н. Прокоповичъ, „я вызвалъ въ Городскую Думу командуящаго войсками покойнаго Рябцова и спросилъ его, какъ онъ могъ допустить занятіе Кремля. Рябцовъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ, какъ военный, можетъ лишь исполнять приказанія гражданской власти. Ни временное правительство, ни общественный комитетъ въ Москвѣ прямыхъ приказаній вступить въ борьбу съ большевиками ему не давали. Тогда я, опираясь на данныя мнѣ собраніемъ товарищей министровъ полномочія, отдалъ ему приказъ занять Кремль. Рябцовъ исполнилъ приказъ, и Кремль былъ занятъ нами“. Разсказъ С. Н. Прокоповича о заявленіи ему Рябцова отчасти совпадаетъ съ показаніемъ о „педантически-государственной“ позиціи комитета, приведеннымъ въ текстѣ со словъ вліятельныхъ членовъ комитета. Онъ совпадаетъ и съ характеристикой личности Рябцова, страшно боявшагося отвѣтственности за самостоятельныя рѣшенія и готоваго перестраховаться у кого-угодно и переложить отвѣтственность на кого-угодно. — большевиковъ, думскій комитетъ, временное правительство. Но изъ моего предыдущаго изложенія видно, что, съ одной стороны, борьба за Кремль была уже въ ходу, когда прѣхалъ Прокоповичъ, и факторы этой борьбы выяснялись постепенно, а съ другой стороны, что взятіе Кремля явилось нелегкой задачей, которая окончательно поставлена только вечеромъ 27-го октября, когда Рябцову удалось вырваться изъ большевистскаго полуплѣна, а осуществлена она лишь втеченіе слѣдующаго дня, не столько силой, сколько воздѣйствіемъ на паническое настроеніе большевистскаго коменданта Кремля. Рѣшеніе, принятое вечеромъ 27-го, не столько вызвано утреннимъ „приказомъ“ Прокоповича, сколько требованіемъ „Комитета безопасности, — чтобы Рябцовъ, наконецъ, смѣнилъ свою точку зрѣнія на событія.

Ходынку за артиллеріей членъ В.-Р. Комитета В. Смирновъ и привелъ три орудія, немедленно разставленныя и начавшія стрѣлять внизъ и вверхъ по Тверской отъ Скобелевской площади и по Космодемьянскому переулку. „Теперь голыми руками они совѣта не возьмутъ, теперь мы продержимся день, другой, пока не подтянутся районы“: такъ формулируетъ впечатлѣніе, произведенное на В.-Р. Комитетъ появленіемъ этихъ орудій, большевикъ В. Соловьевъ. Затѣмъ появились делегаціи съ фронта, чтобы освѣдомиться о положеніи. Оживилась дѣятельность въ районахъ. Тѣмъ не менѣе, склонность къ переговорамъ о перемиріи у В.-Р. Комитета еще не прошла; а въ посредникахъ между нимъ и Комитетомъ Безопасности не оказалось недостатка.

Первую попытку наладить переговоры между двумя вступившими въ борьбу лагерями сдѣлали меньшевики. Онѣ заявили сторонамъ, что желаютъ „мирной ликвидаціи гражданской войны“ и хотятъ для этой цѣли „сплотить третью силу, которая заставила бы считаться съ собой обѣ стороны. Меньшевики предложили для этого превратить самый Комитетъ Безопасности въ „общедемократическій органъ, независимый ни отъ Думы, ни отъ совѣтовъ“. Превращеніе это должно было состояться путемъ включенія въ комитетъ представителей социалистическихъ партій. С. р-ы и к. д., вошедшіе въ думскій комитетъ, на это не согласились, опираясь на то основное правило, что Комитетъ Безопасности объединяетъ не политическія партіи, а учрежденія и организациі. Послѣ этого отказа меньшевики отозвали изъ Комитета Безопасности всѣхъ членовъ партій, входившихъ въ него отъ учреждений. Они, такимъ образомъ, остались внѣ обѣихъ борющихся организаций.

„Третьей силой“, несравненно болѣе могущественной и дѣйствительно заставившей стороны идти на переговоры, явился знакомый намъ „Викжель“. „Викжель“ заявилъ, что онъ только подъ тѣмъ условіемъ допуститъ подвозъ къ Москвѣ войскъ, готовыхъ поддержать временное правительство, если „Комитетъ Безопасности согласится на созданіе однороднаго (т. е. чисто социалистическаго) министерства. „Скрѣпя сердце и идя на тяжелый компромиссъ“, свидѣтельствуемъ прокуроръ палаты А. Ф. Стааль, — Комитетъ Безопасности подчинился требованію „Викжеля“.

„Что оставалось намъ дѣлать“, говорилъ впослѣдствіи одинъ изъ видныхъ членовъ Комитета Безопасности автору этой книги: „между нами не было ни одного сторонника однороднаго социалистическаго министерства. Но что было бы, если бы мы сказали,

что не признаемъ этого лозунга. „Викжель“ оставилъ подѣ Москвой подходившія войска и обѣщалъ пропустить ихъ лишь послѣ исполненія его требованій. Военные убѣждали насъ не упорствовать и соглашаться, на что угодно. Члены комитета, вызванные въ Александровское училище (см. ниже), были спрошены поименно и всѣ поголовно согласились нести отвѣтственность за состоявшееся рѣшеніе“.

Съ другой стороны, однако, „Викжель“ предъявилъ рядъ требованій и большевикамъ. Такъ какъ большевики этихъ требованій не удовлетворили, то „Викжель“ заявилъ, что съ этого момента ж.-д. союзъ активно выступаетъ противъ большевиковъ и будетъ пропускать въ Москву войска безпрепятственно. При этихъ условіяхъ Военно-Революціонный Комитетъ рѣшилъ пойти на перемиріе. Оно было заключено на срокъ съ 12 часовъ 29-го по 12 часовъ 30-го октября на слѣдующихъ „словіяхъ: 1) полное разоруженіе бѣлой и красной гвардіи; 2) возвращеніе всего разобраннаго оружія; 3) роспускъ обоихъ комитетовъ — военно-революціоннаго и общественной безопасности; 4) привлеченіе всѣхъ виновныхъ къ судебной отвѣтственности; 5) установленіе нейтральной зоны; 6) перемиріе на 24 часа для выработки техническихъ условій сдачи оружія и развода по казармамъ военныхъ частей; 7) весь гарнизонъ подчиняется командующему войсками московскаго военнаго округа. При штабѣ возстанавливается военный совѣтъ; 8) организація общаго демократическаго органа.

Комитетъ Безопасности, идя на всѣ уступки, какія требовались, руководился уже извѣстнымъ намъ соображеніемъ, что онъ составляетъ только „политическое прикрытіе военной борьбы“. На уступкахъ, притомъ немедленныхъ, настаивали военные по стратегическимъ соображеніямъ. Делегаты комитета являлись въ Александровское училище, гдѣ и обсуждались эти вопросы, передъ большою аудиторіей военныхъ. По указаніямъ военныхъ защитниковъ Москвы было заключено и упомянутое перемиріе.*)

Втеченіе ночи съ 29-го на 30-е октября особая „согласительная комиссія“ разрабатывала „военно-техническіе вопросы и устанавливала „нейтральную зону“, на линіи которой уполномоченные „Викжеля“ должны были предупреждать столкновенія. Кольцо большевистскихъ войскъ проходило черезъ Крымскую площадь,

---

*) Это и нѣкоторыя другія данныя сообщены мнѣ руководящими членами Комитета Безопасности.

Остоженку, переулки, идущіе отъ нея (до Еропкинского) къ Поварской, продолженіе Ржевскаго пер. къ сѣверу отъ Поварской, Скатертный, Медвѣжій, Мерзляковскій, проѣздъ ц. Вознесенія между Б. и М. Никитской, Спиридоновка, Спиридоньевскій пер., Большая и Малая Бронная, Богословскій пер., ю. з. часть Градоначальства, выходы переулка на Большую Никитскую, ю. з. часть Большого Театра.

Перемиріе осталось на бумагѣ. Большевики его не соблюдали, а мѣстами о немъ даже и не знали. Заклячая перемиріе, Военно-Революціонный комитетъ руководился лишь одной цѣлью: выиграть время для подвоза подкрѣплений. Полученныя въ промежуткѣ свѣдѣнія о неудачахъ отряда Краснова укрѣпили большевиковъ въ рѣшимости продолжать борьбу. На категорическій вопросъ — хотятъ ли они идти на соглашеніе, большевики отвѣчали оклончиво. Въ концѣ концовъ они поставили требованія, завѣдомо непріемлемыя. Они отказались даже отъ созданія „однороднаго“ министерства и вернулись къ своему чистому лозунгу „вся власть совѣтамъ“. Далѣе они требовали своего большинства въ совѣщательномъ органѣ, который долженъ былъ функционировать до Учредительнаго Собранія, настаивали на томъ, чтобы офицеры и юнкера были разоружены, а большевикамъ было оставлено оружіе.

Такимъ образомъ, выяснилось, что всѣ до сихъ поръ сдѣланныя уступки были напрасны. Если хитрили военные, то хитрили и большевики, протягивая время изъ „стратегическихъ“ соображеній. Но выиграли отъ затяжки только послѣдніе.

Послѣ ухода большевистскихъ парламентаревъ, предъявившихъ приведенныя условія, въ помѣщеніи Думы состоялось послѣднее засѣданіе Комитета съ участіемъ представителей войсковыхъ частей, президіума совѣта солдатскихъ депутатовъ, бѣжавшаго изъ генераль-губернаторскаго дома и — на этотъ разъ — „также всѣхъ вольныхъ и невольныхъ обитателей зданія“ осажденной городской Думы, включая к. д. Юренева и думскихъ служащихъ. Передъ этимъ собраніемъ городской голова Рудневъ констатировалъ „вѣроломство большевиковъ, использовавшихъ перемиріе для передвиженія и подкрѣпленія своихъ частей“ и возложилъ „всю вину за неизбѣжное продолженіе борьбы исключительно на большевиковъ“. Въ тонѣ самооправданія велись и дальнѣйшія пренія, пока потухшее электричество не напомнило присутствующимъ, кто дѣйствительные господа положенія.

На другой день, 31-го Октября, появилось воззвание Комитета Общественной Безопасности „гражданамъ и товарищамъ“, въ которомъ констатировались пункты расхожденія его съ военно-революціоннымъ комитетомъ. Комитетъ безопасности считалъ „единственными условіями прекращенія военныхъ дѣйствій — ликвидацію большевистскаго военно-революціоннаго комитета, очищеніе отрядами в. р. комитета занятыхъ ими пунктовъ и возвращенія Москвы къ нормальному порядку. „Побѣдѣ насилія“ комитетъ противопоставлялъ“, на основаніи соглашенія съ „Викжелемъ“, „организацию временной власти на основахъ отвѣтственности новаго правительства передъ органами революціонной демократіи и социалистическаго его состава“.

Такъ же, какъ и условія перемирія, эта „формула была принята по соглашенію съ военными въ Александровскомъ училищѣ, куда вызваны были представители Комитета безопасности, вынужденные согласиться на формулу социалистическаго министерства и взять за нее на себя отвѣтственность (Рудневъ, Филатьевъ, Бурышкинъ, Студенецкій, представители почтово-телеграфнаго союза и земской управы). Но, какъ сказано, большевиковъ даже и эта уступка уже не удовлетворяла.

Большевики отвѣтили комитету въ 4 часа утра категорическимъ „требованіемъ безусловной сдачи, съ угрозой артиллерійскаго обстрѣла Думы“. Комитету оставалось возобновить борьбу при измѣнившихся къ худшему условіяхъ. Приглашая населеніе къ проявленію наибольшей самостоятельности для собственной защиты, Комитетъ ободрялъ своихъ единомышленниковъ извѣстіемъ, что „къ Москвѣ приближаются части, посланныя фронтомъ для подавленія мятежниковъ тыла и что „войска Керенскаго вступаютъ въ Петроградъ“. Комитетъ могъ лишь повторить тутъ то, что получилъ самъ. Jordанскій и Моисеенко, дѣйствительно, слали въ Москву сообщенія, что съ фронта командуются на помощь защитникамъ Москвы опредѣленные части.

Въ этой связи слѣдуетъ упомянуть о предложеніи штабсъ-капитана Соколова, пріѣхавшаго въ Москву отъ Каледина и доложившаго въ какомъ-то совѣщаніи общественныхъ дѣятелей подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Щепкина о готовности донскаго атамана послать помощь Москвѣ. Объ этомъ предложеніи разсказалъ самъ г. Соколовъ корреспонденту бѣлградскаго „Новаго Времени“¹⁾,

¹⁾ „Новое Время“, 1922, № 387, письмо изъ Парижъ г. П-ева

прибавивъ, что „товарищи министровъ отъ этой помощи отказались“. Но даже независимо отъ того, что предложеніе г. Соколова дальше совѣщанія не пошло, оно не могло имѣть никакого практическаго значенія при быстромъ ходѣ событій. С. Н. Прокоповичъ рѣшительно отрицаетъ свое участіе въ упомянутомъ засѣданіи.

Ночь съ 30-го на 31-ое Октября была моментомъ перелома въ настроеніи борющихся сторонъ. Измученная непрерывными усиліями, потерявшая надежду на успѣхъ перваго быстрого удара и недостаточно снабженная для длительной борьбы, кучка защитниковъ Москвы и Россіи чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовала себя изолированной и отъ остальной Россіи, и отъ другихъ общественныхъ элементовъ. Слова „юнкеръ“, „офицеръ“, „студентъ“, сдѣлались бранными словами, и геройскій порывъ людей, носившихъ эти званія, блѣднѣлъ передъ пассивнымъ отношеніемъ или даже явной враждебностью къ нимъ населенія, на защиту котораго они выступили и жертвовали жизнью. Поведеніе командующаго войсками, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вызывало все болѣе сильныя подозрѣнія. Безполезная уступка, сдѣланная идеѣ „однороднаго“ соціалистическаго министерства, поставила передъ многими изъ юнкеровъ и офицеровъ вопросъ, за кого же, за какую политическую оріентацію они собственно борются, и какая въ сущности разница между „передачей всей власти“ Совѣтамъ — и „отвѣтственностью“ исключительно соціалистическаго партійнаго правительства передъ „органами революціонной демократіи“. Въ довершеніе всего, надежда на подходъ войскъ къ Москвѣ, ради котораго была куплена этой уступкой помощь „Викжеля“, тоже оказалась призрачной. Никакія войска не подходили, а малочисленные отряды юнкеровъ терпѣли серьезныя потери, или, отрѣзанные, попадали въ плѣнъ къ большевикамъ.

Въ моментъ наибольшаго развитія силы этихъ отрядовъ, съ трудомъ удерживавшихъ за собой центръ Москвы отъ Кремля до Никитскихъ воротъ и отъ Театральной площади до Зубовскаго бульвара, доходили тысячъ до пяти*). Съ удивленіемъ и съ безпо-

---

*) Н. Мураловъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ численность силъ обѣихъ сторонъ: „у нашихъ враговъ были силы, по моимъ вычисленіямъ, около 10000 чел. не считая команднаго состава. Тамъ были: юнкера Александровскаго и Алексѣевскаго военныхъ училищъ, всѣ школы прапорщиковъ, штабъ округа: Комитетъ Общественной безопасности, солдатская секція с.-р-овъ и меньшевиковъ, студенты и гимназисты. У насъ: всѣ пѣхотные московскіе полки

койствомъ эта армія замѣчала, что она изолирована не только топографически, но и социальнo; что, защищая порядокъ и законную власть, она въ то же время, путемъ исключенія и противъ своей воли, оказывается представительницей опредѣленныхъ классовъ. Имя „юнкеръ“ начало съ ненавистью произносится демократическимъ населеніемъ Москвы и противопоставляться „народу“. Въ газетахъ тѣхъ дней можно найти слѣды смущенія, испытаннаго людьми, пошедшими на идейный подвигъ и очутившимися въ роли, столь непривычной для русской интеллигенціи. Представители шести школъ прапорщиковъ, зовя въ свои ряды солдатъ, печатно заявляли, что въ ихъ средѣ почти нѣтъ дворянъ, что въ огромномъ большинствѣ они — выслужившіеся солдаты — фронтовики, „истинные представители солдатской массы“, и среди нихъ „много истинныхъ и давнишнихъ социалистовъ“, борющихся лишь съ „небольшой кучкой безумцевъ-мечтателей“. А съ другой стороны, группа студентовъ-большевиковъ въ официальныхъ „Извѣстіяхъ“ признавала „позорнымъ“ и „выражала презрѣніе и протестъ противъ безстыднаго, антинароднаго выступленія буржуазной кучки студентовъ“, примкнувшихъ, въ числѣ 600, къ защитникамъ Москвы и проявлявшихъ чудеса геройскаго самоотверженія.

Пяти тысячамъ защитниковъ противостояли десятки тысячъ московскаго гарнизона, правда, далеко не относившаго сознательно къ борьбѣ „пролетаріата съ капиталистами“. Солдаты гарнизона начали даже, послѣ нѣсколькихъ дней борьбы, разбѣгаться изъ Москвы. Но на смѣну этимъ равнодушнымъ и испуганнымъ подходили изъ окрестностей другія тысячи — болѣе сознательныхъ; подвозились орудія, въ томъ числѣ и тяжелыя, и распредѣлялись для бомбардировки центра и Кремля; мобилизовались броневики, которыхъ у юнкеровъ было всего два и тѣ сломанные; рылись окопы, заготовлялись запасы снарядовъ.

Настроеніе рабочей массы, какъ и настроеніе солдатъ, не было, однако же, всецѣло на сторонѣ большевикомъ. Объ этомъ

1-я запасная артиллерійская бригада, самокатный батальонъ, команда двинцевъ, полковыя части изъ Павловской Слободы, изъ Костромы, изъ Серпухова общей численностью по 15-ти тысячъ вооруженныхъ активныхъ и больше 25 тысячъ резервныхъ не активныхъ, около 3.000 вооруженныхъ рабочихъ 6 батарей трехдюймовыхъ и нѣсколько тяжелыхъ орудій, безъ прислуги или съ неумѣлой прислугой. Двѣ казачьихъ сотни, принявшіе за нѣсколько дней передъ тѣмъ мои резолюціи, держались нейтрально“. Нейтрально держалась въ эти дни также милиція.

настроєніи свидѣтельствуєтъ любопытная запись доклада по телефону, сдѣланнаго на третій день борьбы соціалистсмъ — революціонеромъ своему центральному начальству. Вотъ этотъ интересный памятникъ дней московскаго возстанія:

„Сушевскій районъ. Многочисленные митинги, скорѣе толпа; ночью. Солдаты не стали слушать. Выступалъ рабочій Ферейна. Спросили, какой партіи. Отвѣтъ: соціалистъ-меньшевикъ. Крики-долой. Одинаковое отношеніе къ представителямъ другихъ соціалистическихъ партій. Резолюція: бесполезность вооруженной борьбы, начавшейся безъ опроса пролетаріата. Требованіе — предать суду обѣ организациі стоящія во главѣ (т. е. и военно-революціонный комитетъ и комитетъ безопасности). Отношенія къ с. р.-амъ — самое отвратительное.

Районъ Пятницкій. (Серпуховской, Александровскій). Большая толпа. Митингъ. Обвиняютъ революціонный комитетъ и Руднева. Выступалъ меньшевикъ съ Сытинской фабрики. Не дали говорить. Крики: „долой соціалистовъ, къ черту“. Выступалъ — съ такимъ же успѣхомъ. Выступавшій кадетъ пользовался огромнымъ сочувствіемъ. Соглашеніе въ будущемъ, видимо, состояться не можетъ. Надо выпускать листовки для освѣдомленія массъ. С. р.-овъ, распространявшихъ ихъ, ощупывали дозоры большевиковъ и отнимали. Ночью большевиками были выпущены прокламаціи, въ которыхъ вводятъ въ обманъ обывателя. Крайне нужно воззваніе къ населенію отъ всѣхъ партій“.

Такое подлинное настроєніе массы, не дисциплинированной, темной, сбиваемой съ толку и переставшей вѣрить вчерашнимъ вождямъ, инстинктивно чувствовавшей, гдѣ правда, но не организованной и не привыкшей къ активному участию въ борьбѣ. Активно — лишь большевистское меньшинство. Оно выставляетъ нафашизированныхъ красногвардейцевъ, преимущественно изъ рабочей зеленой молодежи, — и этотъ элементъ обнаруживаетъ особую непримиримость и жестокость въ борьбѣ.

Послѣ полуночи на 31 октября, съ окончаніемъ перемирія, борьба возобновилась съ особымъ ожесточеніемъ со стороны большевиковъ, ободренныхъ приливомъ новыхъ силъ и извѣстіями о пораженіи защитниковъ Керенскаго. *)

*) Большевики обвиняли въ нарушеніи перемирія юнкеровъ. М. Ольминскій говоритъ по этому поводу: „Контръ-революціонеры надѣялись выиграть время въ ожиданіи подкрѣпленій. Съ юга къ нимъ шли казачьи полки, а по Брянской дорогѣ ударники. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ начала перемирія прибылъ на Брянскій вокзалъ первый отрядъ ударниковъ. Юнкера тотчасъ осмѣляли и произвели нападеніе у Никитскихъ Воротъ.“

Вечером 31 октября и 1 ноября большевики разрушили дома у концов Никитского и Тверского бульваровъ, въ которыхъ оставались юнкера, захватили послѣ продолжительнаго обстрѣла сильно пострадавшую телефонную станцію въ Милютинскомъ переулкѣ, гдѣ юнкера принуждены были сдаться, заняли „Национальную“ гостиницу и сильно поврежденную гостиницу „Метрополь“, а затѣмъ принялись обстрѣливать Городскую Думу, защитники которой, вмѣстѣ съ гласными и членами Комитета Безопасности, принуждены были къ тремъ часамъ дня 1-го ноября уйти въ Историческій Музей и въ Кремль, оставивъ въ Думѣ раненыхъ и медицинскій персоналъ. Другая часть комитета находилась въ Александровскомъ военномъ училищѣ. Эти два центра сопротивленія подверглись ожесточенной орудійной бомбардировкѣ, которая продолжала усиливаться втеченіе 2-го ноября, превратившись по отзывамъ офицеровъ, „изъ солдатской въ офицерскую или нѣмецкую, очень точную“. Занявъ Историческій Музей, большевики принялись съ его вышекъ обстрѣливать Красную Площадь, сдѣлавъ выходъ изъ Кремля опаснымъ для жизни и превративъ, такимъ образомъ, Кремль въ осажденную крѣпость. Въ эти дни самый Кремль съ его историческими святынями подвергся усиленному артиллерійскому обстрѣлу. Поврежденія, причиненныя при этомъ древнимъ соборамъ Кремля были первымъ ударомъ по религіозной совѣсти московскаго населенія: они вызвали даже изъ среды большевистскихъ вождей болѣзненный крикъ возмущенія г. Луначарскаго, печатно заявившаго, что онъ не можетъ долѣе терпѣть большевистскихъ ужасовъ и уходитъ изъ числа „народныхъ комиссаровъ“ — увы, не надолго. . .

Уже вечеромъ 1-го ноября представители Комитета Общественной Безопасности, Рудневъ и Коварскій, были приглашены въ Александровское училище. Исполнительный комитетъ совѣта офицерскихъ депутатовъ вмѣстѣ съ совѣтомъ представителей частей, входившихъ въ составъ правительственнаго отряда, поставили имъ девять вопросовъ. Ихъ спрашивали о фактическомъ положеніи дѣлъ на фронтѣ, объ отношеніи къ борьбѣ московскаго населенія, о причинахъ неприхода обѣщанныхъ подкрѣпленій, о шансахъ успѣха борьбы, какія имѣются у комитета и т. д. Если по всѣмъ этимъ вопросамъ Комитетъ Безопасности не дастъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, то ему прямо ставили вопросъ: какія мѣры надо принять для прекращенія бесполезной борьбы? Комитетъ, выдерживая разъ принятую линію „политическаго прикрытія“, подчиня-

ющагося условіямъ стратегической цѣлесообразности, отвѣчалъ, что готовъ принять на себя исполненіе тѣхъ мѣръ, которыя будутъ рѣшены военными защитниками Москвы.

Тогда Комитету дано было порученіе — начать мирные переговоры. Днемъ 2-го ноября делегація Комитета Безопасности отправилась въ военно-революціонный комитетъ съ предложеніемъ начать мирные переговоры. Делегація поставила себѣ задачей провести только два пункта, которые считала вопросомъ чести. Во первыхъ, устраненъ былъ вопросъ о признаніи въ прямой формѣ совершившагося переворота. Во вторыхъ, получена была гарантія свободнаго вывода войскъ, — правда, очень скоро нарушенная большевиками.

Въ 5 часовъ дня мирное соглашеніе на основѣ разоруженія „бѣлой гвардіи“ было достигнуто. Не желавшіе идти на это юнкера пріѣхали изъ Александровскаго училища въ Кремль, и здѣсь было рѣшено „не сдаваться, защищать принципъ государственности до конца, пробиться сквозь кольцо, выйти за городъ и добратся до вѣрныхъ правительству войскъ“. Въ 7 часовъ вечера съ этимъ рѣшеніемъ юнкера вышли изъ Кремля и направились въ Александровское училище, въ „торжественномъ и напряженномъ настроеніи, хотя сознаніе того, что надо пройти сквозь рядъ улицъ, гдѣ изъ оконъ и съ крышъ будутъ стрѣлять, тяжело дѣйствовало на психику“ (свидѣтельство Стаалъ). Рѣшенія своего юнкерамъ, конечно, не удалось осуществить, ибо никакихъ „вѣрныхъ правительству“ войскъ внѣ Москвы не было на лицо, и 3-го ноября происходило печальное зрѣлище — разоруженія „бѣлой гвардіи“. „Небольшими отрядами“, пишетъ очевидецъ, „человѣкъ по 10—20 подходили къ зданію Александровскаго училища офицеры, юнкера и студенты. Начальники отрядовъ среди общей тишины собравшейся публики рапортовали предсѣдателю комиссіи названія отрядовъ и ихъ количества. Юнкера съ винтовками проходили въ зданіе училища, офицеры и студенты складывали оружіе тутъ же, на тротуаръ. Къ 12 часомъ на улицахъ можно было видѣть только вооруженныхъ солдатъ и рабочихъ“.

Побѣда большевиковъ была полная и окончательная. Ихъ побѣдой въ Москвѣ рѣшился вопросъ о ихъ побѣдѣ въ Россіи. Въ тотъ моментъ все еще вѣрили, что побѣда будетъ кратковременной и, что захваченной власти большевики удержать не смогутъ. Въ тонъ этому настроенію ходили фантастическіе слухи о приближеніи къ Москвѣ войскъ Каледина и начиналась тяга на

Донъ разбитыхъ въ Москвѣ защитниковъ порядка и законнаго временнаго правительства.

Господство большевиковъ начиналось при увѣренныхъ предсказаніяхъ партій, что большевистская власть не сможетъ осуществить ни одного изъ данныхъ ею обѣщаній, — не дастъ обманутому ею народу ни мира, ни земли, ни хлѣба, ни „соціализаціи“ промышленности, и что разочарованное населеніе не потерпитъ надъ собой господства насильниковъ. Партія Народной Свободы предсказывала при этомъ, что побѣда большевиковъ повлечетъ за собой проигрышъ войны и раздѣленіе Россіи на части. Но никто, включая и эту партію, не предвидѣлъ, что здѣсь возникнетъ режимъ, который будетъ длиться долгіе годы и который доведетъ Россію до крайней степени разрушенія всѣхъ ея національныхъ цѣлей — государственныхъ, экономическихъ и культурныхъ, которыя копились долгими вѣками.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

Третьимъ выпускомъ „Исторіи второй русской революціи“ заканчивается фактическій разсказъ, доведенный авторомъ до паденія временнаго правительства и побѣды большевиковъ. Четвертый и послѣдній выпускъ будетъ содержать описаніе внутренняго распада Россіи за періодъ времени отъ марта до октября и исторію борьбы за миръ въ международномъ масштабѣ. Написанныя одновременно съ напечатаннымъ текстомъ трехъ выпусковъ, эти главы нуждаются въ переработкѣ по новымъ источникамъ. При новомъ изданіи „Исторіи“, такой же переработкѣ долженъ подвергнуться, конечно, и фактическій разсказъ. Въ ожиданіи этой переработки, авторъ считаетъ необходимымъ дополнить послѣдній выпускъ еще одной главой, которая будетъ заключать въ себѣ подробную характеристику литературы о революціи, появившейся послѣ окончанія труда автора. Тамъ онъ отвѣтитъ и на критическія замѣчанія, появившіяся въ этой литературѣ, какъ о его роли, какъ политика, во время революціи, такъ и о его историческихъ взглядахъ на революцію.

Авторъ, однако, считаетъ нелишнимъ предупредить, что появившіеся въ печати матеріалы и изслѣдованія по исторіи второй революціи не измѣнили ни въ чемъ существенномъ его пониманія этой исторіи. Тѣ, кому этотъ взглядъ представляется одностороннимъ и субъективнымъ, во всякомъ случаѣ, не откажутъ признать его цѣльность и опредѣленность. Еще разъ авторъ напоминаетъ сказанное имъ въ началѣ „Исторіи“ : онъ не хотѣлъ быть только мемуаристомъ и добровольно отказался отъ нѣкоторыхъ преимуществъ мемуарнаго изложенія, чтобы тѣмъ болѣе приблизиться къ выполненію задачи историка.

1-50